

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

2

МАРТ-АПРЕЛЬ

1 9 6 0

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва

Редакционная коллегия:

Главный редактор член-корр. АН СССР С. П. Толстов
Зам. главного редактора член-корр. АН СССР А. В. Ефимов,
Н. А. Баскаков, Г. Ф. Дебец, М. О. Косвен, П. И. Кушнер,
М. Г. Левин, Л. П. Потапов, И. И. Потехин, Я. Я. Рогинский,
академик М. Ф. Рыльский, В. К. Соколова,
Г. Г. Стратанович, С. А. Токарев, В. Н. Чернецов
Ответственный секретарь редакции О. А. Корбе

Журнал выходит шесть раз в год

Технический редактор Т. А. Михайлова

Адрес редакции: Москва, Г-19, ул. Фрунзе, 10

Формат бумаги $70 \times 108^{1/16}$ Бум. л. $6^{2/8}$ Печ. л. 17,46 + 2 вклейки Уч.-изд. л. 22,1 Т-03085

Подписано к печати 23/IV 1960 г. Тираж 1915 экз. Зак. 3029

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер.,

В. И. ЛЕНИН

К 90-летию со дня рождения

К ДЕВЯНОСТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА

ТОРЖЕСТВО ЛЕНИНСКИХ ИДЕИ

22 апреля 1960 года исполняется 90 лет со дня рождения основателя Коммунистической партии Советского Союза, создателя первого в мире социалистического государства, величайшего гения человечества Владимира Ильича Ленина. Эта дата отмечается народами всего мира, для которых учение Ленина открыло новую эру — эру борьбы за социалистическую революцию и построение коммунистического общества. Развивая положения диалектического и исторического материализма, разработанные Марксом и Энгельсом, Ленин дал всесторонний анализ империализма как высшей и последней стадии капитализма, показал, что на смену умирающему капиталистическому строю неизбежно идет строй социалистический. Ленин открыл закон неравномерности развития капитализма и научно обосновал положение о возможности победы социализма в немногих или даже в одной, отдельно взятой стране. Учение Ленина явилось руководством для Коммунистической партии в ее борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции и построение социалистического общества и вооружило международное рабочее движение научно обоснованной теорией борьбы за конечное торжество нового общественного строя. Став во главе Советского государства, Ленин разработал основные положения политики партии и Советской власти во всех областях хозяйственного, культурного и национального строительства. Он заложил основы тех достижений и побед, которыми по праву гордится наша страна и которые признаны повсюду — не только нашими друзьями, но и врагами.

В системе разработанных Лениным теоретических и практических положений одно из важнейших мест занимает его учение по национальному вопросу. В предложенной Лениным и принятой уже на II съезде РСДРП программе последовательно проведен принцип пролетарского интернационализма и равноправия всех наций и рас. В работах В. И. Ленина дано всестороннее обоснование таких важнейших положений партии по национальному вопросу, как равноправие наций и языков, право наций на самоопределение, национальная автономия, национальная культура и ее классовое содержание. Ленин вскрыл и теоретически обосновал неразрывную связь национального и колониального вопросов. Он доказал, что национально-колониальный вопрос является составной частью более общего вопроса — о социалистической революции и победе социализма, установил неизбежность слияния революционного движения трудящихся капиталистических стран с освободительной борьбой угнетенных народов против международного империализма.

Успешное построение социализма в СССР и переход нашей страны к развернутому строительству коммунистического общества, развитие событий во всем мире за последние десятилетия, в частности — распад колониальной системы империализма, явились блестящим подтверж-

лением ленинских положений по национальному вопросу. Советское многонациональное государство — это подлинно братское содружество равноправных народов. В нем гармонично сочетаются интересы как из советских социалистических наций и народностей с интересами государства в целом. Достижения в области экономики и культуры каждого из советских народов служат вкладом в общее дело укрепления и расцвета нашей многонациональной страны. Коммунистическая партия, осуществляя ленинские заветы, вела и ведет непримиримую борьбу против проявлений буржуазного национализма и великодержавного шовинизма, национальной замкнутости и исключительности, против тенденций к идеализации прошлой жизни и затушевыванию существенных ей социальных противоречий. Интернациональное воспитание трудящихся, укрепление дружбы народов, неуклонное сближение всестороннее взаимное обогащение социалистических наций — важнейшие факторы, обеспечившие успехи нашей страны во всех областях материальной и духовной жизни.

Советская этнография — одна из отраслей гуманитарных наук, в которой в разработке национальных проблем и в пропаганде марксистских взглядов в этой области весьма велика и ответственна. Задача советской этнографической науки является борьба за партийный, строго дифференцированный подход к культурному наследию каждого народа, за умение различать в нем передовые, прогрессивные явления, которые должны войти в золотой фонд социалистической культуры, те явления, которые отражают старый застойный уклад жизни, рудены прошлым и подлежат скорейшему изживанию. Такие явления иногда еще находят отражение в идеологии людей — в обывательском мещанстве, в религиозных предрассудках, в феодально-байском отношении к женщине, в пренебрежении к труду и общественному долгу, в отдельных проявлениях аполитичности, национализма и космополитизма, чуждых нашему строю. Советские этнографы, близко наблюдая жизнь и быт изучаемых ими народов, обязаны тщательно выявлять подобные пережитки прошлого в сознании людей, исследовать причины, тормозящие их изживание, всемерно содействовать борьбе с ними.

Говоря о задачах этнографической науки в области национального вопроса, необходимо подчеркнуть важность разработки таких проблем, как консолидация социалистических наций, пути развития мелких этнографических групп, сохранявших до недавнего времени или еще сохраняющих языковую дробность и резкие отличия в культуре, при формировании на базе прежних малочисленных народностей новых этнических общностей (Дагестан, Сибирь) и т. д. Задачи такого исследования особенно актуальны в свете решений внеочередного XXI съезда КПСС, определившего грандиозную программу построения коммунистического общества в нашей стране.

В наши дни уже не надо доказывать, как это приходилось делать еще немного лет назад, что одной из главных задач этнографии является изучение процессов, происходящих в современной жизни народов. В семилетнем плане Института этнографии Академии наук СССР и соответствующих институтов академий наук союзных республик, а также других этнографических учреждений нашей страны исследование этих процессов занимает ведущее место. Разработка проблем, связанных с национальным вопросом, широко ведется и этнографами других стран социалистического лагеря, и в первую очередь учеными КНР. В Китайской Народной Республике с ее чрезвычайно сложным этническим составом, в стране, где еще до недавнего времени у отдельных народностей сохранялся не только капиталистический и феодальный, но и рабовладельческий уклад, где социалистические преобразования в хозяйстве, культуре и быте протекают бурными темпами

вопросы национального строительства имеют особо актуальное значение и роль наших друзей, китайских этнографов, поэтому особенно ответственна.

Важные задачи стоят перед этнографами и в области исследования национальных проблем в капиталистических странах, особенно в колониях и у народов, недавно сбросивших ярмо колониализма. Наша эпоха — время общего кризиса капитализма, распада колониальной системы империализма и развертывания национально-освободительной борьбы народов Азии, Африки, Латинской Америки. Хорошо известна та роль, которую играла и продолжает играть реакционная буржуазная этнография в разработке национально-колониальных проблем. Традиции функциональной школы, откровенно поставившей себя на службу колониализма, еще довольно сильны в ряде стран, равно как и то направление в американской этнографии, которое справедливо получило у нас наименование психорасизма. Борьба с этими и другими реакционными направлениями в буржуазной этнографии, разоблачение усиленно пропагандируемого мифа о неспособности колониальных народов к самостоятельному дальнейшему развитию, непримиримая борьба со всякими проявлениями расизма, с одной стороны, а с другой — глубокое изучение с позиций марксизма-ленинизма тех этнических процессов, которые в настоящее время происходят у народов Латинской Америки, Африки, Азии, — непреложный долг советских этнографов.

Неоценим тот вклад, который внес В. И. Ленин в историческую науку своим учением об общественных укладах, своими работами, посвященными судьбам семейной общины в условиях развития капитализма в России. Только с позиций ленинского учения можно правильно понять роль пережитков докапиталистических формаций в условиях капиталистического строя — проблема, имеющая большое методологическое значение для этнографии как науки.

Изучение пережитков общественных форм в их взаимосвязи и в тесном переплетении с более прогрессивными общественными отношениями — таков путь, по которому должно идти исследование пережитков в условиях современной действительности. Это относится к разным социально-экономическим формациям. Только с этих позиций можно было дать правильное толкование патриархально-феодальных отношений, бытовавших у некоторых народов нашей страны вплоть до 1930-х годов. Только в свете ленинского учения можно правильно уяснить те сложные формы социального строя и бытового уклада, которые существуют и сейчас у многих народов, отставших в своем историческом развитии и подвергшихся воздействию капиталистических отношений.

Руководящим принципом советской этнографии, как и исторической науки в целом, является ясно сформулированный Лениным тезис: «Безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса является постановка его в определенные исторические рамки, а затем, если речь идет об одной стране (например, о национальной программе для данной страны), учет конкретных особенностей, отличающих эту страну от других в пределах одной и той же исторической эпохи»¹.

Широко известно то значение, которое имели высказывания Ленина по вопросам первобытной истории для развития советской науки о первобытном обществе и разработки проблем антропогенеза.

Ленину принадлежат термины «первобытное стадо» и «первобытная коммуна»², которые прочно вошли в нашу науку и глубокое содержание которых позволило правильно понять проблему эволюции человека и разработать господствующую ныне в нашей литературе

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 373.

² В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 93.

концепцию об основных этапах этой эволюции: первый из них (первобытное стадо) охватывает время существования древнейших и древних людей (питекантроп, синантроп, неандерталец), второй (первобытная коммуна) — начинается с появления человека современного типа (*Homo sapiens*).

Для изучения вопроса о первобытных верованиях и происхождении религии первостепенное значение имеют высказывания Ленина в этой области. «Религия есть один из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на дряхлых, нуждою и одиночеством. Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п.»³.

В области изучения далекого прошлого перед советскими этнографами также стоят задачи борьбы с реакционными концепциями буржуазных псевдоученых, в частности — с теориями «прамонотеизма», изначальности частной собственности и моногамной семьи и т. д., которые с разных сторон пытаются обосновать те, кому враждебен дух марксизма-ленинизма. И здесь, как и всюду, мы должны непрестанно учиться у Ленина принципиальности и беспощадности к идеологическому врагу.

Глубокое изучение научного наследства нашего великого учителя В. И. Ленина и творческое применение метода марксизма-ленинизма в конкретных этнографических и антропологических исследованиях — необходимое условие дальнейшего успешного развития нашей науки.

Имя Ленина — знамя, под которым идет все передовое человечество. Учение Ленина бессмертно. Идеи Ленина, воплощаемые в действительность Коммунистической партией, ведут нас к светлому будущему — коммунизму.

---

³ В. И. Ленин, Соч., т. 10, стр. 65.

Т. А. ЖДАНКО

ЛЕНИНСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА НА НОВОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ЭТАПЕ

*(К проблеме развития социалистических наций Средней Азии
на пути к коммунизму)*

Внеочередной XXI съезд КПСС знаменует новый исторический этап в развитии многонационального Советского государства. В докладе Н. С. Хрущева, в выступлениях по этому докладу Н. А. Мухитдинова и других делегатов съезда были подведены итоги претворения в жизнь национальной политики Коммунистической партии, программа которой была всесторонне разработана В. И. Лениным еще задолго до Великой Октябрьской социалистической революции. Съезд показал, каких успехов в своем развитии достигли новые, сложившиеся в годы Советской власти, социалистические нации нашей страны, и наметил пути дальнейшего развития национальной политики партии в условиях развернутого строительства коммунизма.

Главная суть этой политики на современном историческом этапе состоит в том, чтобы «всесторонне развивать на основе товарищеского сотрудничества и взаимопомощи экономику и культуру всех социалистических наций, создавая необходимые условия для еще более тесного их сближения»¹.

Теоретические положения в области национального вопроса, выдвинутые XXI съездом КПСС, требуют разработки ряда новых важных проблем, относящихся к разным отраслям гуманитарных наук: философии, истории, этнографии, экономики, права, языкознания и др.

В числе проблем, которые должны исследоваться преимущественно по данным этнографической науки, одной из наиболее важных является проблема консолидации социалистических наций и тесно связанный с ней вопрос о путях развития малых народностей и этнографических групп в период построения коммунистического общества. Для разработки этой проблемы этнографам предстоит расширить и углубить изучение истории формирования народов, истории постепенного сложения социалистических наций в советский период и выявить путем специально поставленных полевых этнографических исследований современные этнические процессы, происходящие в среде крупных социалистических наций, мелких народностей и этнографических групп. Само собой разумеется, что эта проблема чрезвычайно близка к современной жизни и имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение, так как в нашей стране в настоящее время стали на путь перехода к коммунизму более ста различных наций и народностей, 33 национальных государства (15 союзных и 18 автономных респуб-

¹ Н. А. Мухитдинов, Речь на XXI съезде КПСС, «Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет», т. I, Госполитиздат, М., 1959, стр. 393.

лик) и 20 национально-государственных образований (10 автономных областей и 10 национальных округов)².

Не меньшую актуальность и научно-теоретический интерес представляет разработка этих вопросов и для многонациональных стран народной демократии, в особенности для Китайской Народной Республики, широко использующей опыт Советского Союза в национальном строительстве.

В предстоящем исследовании развития социалистических наций значительное место будет занимать изучение современных этнических процессов среди населения республик Средней Азии. Как и у народов которых других частей СССР — в прошлом колониальных окраин царской России, — национальный вопрос в Средней Азии до Октябрьской революции был особенно острым. В. И. Ленин придавал первостепенное политическое значение правильному осуществлению национальной политики партии в Средней Азии, исторические судьбы и сложный этнический состав которой обусловили особенную сложность национальных взаимоотношений. Ленин лично с глубоким вниманием занимался разработкой проекта национального размежевания, правительственных мероприятий по восстановлению хозяйства, развитию ирригации, здравоохранения, культуры, проектом организации первого в Средней Азии высшего учебного заведения — Университета в Ташкенте.

В. И. Ленин неоднократно отмечал, что успехи социалистического строительства в Средней Азии имеют международное значение, что республики должны стать образцом претворения в жизнь национальной политики партии, примером для поработанных империализмом стран зарубежного Востока. Поэтому здесь имеют особое значение результаты последовательного проведения национальной политики Коммунистической партии; в соответствии с этим, большой научно-теоретический интерес представляет и обобщение этнографических данных, фиксирующих процессы национального развития народов Среднеазиатских республик в годы Советской власти.

* *
*

Основные народности Средней Азии сложились около тысячелетий назад, в период раннего средневековья, когда завершался процесс сложных этнических скрещений, связанных с переходом от рабовладельческого общественного строя к феодализму³. В этногенезе каждой из этнических народностей участвовали разные племена и народы древности и средневековья; часть их, влившись в состав узбеков, таджиков, туркмен, киргизов, каракалпаков, сохранила некоторые черты прежнего этнографического облика и прежние этнические названия, образовав в составе народов Средней Азии многочисленные родоплеменные и другие этнографические группы. В дальнейшем исторические условия складывались так, что большая часть этих групп как бы законсервировалась и сохранила свои особенности и самоназвания в последующие века, вплоть до Октябрьской революции.

Так, в среднеазиатских ханствах — Бухарском, Хивинском и Кокандском — до завоевания их Россией во второй половине XIX в. условия способствовали углублению процессов этнической консолидации и дальнейшего национального развития народностей Средней Азии были неблагоприятными. Социально-экономический строй Средней Азии этого периода характеризовался чертами общей отсталости, низкого уровня развития произ-

² Д. Л. Златопольский, Ленинская национальная политика и дальнейшее расширение прав союзных республик, М., 1957.

³ См. С. П. Толстов, Великая победа ленинско-сталинской национальной политики, «Сов. этнография», 1950, № 1, стр. 4—5.

ительных сил, застойной техникой. Феодалная раздробленность вызывала непрерывные междоусобия. Отдельные народности, расчлененные на ханства, вследствие этих междоусобий еще более разъединялись. Некоторые области то и дело отторгались и переходили во владение то одного, то другого ханства. Практиковались массовые переселения жителей завоеванных городов, кишлаков и целых районов. Феодалные отношения были опутаны пережитками патриархально-родового уклада, в особенности у казахов, киргизов, туркмен и каракалпаков. Государственное устройство ханств и внутренняя политика ханов способствовали устойчивому сохранению родоплеменного деления и патриархально-феодалных отношений; разобщенность народностей усугублялась существованием в их среде отдельных замкнутых, а часто и враждующих между собой родоплеменных объединений.

Помимо социально-экономических и политических факторов процессу национального развития в узбекских ханствах препятствовал национальный гнет. Население ханств было неоднородным. Хивинское ханство включало узбеков, туркмен, каракалпаков, казахов. Туркмены и каракалпаки были на положении угнетенных народностей; их поселяли на неудобных землях окраин оазиса и в дельте Аму-Дарьи, облагали усиленными налогами, трудовыми и военными повинностями. В Бухарском ханстве на положении неполноправной по сравнению с узбеками народности были таджики; кроме того, здесь было немало туркмен, казахов, каракалпаков и мелких этнографических групп — персов, арабов, среднеазиатских евреев, цыган, индийцев и других, значительная часть которых терпела тяжелый национальный гнет.

Не менее пестрым по этническому составу населения было Кокандское ханство. Кроме узбеков, здесь было много таджиков, казахов, киргизов, а также уйгуров, каракалпаков, арабов и др.

Наконец, во всех многонациональных ханствах была большая примесь рабов, комплектовавшаяся преимущественно из иранцев, афганцев и других иноземных народов и лишенная каких бы то ни было человеческих прав.

Правда, несмотря на исключительно неблагоприятные для национального развития условия, все же в этот период общность языка, быта и культуры у каждой из народностей Средней Азии сказывалась уже довольно явственно.

Многочисленные родоплеменные подразделения у туркмен, киргизов, каракалпаков обычно входили в единую, хотя подчас и очень сложную генеалогическую систему; существовали предания, в которых говорилось о происхождении всех племен того или иного народа от общего предка. Таким образом, в этой среде уже очень давно сложилось представление о ее единстве; примером может служить известный труд хивинского хана-историка XVII в. Абулгази «Родословная туркмен»⁴. В предисловии к этому труду Абулгази рассказывает, как к нему пришли туркменские муллы, шейхи и беки, прослышавшие, что он хорошо знает историю, и высказали пожелание: «Было бы хорошо, если бы была одна правильная, достойная доверия история»⁵. Уважив их просьбу, Абулгази начал писать свою книгу. «Теперь мы поведем речь со [всеми] подробностями, — пишет он, — [начиная] с Адама и до сего времени, т. е. до тысяча семьдесят первого года⁶, о том, что мы знаем о туркменах и об их илях⁷, которые присоединялись к туркменам и которые впо-

⁴ См.: А. Н. Кононов, Родословная туркмен. Сочинения Абу-л-гази хана хивинского, М.—Л., 1958.

⁵ Там же, стр. 36.

⁶ 1071 год хиджры соответствует 1660/1661 г. н. э.

⁷ Иль=эль Абулгази употребляет в значении «племня», «племенной союз», реже — «народ». См.: А. Н. Кононов, Указ. раб., стр. 80, примеч. 16.

следствии носили имя туркмен»⁸. Сознание общности народности проявлялось в освободительных восстаниях против ханов и в борьбе с их земельными захватчиками.

В том же XVII в. узбекский поэт Турды (поэтический псевдоним Фараги), принадлежавший к родовой верхушке племени юз и живший в Бухарском ханстве, принимая участие в восстании узбекских племен против Субхан-кули хана, призывал свой народ к объединению, к прекращению распрей:

..Не называйте того «кипчаком», того «хитаем», того «найманом»,
Объедините бесчисленные роды «юз», «кырк»...⁹

и в другом произведении:

...Хоть народ наш разобщен,
Но ведь это все узбеки девяноста двух племен,
Называемся мы разнo,— кровь у всех одна —
Мы один народ, и должен быть у нас один закон.
Полы, рукава и ворот — это все один халат.
Так один народ узбекский, да пребудет в мире он¹⁰.

Подобным же образом призывал туркменские племена к объединению для борьбы с Надир-шахом замечательный поэт и мыслитель XVIII в. Махтум-кули:

Теке, йомуд, гоклен, язык и алили —
Отныне мы должны единой стать семьей...¹¹

Однако всем этим проявлениям у народов Средней Азии национального самосознания, их стремлениям к сплочению мешала расти и развиваться экономическая и политическая система среднеазиатских феодальных деспотий, и этнический состав населения ханств оставался чрезвычайно сложным и дробным.

После присоединения Средней Азии к России, в условиях политического режима, установленного российским военно-феодальным империализмом, не могли исчезнуть препятствия, тормозившие национальное развитие среднеазиатских народов. Последние по-прежнему были разобщены территориально по трем государствам: Россия (Туркестанский генерал-губернаторство), Бухарское и Хивинское ханства. К национальному гнету присовокупился гнет колониальный. Царизм разжигал национальную вражду и рознь.

И все же, независимо от политики царизма, в Средней Азии создавались объективные предпосылки для прогресса в национальном развитии и сложения ее основных народностей в буржуазные нации. Как известно, главной из этих предпосылок был начавшийся процесс разрушения феодальной замкнутости, экономической раздробленности и создания национальных рынков под воздействием экономических связей с Россией и развивавшихся товарно-капиталистических отношений. Важным фактором создания духовной общности народностей Средней Азии — общности их культуры, языка¹² было проникновение влияния передовых демократических идей русского общества, направленных против наци-

⁸ А. Н. Кононов, Указ. раб., стр. 37.

⁹ Цит. по «Истории народов Узбекистана», т. 2, 1-е изд., Ташкент, 1947, стр. 10.

¹⁰ «Материалы по истории, прогрессивной общественно-философской мысли в Узбекистане», под ред. И. М. Муминова, Ташкент, 1957, стр. 255—256.

¹¹ Махтум-кули, Стихотворения, «Библиотека поэта» (большая серия), I, 19 стр. 6 (цит. по указ. работе С. П. Толстова, стр. 8).

¹² О развитии у народов Средней Азии в колониальный период элементов буржуазной нации — общности территории, экономической жизни, языка и культуры см.: «Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период» (доклады М. Г. Вахабова и А. Н. Нусупбекова о формировании буржуазных наций в Узбекистане и Казахстане и выступления по докладу), Ташкент, 1955, стр. 145—276.

нального гнета и защищавших права и достоинство народов Средней Азии. Русские прогрессивные ученые, писатели, художники исследовали историю и этнографию народов Средней Азии, их культуру, язык и искусство, что несомненно оказывало влияние на рост национального самосознания и развитие национальной культуры, в частности на появление демократического прогрессивного направления в литературе и устном творчестве узбеков, таджиков, казахов, каракалпаков и др.

Выразителями демократических идей в дореволюционном Узбекистане были талантливые поэты Муками, Фуркат, Аваз Отар, Завки, Хамза Хаким-заде; в Таджикистане — Ахмад Дониш и его последователи: поэт и сатирик Савдо, поэт Шохин; в Казахстане — ученые-просветители Чокан Валиханов, Ибрагим Алтынсарин, поэт Абай Кунанбаев и др. Произведения этих поэтов и ученых, помимо глубоко прогрессивного влияния на идеологию народов Средней Азии, способствовали формированию национальных литературных языков, сближению последних с разговорной народной речью. Несколькими позже важнейшим фактором национального развития народов Средней Азии дореволюционного времени стало появление национальных кадров рабочего класса, тесно связавшего свои судьбы с русским пролетариатом. С ростом революционного движения в среду формирующегося в Туркестане рабочего класса проникали идеи интернационализма.

Все же начавшийся в Средней Азии в конце XIX — начале XX в. процесс формирования буржуазных наций к моменту Октябрьской революции не был завершен¹³. Вследствие этого не исчезло и сложившееся на протяжении веков обилие мелких родоплеменных и этнографических групп в составе народностей Средней Азии; по-прежнему широко были распространены и самоназвания по месту происхождения — «тошканлык» (ташкентец), «фаргоналык» (ферганец) и др.

Несмотря на рост и углубление классовой дифференциации в среде народов Средней Азии, у многих из них в конце XIX — начале XX в. сохранялись патриархально-феодальные отношения¹⁴. Сложность этнического облика каждой народности оставалась прежней, хотя они и вступили на путь развития буржуазных наций. Из-за этого тяжелого наследия прошлых веков особенно трудными и сложными оказались задачи Коммунистической партии при практическом разрешении национального вопроса в Средней Азии.

* * *

Победа Великой Октябрьской социалистической революции обеспечила народам Средней Азии и Казахстана национальное возрождение, положив начало их консолидации в социалистические нации. Вслед за провозглашением первых декретов Советской власти по национальному вопросу образовалась Туркестанская АССР, добровольно вошедшая в состав РСФСР. Позднее, после революции в Бухарском и Хивинском ханствах и ликвидации гражданской войны, последовало национально-государственное размежевание Средней Азии, которое было одним из величайших исторических актов ленинской национальной политики Коммунистической партии, способствовавшим дальнейшему прогрессивному национальному развитию среднеазиатских народов.

Национальное размежевание проводилось на глубоко научных основах. Ему предшествовала большая подготовительная работа и организованное Советским правительством детальное изучение этнического состава и этнографических особенностей народов Средней Азии.

Центральный Комитет партии и лично В. И. Ленин непосредственно

¹³ «Материалы объединенной научной сессии...», стр. 582—583.

¹⁴ И. В. Сталин, Соч., т. 5, стр. 23—29.

руководили подготовкой национально-государственного размежевания Средней Азии. Ленин еще в 1920 г. внимательно изучил и одобрил проект туркестанских коммунистов и Турккомиссии, возглавляемой В. В. Куйбышевым и М. В. Фрунзе, по дальнейшему развитию государственности народов Туркестанской республики. В замечаниях по этому проекту В. И. Ленин предложил: «1. Подготовить карту (этнографическую и проч.) Туркестана, с подразделением на Узбекию, Киргизию и Туркмению. 2. Детальнее выяснить условия слияния или разделения этих трех частей»¹⁵.

Тогда же В. И. Ленин отверг националистический проект Рысаева о создании так называемой «Тюркской республики»¹⁶.

Еще до национального размежевания стали осуществляться по развитию национальной советской государственности. Так, в Туркестанской Народной Республике были образованы Таджикская и Туркская области, в Туркестанской АССР — Туркменская область, в Казахской Народной Республике также произведено было разделение территории по национальному признаку на три административные области: Казахско-Каракалпакскую, Ташаузскую (с преобладанием туркмен) и Новоургенчскую (с преобладанием узбеков) и один район — Хивинский (также с узбекским населением)¹⁷.

Впервые в истории подверглось переписи и детальному изучению путем специального экспедиционного обследования этнического состава населения бывших Бухарского и Хивинского ханств преобразованных в Народные Советские республики¹⁸. Во время обследования наиболее сложных по этническому составу или географическому положению районов учитывались пожелания населения о вхождении их в ту или иную республику¹⁹.

Тщательный учет всех этнографических данных обеспечил правильное, научно обоснованное установление границ новых национально-государственных образований — Советских Социалистических Республик Средней Азии. Со вступлением в Советский Союз перед ними открылся путь к социализму, к невиданно быстрому расцвету хозяйственной культуры, к дальнейшему гармоничному развитию экономической, политической и духовной общности, присущей социалистическим нациям²⁰.

В свете подлинных исторических фактов, обусловивших успешные результаты национально-государственного размежевания, нелепые и смешотворные представляются клеветнические измышления некоторых псевдоученых «историков» (Пайпс, Уиллер), пытающихся представить национальное размежевание как действие Советского правительства, направленное на искусственное разобщение народов Средней

¹⁵ Ленинский сборник XXXIV, Госполитиздат, М., 1942, стр. 326.

¹⁶ Х. М. Турсунов, О национально-государственном размежевании Средней Азии, Ташкент, 1957, стр. 5.

¹⁷ См. там же, стр. 11.

¹⁸ «Материалы по районированию Средней Азии», кн. 1, Территория и население Бухары и Хорезма, часть I, Бухара, часть II, Хорезм, Ташкент, 1926.

¹⁹ Там же, часть I, Бухара, стр. 8—9.

²⁰ По вопросу о формировании социалистических наций Средней Азии имеется обширная литература, включающая как общетеоретические статьи, так и монографии отдельных народов. См. например: «Формирование и развитие киргизской социалистической нации» (под ред. С. К. Керимбаева и В. П. Шерстобитова), Фрунзе, 1952, № 5; Ш. Мухаммедбердыев, О формировании туркменской социалистической нации, в кн.: «Труды Туркменского филиала ИМЭЛ при ЦК КПСС», I, 1955, стр. 83—205; У. Х. Шалекенов, К вопросу о формировании каракалпакской социалистической нации, Нукус, 1958, и др. К сожалению, в большинстве вышеуказанных работ почти не уделяется внимания вопросам этнической консолидации

и как замаскированное продолжение угнетательской политики царизма²¹.

В годы Советской власти, по мере все большего развития и консолидации социалистических наций Средней Азии, постепенно изживалась бывшая обособленность влившихся в них многочисленных мелких этнических и локальных этнографических групп. Преобладавшее прежде над национальным самосознанием сознание принадлежности к определенной родоплеменной группе, к населению определенного города, местности или историко-этнографической области (Фергана, Бухара, Хорезм) в основном изжито. Можно полагать, что итоги Всесоюзной переписи 1959 г. покажут значительно меньшее число этнографических групп в составе каждого народа Средней Азии, чем предыдущие переписи, выявят большую этническую монолитность социалистических наций Средней Азии.

Прогрессивный процесс национального развития, ведущий к укреплению социалистических связей, продолжается. Даже вполне сложившаяся социалистическая нация не прекращает своего внутреннего развития. С ней постепенно сливаются близкие ей этнически или территориально мелкие народности и группы национальных меньшинств, вкрапленные в ее среду. Этот процесс дальнейшей консолидации и развития социалистических наций не имеет ничего общего с насильственной ассимиляцией, как это пытаются представить буржуазные авторы; он проходит естественным путем, на строго добровольных началах, без какого-либо давления извне со стороны той крупной нации, с которой сливаются мелкие народности и группы.

Советские этнографы, изучая в историческом аспекте этнический состав современного населения Средней Азии путем организации экспедиций, охватывающих сплошным обследованием отдельные районы, области и республики, выявляют и подвергают тщательному историко-этнографическому анализу все сохранившиеся данные о прежних родоплеменных и этнографических группах. Детально изучаются также мелкие народности и национальные меньшинства. Наряду с современными картами национального состава населения составляются по собранным и обработанным материалам историко-этнографические карты, учитывающие эти прежние мелкие этнические образования. За последние десять лет уже немало сделано в этой области. С 1951 г. Памиро-Ферганская экспедиция Института этнографии Академии наук СССР, при участии сотрудников Академии наук Узбекской ССР, начала сплошное обследование этнического состава Ферганской долины; оно было закончено (обследованием Ошской области) Киргизской археолого-этнографической экспедицией в 1954 г. В результате этих полевых исследований составлены детальные этнические карты и написаны работы Ш. И. Иногамовым, Я. Р. Винниковым, Л. С. Толстой²², освещающие современные этнические процессы в среде многонационального населения Ферганской долины.

Еще раньше (с 1946 г.) начали осуществлять такого же рода исследования этнографические отряды (южноузбекский, североузбекский,

²¹ К. Новоселов и В. Мелькумов, К вопросу о национально-государственном размежевании Средней Азии (рецензия на статью: G. E. Wheeler, *The Russians in Central Asia*, «History to-day», London, 1956, March), «Коммунист Туркменистана», Ашхабад, 1957, № 6, стр. 67—72; Т. А. Жданко, Демагогические измышления и историческая правда (По поводу статьи американского историка Ричарда Пайпса «Мусульмане Советской Средней Азии: тенденции и перспективы»), «Сов. этнография», 1958, № 4, стр. 134—141.

²² Ш. И. Иногамов, Этнический состав населения и этнографическая карта Ферганской долины в границах Узбекской ССР (автореферат канд. дис.), Ташкент, 1955; Я. Р. Винников, Современное расселение народов и этнографических групп в Ферганской долине (с приложением карты), «Среднеазиатский этнографический сборник», II, М., 1959; Л. С. Толстова, Каракалпаки Ферганской долины, Нукус, 1959.

каракалпакский и туркменский) Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР. В результате этих работ в печати появилось несколько подробных историко-этнографических и современных карт и ряд исследований, посвященных этническому составу и этническим особенностям быта населения низовий Аму-Дарьи²³.

Уже упоминавшаяся Киргизская комплексная экспедиция в 1953—1956 гг. провела сплошное этнографическое обследование всех областей Киргизской ССР; в итоге этих работ появился также ряд ценных публикаций о составе населения республики и подробные карты этнического состава ее населения в прошлом и настоящем²⁴.

Наконец, большие работы по сплошному этнографическому обследованию населения южных областей Узбекской ССР (Кашка-Дарьинской, Сурхан-Дарьинской, с 1959 г. — Самаркандской) и Чарджоуской области Туркменской ССР ведет организованная Институтом этнографии АН СССР в 1956 г. Среднеазиатская этнографическая экспедиция, лишь начавшая публикацию своих материалов²⁵. В составе этой экспедиции работает отряд по изучению национальных меньшинств, успешный за последние три года провести исследования современного состояния таких народностей, как белуджи²⁶, среднеазиатские цыгане²⁷, кочевники Средней Азии, арабы и др. Подобные же работы начаты и этнографами академий наук Среднеазиатских республик: Узбекистана, Казахстана, Таджикистана. В частности, большой интерес представляют работы узбекистанского этнографа О. А. Сухаревой по национальному составу населения городов Бухарского ханства²⁸.

Экспедиционные исследования, этнографические описания, все накопленные и нанесенные на карты материалы, охватившие, как мы видели, к настоящему времени уже очень большую часть Средней Азии

²³ Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпакцев, Труды Института этнографии, нов. серия, т. IX, М., 1950; е е ж е, Каракалпакцы Хорезмского оазиса, «Труды Хорезмской экспедиции», т. I, М., 1952, стр. 461—566; М. В. Сафонова, К этнографии узбеков Южного Хорезма, там же, стр. 247—318; К. Л. Задыкина, Узбеки дельты Аму-Дарьи, там же, стр. 319—426; е е ж е, Культура и быт узбеков Кипчакского района Кара-Калпакской АССР, «Труды Хорезмской экспедиции», т. II, М., 1958, стр. 761—81; Г. П. Васильева, Итоги работы туркменского отряда Хорезмской экспедиции, «Труды Хорезмской экспедиции», т. I, стр. 427—460; е е ж е, Объяснительнаяписка к этнографической карте Ташаузской области Туркменской ССР, «Материалы историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана» (в печати); Б. В. Андрианов, Этническая территория каракалпакцев в Северном Хорезме (XVIII—XIX вв.), «Труды Хорезмской экспедиции», т. III, М., 1958, стр. 7—132, и др.

²⁴ Г. Ф. Дебец, Некоторые проблемы происхождения киргизов в свете работ Киргизской археолого-этнографической экспедиции (с картой расселения родоплеменных групп киргизов), «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», XXVI, М., 1958, стр. 67—75; С. М. Абрамов, Вопросы этногенеза киргизов по данным этнографии, «Труды Киргизской экспедиции», т. III, Фрунзе, 1959, стр. 31—43; е е ж е, Этнический состав киргизского населения северных областей Киргизской ССР (с картой), «Труды Киргизской экспедиции», т. IV (в печати); Я. Р. Винников, Родоплеменный состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии (с тремя картами), «Труды Киргизской экспедиции», т. I, М., 1956, стр. 136—170.

²⁵ Б. Х. Кармышева, Этнические и территориальные группы населения северо-восточной части Кашка-Дарьинской области Узбекской ССР, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XXXIII, М., 1960; е е ж е, Этнографическая группа «тюрок» в составе узбеков, «Сов. этнография», 1960, № 1; Я. Р. Винников, Родоплеменный этнический состав населения Чарджоуской области и история его расселения (с картой), «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркм. ССР», т. 6, в печати.

²⁶ Э. Г. Гафферберг, Поездка к белуджам Туркмении в 1958 г., «Сов. этнография», 1960, № 1.

²⁷ Г. П. Несарев, Среднеазиатские цыгане, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XXXIV, М., 1960.

²⁸ О. А. Сухарева, К истории городов Бухарского ханства, «Материалы вторых совещаний археологов и этнографов Средней Азии», М. — Л., 1959, стр. 73—80; е е ж е, К истории городов Бухарского ханства (историко-этнографический очерк), Ташкент, 1958 (раздел второй — «Очерки населения городов Бухарского ханства конца XII — начала XX в. Бухара, Карши, Шахрисабз»).

Киргизию, Ферганскую долину, Кашка-Дарьинскую и Хорезмскую области Узбекистана, Чарджоускую и Ташаузскую области Туркмений, аракалпакию и др.), позволяют не только проследить многие важные явления, связанные с этногенезом и историей сложения народностей Средней Азии, но и выявить современные этнические процессы, происходящие в среде узбекской, туркменской, киргизской и других социалистических наций. Эти процессы, как нам кажется, надлежит исследовать в основном по трем направлениям: 1) изучение происходящих внутри нации процессов ее консолидации путем все большей утраты значения и постепенного полного изживания прежнего деления на одоплеменные и другие этнографические группы; 2) исследование процессов слияния с крупной нацией мелких групп других национальностей, живущих в ее среде; 3) изучение характерного для современного исторического этапа — этапа перехода к коммунизму — процесса все большего сближения социалистических наций нашей страны на базе развития их сотрудничества и дружественных связей в области экономики, культуры и духовной жизни.

Систематический анализ всех накопленных этнографическими экспедициями материалов в этих трех направлениях еще не проводится, но уже сейчас, перед началом этой обобщающей теоретической работы, намечается много интересных проблем и конкретных тем дальнейших исследований.

Приведем лишь несколько примеров, освещающих процесс консолидации узбекской нации. В Ферганской долине, как и в некоторых других областях, до революции выделялись три основные группы узбекского населения, соответствовавшие трем главным компонентам, участвовавшим в этногенезе узбеков, — сарты, турки и узбеки²⁹. Кроме того, там была большая группа (более 32 тыс. чел.) кыпчаков, не считавших себя узбеками. Новейшие исследования, проведенные в Ферганской долине в 1951—1954 гг. этнографами Ш. Иногамовым, Я. Р. Винниковым и др., показали, что за годы Советской власти почти совсем исчезла обособленность этих групп и окрепло их национальное самосознание как узбеков. Теперь уже редко можно встретить в паспортах населения графе «национальность» название «тюрк» или «кыпчак». Следы былых различий сохранились преимущественно в некоторых чертах материальной культуры и быта. Итоги переписи должны отразить этот совершившийся на наших глазах прогрессивный этнический процесс консолидации.

Другой пример относится ко второму направлению наших исследований — к процессам слияния с крупной нацией живущих в ее среде меньших групп различных народностей. В той же Ферганской долине перепись 1926 г. зафиксировала 18 тыс. каракалпаков, поселившихся здесь в XVIII в. Исследовавшие в 1951—1954 гг. культуру и быт ферганских каракалпаков Л. С. Толстова и Я. Р. Винников пришли к сходным выводам о том, что хотя процесс сближения этой группы каракалпаков с узбеками зашел довольно далеко, однако говорить о полном слиянии их пока нельзя; у них сохранились и национальное самосознание, и некоторые особенности быта. Вместе с тем язык их настолько поддается влиянию узбекского, что уже сильно отличается от общенационального каракалпакского языка. И когда в 1936 г. была сделана попытка в Нарынском районе Наманганской области ввести обучение в школах на каракалпакском языке, это вызвало большие трудности, и учителя-каракалпаки сами поставили перед районным отделом народ-

²⁹ «История народов Узбекистана», т. 2, Ташкент, 1947, стр. 137—138 (Население бухандского ханства). См. также указанные выше — работу М. Г. Вахабова, посвященную истории формирования узбекской нации, и статью Б. Х. Кармышевой о «тюрках».

ного образования вопрос о продолжении преподавания на узбекском. Теперь ферганские каракалпаки этнографически, пожалуй, ближе к узбекам Ферганы, чем к каракалпакам Хорезмского оазиса.

Чрезвычайно интересны такого же рода наблюдения над этническими процессами, происходящими в среде туркмен и узбеков Чарджоуской области Туркменской ССР. Приведу также пример из собранных Среднеазиатской экспедицией (отрядом Я. Р. Винникова) общими материалами. До революции, когда местные туркмены входили в состав Бухарского ханства, среди них происходил частичный процесс узбекизации, особенно в среде их социальной верхушки и некоторых межродоплеменных групп, стремившихся таким путем избежать притеснений со стороны представителей господствующей национальности. После победы Советской власти, после перехода этой территории к Туркменской ССР, процесс узбекизации прекращается, усиливается рост национального самосознания всех групп туркмен и, более того, имеются случаи, когда небольшие группы узбеков, живущие в окружении туркмен, постепенно туркменизируются; часть групп, называющих себя туркменами, несомненно узбекского происхождения³¹.

На основании данных, добытых этнографическими экспедициями последних лет, можно было бы привести еще немало примеров изменения этнических судеб разных групп населения Средней Азии, подтверждающих об активном процессе развития и консолидации социалистических наций. По завершении своих исследований И. И. Ют тут этнографии предполагает изложить и теоретически обобщить итоги в большом труде — «Консолидация социалистических наций и развитие малых народов и этнографических групп в период построения коммунистического общества».

Следует остановиться на некоторых отрицательных моментах, связанных с пережитками этнической дробности.

В силу исторических причин, изложенных выше, у народов Средней Азии (в особенности у туркмен, каракалпаков, киргизов) пережитки прежнего родоплеменного членения и связанных с ним традиций общественной жизни и семейном быту исчезали очень медленно. След сохранились до настоящего времени и являются фактором, отрицательно влияющим на естественный ход этнического развития тех групп населения, у которых они еще наблюдаются. Кроме того, эти пережитки служат иногда почвой, питающей местничество, злоупотребления, являются в косности идеологии и устойчивости вредных обычаев семейном быту. Их ни в какой мере нельзя относить к числу «народных исторических традиций. Это — вредное историческое наследие прошлых веков.

С другой стороны, нельзя не отметить изредка наблюдающиеся случаи попыток местных советских органов как бы ускорить еще не завершенный естественный процесс постепенного слияния мелких этнических групп или народностей (среднеазиатских арабов, персов, и др.) с крупными нациями (узбекской, таджикской) и торопя заранее причислить их к этим нациям (при паспортизации, при организации различных культурных мероприятий, подготовке к переписи и пр.). Игнорирование в таких случаях национального самосознания малых народностей противоречит основным принципам ленинской национальной политики, требующей внимательного учета этнографических особенностей, культуры, языка, чувств и стремлений каждой, даже самой мелкой национальной группы при осуществлении мероприятий

³⁰ Л. С. Толстова, Материалы по этнографии ферганских каракалпаков, в: «Известия Ин-та этнографии», XXI, 1954, стр. 32.

³¹ Доклад Я. Р. Винникова на отчетно-экспедиционной сессии Института этнографии АН СССР 1959 г. — «Предварительные итоги сплошного этнографического обследования населения Чарджоуской области (1957—1958 гг.)».

анных с национальным вопросом. Здесь уместно вспомнить то место в речи т. Мухитдинова на XXI съезде КПСС, где он цитирует слова Ленина о том, что «...ни к чему так не чутки «обиженные» националы, как к чувству равенства и к нарушению этого равенства, хотя бы даже по небрежности, хотя бы даже в виде шутки...»³².

Столь же отрицательное значение имеют наблюдающиеся иногда попытки нивелировать специфические черты культуры некоторых мелких национальных и этнических групп (локальные и этнические особенности культуры, продукция художественных ремесел, традиционные формы одежды, жилища). Такое необоснованно пренебрежительное отношение к культурному наследию мелких народностей и этнографических групп лишает их возможности внести свой вклад в сложение национальной формы и социалистической по содержанию культуры той нации, с которой они постепенно сливаются.

Изучение процессов национального развития, характерных для периода построения коммунистического общества, выявление новых черт коммунизма в социалистических нациях нельзя начинать лишь с последних лет; они проявлялись уже на ранних этапах становления и развития социалистических наций. Братское сотрудничество, бескорыстная помощь более развитых наций (русской, украинской и др.) народам, отставшим вследствие ряда исторических причин в своем экономическом и культурном развитии,— разве это не пример коммунистического содружества? Вот отрывок из обращения узбекского народа к русским и украинцам в связи с 300-летием воссоединения Украины с Россией, ярко отражающий всю глубину и благородство их братской помощи узбекскому народу в период строительства социализма: «Это сталевары Урала и Запорожья плавил в Узбекистане первую сталь, обучая профессии сталевара своего брата-узбека. Это шахтеры Кузбасса и Донбасса снимали первые слои угля в Ангренском угольном бассейне, передавая свой опыт своему брату-узбеку. Это нефтяники Баку и Эмбы вместе с первыми узбекскими нефтяниками бурили первые скважины в Ферганской долине. Это харьковские машинисты повели вместе с узбеками тепловозы по Ташкентской магистрали. Это ивановские текстильщики обучали женщин-узбечек работе на сложных ткацких агрегатах...»³³

Другим примером высшей формы содружества народов и коммунистического труда могут быть величественные народные ирригационные стройки, проводившиеся в довоенные годы и в годы войны, в частности строительство Большого Ферганского канала. Эта стройка, как и последовавшее за ней строительство других каналов, обширного Катта-Курганского водохранилища, Фархадской ГЭС, наконец, строительство в пустыне Кара-Кум железнодорожной линии от Чарджоу до Тахия-Таша (по направлению к Кунграду) — все эти вдохновляющие страницы истории народов Средней Азии, свидетельствуют не только о силе и торжестве созидательного коммунистического труда, но и о дружбе народов. Так, строить Большой Ферганский канал пришли вместе с сотнями тысяч колхозников Узбекистана киргизские и таджикские колхозники, а на постройку Большого Гиссарского канала в Таджикистане хлынули труженики южного Узбекистана. Группа опытных строителей Большого Ферганского канала впоследствии приняла участие в работах азербайджанских колхозников, передав им свой опыт народных ирригационныхстроек³⁴.

³² В. И. Ленин, Соч., т. 36, стр. 556—557.

³³ «Правда Востока», 29 мая 1954 г.

³⁴ Н. Х. Ампиева, Народное движение за воду в Узбекистане (1939—1940), Сб. «Из истории Советского Узбекистана», Ташкент, 1956; Т. А. Жданко, О путях преобразования быта народов СССР, Сб. «Вопросы строительства коммунизма в СССР», М., 1959, стр. 507—508.

Нельзя не рассматривать в том же аспекте работы по освоению целинных земель и пустынь. На освоении целины в Казахстане и Юной Сибири, на освоении Голодной степи, на оживлении мертвых печаных пустынь Кызыл-Кум и Кара-Кум работают, проявляя беспримерный героизм, наряду с другими национальностями, труженики всех республик Средней Азии и Казахстана, включившиеся во всенародное движение энтузиастов-освоителей.

В наши дни новая, высшая коммунистическая ступень содружества народов СССР все ярче проявляется в области экономики, культуры, духовной жизни социалистических наций. Осуществляя грандиозную программу строительства коммунизма, руководствуясь при этом ленинской национальной политикой, Коммунистическая партия признала необходимым в целях еще большего подъема экономики всех союзных республик обеспечить правильное размещение производительных сил на территории страны. Задания, предусматриваемые контрольными цифрами семилетнего плана, обеспечивают дальнейшую специализацию и комплексное развитие хозяйства Средней Азии, как и других крупных экономико-географических районов. При этом планирует наиболее ускоренное развитие экономики восточных районов, в числе республик Средней Азии и Казахстана.

Новый, высший этап экономического сотрудничества получает отражение также и в характере хозяйственных связей между республиками Средней Азии и Казахстана. Двумя республиками — Узбекистаном и Таджикистаном — построена в Ферганской долине Кайрак-Кумская ГЭС, заслуженно названная «Дружба народов»; вместе с Киргизией строит Узбекистан Уч-Курганскую ГЭС; совместными усилиями некоторых республик планируется построить Чардаринское водохранилище на Сыр-Дарье. Три республики — Узбекистан, Таджикистан и Казахстан — объединяют свои усилия в освоении Голодной степи. Пример таких государственных межреспубликанских экономических связей можно было бы значительно умножить.

Н. С. Хрущев, выступая 7 марта 1959 г. на общегерманской рабочей конференции в Лейпциге, один из разделов своей речи посвятил развитию содружества между народами в наше время и в этой связи остановился на вопросе о границах между социалистическими странами и о постепенном отмирании значения границ в социалистических странах на пути перехода к коммунизму. В качестве примера Н. С. Хрущев привел включение в состав Украинской ССР Крыма, раньше входившего в РСФСР: «Это было сделано абсолютно на добровольных началах и получило поддержку как со стороны русских, так и украинцев. А почему? Потому что это мероприятие не затронуло интересы ни русских, ни украинцев. Крым и его богатства являются по-прежнему достоянием всего советского народа»³⁵. Постепенную утрату прежнего значения границ в пределах нашего социалистического государства Н. С. Хрущев объясняет тем, что у нас «все нации и народности равноправны, жизнь строится на единой социалистической основе, в одинаковой степени удовлетворяются территориальные и духовные просы каждого народа, каждой национальности»³⁶.

Этим прогрессивным процессом укрепления братских связей между республиками нашей страны можно объяснить и такие замечательные явления в жизни народов Средней Азии, как добровольную передачу отдельных районов другой республике. Так, в 1956 г. Казахстан передал Узбекистану часть земель Голодной степи и Бостандыкский район. Выражая свою благодарность дружественной казахской социалистической нации за этот благородный акт, узбеки писали: «...это благо-

³⁵ Речь товарища Н. С. Хрущева на девятой общегерманской рабочей конференции в г. Лейпциге 7 марта 1959 г., «Правда», 27 марта 1959 г.

³⁶ Там же.

ое великодушие казахского народа по отношению к узбекскому народу является ярким выражением дружбы между нашими народами. Узбекский и казахский народы с давних времен жили в добром соседстве: пили воду из одной реки, охотились в одной степи, жили и трудились на одном и том же поле, под одним знаменем воевали против общего врага...»³⁷. Примеру Казахстана последовал Узбекистан, в свою очередь передавший таджикскому народу 50,5 тыс. гектар Голодной степи.

Можно привести много примеров тесных связей социалистических наций Средней Азии не только в области хозяйственной жизни, но и в области культуры и искусства. Не говоря уже о переводе лучших произведений литературы, поэзии на языки других народов,— все чаще и чаще деятели культуры одной республики обращаются в своих произведениях к темам из жизни другой республики, представители художественной интеллигенции знакомят со своим искусством трудящихся другой республики. Так, в 1958 г. состоялась декада каракалпакского искусства в столице Узбекистана — Ташкенте. В 1959 г. украинские писатели побывали в республиках Средней Азии, прозаики и поэты Таджикистана совершили поездку в Узбекистан. Национальные культуры, различные по языку, по своеобразию художественных приемов изображения действительности, в нашей стране развиваются не изолированно, а во взаимодействии друг с другом; тесное содружество между нашими народами в области культуры сближает трудящихся разных национальностей, помогает воспитанию высоких эстетических вкусов, делает талантливые творения художников одной нации значимыми в общечеловеческом масштабе³⁸.

Все эти явления, наблюдаемые в культурной жизни народов Средней Азии, как и других социалистических наций нашей страны, и есть социалистический интернационализм в действии, одна из важных черт социалистических наций, развивающихся по пути к коммунизму.

Исследованию в этом плане подлежит и еще одна область жизни народов Средней Азии. Это рост их дружественных связей с народами зарубежных стран. О растущем значении этих связей может свидетельствовать хотя бы пример Узбекистана, давно уже ставшего местом важнейших международных встреч. Недаром именно здесь зародился дух Ташкента», ставший символом борьбы прогрессивных сил стран Востока против реакции, фашизма, расистского изуверства.

* *
*

Исследование сложного пути развития социалистических наций Средней Азии выявляет становление характерных для них черт экономической и идеологической общности, изживание былой этнической раздробленности и замкнутости, рост тесных взаимосвязей и интернационализма. Эти новые, прогрессивные черты, явственно отражающиеся в современных этнических процессах, ярко свидетельствуют об огромной теоретической и чрезвычайно внимательной и чуткой практической работе Коммунистической партии в области национальной политики. В результате этой работы были успешно преодолены исторически сложившиеся трудности и осуществлены подлинное возрождение и расцвет социалистических наций Средней Азии.

Нам могут сказать, что разработка таких проблем развития социалистических наций, как рост их хозяйственного кооперирования, межнациональных связей и проч., не относятся к задачам этнографии. Однако с этим нельзя согласиться, так как эти явления касаются отнюдь не только экономического и культурного строительства или государст-

³⁷ «Правда Востока», 25 января 1956 г.

³⁸ «Советская многонациональная культура», передовая статья в «Правде» от 8 декабря 1959 г.

венных международных связей. Это непреложные факты современной народной жизни. Они отражаются и в быту народов, ибо связаны коренными изменениями психического склада наций, их духовной культуры, а потому не могут изучаться без участия этнографов. В наше время идет процесс сближения наций, «не только экономического, и не только самих национальных форм культуры, а также психического склада социалистических наций, создаются общие для всех народов советских традиций. Это сближение, имеющее огромное значение в деле строительства коммунистического общества, мы воочию наблюдаем во всей повседневной жизни нашей страны»³⁹.

Изучение явственно зримых черт сближения социалистических наций в эпоху строительства коммунистического общества, процесса формирования общих советских традиций, общей советской культуры — ответственная и почетная задача советских этнографов.

SUMMARY

A major problem of Soviet ethnography today is the problem of the development of Socialist nations in the period of the upbuilding of Communist society. To elaborate this problem, it is necessary to extend and enhance investigations of ethnic processes taking place in the USSR among the large nations, the smaller nationalities and ethnographic groups. Elaboration of these problems has been started, specifically in the republics of Soviet Central Asia, by expeditions of the USSR Academy of Sciences Institute of Ethnography, with the participation of the Academies of Sciences in some of the Central Asian republics. Investigations mainly proceed along the three following lines:

1. Investigation of processes inherent in every nation, processes of its ethnic consolidation as a result of the decreasing significance and gradual obliteration of the last vestiges of isolation characteristic of the former tribal and other ethnographic groups within a nation;

2. Investigation of the processes whereby small population groups of other nationalities merge with the larger nation, in whose midst they live;

3. Investigation of the processes characteristic of the present-day stage of transition to Communism — the coming together of the Socialist nations of the Soviet country on the basis of growing co-operation and friendly ties in economic, cultural and spiritual life.

In the past few years studies in ethnic history, the history of the formation of nationalities and Socialist nations, as well as in ethnic processes now occurring in Soviet Central Asia, were carried on in Uzbekistan, Kirghizia, Turkmenia, the Kara-Kalpak Autonomous Republic. Investigations were, moreover, undertaken among some of the minor national groups of Central Asia, and among other nationalities (Beluchi, Dzungars, Arabs, Koreans, Central Asian Gypsies, etc.).

Expeditions tackling this group of problems compile detailed ethnographic maps of the areas studied (both for the pre-revolutionary period and for the present day), on the basis of new data, obtained by means of all-round ethnographic investigations of whole regions and districts. In the course of this work comprehensive information is collected on the present-day life and culture of every ethnographic group or minor nationality under observation. The pattern of their ethnic development in the years of Soviet power, tokens of their gradual merging with some one nation, as well as the national forms of culture preserved among the minor nationalities (in the case of certain ethnographic groups and local groups, one still comes across vestiges of former isolation and ethnic self-image) are all carefully ascertained and analysed.

On the other hand, investigation is under way of the clearly perceptible features of the gradual coming together of nations in the period of the upbuilding of Communism: the emergence of common Soviet traditions, of a common Soviet culture, which accompanies the steady development of the economy and national forms of culture among the Socialist nations and nationalities of Central Asia.

³⁹ Б. Г. Гафуров, *Строительство коммунизма и национальный вопрос*, Сб. «Вопросы строительства коммунизма в СССР», М., 1959, стр. 96.

Л. П. ПОТАПОВ

ЗАДАЧИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ НАРОДОВ СИБИРИ В СВЕТЕ УЧЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ

Владимир Ильич Ленин был крупнейшим теоретиком национального вопроса вообще и применительно к народностям Советского Союза в особенности. Разрабатывая программу Коммунистической партии, В. И. Ленин уделил специальное внимание национальному вопросу, имеющему большое значение в деятельности партии в условиях многонационального государства. При разработке проблем, связанных с национальным вопросом, а также при определении конкретных путей ленинской национальной политики, Коммунистическая партия всегда учитывает не только экономические, исторические, но и этнографические особенности каждой нации или народности. Поэтому этнографические исследования народов СССР имеют большое практическое значение.

В настоящее время, особенно после XX и XXI съездов КПСС, ленинские теоретические и практические положения по национальному вопросу получили дальнейшее развитие. Новый этап в истории нашего государства обязывает ученых вновь пересмотреть исследовательские задачи той или иной отрасли научного знания.

Исторический XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза высоко оценил роль и значение науки в построении коммунистического общества. Съезд поставил перед советскими учеными, в том числе и перед работниками общественных наук, ряд важнейших задач. «Большие задачи,— говорится в решениях съезда,— стоят перед работниками общественных наук. Они должны создать фундаментальные труды, обобщающие закономерности общественного развития и практику социалистического строительства, и разработать проблемы, связанные с постепенным переходом к коммунизму». И далее: «Важнейшей задачей работников общественных наук является критика современного ревизионизма и буржуазной идеологии»¹. Советские ученые с энтузиазмом приняли эту программу развития общественных наук.

Идеологи буржуазии утверждают, что общественные науки не дают точных знаний; они отрицают за этими науками возможность устанавливать законы общественного развития, мотивируя это тем, что объективные закономерности свойственны только явлениям природы. Нетрудно объяснить, почему такое отношение к общественным наукам распространено и поддерживается в буржуазном обществе. Если бы эксплуататорские классы и их идеологи признали достижения науки в области открытия законов общественного развития, они должны были бы признать и неизбежность своего исчезновения с арены общественно-политической жизни.

¹ «Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза, Стенографический отчет», т. II, М., 1959, Резолюции и постановления, стр. 534.

Однако и в среде советских ученых иногда, к сожалению, еще встречается некоторая недооценка значения общественных наук, как якобы менее важных по сравнению, например, с физикой или химией, разрабатывающими большие народнохозяйственные проблемы. Решением XXI съезда КПСС кладут конец такой недооценке. Коммунистическая партия, как это ярко показал ее внеочередной XXI съезд, придает развитию общественных наук первостепенное значение. Вся работа съезда была посвящена по существу сугубо обществоведческой кадинальной научной проблеме — проблеме перехода нашего общества коммунизму как высшей социально-экономической формации.

Задачи, поставленные XXI съездом КПСС, ориентируют общественные науки на первоочередное изучение современности. Проблемы, относящиеся к современности, разрабатывают ученые различных исторических дисциплин, среди которых видное место принадлежит советской этнографии.

Этнографы, пользуясь в своих исследованиях методом непосредственного наблюдения действительности, основанным на тесном общении с народными массами, всегда уделяли главное внимание изучению современной им культуры и быта исследуемого народа. И только с конца XIX в., когда представители эволюционной школы поставили в качестве основной задачи этнографии изучение пережитков, распространялись односторонние исследования в области культуры и быта народов, выискивание и описание пережитков прошлого.

Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая путь к свободной жизни многочисленным народностям царской России, явилась переломным этапом и в развитии этнографии. Среди исторических дисциплин этнография в первую очередь была поставлена на службу социалистического строительства. С первых лет существования Советского государства этнографы откликнулись на призыв Коммунистической партии и Советского правительства изучать хозяйство, культуру и быт народностей нашей страны, особенно тех из них, которые отставали в экономическом и культурном отношении; это было крайне необходимо для проведения у них социалистических преобразований. Была проделана большая и полезная работа. Так, этнографический исследовательский центр при Академии наук осуществил изучение племенного состава населения СССР и издание этнографических карт, оказавших большую помощь при районировании СССР. Этнографы приняли активное участие в проведении общенародных и региональных переписей населения; работали в Комитете по содействию народностям северных окраин (Комитет Севера), в Отделах национальных меньшинств при местных исполнительных комитетах Советов, участвовали в создании письменности многих мелких народностей и т. д.

Этнографические исследования сыграли видную роль в борьбе с первичными элементами во многих национальных республиках и областях в период коллективизации сельского хозяйства, когда особенно был в ходу пресловутая теория о якобы сохранившемся у многих народностей нашей страны доклассовом родовом строе, отрицавшая наличие кулачества у многомиллионного скотоводческого и охотничьего населения окраин Советского государства.

Однако в период 1920-х — начала 1930-х годов, когда этнографические исследования широко развернулись, характерной чертой их было все-таки описание и анализ дореволюционного прошлого изучаемых народов. Это было понятно, так как в то время многие народности, отстающие в своем историческом развитии, еще сохраняли старые, пережившие себя формы хозяйства, культуры и быта. Однако и в дальнейшем этнографические исследования, особенно полевые, продолжали, к сожалению, это одностороннее направление, при котором обращалось мало внимания на новые явления, возникавшие в результате огромных

созидательной работы Коммунистической партии и Советского правительства по приобщению отсталых народностей к социалистическому строительству. Под влиянием некоторых ученых-эволюционистов оживилась тенденция сосредоточивать этнографическую работу на изучении прошлой жизни народов, на описании различных пережитков первобытного строя. Были попытки даже трактовать этнографию как науку, изучающую только первобытность и ее пережитки в современности. Отдельные же этнографические работы, освещавшие некоторые вопросы советского национально-культурного строительства, не меняют общей картины состояния этнографической науки того времени. Отмеченное направление тематики исследований нанесло существенный ущерб советской науке. Оно привело к тому, что этнографы далеко недостаточно изучили и зафиксировали у различных народностей Советского Союза, в частности у народов Сибири, явления, характеризующие зарождение новых форм культуры и быта под влиянием практической деятельности Коммунистической партии и Советского правительства. Крупнейшая из переломных эпох в истории, коренным образом изменившая бытовой и культурный облик всех народностей СССР, оказалась далеко не изученной в этнографическом отношении.

За указанные годы не только не появилось обобщающих работ по основным вопросам социалистического переустройства быта народов СССР, но даже не был накоплен в достаточной мере фактический материал по отдельным народностям. Советским этнографам понадобилось немало труда и времени, чтобы побороть упомянутую выше порочную тенденцию — свести этнографическую науку к изучению пережитков первобытности — и чтобы сосредоточить усилия ученых на исследовании современности. Существенную роль в этом отношении сыграли этнографические совещания в Москве и Ленинграде при Институте этнографии Академии наук СССР в 1951 и 1956 гг.; в этих совещаниях участвовали этнографы почти всех национальных республик, а также ученые зарубежных стран (Китайской Народной Республики, Чехословацкой Республики, Народной Республики Болгарии, Польской, Румынской, Венгерской Народных Республик, Германской Демократической Республики, Корейской Народно-Демократической Республики, Франции, Финляндии, Норвегии). На совещаниях была одобрена исследовательская линия Института этнографии, выдвинувшего в программе своих работ на одно из первых мест изучение современной культуры и быта советских народов. Эта тематика была поддержана и журналом «Советская этнография», опубликовавшим ряд статей такого характера².

Большое положительное значение имела прошедшая в Москве в июне 1958 г. Объединенная научная сессия отделений общественных наук АН СССР, посвященная теоретическим проблемам строительства коммунизма в нашей стране. Участники сессии обсудили важнейшие теоретические проблемы строительства коммунизма и в этой связи определили задачи общественных наук. Здесь были затронуты и те проблемы, в разработке которых большая роль принадлежит советской этнографии, как, например, изучение современного быта рабочих и колхозников нашей страны и путей его дальнейшего преобразования; развитие национальных форм материальной культуры; развитие советской семьи; борьба с религиозными пережитками и др. При обсуждении итогов этой сессии Президиум Академии наук указал на необходимость расширить работы по комплексному изучению хозяйства, быта и культуры рабочих и колхозников Советского Союза общими силами этнографов, историков, экономистов и ученых смежных дисциплин. Значе-

² См. «Советская этнография. Указатель статей и материалов, опубликованных в 1946—1955 гг.». Изд. АН СССР, М., 1956, а также «Указатели...» в последних номерах последующих годов.

ние этнографических исследований еще более возрастает в связи с практическими задачами построения коммунистического общества. Как известно, проблема постепенного перехода к коммунизму решается в условиях многонационального состава населения нашей страны. Многонациональность является специфической чертой не только всего СССР в целом, она присуща и его союзным и автономным республикам и областям. Отсюда вытекает необходимость глубокого этнографического изучения каждой советской народности и нации. Коммунистическая партия и Советское правительство, вся советская общественность должны получить от этнографов точные данные о том, на каком уровне культуры и быта находится каждая социалистическая нация или народность в настоящее время, в каких формах и какими темпами идет ее дальнейшее развитие, ибо построение коммунистического общества пойдет тем быстрее и лучше, чем культурнее и сознательнее будут советские люди, к какой бы национальности они ни принадлежали.

*   *

*

Среди этнографических проблем, связанных с изучением постепенного перехода к коммунизму, проблема национальной культуры и быта народов СССР, в том числе и народов Сибири, особенно актуальна обширна по своему исследовательскому объему. Как показывают этнографические и исторические исследования и практика нашей жизни, в период социализма развитие культуры и быта каждой нации или народности в СССР происходило в национальной форме. Эта закономерность сохраняется и в период постепенного перехода к коммунизму. Отсюда вытекает повелительная необходимость этнографического изучения современной культуры и быта каждой народности Сибири в национальной специфике. Различия в национальной культуре и быте, как и различия в языке, остаются и по сей день характерной особенностью народов СССР. Изучение и учет этих специфических особенностей имеет большое теоретическое и практическое значение при построении коммунистического общества. Этнографические исследования ярче вскрывают эту специфику и полностью опровергают лживую пропаганду воинствующих империалистов, в частности измышления отдельных американских ученых о том, что построение коммунистического общества в СССР связано будто бы с ликвидацией национальных культур. Этнографические работы о современной культуре и быте советских народов не только разоблачают лживость пропагандистов империализма, но и дают объективную и конкретную картину экономических и культурных успехов в жизни свободных от эксплуатации советских народов. Эти данные не могут не интересовать многие зарубежные народы, освобожденные или освобождающиеся от гнета колониализма.

Этнографами исследуются национальная культура и быт как крестьян, так и рабочих. Этим достигается возможность дать наиболее полную и всестороннюю характеристику социалистической культуры и быта каждой нации или народности, с выявлением ее национальных особенностей. К настоящему времени вышел в свет ряд этнографических монографий, освещающих эту проблему по материалам исследований колхозного крестьянства (русского, украинского, таджикского, узбекского, киргизского, черкесского и др.). Опубликованные работы, насыщенные большим фактическим материалом, имеющим, кстати сказать, большое значение и для истории советского общества, характеризуют сложность и разнообразие процессов формирования современного со-

³ Об этом см., например: Т. А. Жданко, Демагогические измышления и историческая правда (По поводу статьи американского историка Ричарда Пайпса «Мусмане Советской Средней Азии: тенденции и перспективы»), «Сов. этнография», 1964, № 4, стр. 137 и др.

алистического быта и культуры у различных народов. Ярko показывая огромное преимущество советского государственного устройства и социалистического общественного строя по сравнению с предшествующими социально-экономическими формациями, выявляя неизмеримо выросший уровень экономического благосостояния и культуры народов нашей страны, эти работы вместе с тем свидетельствуют о том, что в одних случаях новые черты быта и культуры вырастают и развиваются на основе национальных традиций, в других — национальные формы лишь зарождаются. При этом одни из старых национальных форм отмирают как несовместимые с современным высоким экономическим и культурным уровнем народной жизни, другие же, совершенствуясь, сохраняются.

Но при всех бесспорных достоинствах и значении опубликованных монографий и статей современное состояние этнографического изучения культуры и быта народов СССР не может быть признано удовлетворительным с точки зрения новых исследовательских задач, стоящих перед советской исторической наукой в связи со строительством коммунистического общества. Необходимо прежде всего значительно расширить и углубить исследование данной проблемы, распространив его на все советские народы. Особо эта задача стоит по отношению к сибирским народностям. Им необходимо посвятить специальные монографии, в которых рассматривались бы вопросы о конкретных формах развития культуры и быта каждой народности в период перехода к коммунизму. Особенно важно изучить, как постепенно стираются существенные различия в культуре и быте между колхозной деревней или улусом и социалистическим городом, при сохранении в то же время национального облика деревни и города, как стираются грани между физическим и умственным трудом. Крайне необходимо исследовать вопрос о развитии и укреплении в среде сибирских народов ростков коммунизма, которые уже определились в настоящее время и которые превратятся в будущем в развитые черты коммунистической культуры и быта.

Осуществление семилетнего плана развития народного хозяйства СССР весьма ускорит развитие коммунистических форм быта на основе роста жизненного уровня населения. Этнографы обязаны охватить изучением все конкретное разнообразие форм нового быта, ибо по пути к коммунизму у нас развиваются различные по своему историческому прошлому, по экономике, языку, культуре и быту нации и народности. Совершенно очевидно, что постепенный переход к коммунизму, например у русских или украинцев, грузин или армян, имеющих многочисленное население, мощную социалистическую экономику, древнюю высокую культуру, письменность и литературу, передовую современную науку, развитое профессиональное искусство и т. п., совершится по-иному, чем у отставших в силу особых исторических причин некоторых малочисленных оленеводческих или охотничье-рыболовческих народностей Сибири, не имевших даже письменности (например, чукчи, коряки, эвенки, ненцы, нанайцы, нивхи и др.). Правда, и эти народности, численность которых определяется для каждой в отдельности в пределах одного или нескольких десятков тысяч, а иногда даже в пределах одной тысячи человек, за период социализма тоже весьма продвинулись в своем развитии.

Социалистическая реконструкция старых форм хозяйства этих народов значительно повысила и укрепила их экономику. Весьма повысился уровень их культуры. У большинства из них появились своя письменность и зачатки литературы, у всех у них распространилась всеобщая начальная грамотность, впервые зародилась интеллигенция. Однако эти малые народности Сибири все еще находятся на более низком экономическом и культурном уровне по сравнению, например, с рядом упомянутых выше крупных социалистических наций. Конечно, это не является

препятствием для построения коммунистического общества у мал народностей, ибо они вступают в новый исторический период не изолированно, а в большой и дружной семье советских народов. Общая материально-техническая база СССР настолько высока, что вопросы экономического уровня, необходимого для перехода к коммунизму, в отношении малых народностей СССР будут решены независимо от местной экономики. Но для таких народностей, как и для других, первостепенное значение приобретает достаточно высокий уровень развития культуры, быта и общественно-политической сознательности, необходимый для строителей коммунизма. Исследование этих вопросов, выяснение причин, мешающих быстрому росту культуры и улучшению быта, выявление мер и путей, способствующих культурному развитию и формированию коммунистического мировоззрения, — все это являясь одной из первоочередных и важнейших задач этнографического изучения народностей Сибири.

Многие из сибирских народностей обитают в наиболее отдаленных районах страны и в самых суровых природных условиях. Это создает различные трудности, мешающие быстрому росту их культуры, и порождает некоторые специфические явления, которые необходимо знать и принимать во внимание в практике строительства коммунизма. В настоящее время, как известно, Сибирь становится одной из крупнейших в экономическом отношении областей Советской страны. Этому в новом семилетии уделяется первостепенное внимание. Многие уже сделали. Огромное развитие в Сибири получили добыча полезных ископаемых, мощная энергетика, строительство новых промышленных предприятий, оснащенных самой передовой техникой; освоены и продолжают осваиваться под сельское хозяйство обширнейшие земельные массивы. Наряду с этим огромные пространства Сибири и Крайнего Севера благодаря мужественному и упорному труду малых народностей вовлечены в экономическую жизнь Советского государства через такие древние и специфические формы хозяйства, как охота на зверя, рыболовство и оленеводство. Однако некоторые из этих отраслей, например оленеводство, все еще связаны с кочевым образом жизни, что отрицательно сказывается на развитии культуры и благоустройстве быта. Кочевая жизнь в условиях социализма задерживает рост культуры, способствует сохранению различных архаических обычаев, религиозных верований, обрядов и традиций и их пережитков, несовместимых с коммунистическим мировоззрением. Проблема перехода на оседлость у кочевых народностей сибирского Севера до сего времени практически полностью не решена. Ее придется решать в настоящий период развернутого строительства коммунизма. Этнографические исследования должны сыграть видную роль в этом деле.

В связи с ростом экономики и культуры каждой советской народности большое значение приобретает исследование межнациональных связей и взаимовлияний народов Советского Союза в области культуры быта (одежда, кулинария, посуда, художественные изделия и т. д.), наблюдаемых у различных советских народностей, не только соседствующих и территориально весьма удаленных одна от другой. Этому способствует, конечно, интенсивное развитие экономических связей, в частности торговли, а также путей и средств сообщения.

Советским этнографам надо детально исследовать современные формы материальной культуры рабочих и колхозников. Уже обращалось внимание на то, что в среде нашего колхозного крестьянства наблюдается тенденция сохранения традиционных национальных форм материальной культуры (различных предметов домашней утвари, некоторых видов одежды, кушаний, приемов приготовления пищи и т. д.). Следует помочь сохранить полезные и иногда даже необходимые в современном быту предметы путем их производства и продажи населению.

Этнографы часто отмечают, что рабочие и колхозники любят украшать многие предметы своего домашнего обихода традиционным орнаментом, росписью, резьбой и т. д., которые и теперь им нравятся и обладают высокой художественной ценностью. Задача этнографов — выявлять и изучать особенности народного изобразительного искусства, пропагандировать его лучшие образцы, содействовать проникновению их на рынок вместо нередко распространяемых антихудожественных изделий, предназначенных для украшения или мебелировки квартир. Конечно, наряду с хорошими национальными обычаями и традициями, полезными и красивыми предметами быта, в жизни колхозного крестьянства еще сохраняется многое из того, что несовместимо с современными советскими понятиями и представлениями, новыми условиями труда и домашнего быта, не отвечает требованиям гигиены и т. п. Такие явления или отдельные элементы быта должны быть быстрее изжиты, и задача этнографов помочь этому.

В результате этнографического изучения национальных особенностей современного быта выявляются ценные данные, имеющие практическое значение для государственного планирования производства и распределения по районам нашей страны предметов широкого потребления, для определения норм их потребления в различных местах применительно к нуждам населения, отражающим его национальные традиции. Институт этнографии уже доставляет Госплану СССР такого рода данные. Этот контакт должен быть укреплен и расширен.

Серьезное практическое значение имеет этнографическое изучение народного жилища и поселений у различных народностей. Социалистическое строительство внесло большие изменения в исторически сложившиеся формы народного жилища, в географию сельских поселений, вызвало быстрый рост новых поселков и реконструкцию старых. Переход к коммунизму сопровождается еще большим размахом сельского жилищного строительства. В осуществлении принимаемых в этом отношении мер участвуют представители многих специальностей — архитекторы, историки искусства, географы, экономисты. Однако практика показывает, что далеко не всегда при проектировании новых социалистических селений, а также жилых, хозяйственных или культурно-бытовых построек учитываются местные географические особенности, специфика хозяйственной деятельности, художественно-декоративные формы родного зодчества, этнические традиции и семейно-бытовые потребности населения.

Большую помощь в разработке этих вопросов должны оказать этнографы. Тема о современном колхозном жилище народов СССР в течение ряда лет разрабатывается Институтом этнографии АН СССР рядом союзных академий и филиалов Академии наук. Советскими этнографами накоплен значительный материал, публикация которого позволит обобщить опыт социалистических преобразований в этой области различных народов Советского Союза. Эти материалы характеризуют изменения форм расселения, вызванные переходом от кочевого и полукочевого образа жизни к оседлому (Сибирь, Казахстан, республики Средней Азии), переселением с хуторов в колхозные поселки (республики Прибалтики), они указывают на коренные изменения в облике поселений — превращение сел в местные центры культуры, появление новых типов благоустроенных жилищ и усовершенствование старых в соответствии с возросшими материальными и культурными запросами населения и т. п.

Серьезные и актуальные задачи стоят перед этнографами в области изучения современного рабочего быта. Отставание в исследовательской работе по этой теме особенно ощущается по народностям Сибири. Этот отсталый фронт нужно ликвидировать как можно скорее. Конечно, на это можно рассчитывать, что не у всех народностей Сибири имеется свой национальный

рабочий класс. Однако у нас нет этнографических исследований быту и культуре рабочих даже тех народностей, где рабочий класс у несомненно сформировался за годы Советской власти. Формирование рабочего класса у многих народов СССР, в частности у сибирских народностей,— явление новое, порожденное Великой Октябрьской революцией. Этнографическое исследование дает возможность нарисовать точную и конкретную картину этого процесса. Оно дает возможность показать, как складывается первое поколение рабочего класса у отстающих народностей, основным занятием которых до недавнего времени было примитивное по технике земледелие, либо кочевое скотоводство, или рыболовство и охота. Очень важно изучить и зафиксировать, как складывается у таких народов новый быт и культура в первом поколении рабочих, отцы и деды которых были кочевниками-скотоводами, рыболовами или охотниками. Первый опыт этнографических исследований свидетельствует о том, что на наших глазах у рабочих таких народностей формируется совершенно новый быт и культура, отличные от крестьянского, причем со специфическими национальными чертами. Нужно ли доказывать, какое большое значение имеет такое исследование для истории вообще и для истории данной народности в частности. Роль и значение рабочих в формировании нового быта и культуры должны глубоко изучаться и в период построения коммунистического общества в нашей стране.

*   *
*

Другая обширная общественно-научная проблема, разработка которой составляет задачу советской исторической науки в целом,— это национальный вопрос в СССР в период перехода к коммунизму. Проблема эта имеет много различных аспектов исследования, в том числе и такие, которые лучше всего могут провести этнографы. Как известно, учение Коммунистической партии по национальному вопросу, опирающееся на огромный фактический материал, указывает, что национальный вопрос в многонациональном социалистическом государстве является частью более общего вопроса о политическом и социально-экономическом развитии общества. Это ценное теоретическое обобщение не теряет своего значения и для современного этапа развития Советского государства. Оно отражает объективно действующую закономерность, которая заключается в том, что экономическое и культурное развитие каждой нации или народности в СССР происходит не изолированно, а на основе общего развития экономики и культуры советского общества в целом. Именно познанием этой закономерности определяется тенденция каждой советской народности или нации, каждой национальной республики или области сочетать интересы своего национального развития с приоритетом общегосударственных интересов, что приводит к укреплению и развитию экономики и культуры СССР в целом и тем самым укрепляет и расширяет возможности развития каждой нации и народности в отдельности. Знание этой объективной закономерности позволяет Коммунистической партии смело и безошибочно использовать ее в интересах развития всего советского общества и в интересах каждой народности или нации.

Наряду со стремлением сочетать интересы каждой народности с общегосударственными у нас, конечно, практикуется и будет практиковаться помощь менее развитым в экономическом и культурном отношении нациям или народностям за счет государства, за счет более сильных и развитых наций и народностей. Это относится прежде всего к так называемым малым народностям Крайнего Севера и Сибири, которые не имеют достаточно собственных сил, чтобы надлежащим образом поставить на службу общества огромные природные богатства, самостоя-

тельно развить высокую культуру и т. д. Блестяще оправдавшаяся на опыте советских народов ленинская теория о возможности для отсталых в прошлом народностей миновать капиталистический путь развития и перейти к социализму при помощи более развитых наций не теряет своего практического значения и на современном этапе. И при постепенном переходе к коммунизму многие советские народы пройдут этот путь с помощью всего Советского государства, с помощью более развитых наций и народностей. Их переход к коммунизму потому и возможен, что они находятся в составе сильнейшего в мире социалистического государства, в котором познана и практически используется указанная выше закономерность. В этой связи в условиях Сибири важно исследовать конкретный процесс перехода к коммунизму у каждой народности, поставив задачу выяснить, что тормозит этот переход, какая помощь требуется изучаемым народностям, чтобы быстрее поднять их коммунистическое сознание, их общий культурный уровень.

В нашем государстве действует и другая объективная закономерность, которая выражается в процессе постепенного сближения социалистических наций и народностей СССР в области экономики, культуры и языка. Одна из серьезных задач этнографии, в частности применительно к Сибири, состоит в том, чтобы тщательно изучить конкретные проявления этого процесса. Специального внимания заслуживает изучение процесса национальной консолидации как внутри той или иной нации или народности, так и с другими нациями. Этнографическое исследование должно выяснить в отношении каждой народности Сибири, развивается ли она как особая этническая единица или консолидируется с другими соседними народностями или нациями. Вопросы консолидации мелких по численности народностей надо исследовать прежде всего в интересах ускорения перехода к коммунизму. Нужно в каждом конкретном случае изучать, помогает ли слияние мелких народностей с более крупными их экономическому и культурному прогрессу или тормозит его. В первом случае надо содействовать этому процессу, во втором — нужно разработать меры к устранению имеющихся препятствий.

Постепенное добровольное слияние нескольких мелких народностей или консолидация их с крупными нациями на основе братского экономического и культурного сотрудничества — процесс прогрессивный, способствующий ускорению роста экономического благосостояния и культурного уровня консолидирующихся народностей. Здесь не может быть и речи о какой-либо насильственной ассимиляции, ибо слияние и укрупнение народностей может происходить при совместной жизни естественным путем, без принудительных административных мер и вмешательства с чьей-либо стороны. Этот процесс можно назвать процессом естественного слияния; его недопустимо смешивать с ассимиляторской политикой насильственного уничтожения национальной самобытности, например с политикой русского царизма. В советскую эпоху, когда Сибири идет процесс консолидации развивающихся народностей и аций, частичный процесс естественного слияния мелких народностей закономерен.

Общий процесс консолидации наций и народностей невозможен без отдельных процессов ассимиляции одних этнических элементов другими, без слияния разных языков и диалектов, без взаимодействия различных сторон культуры и быта. Это — закон этнической истории человечества. Мы должны изучать процесс консолидации, чтобы использовать указанную закономерность в интересах экономического и культурного развития населения Сибири. Правильно понятый и подлинно народный интерес состоит не в том, чтобы каждую мелкую народность Сибири обязательно развивать в особую нацию, а в том, чтобы обеспечить трудящимся этой народности наилучшие условия для экономического и культурного роста, чтобы они быстрее и полнее могли использовать все

блага и преимущества, которые дает человеку коммунистическое общество. Именно к этому и направлена проводимая Коммунистической партией ленинская национальная политика, которая является не самоцелью, а средством, помогающим обеспечить наиболее высокий уровень жизни всех трудящихся, независимо от их национальности.

Известно, что процесс постепенного слияния наций при полной победе коммунизма во всем мире неизбежен. Об этом писал великий теоретик и практик нового общественного строя В. И. Ленин: «Целью социализма является не только уничтожение раздробленности человечества на мелкие государства и всякой обособленности наций, но только сближение наций, но и слияние их»⁴. Едва ли можно сомневаться в том, что начальные элементы этого будущего длительного процесса уже наблюдаются в СССР. Задача этнографов — изучать и фиксировать его конкретные формы и результаты. Необходимо исследовать такие явления, происходящие в культуре и быте, в языке консолидирующихся народностей. Создаются ли при этом новые формы культуры и быта с новой национальной спецификой, происходит ли и в чем выражается взаимное обогащение различных сторон культуры и быта, какие из них исчезают и т. д. Здесь огромное поле исследовательской работы для этнографа. Даже тогда, когда в будущем коммунистическом обществе национальные различия в культуре и быте будут постепенно стираться, когда все население Советского Союза будет представлять собой единую коммунистическую нацию, то и тогда, видимо, не исчезнут, а, напротив, появятся новые национальные черты культуры и быта, которые будут отличать коммунистическую нацию Советского Союза от коммунистической нации, например, Китая или стран Африки и т. д.

Большую пользу практическому строительству коммунизма у народов Сибири окажет изучение этнографами вопроса о степени распространности русского языка и его влияния на развитие и повышение уровня культуры. Русский язык широко и быстро распространяется среди народностей Сибири, как и во многих других районах СССР, где обитает нерусское население. Это вполне закономерно, так как он сложился исторически в межнациональный язык народов СССР и уже перестал быть языком только русского народа. Нельзя представить себе какое-либо успешно и быстро развивающееся многонациональное государство без единого общего языка. Это — объективная закономерность, проявлению которой можно содействовать или препятствовать, но которую невозможно отменить. В то же время наличие единого межнационального языка отнюдь не исключает, а, напротив, предполагает долгую жизнь и развитие отдельных национальных языков до тех пор, пока не отпадет практическая потребность в них. И даже в таком случае знание многих языков будет необходимо прежде всего для научных целей, ибо на многих языках накоплено и зафиксировано большое культурное наследие, которое будущие поколения коммунистического общества будут бережно хранить.

В настоящее время, когда ясно определилось, какой из существующих языков СССР стал межнациональным, и можно думать, что именно русский призван в будущем стать общим языком коммунистической нации СССР, важно уже теперь исследовать, какими конкретными путями в среде каждой сибирской народности идет этот процесс. Мы должны знать, идет ли он путем развивающегося двуязычия или путем языковой ассимиляции, какой из этих путей легче и эффективнее для тех или иных народностей. Можно смело утверждать, что овладение межнациональным языком народов СССР явится мощным фактором культурного прогресса, особенно для сибирских народностей, столетиями стоявших в прошлом.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 135.

* *

*

Остается еще сказать о некоторых более частных проблемах этнографического исследования народностей Сибири, имеющих, однако, также большое практическое значение. Назовем прежде всего проблему современной рабочей и колхозной семьи. Институт этнографии АН СССР ведет исследовательскую работу по этой тематике в тесном контакте с теми научными учреждениями союзных и автономных республик, которые такие исследования уже начали. Формы современной советской семьи у народов СССР, ее численность, состав, традиции и культурный уровень имеют серьезное значение при строительстве коммунистического общества. Необходимо тщательно изучать процессы, происходящие в рабочей и колхозной семье различных народностей Сибири. Это позволит собрать данные о сохранении разного рода религиозных и бытовых пережитков и традиций, облегчит возможность наметить практические меры борьбы с теми из них, которые оказывают тормозящее влияние на формирование коммунистического мировоззрения, новых норм поведения, морали и т. д. У различных народностей Сибири, например, еще сохраняются в той или иной степени пережитки патриархальных семейно-брачных отношений, отрицательным образом сказывающиеся на развитии современной семьи. Чуждые советским нравам старинные обычаи нередко бытуют в замаскированной форме — например уплата калыма под видом обязательных дорогих подарков от жениха родственникам невесты. Этнографы обязаны выявлять такие, иногда искусно замаскированные, явления, показывать их вредную роль и помогать борьбе против них.

Вместе с тем изучение семейного быта может оказать существенную помощь в сложении новых форм некоторых обычаев, связанных с особыми событиями в жизни семьи. Известно, например, что в жизни каждой народности наблюдается стремление отметить такое событие в жизни человека, как вступление в брак. Старый свадебный обряд, отличающийся большим разнообразием у различных народов, как правило, исчез, особенно в тех его старинных формах, в которых ведущая роль принадлежит религиозным обрядам и представлениям. Формально-юридическая регистрация современного брака в загсе не может удовлетворить потребность брачующихся и их родственников в том, чтобы торжественно отметить это событие, превратить его в большое семейное торжество. В настоящее время этнографы фиксируют разнообразные попытки у различных народов СССР создать современное свадебное празднество, нередко с использованием традиционных элементов данной народности обычаев. Этнографическое изучение семьи может и должно оказать помощь этой практически назревшей потребности, которой свидетельствуют поступающие в Институт этнографии запросы от комсомольских и других общественных организаций, от отдельных лиц и т. д. Этнографические материалы по народному свадебному обряду должны быть дифференцированы. Те из брачных обычаев и обрядов, которые являются по своему происхождению чисто религиозными, разумеется, не могут быть поддержаны советской общественностью. Наряду с этим в брачном обряде некоторых народов содержатся и такие элементы, которые ничего общего с религией не имеют, хотя некоторые из них где-то были использованы в религиозных установлениях. Такие элементы брачного обряда, закрепленные народной традицией и не противоречащие идеологическим принципам коммунистического общества, могут быть сохранены и развиты. Сказанное относится и к таким семейным событиям, как рождение ребенка, раньше сопровождавшееся различными религиозными обрядами, к некоторым календарным праздникам, например Новый год, и др.

В связи с этнографическим изучением семьи могут быть выделены

в самостоятельную проблему и вопросы отмирания религии и формирования материалистического мировоззрения у рабочих и колхозников под влиянием роста их культуры, идеологической воспитательной работы, проводимой партийными и советскими организациями, и т. д. Изучение этнографами причин сохранения, особенно в среде колхозного крестьянства, религиозных взглядов и традиций, характеристика процесса развития материалистического мировоззрения дают научную основу для решения ряда практических вопросов, связанных с окончательным преодолением всех видов религии и их пережитков у советских народов. Конкретное изучение религиозных пережитков у каждой народности — одна из актуальных задач советской этнографии. Изучение пережитков не ради них самих, не только как исторического источника, а прежде всего как препятствия росту и укреплению коммунистического мировоззрения, — именно так стоит теперь этот вопрос.

Изучение современного состояния культуры и быта населения, как центральная задача этнографического исследования народностей Сибири, отнюдь не освобождает этнографов от обязанности заниматься изучением вопросов, относящихся к дореволюционному прошлому этих народностей. Наиболее важными следует считать вопросы происхождения и формирования отдельных народностей, а также исследование их истории. Каждая народность, возрожденная к жизни Великой Октябрьской революцией, ставит вопрос о своем происхождении, о своей истории. Этнографы должны принять активное участие в такого рода исследованиях. Вместе с тем, имея в виду специфику истории сибирских народностей, нужно изучать и теоретически осмысливать и такие вопросы, как родовая организация, территориальная община, ранние формы классовых отношений, шаманство и др., что не только необходимо для истории многих народностей Сибири, но поможет общетеоретической разработке этих проблем.

Задачи этнографического изучения народов Сибири в период развернутого строительства коммунизма не могут, конечно, быть сведены только к тематике исследований. Необходимо обратить внимание также на некоторые вопросы методики. Нужны публикации и обсуждения программ этнографического изучения культуры и быта населения как по общим, так и по частным вопросам. В полевой этнографической работе, кроме испытанного метода непосредственного наблюдения, следует применять вопросники-анкеты и как можно шире использовать материалы местных архивов. Богатые архивы местных советских учреждений и партийных организаций, содержащие ценнейший материал по истории социалистического строительства, еще почти не затронут этнографами; большой запас ценных источников вследствие этого не вовлечен в этнографическое исследование. Полевая этнографическая работа непременно должна сочетаться с изучением архивных материалов. Это нужно также для того, чтобы выдерживать принцип историзма этнографического исследования и в рамках изучения современной культуры и быта народностей Сибири, которые необходимо описывать и анализировать в их развитии. Такой подход облегчит возможность необходимых обобщений и выводов. Мы не можем теперь удовлетвориться только описательными работами. Наряду с продолжением монографического исследования отдельных промышленных предприятий, колхозов, райсов с узко тематическими публикациями (о жилище, семье и т. д.) необходимо перейти к обобщающим работам, посвященным культуре и быту народностей или групп народностей. Необходимо организовать комплексные исследования культуры и быта народов Сибири совместно с представителями ряда общественных дисциплин, изучающих население СССР в иных аспектах. Это поможет этнографам поднять свою исследовательскую работу на более высокую ступень в соответствии с требованиями нашего времени.

SUMMARY

In the investigation of problems of the socialist culture and life of the peoples of the USSR, a prominent place is held by Soviet ethnography.

A characteristic feature of the USSR as a whole and of its constituent republics and districts, is the multi-national composition of the population. This renders the problem of the specificity of the national culture and life of the peoples of the USSR particularly urgent and profound from the point of view of research work it calls for. Differences both in the national culture and way of life, and in language, are to this day a characteristic feature of the peoples of the USSR. National culture and life are investigated both among the collective farmers and among the workers, which ensures a most comprehensive and many-sided description of the culture and way of life of every nation and nationality. Another problem, both of theoretical and practical importance, is the study of the forms of national development of individual peoples in the period of transition to Communist society.

This problem is of great interest also in respect of the peoples of Siberia. The following regularities in the development of the peoples of the USSR should be traced for the Siberian nationalities: the development of each nation and nationality which occurs on the basis of the general development of Soviet economy and culture; the gradual coming together of different nations and nationalities in the sphere of economy and culture, which is taking place in the process of the building of a new society. Among the Siberian nationalities, the progressive process of national consolidation is of especial interest to the ethnographer.

Apart from investigating the material offered by present-day life — which is the focal scientific task — ethnographers studying Siberia are confronted by other tasks, e. g. problems of the origin of each nationality and its ethnic history, the history of tribal organization and the territorial commune, early forms of class relations, early religious forms, folklore, etc.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

В. БЕЛИЦЕР и Т. СМИРНОВА

К 30-летию МОРДОВСКОЙ АССР

10 января 1960 г. Советская Мордовия отметила свой 30-летний юбилей. За этот короткий срок мордовский народ прошел огромный исторический путь. Народ, который раньше не имел даже своей письменности, при помощи братских народов СССР, под мудрым руководством Коммунистической партии и Советского правительства создал национальную литературу, многочисленные кадры интеллигенции, резко поднял свое хозяйство.

30-летие своей республики трудящиеся Мордовии встречают в обстановке всенародной борьбы за претворение в жизнь программы великих работ, начертанных внеочередным XXI съездом Коммунистической партии Советского Союза и декабрьским 1959 г. Пленумом Центрального Комитета, посвященным вопросам сельского хозяйства.

* *
*

До Великой Октябрьской социалистической революции мордовский народ не имел своей государственности, территориального единства, был разобщен в административном отношении. В условиях царизма это был один из самых угнетенных и отсталых народов России. Основным, почти единственным занятием населения было земледелие. При этом мордовский крестьянин-труженик не имел достаточного количества земли. Большая часть природных богатств — лучшие земли, леса — находилась в руках эксплуататорских классов. Помещикам, купцам, монастырям и казне в 1905 г. принадлежало более 46% земельной площади. Если на крестьянское хозяйство приходилось в среднем по 7 десятин земли, то на каждое помещичье хозяйство — по 300 десятин¹. Огромные земельные угодья были сосредоточены в руках монастырей. Крупнейшими из них были Спасско-Преображенский, Санаксарский, Саровский. 14 монастырей к началу XX в. владели 45 тыс. десятин земли².

Накануне Великой Октябрьской социалистической революции более 10% крестьян Мордовии вообще не имели никаких посевов, у 34,6% отсутствовали рабочие лошади, а 20,6% не имели коров³. Измученные неурожаями, голодовками, страдавшие от малоземелья, социального и

¹ В. В. Горбунов, К вопросу о формировании мордовской социалистической элли, «Материалы научной сессии по вопросам мордовского языкознания», Сары 1955, стр. 40.

² «Советская Мордовия. Очерки, посвященные 20-летию республики», Сары 1950, стр. 190.

³ В. В. Горбунов, Указ. раб., стр. 40.

ционального гнета, беднейшее мордовское крестьянство часто было вынуждено исполнять обрабатывать земли помещиков и кулаков, уходить на сельскохозяйственные сезонные работы в районы Нижнего Поволжья или вообще переселяться на новые места. Только с 1896 по 1910 г. в Сибирь и другие районы Российской империи переселилось более 34 тысяч мордовских крестьянских хозяйств с населением до 200 тыс. чел.⁴

Мордовские крестьяне вели хозяйство крайне отсталыми способами. Достаточно сказать, что основным инвентарем крестьян вплоть до Октябрьской революции были деревянные сохи и бороны, убирали урожай серпами и косами. Так, в Пензенской губернии, значительную часть жителей которой составляло мордовское население, в 1910 г. насчитывалось 262 тыс. деревянных сох и плугов и только 30 тыс. (10%) железных плугов. Деревянных борон было 260 тыс., или 98% общего их количества⁵.

Промышленность в районах, населенных мордвой, была развита крайне слабо. В 1913 г. на территории современной Мордовии действовало только 50 ценовых предприятий, на которых работало около 2 тыс. чел.⁶ Основную роль в промышленности Мордовии играли винокуренные заводы, они составляли больше половины всех предприятий. В промышленности, как и в сельском хозяйстве, техника была крайне отсталой, что было одной из причин низкой производительности труда. Положение рабочих было не легче положения крестьян. Рабочий день продолжался до 16 час., а заработная плата не превышала 4—8 руб. в месяц.

В результате указанных выше социально-экономических условий и русификаторской политики царского правительства мордовский народ к концу XIX в. оказался расселенным на территории 11 губерний⁷. Такая административная разобщенность и низкий уровень экономики районов, населенных мордвой, осложнили формирование мордовской национальной государственности в советское время. Создание Мордовской Автономной Советской Социалистической Республики стало возможным лишь по мере хозяйственно-культурного развития мордовского народа и проводилось несколькими последовательными этапами. В 1928 г. в составе Средне-Волжского края был создан Мордовский национальный округ; в январе 1930 г. он был преобразован в Мордовскую автономную область; в декабре 1934 г. стало возможным преобразовать ее в Автономную Советскую Социалистическую Республику в составе Российской Федерации. Образование мордовской автономии, явившееся ярким проявлением ленинской национальной политики Коммунистической партии, имело огромное значение для возрождения мордвы — одного из самых крупных по численности народов Поволжья (согласно переписи 1959 г. мордовское население составляет 1285 тыс. чел.).

* * *

*

После Великой Октябрьской социалистической революции Коммунистическая партия и Советское правительство уделили большое внимание ликвидации экономической и культурной отсталости ранее угнетенных народов. Мордовия получила на восстановление промышленности и сельского хозяйства десятки миллионов рублей. Благодаря этому уже к 1928 г. был превзойден довоенный уровень промышленности; выпуск валовой продукции увеличился по сравнению с 1913 г. на 33%, а производительность труда поднялась на 51%. В годы предвоенных пятилеток в Мордовской АССР были созданы сотни предприятий.

Особенно быстро развернулось промышленное строительство в республике после Великой Отечественной войны. Объем промышленной про-

⁴ «Очерки истории Мордовской АССР», т. I, Саранск, 1955, стр. 433.

⁵ Из материалов Пензенского областного краеведческого музея.

⁶ И. Астайкин, Наш светлый путь, газ. «Известия», 10 января 1960 г.

⁷ В.В. Горбунов, Указ. раб., стр. 40.

дукции в 1959 г. вырос по сравнению с 1913 г. в 30 раз⁸, и стоимость ее составила более 2,3 млрд руб. В послевоенные годы были построены новые промышленные предприятия; уже работают светотехнический, электроламповый заводы, мясокомбинат, завод медицинских препаратов и др. Численность рабочих доходит до 43 тыс. чел.⁹ Столица республики — Саранск — из небольшого уездного городка превратилась в значительный промышленный центр, насчитывающий сейчас 90 тыс. жителей.

Во многих районах республики развивается легкая промышленность пенько-джутовая — в Краснослободском, Инсарском, Дубенском, Козловском, Кочкуровском и др., дубильно-экстрактная, домостроительная лесотарная, мебельная и бумажная — в Ичалковском и Zubово-Поляском. Промышленная продукция республики имеет не только местное значение, но направляется в Москву, Ленинград, Среднюю Азию, Дальний Восток, а также экспортируется за границу — во Вьетнам, Корею, Китай, Индию.

Большие изменения произошли и в сельском хозяйстве Мордовской АССР. В результате коллективизации, проведенной здесь в 1928–1931 гг., маломощные единоличные крестьянские хозяйства уступили место крупным коллективным хозяйствам, которые крепнут с каждым годом. Взамен деревянной сохи и бороны на колхозные поля пришли тракторы и комбайны. В настоящее время в колхозах механизировано свыше 90% пахоты и сева и до 85% уборки зерновых культур. В колхозную деревню пришло электричество, радио. Пущены в эксплуатацию Рыбкинская ГЭС, а также Чамзинская, Темниковская, Пурдошанская и Саранская электрические подстанции. Колхозы получили много новых машин, стали более мощными; повысилось благосостояние колхозников. В сельском хозяйстве республики работает более трех тысяч специалистов — агрономов, зоотехников, инженеров, механиков, свыше восьми тысяч механизаторов. В подавляющем большинстве это люди со средним и специальным образованием. В Мордовии много замечательных новаторов, таких, как председатель колхоза им. Чапаева Кочкуровского района Г. А. Батяев, агроном сельскохозяйственной артели им. Тельмана Ичалковского района Т. С. Чебулдаева, звеньевой колхоза «Волна революции» Ромодановского района Я. А. Чебураев и другие.

За годы Советской власти сильно изменился состав полевых культур. В прошлом мордовские крестьяне сеяли на своих полях рожь, пшеницу, полбу, гречиху, горох, коноплю. После коллективизации, в результате роста культуры земледелия и развития его механизации, прочно вошли в севооборот колхозов пшеница, сахарная свекла и др. Растет площадь, занятая под ценной технической культурой — коноплей. В последние годы мордовские колхозы стали высевать кукурузу. Многие из них достигли больших результатов в производстве указанных культур, подняли благодаря им свое общественное хозяйство. Колхоз им. Тельмана вплоть до 1954 г. считался одним из самых отстающих в бывшем Козловском районе. Вновь избранный председатель колхоза И. А. Бычков убедил колхозников, что можно поднять общественное хозяйство, расширяя посевы конопли и добиваясь высоких урожаев. В результате развития коноплеводства в колхозе уже через год был получен денежный доход свыше 3,7 млн руб., что превысило доход предыдущего года в десять с лишним раз¹¹. Получение высоких доходов от коноплеводства позволило колхозу развить и другие отрасли хозяйства, в частности животноводство. Внедрение на колхозные поля сахарной свеклы также способствует повышению доходов колхозов¹².

⁸ И. Астаikin, Указ. статья.

⁹ Газ. «Советская Мордовия», 19 декабря 1959 г.

¹⁰ Г. Осипов, В братской семье народов, «Правда», 10 января 1960 г.

¹¹ «Председатели колхозов рассказывают», Саранск, 1958, стр. 110—111.

¹² Там же, стр. 164.

В большинстве колхозов Мордовии животноводство играет подсобную роль, но некоторые колхозы, имеющие хорошие луга, получают от него большую часть доходов. Колхоз «Од веле» Ельниковского района, например, в 1959 г. за досрочное выполнение годового плана заготовок мяса, молока, яиц, шерсти занесен на республиканскую Доску Почета¹³. Росту продуктивности животноводства способствуют улучшение пород скота, организация надлежащего ухода за ним, строительство новых благоустроенных помещений для его содержания.

Мордовские колхозы развивают такие исконные для мордвы отрасли хозяйства, как пчеловодство. Большие пасеки имеются почти во всех колхозах. Подсобную роль играют в некоторых мордовских колхозах и такие отрасли, как огородничество и садоводство, развитию которых в последнее время уделяется большое внимание.

Развивая коллективное хозяйство и получая от него все большие доходы, колхозы ведут широкое строительство общественных зданий. За последние три года в селах Мордовской АССР построено 172 клуба. Некоторые колхозы возводят подлинные дворцы культуры. В колхозе «Победа» Кочкуровского района построен Дом культуры на 400 мест. Строятся дома культуры в колхозах им. Ленина Краснослободского района, им. Горького Больше-Березниковского района и др.¹⁴.

Изменяется облик мордовского села. Старая мордовская деревня представляла неприглядную картину — покосившиеся домишки под соломенными крышами, разбросанные без всякого плана, грязь, отсутствие зелени. Иначе выглядит современная мордовская деревня. В ней появляются новые красивые общественные здания — сельсоветов, клубов, школ. В деревнях разбиваются скверы, палисадники, сады.

Растет благосостояние тружеников мордовского села. Только за 1954—1958 гг. в Мордовской АССР построено почти 40 тыс. домов для колхозников и сельской интеллигенции¹⁵. Особенно широко развернулось жилищное строительство в Старом Дракине Ковылкинского района, Волгапине Рыбчинского района и др. Колхозники возводят в основном бревенчатые дома на фундаменте, кроют их шифером или тесом (рис. 1). К дому пристраивают тесовые или бревенчатые сени или коридор, возводят крыльцо, что не было характерно для прежних мордовских домов.

В безлесных районах Мордовии для строительства жилых и хозяйственных помещений используется местный материал — камень, глина, иногда частично плетень; в лесных районах постройки возводят из бревен. Среди построек на приусадебных участках колхозников или на улице против дома встречаются характерные для мордвы хозяйственные помещения — «выходы» и «мазанки»; в них хранят одежду и продукты, а в летнее время — спят. Старые традиции строительства можно обнаружить в таких сохранившихся еще от прежнего времени строениях, как бани. В мордовских деревнях они представляли собой небольшие срубы с плетневыми предбанниками и топкой по-черному. Принадлежали они одному или нескольким хозяевам. Теперь все больше распространяются благоустроенные общественные бани; за два последних года в мордовских колхозах построены 152 такие бани.

Современная мордовская деревня имеет довольно четкую планировку, большей частью уличную; дома ставят чаще всего перпендикулярно улице. Изменяются и внутренняя планировка и убранство мордовско-

¹³ Полевые записи Мордовского отряда Комплексной экспедиции Ин-та этнографии АН СССР, 1959 г.

¹⁴ П. Кокорев, За подъем культуры мордовского народа, «Советская Мордовия», 19 декабря 1959 г.

¹⁵ «Советская Мордовия», 11 декабря 1959 г

го дома. Изба, как правило, имеет внутренние дощатые перегородки выделяется кухня. Иногда роль перегородки выполняет печь-голланд. Во многих домах стены передней комнаты оклеивают обоями, по красят, что раньше здесь не было принято. Для старой мордовской избы были характерны широкие неподвижные лавки, вделанные в с

Рис. 1. Современный дом мордовского колхозника (дер. Старое Дракино Ковылкинского р-на Мордовской АССР)

Рис. 2. Мордовки в рабочей одежде (дер. Волгапино Рыбкинского р-на Мордовской АССР)

ны; они составляли почти единственную «мебель» в доме, на них и сидели, и спали. Теперь лавки заменены стульями и кроватями с постельными принадлежностями. В доме мордовского колхозника появилась и другая мебель, например шкафы для посуды, которые заменили «потмар» — самодельный шкафчик для хранения продуктов. Однако распо

ложение мебели остается традиционным: стол чаще всего ставят в переднем углу, кровать — у боковой стены.

В современных мордовских домах уже не делают деревянного настила между печью и дверью (кершпель), который раньше использовали для спанья. Уходят в прошлое и полати: в новых домах их также не делают. Они сохраняются лишь в старых домах, построенных в 1930-е годы и раньше, но теперь на них не спят, а большей частью хранят там одежду. Отапливается дом русской печью, но почти везде имеются и «голландки», проникшие в мордовскую деревню в начале XX в. Теперь они более усовершенствованы, в них вделаны плиты для подогревания пищи, которую по обычаю готовят в русской печи. Окна часто украшены наличниками, в основном с пропиловочной резьбой, хотя в некоторых местах, например, в Больше-Игнатовском, Дубенковском, Ардатовском районах, сохранилась и старинная долбленая резьба.

Очень изменилась утварь мордовского колхозника. В его обиходе деревянные чашки и ложки давно заменены современной металлической и фаянсовой посудой. Однако очень бережно сохраняется художественная деревянная утварь: резные солонки, ковши, а также плетеные из бересты короба — «кептяри», сделанные с большим искусством.

В социалистической культуре мордовского народа, национальной по форме, сохраняются лучшие народные традиции. Они проявляются в жилище и костюме, в изобразительном искусстве, вышивках, резьбе по дереву, в самобытных песнях и плясках. Мордовские женщины охотно носят национальный костюм, но в несколько измененном против прежнего виде. Основной частью костюма остается белая рубашка, однако ее теперь редко шьют из домотканного материала, а в подавляющем большинстве случаев используют для этого покупную ткань фабричного производства. Покрой костюма, его расцветка, характер вышивки остаются традиционными (рис. 2). Современный женский мордовский костюм, особенно праздничный, очень красочен: помимо яркой расцветки и вышивки, для него характерны многочисленные поясные и нагрудные украшения, изготавливаемые самими девушками из бисера, монет и бус (рис. 3). Старинные головные уборы — «панга», «златной», «сорока», тяжелые, неудобные и требовавшие много времени для изготовления, вышли из употребления, но способ повязывания головного платка несколько напоминает их. Девушки по праздникам надевают на платок украшения из бус или цветов.

В мордовской деревне бытуют различные виды традиционного фольклора. В песнях, сказках, загадках, пословицах отражается историческое прошлое и прежний семейный быт мордвы. Мордовский писатель В. К. Радаев на основе фольклора, собранного им у населения левобережья Волги, создал поэму-эпopeю «Сияжар». Создаются и новые фольклорные произведения, в которых находит отражение современная жизнь мордовского народа. Наряду с мордовскими, широко распространены русские народные песни и песни советских композиторов. Некото-

Рис. 3. Девушка-мордовка в праздничном костюме

рые старинные русские песни так давно проникли в мордовскую деревню, что их считают здесь своими народными песнями. Народные пляски мордовки сопровождают частушками, исполняя их на русском и мордовском языках.

Много традиционных черт сохранилось в свадебном обряде мордоского населения. На свадьбу обычно приходят в национальных костюмах. Даже в тех деревнях, где их обычно не носят, женщины сохраняют один-два костюма, чтобы надеть их на свадьбу. Для свадебного стола готовят традиционные мордовские блюда, на свадебном пиру исполняются мордовские народные песни.

В некоторых мордовских деревнях еще сохраняются праздники, обычаи, уходящие своими корнями в далекое историческое прошлое. Таков, например, весенний обычай «авань-поза» (женская брага): женщины сообща варят брагу и угощают ею своих односельчан. Во многих деревнях устраивают «проводы весны». Женщины и девушки, одетые в яркие национальные костюмы, выходят за деревню на луг, где пляшут под гармонь, поют песни, бросают в воду венки. В некоторых деревнях в этот день «делают коня» и ходят ряженными.

До Октябрьской революции мордовское население, не имея письменности на родном языке, было почти сплошь неграмотным и по-русски из общего числа мужчин лишь 3,7% умели читать и писать, среди женщин только четыре из тысячи могли написать свою фамилию¹⁶. Поэтому первоочередными задачами культурного строительства в Советской Мордовии были разработка и введение письменности на родном языке, создание учебников, словарей и т. д. В основу письменности был положен русский алфавит, по звуковому составу соответствующий мордовскому языку. Не менее важной и очень трудной была работа над созданием двух литературных языков — мордвы-эрзя и мордвы-мокша. Эти языки, в основном близкие между собой, все же имеют фонетические и грамматические особенности, которые необходимо было учитывать, так как оба языка равнозначны и на каждом из них говорили примерно, половина мордовского народа.

Создание письменности и разработка литературных языков эрзя-мокша были необходимыми предпосылками для введения обучения на родном языке, ликвидации неграмотности, издания учебных пособий, национальных и переводных художественных произведений, газет и журналов. Задачи эти были успешно разрешены. В наше время Мордовская АССР — республика сплошной грамотности. На эрзянском и мокшанском языках ведется обучение в школах, издается периодическая, научная, общественно-политическая и художественная литература, в том числе газеты «Мокшень правда», «Эрзянь правда», журналы «Сурам толт», «Мокша» и др.

Наряду с мордовским, в республике широко распространен русский язык: на нем ведется обучение в старших классах средних учебных заведений и в вузах, издаются книги, журналы, газеты — «Советская Мордовия», «Молодой ленинец», альманах «Литературная Мордовия» и др. Знание русского языка облегчает мордовским трудящимся знакомство с сокровищницей культуры русского и других народов Советского Союза.

В 1931 г. в Саранске было открыто первое в республике высшее учебное заведение — Мордовский педагогический институт им. А. И. Плеваева, который в 1957 г. был преобразован в Мордовский государственный университет. В настоящее время здесь обучается более 4

¹⁶ В. В. Горбунов, Указ. раб., стр. 42.

тырех тысяч студентов. Кроме того, молодежь Мордовии учится в вузах Москвы, Ленинграда и других городов СССР. На территории республики имеется 28 техникумов, специальных школ и училищ. В 1932 г. был открыт Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики, который ведет большую исследовательскую работу. За последние годы им издан ряд ценных трудов по языкознанию, литературе, истории и экономике Мордовской АССР: «Очерки истории Мордовской АССР» (I том), «Очерк истории Мордовской советской литературы», учебники по грамматике, русско-мордовские и мордовско-русские словари, сборники мордовского устно-поэтического творчества и др.

За годы Советской власти в Мордовии выросли многочисленные кадры национальной интеллигенции. В республике работают десятки кандидатов и докторов наук коренной национальности. Мордовский народ выдвинул из своей среды много талантливых ученых, писателей, артистов, музыкантов, художников.

Больших успехов добилась Мордовская АССР в постановке школьного образования. В 1934 г. в Мордовии было осуществлено всеобщее обязательное начальное обучение детей школьного возраста, а в 1948 г. — всеобщее семилетнее образование. В настоящее время в республике осуществляется переход на восьмилетнее обучение, насчитывается 1300 школ¹⁷. В каждом селе имеется начальная или неполная средняя, а в более крупных селах — средняя школа. Обучение в начальных классах ведется на родном языке, в старших классах — на русском, но вместе с тем большое внимание уделяется изучению родного языка и родной литературы. В последние годы особое внимание уделяется политехнизации школ.

Значительную культурно-воспитательную работу в деревнях, кроме школы, проводят библиотеки и клубы, которые имеются почти в каждом селе, представляя собой ценные очаги культуры. Так, в клубе с. Подгорное Конаково Темниковского района часто проводятся лекции на международные, медицинские и антирелигиозные темы, вечера вопросов и ответов, просмотры кинофильмов. К чтению лекций привлекается сельская интеллигенция — учителя, медицинский персонал, работники клуба. Население проявляет большой интерес к лекциям краеведческого и исторического характера. При клубе организован кружок художественной самодеятельности; клубный хор занимает первое место в Темниковском районе. После участия в республиканском смотре художественной самодеятельности он в 1958 г. успешно дебютировал в Москве.

Культурно-просветительную работу среди колхозников ведут и районные дома культуры. Дом культуры Ельниковского района организовал выездную агитбригаду художественной самодеятельности. Для своих выступлений члены агитбригады используют материалы того колхоза, куда они приезжают, критикуя в частушках нерадивых колхозников и отмечая лучших. Эти выступления с одобрением принимаются местным населением.

Повседневную работу среди населения проводит библиотека с. Мордовское Давыдово Кочкуровского района, насчитывающая 4600 книг и обслуживающая около 300 читателей. Большим спросом пользуются периодические издания: газеты «Правда», «Литература и жизнь», журналы «Крестьянка», «Смена» и др. Библиотека организует тематические выставки: «Книги мордовских писателей», «Правда о религии» и т. п. О возросших культурных запросах мордовских крестьян свидетельствует и то, что они выписывают для личного пользования много газет и журналов.

Настоящим бичом старой мордовской деревни были инфекционные заболевания — трахома, оспа, туберкулез. Это было вызвано тяжелыми

¹⁷ А. Киселев, От бесписьменности до университета, «Советская Мордовия», 5 января 1960 г.

социально-бытовыми условиями и крайне плохим медицинским обслуживанием мордовского населения. В дореволюционное время на территории Мордовии (в современных ее границах) был всего 51 врач, перь там работает 710 врачей¹⁸. В каждом мордовском селе имеет медпункт, а в более крупных селах — больницы. При некоторых медицинских пунктах организованы стационары. Обслуживают население квалифицированные медицинские работники.

30 лет существует медицинский пункт в с. Волгапино Рыбкинск района. При нем имеется стационар с родильным отделением и лечебных кабинета. Особенное внимание уделяется лечению глаз заболеваний. Все роды в селе принимаются в стационаре. С трудом вспоминают мордовки то время, когда им приходилось родить в бани или в хлеву с помощью повивальной бабки. Тяжело больных отвезти в Рыбкинскую или Троицкую больницы.

До революции не существовало мордовского профессионального искусства, музыкального, хореографического и изобразительного искусства, хотя имелись богатые и разнообразные виды народного творчества — обрядовые представления, музыкальный фольклор, песни, пляски. В 1932 г. был создан Мордовский национальный театр, преобразованный в 1934 г. в Мордовский государственный театр драмы. Сейчас здесь имеются другие профессиональные коллективы — театр кукол Мордовская государственная филармония, симфонический оркестр, ансамбль песни и танца. В 1959 г. в Саранске, являющемся центром культурной жизни республики, организован Мордовский музыкально-драматический театр. В республике имеется много коллективов художественной самодеятельности. Широкой известностью пользуются народный артист МАССР композитор Л. П. Кирюков, заслуженный артист РСФСР Д. И. Еремеев, народная сказительница Ф. И. Беззубова, народный артист МАССР И. М. Яушев и др. Недавно в Саранске открыта картинная галерея. Произведения художников Мордовии демонстрируются на всесоюзных выставках.

Большой путь прошел мордовский народ за 30 лет со времени провозглашения автономии. Новые серьезные задачи стоят перед ним в текущем семилетии, в течение которого Мордовии предстоит осуществить большой скачок вперед. Промышленность республики получит дальнейшее развитие. В 1965 г. предусматривается произвести валовой продукции на восемь с лишним миллиардов рублей, или почти в пять раз больше, чем в 1958 г.¹⁹ К концу семилетия Мордовская АССР будет ежегодно давать количество электроэнергии, равное двум третям выработки в 1913 г. во всей царской России. Мордовия становится одним из крупных центров светотехнической промышленности СССР. Намечено строительство новых заводов специальных ламп, вакуумного стекла; организуется новый научно-исследовательский институт источников света. Будет создана новая для Мордовии химическая промышленность, будут построены резиновый комбинат, завод искусственного шелка, комбинат по производству шелковых тканей, много предприятий вырабатывающих строительные материалы. Дальнейший рост промышленности и машиностроения и металлообработки. Пищевая промышленность республики увеличит выпуск продукции более чем на 60%.

Декабрьский Пленум ЦК КПСС 1959 г. разработал широкую программу крутого подъема сельского хозяйства. Колхозы и совхозы Мордовской АССР к концу семилетия должны повысить производство мя-

¹⁸ Г. Осипов. Указ. статья.

¹⁹ «Советская Мордовия», 10 декабря 1958 г.

до 65 ц, молока — до 275 ц на 10 га земельных угодий. Расширятся площади, занятые техническими культурами.

Возрастет материальный и культурный уровень трудящихся. Только за счет государственных капиталовложений в республике за семь лет должно быть построено 663 тыс. м² жилой площади, что вдвое превысит существующий жилой фонд одного лишь города Саранска. Для колхозников, сельских рабочих и служащих за счет собственных средств и государственного кредита намечено ежегодное строительство 15—17 тыс. домов, общей площадью примерно в 500—600 тыс. м². К 1964 г. в сельских местностях республики будет завершена электрификация.

Рабочие, колхозники и интеллигенция Мордовской АССР и впредь вместе с другими народами многонационального Советского Союза приложат все усилия к дальнейшему подъему народного хозяйства и культуры нашей Родины, к успешному выполнению семилетнего плана великих работ. Досрочное выполнение семилетнего плана явится основой бурного роста благосостояния республики. Это позволит еще больше повысить культуру и улучшить быт мордовского народа.

SUMMARY

On January 10, 1960, the Soviet public observed the 30th anniversary of the establishment of the Mordovian Autonomous Soviet Socialist Republic. This was an event of paramount importance in the life of the Mordovian people who before the Great October Socialist Revolution had no statehood of their own and were severed under the administrative division. In tsarist Russia the Mordovian people were one of the most oppressed and backward.

In Soviet years the Mordovian Autonomous Republic has developed into an advanced agricultural and industrial area. Agriculture plays an important part in its economy, its main branch being crop raising. In recent years many crops, previously uncultivated here, have been grown on the collective-farm fields of the Republic — wheat, sugar-beet, maize. The area under industrial crops is steadily increasing, with animal husbandry, apiculture, vegetable and fruit growing developing apace. Mordovian collective farms have scored remarkable achievements; large-scale mechanization of farming operations is intensively introduced and the profits brought in by collective economy have considerably grown. The rising welfare of the Republic's farmers has promoted extensive housing construction.

After the Great October Socialist Revolution the culture of the Mordovian people who formerly had even no written language of their own, made tremendous strides. In Soviet years two literary languages took shape, the Erzya and the Moksha, with literature in these languages springing up.

Today every Mordovian village has a primary or secondary school — a factor ensuring total literacy throughout the Republic and the training of local intelligentsia. Culture clubs and libraries found practically in every Mordovian village, carry on extensive cultural and educational activities.

Infectious diseases — trachoma, smallpox and tuberculosis, the scourge of the Mordovian people before the Revolution, have been wiped out.

The culture of the Mordovian people, socialist in content and national in form, has imbibed the finest traditions of the past. Widespread in the Mordovian countryside are such forms of folk art as the song and the dance, embroidery, etc. The national dress is still in existence.

In the current Seven-Year Plan period the economy and culture of the Mordovian Autonomous Republic will develop further, its people making another stride along the path of Communism.

В. А. АЛЕКСАНДРОВ

РУССКОЕ ЖИЛИЩЕ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В XVII — начале XVIII века

В истории заселения Сибири русскими в XVII — начале XVIII в. важным свидетельством о происхождении переселенцев и о занесенных ими этнических традициях, об интенсивности освоения края пришел ми, об их приспособлении к местным природным условиям может жить местное жилище — тип и назначение отдельных жилых и хозяйственных построек, их планировка и техника возведения, а также терминология. О сибирском жилище XIX в. легко судить по сохранившимся описаниям в специальной литературе; до настоящего времени возможны также полевые этнографические наблюдения над постройками того времени, а в редких случаях — даже середины XVIII в. Об же народного городского и сельского жилища 250—300-летней давности периода первоначального заселения русскими Сибири, в частности Енисейского края, воссоздается по отдельным архивным данным, представляющим большую редкость: по переписной книге монастырских дворов Енисейского уезда (1679 г.), переписной книге постоянных дворов гор. Енисейска, составленной в 1704 г., и отдельным документам по Енисейскому и Мангазейскому уездам (например, опись имущества, административная переписка по поводу пожаров, строительства казенных помещений и пр.).

Переписная книга, составленная в 1679 г. в связи с ограничением монастырского землевладения в Сибири, по содержащемуся материалу менее полна, чем переписная книга 1704 г. Переписчики, точно отмечая состав населения монастырских деревень Енисейского уезда, считали нужным описывать только некоторые дворы, главным образом те, где жили монастырские закладчики и работники. Поэтому в книге имеется описание лишь 29 дворов, разбросанных по 20 деревням, усадьб и заимкам уезда. В этих дворах описаны 37 жилых строений, а также различные хозяйственные сооружения, но, как правило, без указания размеров, без описания видов отопления и внутренней планировки жилых помещений.

Переписная книга постоянных дворов Енисейска 1704 г. была составлена согласно указу Петра I, по которому местные власти во всем государстве обязывались переписать у «всяких чинов людей», без исключения постоянные дворы, на которые пускают для постою всяких «чиновных людей» и которые отдают в наймы дворы свои или на дворах своих палаты и избы и подклеты и в избах и в подклетах углы»; правительство предполагало, оценив и выплатив владельцам стоимость таких дворов, «отпослать» их в казну. Результат этой частной переписи сохранился только по Енисейску¹.

Эта книга содержит в большей или меньшей степени подробное описание 40 жилых строений с рядом хозяйственных построек (

¹ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1390, лл. 14—65. На эту переписную книгу обратил внимание еще Н. Н. Оглоблин, справедливо оценивший ее значение, как единственной в своем роде и очень любопытной преимущественно в бытовом отношении. Н. Н. Оглоблин, Обзорные столбцы и книг Сибирского приказа, ч. I, М., стр. 79, 80, 312—315).

колодцев, хлевов, сенников), находившихся в 33 дворах. Ее ценность заключается прежде всего в том, что в ней обозначены размеры дворовых и огородных участков, указаны типы домов, размеры большинства жилых и хозяйственных строений и их частей, количество окон и их устройство, виды печного отопления, а также строительный материал; на основании отдельных указаний можно судить о положении домов по отношению к улице, о технике строительства, о типах застройки усадеб. К сожалению, почти совершенно отсутствуют в переписи данные о внутренней планировке жилища².

Владельцы дворов принадлежали к средним категориям городского населения. Половину их — 17 человек — составляли посадские люди, 10 домовладельцев были рядовыми лешими казаками, т. е. наименее оплачиваемой категорией приборных служилых людей; два двора принадлежали казенным («записным») плотникам, один — казачьему десятнику, и три двора — сыну боярскому и двум подьячим. Нет оснований думать, что все эти дворы специально строились как постоянные, и именно потому, как будет показано ниже, имели весьма значительную жилую площадь. Показания дворовладельцев создают впечатление, что к постоянному промыслу обращались наименее состоятельные или обедневшие жители, искавшие даже очень незначительного заработка. Не случайно среди 33 дворовладельцев было 6 вдов. Сдача углов в наем «всяким проезжим людям» приносила дохода, как показывали дворовладельцы, всего лишь две деньги, т. е. одну копейку с постояльца в неделю.

Описываемые дворы находились в трех основных районах города: 7 дворов непосредственно в «городе», т. е. в пределах острога; 21 двор на Нижнем посаде, между острогом и берегом Енисея, и 4 двора также на посаде, но за Мельничной речкой, протекавшей мимо острога и Нижнего посада и впадавшей в Енисей. Таким образом, в переписи представлены усадьбы, характерные для различных частей города.

² Приведем для примера описание двух дворов (ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1390, лл. 15 об.— 16, 21 об.— 22): «Двор енисейского пешей службы казака Федора Булдакова на Воскресенской улице, идучи от Гостина двора к Воскресенской церкви на левой стороне в межах, с одну сторону енисейского посадского человека Данила Щукина. По другую сторону прежние квасные избы порозжее место. С переднюю сторону Воскресенская улица. Позади улица ж, что подле острог. На том дворе хоромного строения горница на подклете мерою трех сажен с аршином, у той горницы три окна колодные, да три ж окна волоковые, двери у той горницы на крюках железных. В горнице печь кирпичная с трубою выводною. Под тою горницею подклет, у того подклета окно колодное, три окна волоковые. У того подклета дверь на крюках железных. У голца дверь на крюках же железных. Позади передней горницы построена горница на подклете мерою двух сажен с аршином. У той горницы три окна колодные, окно волоковое, дверь на крюках железных. У той же горницы в подклете окно колодное, три окна волоковые, дверь на крюках железных. В подклете печь кирпичная с трубою выводною кирпичною. Промеж горницею сени тесовые, а в сенях подволока, на верху забрана тесом, мерою же сени длиннику трех сажен, поперег двух сажен. Двери у сеней на железных крюках, в горничных же и в подклетных окнах окончины слудные шитухи и з железом. На том же дворе погреб с надпогребницею мерою трех сажен, сверх надпогребницы анбар. У надпогребницы у верхнего анбара двери на крюках железных, замок висячей. У анбара во дворе погребницы, хлев скоцкой. На огороде колодезь, баня старая двух сажен ручных. Мерою земли под тем хоромным строением длиннику двадцать одна сажень с полусаженною, поперег полсеми сажени, кругом двора огорожено заплодом, а огород частоколом. Покрывают горницы и анбар и баня драньем, а на том дворе на постое торговых людей и с лавочными сидельцы двенадцать человек...

Двор посадского человека Федора Кирьянова, идучи на посаде от Ильинской башни к убогому дому на левой стороне в заулке в межах, с одной стороны огород подъяческой жены Никиты Гусева вдовы Парасковии, с другую сторону подъячего Семена Надейна. Позади огород отставного записного плотника Родиона Леонтьева. С переднюю сторону глухой заулоч. У дворе хоромного строения изба старая мерою трех сажень, в избе два окна колодные, пять окон волоковых, в избе казенка забрана в косяк. У избы и у казенки двери на крюках железных. Перед избою сени мерою двух сажень. Перед тою ж избою клеть мерою полутретьи сажени. Под сенми хлев скотской. Под клетью погреб. За клетью стая конская, в стале хлев скотской. Изба и клеть крыты драньем. Под тем дворовым и хоромным строением земли мерою длиннику и поперег по одиннадцати сажень, а на том дворе на постое сапожники два человека».

Сопоставляя обе переписные книги — 1679 и 1704 гг., — можно говорить о типах местного жилища, об их особенностях, характерных для городских, так и для сельских поселений. Жилище рядовых жан того времени, особенно в провинциальных городах, мало отличалось от жилища крестьян; в Сибири, где процесс отделения мяса от сельского хозяйства шел значительно медленнее, чем в Центральной России, эта общность проявлялась более заметно, хотя, конечно, городские и сельские дворы имели свою специфику, в частности в хозяйственных постройках.

Определение общих, наиболее отчетливо проявлявшихся особенностей в типологии местного жилища особо важно потому, что постройки, описанные в обеих переписных книгах, могли быть возведены или первыми русскими насельниками, или, в крайнем случае, вторым их поколением.

Территория Енисейского уезда была присоединена к России и первоначально освоена русскими приблизительно в 1615—1630-х годах. Сам Енисейск, вначале острог, возник во втором десятилетии XVII в. и, по данным переписной книги 1669 г.³, был многолюдным городом и важным экономическим центром. В это время в городе насчитывалось не менее 64 дворов, принадлежавших служилым людям, 120 дворов, принадлежавших посадским людям; всего же, с дворами местного причта, подьячих и других, насчитывалось не менее 200 дворов. Постоянное население города — посадское и служилое, вместе с семьями насчитывавшее до 750 человек, — постоянно пополнялось различными рода людоем, следовавшим с «Руси» и на «Русь»: торговыми людьми и их агентами, приехавшими по своим торговым делам, промышленниками, следовавшими на соболиные промыслы, «гулящими людьми», пришедшими в поисках удачи и заработка и задержавшимися в городе на более или менее продолжительный срок. За один только год, с сентября 1666 по август 1667 г., через Енисейск прошло 964 человека⁴.

Состав постояльцев, указанный в переписной книге 1704 г., хорошо отражает специфику быта города, крупнейшего перевалочного центра на колонизационных и торговых путях Сибири, — из 104 человек было 34 торговца или торговых агента, 29 «гулящих людей», 19 ремесленников — «портных-швейцов», сапожников и др.

Владельцы постоянных дворов показывали, что их постояльцы стали на постой в осенние месяцы 1704 г., т. е. тогда, когда движение на торговых путях замирало до весны. Большинство постояльцев останавливалось на сравнительно короткое время, снимая сообща по несколько человек теплые подклеты или углы в избах. Только в четырех дворах сдавались отдельные помещения целиком (избы, подклеты). Дворохозяева обычно обеспечивали их дровами, освещением (лучиной) и самыми необходимыми пищевыми припасами — квасом, крупой, капустой, солью. Стоимость всего этого вместе с оплатой за приготовление пищи включалась в плату за наем угла (1 алтын в неделю на человека).

Постоянное сельское население уезда создавалось в это же время. К 1630-м годам насчитывалось несколько десятков крестьян-дворохозяев, к 1654 г. число их возросло до 207, а к 1702 г. — до 917⁵. К этому следует прибавить значительное число монастырских крестьян, посадских и служилых людей, проживавших в деревнях, слободах и острогах, а также сотни промышленников и «гулящих людей». В 1676 г. по крестопригодному списку в Енисейске и в уезде насчитывалось 4008 взрослых мужчин разного социального положения, из них около 1700 промышленников и «гулящих людей». По неполному списку 1683 г. среди присягавших царям Петру и Ивану Алексеевичам по уезду насчитывалось монастырских

³ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 527, лл. 296—303 об., 335—369.

⁴ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 505, лл. 187—270.

⁵ В. И. Шунков, Очерки по истории земледелия Сибири XVII в., М., 1956, стр. 106.

ских крестьян и вкладчиков — 207, а промышленников и «гулящих людей» — 632⁶.

Знания и опыт, использованные при строительстве жилищ, не могли выработаться за короткий срок пребывания русских переселенцев в Сибири и, конечно, сложились значительно раньше; переселенцы принесли с родины традиционные представления о наиболее рациональных строительных и конструктивных приемах. Кроме того, на планировке городских кварталов, на площади дворов и жилых помещений, господствующих типах застройки и т. п. отразились специфические условия Сибири — обилие леса, отсутствие земельной тесноты в только что возникших городах, суровый климат.

Площадь дворовых участков в Енисейске, как и в других городах, стояла в прямой связи с плотностью заселения. В Енисейске, только обстраивавшемся в течение XVII в., земельная теснота не ощущалась. Имеющиеся данные позволяют думать, что усадьба в 1000 м² в городе была обычным явлением. Общая площадь дворовых и огородных мест в Енисейске в целом довольно устойчива, если не считать одной усадьбы подъячего (3625 м²), принадлежавшего к местной административной верхушке. Из 33 усадеб девять занимали площадь от 1000 до 1500 м², пятнадцать — от 630 до 1000 м² и шесть усадеб (из них четыре, вероятно, без огорода) — до 600 м²; площадь остальных не указана.

В среднем площадь дворовых усадеб в городах Центральной России была несколько меньше и не превышала 1000 м². А. С. Лаппо-Данилевский, утверждавший, что величина дворовых и огородных мест в различных провинциальных городах Центральной России XVII в. была очень разнообразна (Шуя, Кашира, Старица, Старая Русса и др.), считал возможным их максимальный размер считать в 200 саж² (915 м²)⁷.

На юге, в городах, расположенных по оборонительным линиям, приборным служилым людям под дворы и огороды отводилось тогда же от 730 до 915 м² (Рязань, Болховой, Козлов и др.)⁸.

В Москве, как в более населенном городе, средняя плотность заселения зависела от местоположения квартала в городе. В окраинной Мещанской слободе в XVII в. дворовый надел в среднем равнялся 445 м², а в Кисловской слободе, находившейся в центре города, — максимально 272,5 м². Площадь дворового участка зависела и от социального положения домовладельца. На центральной Великой улице усадьба зажиточного человека достигала 900—1000 м²⁹. «В среднем тяглый посадский двор представлял собой участок приблизительно в 125 квадратных саженей» (т. е. 567 м²), — писал о московских дворах XVII в. С. К. Богоявленский¹⁰.

Усадебные участки в Енисейске, как и в ремесленных кварталах других русских городов XVII в., по форме представляли собой прямоугольник, выходящий наиболее короткой своей частью (поперечником) на улицу, тогда как длинная сторона завершалась огородом. В переписной книге указано наличие огородов в 25 усадьбах; только в одном случае город располагался напротив усадьбы через проезжую улицу. Ввиду того, что опись дворов проводилась не сплошная (по кварталам), а выборочно, трудно судить о тождественности площадей смежных участков

⁶ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 605, лл. 31—156; кн. 817, лл. 42—163.

⁷ См. А. С. Лаппо-Данилевский, О величине дворовых и огородных мест древнерусского города, «Записки Археологического общества», т. III, СПб., 1888, стр. 308, 314.

⁸ В. А. Александров, Стрелецкое войско на юге Русского государства в XVII в., рукопись кандидатской диссертации, М., 1947, стр. 87—97.

⁹ М. Г. Рабинович, Дом и усадьба в древней Москве, «Сов. этнография», 1952, № 3, стр. 58—59; П. и Б. Гольденберг, Планировка жилого квартала Москвы XVII—XIX вв., М.—Л., 1935, стр. 49, 61, 62.

¹⁰ «История Москвы», т. I, М., 1952, стр. 504.

и об устойчивом соотношении длинника с поперечником в границах одного квартала¹¹. Тем не менее, в отдельных районах города прослеживается определенная общность. В городе из семи участков пять имели длинник от 37 до 41 м, один — 45,5 м и один — 55,5 м. Три участка четырех на посаде за Мельничной речкой имели длинник в 32—34 м. На Нижнем посаде описываемые участки (21) были различной протяженности (6 участков от 36 до 43 м, 6 участков от 47 до 51 м, 4 участка от 61 до 85 м, остальные менее 32 м. Величина поперечника всех этих участков была крайне разнообразной — от 8,5 до 42,5 м).

Несмотря на неполноту данных, записанных в переписной книге Енисейска, можно считать, что жилые помещения в городских дворах торцовой стороной выходили на улицу, ибо в ряде случаев длина жилищ строения превосходила размеры поперечника участка¹².

Кварталы Енисейска иногда состояли из одной линии усадеб, что жилые строения выходили на одну улицу, а огороды упирались на другую, параллельно идущую. Во дворах, стоявших вдоль берега реки, жилые строения ставились, по-видимому, также торцом к реке.

Тип жилых построек в городских и уездных дворах Енисейского уезда весьма показателен. Многие авторы, исследовавшие древнерусское народное жилище, подчеркивали, что трехкамерная постройка в XVII в. не была широко распространена. Г. Громов, анализирувавший альбом Мейерберга как источник по истории русского крестьянского жилища Центральной России, пришел к выводу, что жилища, представленные в альбоме, в основном однокамерные¹³. П. и Б. Гольденберг, говоря о Москве, утверждали, что только «аристократия» ремесленного класса располагала трехкамерной избой (изба, сени, клеть), средний же ремесленник довольствовался только избой и сенями или одной избой, отапливаемой по-черному¹⁴. С. К. Богоявленский писал, что «наиболее распространенным типом московских построек была так называемая двойня, состоявшая из двух срубов и сеней между ними»; но он же оговаривается, что «жилища бедняков обычно состояли из одной избы»¹⁵. П. И. Засурцев, на материалах Новгородской археологической экспедиции, исследуя жилища, расположенные в Неревском конце Новгорода и датируемые не позднее XVI в., пришел к выводу, что, наряду с широко известными в Новгороде однокамерными постройками существовали двухкамерные и в редких случаях даже трехкамерные (203 построек — 28), прослеживаемые «при раскопках регулярно на протяжении X—XVI вв.»¹⁶.

В Енисейском уезде в XVII в. трехкамерное жилище было распространено в быту русского населения. Правда, замена клетки вторым большим помещением (горницей), наличие которого в первой половине XVIII в. считалось характерным для сибирского старожильского населения в конце XVII в. только намечалась.

¹¹ О подобной форме городских участков как явлении, характерном для городской планировки того времени, см.: А. С. Лаппо-Данилевский, Указ. р. стр. 309.

¹² Описываемая форма дворовых участков, их площадь, постановка дома по отношению к улице сохранились в восточносибирских селах до настоящего времени. Е. А. Ащепков, Русское народное зодчество в Восточной Сибири, М., 1953, стр. 44; Н. Щукин, Быт крестьянина Восточной Сибири, «Журнал министерства внутренних дел» (далее ЖМВД), 1859, № 2, отд. III, стр. 32; Г. Степанов, Об Енисейской губернии, ЖМВД, 1835, август, стр. 436.

¹³ Г. Громов, Альбом Мейерберга как источник по истории русского крестьянского жилища, «Сов. этнография», 1955, № 1, стр. 164—171.

¹⁴ П. и Б. Гольденберг, Указ. раб., стр. 49.

¹⁵ «История Москвы», т. I, стр. 506.

¹⁶ П. И. Засурцев, Постройки древнего Новгорода, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 65, М., 1959, стр. 280—287.

¹⁷ Н. Щукин, Указ. раб., стр. 32; А. Кириллов, Очерк Сибири, ЖМВД, т. I, № 12, стр. 431; Г. Степанов, Указ. раб., стр. 436—437.

Большая часть жилых помещений в Енисейске представляла собой трехкамерное строение — связь. Всего в 33 городских дворах находилось 3 отдельных жилых строений, из них — 29 трехкамерных, 8 — двухкамерных и 3 — однокамерных. Трехкамерное жилище преимущественно состояло из одной теплой части (изба, горница), сеней и клети. Остальные четыре трехкамерные жилища имели по два теплых помещения¹⁸.

Бывали случаи, когда у одного домовладельца на участке стояло по два трехкамерных строения. Двухкамерные жилища в редких случаях были единственным жилым помещением на одном дворе (всего 5 случаев). Однокамерные жилища находились на участках, где стояли двух-трехкамерные жилища.

В отдельных случаях под постоянное жилье были приспособлены, помимо изб и горниц, подклеты, что представляет собой довольно редкое явление в быту русского населения. По-видимому, енисейские домовладельцы, с одной стороны, таким путем стремились утеплить основную часть жилого помещения, а с другой, — выгадать лишнюю, годную для круглогодичного жилья площадь и сдать ее многочисленным приезжим. Такие отдельные помещения обычно сдавались в долгосрочный наем. Так, во дворе посадского человека Якова Тугунщика подклет сдавался на годовой наем «прихожему человеку», серебрянику Максиму Петухову семьей. Во дворе вдовы подьячего Прасковьи Гусевой в подклете также жил круглый год енисейский казак. В подклете жил с семьей и «енисейский» житель Михаил Закоурцев. Посадский человек Яков Красиков тапливаемый подклет сдавал на постой зимой «всяким приезжим людям». Спрос на жилье в переполненном всяким людом городе был настолько велик, что под постоянное жилье сдавались «баня жилая», «особая скотская изба».

В уезде трехкамерные жилые строения распространены были несколько менее, чем в городе. В упомянутой выше переписной книге монастырских деревень 1679 г. было отмечено в 29 дворах 37 жилых строений, из которых 12 строений представляли собой трехкамерное жилище и 15 — двухкамерное. Одно из трехкамерных жилищ было построено даже на отъезжей пашне; использовалось оно под жилье только во время страды¹⁹.

Другая характерная особенность русского жилища в Енисейском уезде заключалась в размерах. По площади жилые строения были весьма значительны. В среднем трехкамерное городское строение-связь занимало в длину 18—19 м. Точное указание длины всех частей трехкамерного строения в переписной книге имеется только в 15 случаях (одно строение достигало 20,9 м, восемь строений — 18—19, два строения — 16—17 и четыре строения — 13—14 м)²⁰.

¹⁸ В двух случаях две избы соединялись сенями, в одном случае две горницы соединялись сенями и в последнем случае изба и горница соединялись сенями.

¹⁹ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 403, лл. 2 об., 10 об., 13, 15 об., 18 об., 22, 24—37, 45, 115 об., 142 об., 152 об., 155 об., 176.

²⁰ Те же измерения указывает Е. А. Ащепков, говоря о старых избах Восточной Сибири, сохранившихся поныне (Е. А. Ащепков, Указ. раб., стр. 82).

Вычислять площадь жилых строений в целом и отдельных частей их приходится с той или иной долей условности; в переписной книге указывалась только длина одной из форм помещений (теплого, сеней, клети), причем иногда длина сеней и клети давалась суммарно. По-видимому, речь шла о наиболее распространенных квадратных помещениях, так как в редких случаях, когда то или иное помещение было явно удлиненной формы, указывались два измерения. Кроме того, переписчики лишь в редких случаях указывали, какой вид сажени они имели в виду, фиксируя то или иное измерение основной трехаршинную сажень или маховую — «ручную» в 2,5 аршина; так как в переписной книге чаще встречается указание на казенную, или печатную, сажень, то во всех спорных случаях она и принята нами за основную.

При постройке городских хозяйственных и жилых помещений, видно из приводимой таблицы, выдерживались определенные «типовые» размеры. Из 44 теплых помещений и утепленных подклетов, размеры которых были отмечены в переписной книге, половина была размер 6,2×6,2 м или 6,4×6,4 м (т. е. 38,4—41 м²).

Как указывалось выше, в переписной книге монастырских деревень размеры помещений указывались очень редко. Тем не менее можно

Размер, м ² (М×М)	Общее количество		
	теплые помещения (избы, горницы, утепленные подклеты)	сени	клетки
4,4 (2,1×2,1)	—	2	—
10,2 (3,2×3,2)	1	—	—
12,2 (3,5×3,5)	—	1	—
18,5 (4,3×4,3)	3	3	3
25 (5×5)	5	—	—
28,1 (5,3×5,3)	4	1	3
32,5 (5,7×5,7)	5	—	—
38,4 (6,2×6,2)	1	—	—
41 (6,4×6,4)	21	4	2
50,4 (7,1×7,1)	4	—	—
72,3 (8,5×8,5)	—	1	—

лагать, что теплые помещения площади не уступали городским теплым помещениям, а может быть превосходили их. В одном случае однокамерное жилище (изба) имело площадь в 42,3 м² (6,5×6,5), в двух других случаях теплое помещение в двухкамерном жилище (из сени) и однокамерное жилище (изба) достигали 74 м² (8,6×8,6)²¹. При этом следует учесть, что однокамерные жилища, судя по городским документам, были по размерам меньше теплых помещений трехкамерных жилищ.

Такие помещения, особенно в то время, нужно считать бесспорно большими. Срубы, откры-

археологическими раскопками в Новгороде, значительно меньших размеров. Из 22 срубов XV—XVI вв., стоявших на Великой улице и близ других улиц, несомненно, жилыми помещениями (сохранились остатки печи и очагов), только шесть занимали площадь более 28 м², из них только два — свыше 40 м²²². Подобных материалов сколько-нибудь массового характера по другим городам в настоящее время нет. Вероятно, в Москве жилища рядовых посадских людей были подобны новгородским. Так, во время раскопок в Зарядье (1946—1950 гг.) было вскрыто жилище горожанина средней зажиточности (середина XVII в.), состоявшее из трех рядом стоявших срубов общей площадью в 40,6 м² (4,4×4,55; 3,3×3,5; 3×3)²³. По описанию 1646 г., во дворе тяглица Большой Конюшенной слободы Мины Михайлова «хоромы» состояли из поземной жилой избы в 29,2 м² (5,4×5,4), рубленых сеней в 41,2 м² (6,5×6,5) и рубленого же «пристенишка»²⁴.

В Енисейске в городских дворах общая площадь теплых помещений, приходящихся на одно строение, достигала огромных размеров. Тогда в трех дворах теплое жилое помещение по площади занимало менее 30 м² (24, 25, 28 м²). Нередко такие помещения достигали 100 м², и это было, например, во дворе пешего казака Федора Булдакова (соединенные сенями горницы в 50,4 и 25 м² на подклетах, из которых один в 25 м² был жилым), или у посадского человека Павла Орлова (две одинаковые избы по 41 м², соединенные сенями). В других дворах стояло по два и даже по три двух- и трехкамерных строения. Посадский человек Лука Котков имел во дворе избу с горницей (41 и 35,2 м² сенями и отдельно избу с сенями и клетью, измерения которой не указаны, и т. д. Обычно если во дворе стояло два или три отдельных жилых строения, то в новом жила семья дворовладельца, а старые сдавались в наем.

²¹ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 403, лл. 142 об., 166.

²² Труды Новгородской археологической экспедиции, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 55, М., 1956, стр. 50—58, 137 (подсчет мой.— В. А.).

²³ М. Г. Рабинович, Указ. раб., стр. 67.

²⁴ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 282, л. 69.

Сени и клетки (в отдельности) по площади были меньше или равны теплomu жилому помещению, что представляло собой общее явление в русском народном жилище²⁵. Только в двух случаях в Енисейске сени (и в одном случае — клеть) превышали по своим размерам теплое помещение²⁶.

Вместе с сенями и клетями жилые строения в Енисейске занимали очень большие площади. К сожалению, можно установить общую площадь только у пяти двухкамерных и у семи трехкамерных построек. Лишь одно «старое ветхое» двухкамерное строение, стоявшее на дворе посадского человека Никифора Чулошникова, имевшего на участке еще и трехкамерную постройку, занимало площадь в 22,9 м². Другие двухкамерные постройки были в 37,8, 42,8, 43,5 и даже в 82 м². Площадь трехкамерных построек колебалась от 70 до 150 м².

Сооружение таких построек объясняется и обилием строительного материала, и хозяйственными соображениями.

Трехкамерные городские постройки в большей своей части возводились на высоком подклете, что было характерно и для сибирского жилища в XIX в.²⁷. Когда подклеты превращались в жилье, то вся постройка приобретала вид двухэтажного дома. Изредка первый этаж составляли сени или клеть.

В уездных дворах подклеты не описывались, но некоторые избы особым образом отмечались как поземные; поэтому можно предполагать, что подавляющее большинство других изб стояло на подклетах.

Комплекс хозяйственных помещений в городских и уездных дворах имел некоторые отличия.

В городских дворах хозяйственные постройки описаны, по сравнению с жилыми помещениями, менее тщательно, и не в каждом дворе отмечен комплекс хозяйственных построек. Всего в рассматриваемых 33 дворах упомянуто 15 хлевов, 2 стаи (в Сибири в XIX в. стай называли загон для лошадей), 13 сенников, 8 амбаров, 12 погребов, 21 баня, колодца. В городе, где площадь дворов была все же ограничена, хозяйственные постройки чаще устраивали под жилыми помещениями, прежде всего хлева и амбары; 9 хлевов было устроено под сенями и амбаров — под разными жилыми помещениями. Часто под клетями устраивали погреба. Отдельно во дворах стояли сенники; в тех случаях, когда хлева стояли во дворах отдельно, сенники устраивали над ними²⁸.

В описанных 29 уездных дворах отмечены 31 хлев, 12 стай конских, 9 поветей, 2 сенника, 4 сарая или сенника, 22 хлебных амбара, 10 бань, 7 погребов, 9 овинов, сушильня. В этих крестьянских дворах хозяйственные постройки ставились отдельно от жилых построек, во дворе или на улице. Все хлева были расположены во дворе, и над ними устраивали повети; в одном случае над поветями был выведен еще сарай. Подобная конструкция хозяйственных построек характерна для двухъярусного двора, где «поветь — это второй этаж, в котором хранится сено и под которым находится скотный двор»²⁹.

²⁵ Е. Э. Бломквист, Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов поселения, жилища и хозяйственные строения), «Востоочнославянский этнографический сборник (Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов XIX — начале XX в.)», Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Новая серия, т. XXXI, М., 1956, стр. 62.

²⁶ Дом посадского человека Самойлы Боброкова — изба 7,1×7,1, сени 8,5×8,5, клеть 5,3×5,3; дом сына боярского Алексея Чемесова — изба 5,3×5,3, сени 6,4×6,4, клеть 6,4×6,4.

²⁷ Г. Степанов, Указ. раб., стр. 436—437.

²⁸ Позднее (в XIX в.) в сибирских дворах над хлевами обычно также устраивали сеновалы (См. Н. Шуклин, Указ. раб., стр. 35).

²⁹ Е. Э. Бломквист, Указ. раб., стр. 203.

В генетической связи с хозяйственными постройками севернорусского двора находится «стая конская», широко распространенная в Енисейском уезде в XVII в. На русском Севере стаями называли срубную юшку, которую ставили обычно в конце двора³⁰.

Е. Э. Бломквист отмечала, что в Сибири «нередко в прошлом скота не делали особого помещения, и он всю зиму ходил на дворе открытым небом; в других случаях устраивали в заднем дворе заплот (забор) со стороны господствующих ветров и навес»³¹.

В материалах XVII в. под «стайей конской» подразумевается скоп всего загон для содержания лошадей, иногда крытый, над которым устраивали поветь. В переписной книге городских дворов по поводу стайи указано, что она «забрана в заплот» (т. е. окружена бревенчатым забором). Две стайи в городских дворах были расположены зади трехкамерных строений.

В очень многих городских и уездных дворах стояла баня. В городе чаще всего ставили на огороде, значительно реже — на дворе; в деревне — почти всегда на улице, перед двором. Как и жилые помещения, бани строили крупных размеров, в большинстве случаев 18,5 или 27, (4,3×4,3; 6,4×6,4); в отдельных случаях в банях устраивали «печку сенью».

Почти при каждом крестьянском дворе имелись хлебные амбары, иногда они были «о двух жирах» или «двух житьях»³². За редкими исключениями их ставили на улице против двора. Овины ставили на гумне погребом — во дворе или на улице; в одном случае указана крыша (творило), но обычно над ними устраивали надпогребницу.

Дворовое пространство огораживали заплотом с двустворчатыми ротами (что было характерно для сибирских дворов и в дальнейшем) а огороды — частоколом.

Из других, не связанных с дворовой застройкой, хозяйственных сооружений по сохранившимся описаниям наиболее полно можно судить о мельницах. Еще в 1625 г. в Енисейске и в уезде мельниц не было вообще, а местное — служилое и крестьянское — население пользовалось ручными жерновыми и варило из ржи кутью³³. С быстрым ростом пашни в уезде местное население начало строить водяные и ветряные мельницы. Яковский воевода Петр Головин, проезжая через Енисейск в 1640 г., отметил наличие большого количества ветряных мельниц³⁴. Вряд ли это свидетельство верно, так как в дальнейшем ветряных мельниц в Енисейском уезде почти не было. По данным писцовой книги уездного населения 1689/90 и по оброчным мельничным книгам 1695 и 1698 гг., в Енисейском уезде ветряные мельницы встречались как исключение; в подавляющей массе мельницы были водяные, главным образом колесчатые³⁵. Всего в Енисейском уезде в 1695 г. насчитывалось 112 мельниц, из которых лишь четыре были ветряные³⁶. Колесчатые мельницы ставились на речках и ручьях для индивидуального пользования одним дворовладельцем или 3—4 семьями. Для совместного пользования целыми деревнями мельницы ставились редко. При постройке водяных мельниц местные переселенцы использовали имевшийся у них опыт. Любопыт-

³⁰ Е. Э. Бломквист, Указ. раб., стр. 168.

³¹ Там же, стр. 208, 209.

³² См. также ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 817, лл. 260—263; кн. 1419, лл. 189, 193. (По своей площади хлебные амбары были очень различны: от 4,8 м² до 41,3 м², а возможно и более).

³³ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 12, л. 8.

³⁴ Там же, стб. 75, л. 631.

³⁵ В дальнейшем в рассматриваемом районе употреблялись главным образом водяные мельницы (См. Е. Э. Бломквист, Указ. раб., стр. 335).

³⁶ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1419, лл. 35, 42 об., 45, 53 об., 57 об., 68, 86 об., 89, 96, 105, 111, 121, 151 об., 161, 169, 180 об., 182 об., 216 об., 220, 222 об.; 1089, лл. 185—196 об., кн. 1229, лл. 209—219.

эпизод произошел в Енисейске в 1628 г. Присланный из Тобольска мельничный мастер, по происхождению «литвин», начал ставить казенную мельницу «без крепостей, не по-русски, на сваях» и не укрепил плотину. Только что построенную мельницу первой же «скопною» водой снесло «без остатка». Тогда воевода Василий Аргаматов призвал «гулящего человека» Филата Жернокова и поручил ему ставить новую плотину и «делать мельницу и колеса с русского обычая», которая и была благополучно завершена и успешно работала³⁷. В Мангазейско-Туруханском крае местные жители для помола привозимого зерна также пытались, по-видимому, ставить водяные мельницы и в XVII и в начале XVIII в. Однако эти попытки в условиях вечной мерзлоты не увенчались успехом³⁸.

Наряду с небольшими мельницами отдельные местные жители, конечно в промысловых целях, ставили огромные сооружения. В 1649 г. в Енисейске администрация купила у посадского человека Андрея Лаврентьева требовавшую ремонта мельницу на речке Зырянке. Основное ее помещение «о трех житиях», где помещались два жернова, достигало почти 170 м². Отдельно стояла сушильня для зерна в 74 м². При ремонте большой плотины, на которой был устроен проезжий мост, потребовалось только «в добавку» 25 тыс. пудов камней³⁹.

О внутренней планировке жилищ переписные книги не содержат почти никаких данных. Почему-то переписчики аккуратно отмечали в городских дворах только одну деталь внутренней планировки — казёнку. По контексту — это отгороженная тесом часть (половина) рубленых сеней или избы с дверью в перегородке. Один раз переписчики отметили дверь у голбца; на основании этого можно считать, что спуск в подполье устраивали в избе, как это отмечалось позднее в северных и сибирских избах⁴⁰.

Жилые и хозяйственные постройки выводили, применяя срубную и столбовую технику. Если судить по единственному упоминанию в переписной книге городских дворов, срубы рубили «в угол» и, по-видимому, иногда бревна обтесывали. Столбовая техника применялась при постройке отдельно стоявших сенников, а иногда и сеней. Сени или прирубали к избе вместе с клетью, или же они были «забраны» тесом, «драньем». Есть упоминания о том, что бревенчатые сени иногда делали с «перерубом». Сени и клетки по большей части не имели потолка; во всяком случае, наличие подволоки, обычно тесовой, специально оговаривалось. Полы были «намощены» тесом. Если судить по описанию выведенных «по розвытке» местными жителями в 1667 г. новых острогов в Енисейске и в уезде, можно думать, что употребление для разных построек колотых бревен было явлением обычным⁴¹. Все без исключения строения покрывали дранью, а иногда еще и соломой⁴².

В городских енисейских жилищах обращает на себя внимание усовершенствованная «система» отопления. Кирпичные печи, топившиеся по-белому, с кирпичными выводными трубами были не редкостью. Правда, такие печи существовали, вероятно, только во дворах, стоявших в «городе» (в шести строениях, стоявших в четырех дворах).

Довольно полно представлен в переписной книге городских дворов материал об устройстве окон и об их количестве; окон во всех жилых помещениях было от 5 до 7—8. В домах, где подклеты были приспособлены для постоянного жилья, а также в домах, отапливаемых

³⁷ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 12, лл. 506, 507.

³⁸ Там же, кн. 367, лл. 708 об., 711; кн. 1270, л. 139.

³⁹ Там же, стб. 381, лл. 821—829, 840—845.

⁴⁰ Е. Э. Бломквист, Указ. раб., стр. 241, 242; Н. Шуклин, Указ. раб., стр. 32.

⁴¹ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 528, лл. 218—236.

⁴² Там же, стб. 98, л. 287.

по-белому, по 4—6 окон вырубали и в подклетах. Изредка окна дел также в клетях. В окна, как колодные, так и волоковые, очень часто вставляли слюду, что объяснялось, помимо дешевизны слюды, и тем, в районе Енисейска находились богатые ее месторождения. Иногда окончины вставляли сшитые вместе куски слюды («окончины слюды шитухи») ⁴³. Иногда же слюду вставляли в железный переплет, шир известный и в древнерусском жилище («окончины слюдные с железом»). Колодные окна прослеживаются в большинстве описываемых домов, хотя в некоторых, вероятно наиболее старых, сохранялись только волоковые. Е. Э. Бломквист считает, что волоковые окна стали заменять клетчатыми или косячатыми не позже XVII в. ⁴⁴. Быть может, именно с переходом к более совершенному типу окна наблюдался в это время в Сибири. Как правило, колодных окон в одном жилом помещении было не больше двух. Исключения в этом отношении встречались редко.

Двери во всех помещениях укрепляли «на крюках» и часто запирали «внутренними замками», достаточно известными в быту XVII в. Висячие замки запирали амбары.

Строительные и конструктивные особенности, характерные для жилищ енисейских жителей, распространялись также на административные здания Енисейска и на жилища представителей местного воеводского управления. По данным 1683 г., приказные избы в Енисейске были в подклетах, а на воеводском дворе, представлявшем собой целую усадьбу с «поварнями», «людскими izbami и чуланами», банями, погребам и т. п., боярские жилые хоромы состояли из двух горниц (столовой и крестовой) на жилых подклетах, третьей горницы, стоявшей крестовой, сеней, «предсенья» и повалуши ⁴⁵.

В других районах Енисейского края при частных особенностях возникших под влиянием местных условий, жилище имело те же традиционные черты. В городе Мангазее, расположенном в тундре при р. Таз, несмотря на отсутствие строевого леса, трехкамерные жилища также не были редкостью. Правда, ввиду недостатка леса, даже местная администрация строила в Мангазее для себя небольшие жилища, часто используя доски, снятые с пришедших в негодность судов. Сохранившемуся описанию конца 1630-х годов, двор влиятельного представителя местной администрации — дьяка Богдана Обоурова состоял из основного жилого помещения — горницы на подклете, дощатых сеней и (вместо клетки) также дощатого «амбаришка»; над сенями был устроен перегородженный надвое «чердачишко»; отдельно во дворе стояла изба, на которой была возведена горница, а также баня с сенями. Важно отметить технический прием, использованный при построении этих помещений. Все они были поставлены «на мостах». Е. А. Ал

⁴³ На Севере для этой цели также сшивали слюду. (См. Е. Э. Бломквист, Указ. раб., стр. 120. «Шитуха», — по определению Даля, термин архангельский; приведен в значении *сшитая лодка*).

⁴⁴ Там же, стр. 120.

⁴⁵ В доме пешего казака Прокопия Гатилова-Рогалева, расположенном в «горном и отапливаемом по-белому, в горнице было четыре колодных и два волоковых окна, а в подклете — два колодных и два волоковых окна. В доме пешего казака Федора Булдакова, расположенном там же и отапливаемом также по-белому, в одной горнице (50,4 м²) было три колодных и три волоковых окна, в подклете под ней одно колодное и три волоковых; в другой горнице (25 м²) было также три колодных и одно волоковое окно, а в отапливаемом подклете — одно колодное и четыре волоковых окна. В доме посадского человека Козьмы Тентюкова, стоявшем на Нижнем посаде, было два колодных окна и одно волоковое были устроены в клетях. В очень ветхом доме сына боярского Алексея Чемесова два колодных окна и четыре волоковых были устроены также в клетях.

⁴⁶ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 817, лл. 2, 35. В маленьком Кузнецком остроге воеводский двор в 1640 г. ничем не отличался от других дворов; он состоял из двора на подклете, горницы и клетки. (ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 98, л. 347).

⁴⁷ Там же, стб. 88, лл. 386, 387.

ков, описывая сибирское жилище XX в., отмечал, что для истории русской архитектуры представляют большой интерес обнаруженные «в некоторых сибирских постройках деревянные „мосты” — сплошные настилы из бревен в два и три ряда, служившие фундаментами жилых домов в низких заболоченных местах»⁴⁸. Город Мангазея стоял в тундре, и, безусловно, выведение помещений на «мосту» было там вполне оправданно. Дьяческий двор за ветхостью был брошен в 1637 г., а построен он был, вероятно, в первые годы XVII в., когда город только что закладывался. Строители сразу же учли особенности местной почвы и применили при возведении зданий известный им наиболее рациональный способ.

Рядовые горожане строились там еще более скромно. Упомянутый выше дьяк Богдан Обобуров за ветхостью своего двора перебрался жить в наиболее, по-видимому, просторный двухкамерный дом местного служилого человека. Этот дом состоял из избы на подклете и «сенишек»⁴⁹. В Дубчевской слободе бедный двор одного из основателей слободы Ивана Ворогова, впоследствии разорившегося, в 1650 г. состоял из избы и пристроенного к ней амбара⁵⁰.

Я. Яроцкий, в начале XIX в. занимавшийся топографическим описанием Туруханского края, также отмечал, что в Туруханске все частные дома состояли из небольшой комнаты (избы) и отапливались по-черному. Тем не менее даже самое скромное жилище, вплоть до зимовий, было двухкамерным, и этот тип постройки очень стойко сохранялся на протяжении столетий. Для Мангазейско-Туруханского края характерным был крытый двор, связующий в одно целое все жилые и нежилые помещения и отмечаемый наблюдателями начиная с первой половины XVIII в. Крытые дворы служили убежищем для скота, особенно в длительные многоснежные и очень суровые зимы⁵¹.

Таким образом, с самого начала русской колонизации в различных районах Енисейского края под влиянием местных условий жилище начало приобретать специфические черты, ставшие характерными в XVII в. и сохранившиеся до недавнего или даже до настоящего времени. Рассмотренные материалы позволяют считать, что основные элементы севернорусского жилища выявились в сибирском жилище уже в XVII в. и способствовали сложению в Сибири определенного типа народного жилища.

«Распространенное представление о сибирском крестьянском жилище, как о высоком, просторном, светлом доме с наглухо запирающимися на ночь ставнями, с массивными воротами и высоким забором вокруг двора, добротными надворными строениями, — соответствует в основном сибирскому жилищу лесной полосы б. губерний Тобольской, Омской, Енисейской, Иркутской, а также отдельным районам Забайкалья и лесной зоны Алтая. В жилище этих районов сохраняются традиции высокой северовеликорусской бревенчатой избы на подклете, что неизбежно вытекает из суровых климатических условий», — писала И. Э. Бломквист, характеризуя сибирское жилище более позднего времени⁵².

Указанные выводы не менее важны и для истории непосредственно севернорусского типа жилища, который в XVII в. был настолько раз-

⁴⁸ Е. А. Ащепков, Указ. раб., стр. 21.

⁴⁹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 88, л. 384.

⁵⁰ Там же, стб. 381, л. 751.

⁵¹ Я. Яроцкий, Некоторые замечания о Туруханском крае, «Казанский вестник», 1826, ч. 16, стр. 160; ср. И. Скороговорков, Описание Енисейской губернии, Записки Сибирского Отдела Русского геогр. об-ва», кн. VIII, раздел 2, Иркутск, 1865, стр. 42; Н. К. Ауэрбах, Заселение и развитие промыслов в низовьях реки Енисей, Красноярск, 1929, стр. 21.

⁵² Е. Э. Бломквист, Указ. раб., стр. 239, 240.

вит, что традиции его широко распространялись в Сибири переселенцами с Русского Севера. В этой связи не лишены также интереса показанные в 1650 г. некоторыми жителями Енисейского уезда, по происхождению их прозвищ. Местные жители их называли «корелой» воеводская администрация, ввиду предполагавшегося соглашения Швецией о возвращении перебежавших на русскую территорию карел-хотел их выслать. Оказалось, что они происходили из Заонежских гостов, из Обонежской пятины и по специальности были плотниками «плотничали хоромы и всякое дело»⁵³. Любопытно также отметить, что термин, употребляемый в енисейских переписных книгах XVII в. для определения жилого помещения, — «хоромное строение», был до настоящего времени на Севере и обозначает дом-двор («хоромы

SUMMARY

Studies of the Russian national dwelling and its characteristic features as manifested by the 17th century town and village settlements in the Yenisei basin and in the neighbouring parts of Eastern Siberia, are of considerable interest not only for the history of dwellings, but also for the solution of the intricate problem of the origin of the Russian population which began to settle the Yenisei territory from the 17th century. Data yielded by archives warrant the conclusion that as early as in the 17th century the Siberian dwelling assumed its definite, specific features — the prevalence of three-room living premises raised above the ground, the great dimensions of these living rooms, a definite layout of the different outhouses in relation to the living quarters, etc. While comparing these data with the material on the 17th century Russian dwelling in other parts of the country and also with data on the later-period (19th and 20th centuries) Siberian dwelling, it is possible to assert that in its origin the Siberian dwelling was already in the 17th century linked with the North-Russian type of dwelling.

⁵³ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 387, лл. 75—83.

Г. В. ШИПУНОВА

НАРОДНОЕ ИСКУССТВО КОМИ

(Узорное тканье, вязанье, вышивка)

Этнографическое изучение народа коми производилось автором в 1928—1931 гг. в Ижемском, Сыктывдинском, Сясьском, Сторожевском, Помоздинском и Устьвымском районах Коми АССР. В статье использованы также материалы краеведческого музея г. Сыктывкар¹.

В этот период старинная одежда коми из пестрядинной ткани уже начала выходить из употребления, и ее носили лишь пожилые женщины. В настоящей статье рассматриваются узорное тканье (женские головные уборы, женские рубахи, полотенца), узорное вязанье (чулки, рукавицы, пояса) и вышивка, бытовавшие в основном в XIX — начале XX в.

Тканьем и вязанием занимались исключительно женщины. Ткали из волокна льна и конопли, вязали из овечьей шерсти. Прядением и крашением ниток, а также тканьем женщины занимались зимой и весной, до начала полевых работ.

Для окраски пряжи пользовались как фабричными красителями (преимущественно для льняной), так и домашними (преимущественно для шерстяной ткани). При подготовке растительных красителей домашним способом женщина проявляла немало упорства и старания, применяя отвары из цветов, листьев, корней, стеблей и коры различных растений. Рецепт окраски растительными красителями была разработана отдельно для шерсти, отдельно для льна.

Для окраски шерсти использовали березовый лист, березовую кору, желтый подмаренник, толокнянку, богульник, щавель, бородачатый лишайник, олений мох, плаун, хвощ, вереск, морковник, «волчьи ягоды» и пр. Березовый лист собирали перед Ивановым днем, березовую кору — в начале лета; желтый подмаренник срезали в период цветения и высушивали его цветки. Щавель употребляли только в свежем виде. Хвощ собирали до цветения и сушили. Бородачатый лишайник собирали летом и тоже сушили, олений мох — после первого мороза. Приготовленная из оленьего мха краска отличалась особой прочностью. Морковник собирали до и после его цветения. С кустарника «волчьи ягоды» срезали молодые ветки до цветения и вместе с листьями сушили.

Подготавливая шерсть к окрашиванию, ее сначала промывали в теплой мыльной воде, потом полоскали в проточной воде, чтобы в шерсти не осталось мыла. Для очистки сильно загрязненной или жирной шерсти делали раствор из соды и мыла, распуская их в горячей воде, охлаждали до 40°, опускали в раствор шерсть на четверть часа, часто перемешивая, затем вынимали, давали немного стечь с шерсти воде и тщательно промывали в холодной воде. Чтобы мотки шерсти при промывке в холодной воде не «свойлачивались», их натягивали на особую деревянную раму (пальцы) и погружали на несколько минут в кипяток, потом вынимали и давали моткам остыть. Остывшие мотки снимали с рамы, снова наде-

¹ Рисунки выполнены автором статьи.

вали на нее, но в другом положении, вторично опускали в кипяток несколько минут и опять остужали, а затем мыли в содовом или мыльном растворе. После промывки и полоскания сушили и убирали шерсть чистое место, где она не могла бы запылиться.

Промытую шерсть протравливали в растворе квасцов, хорошо вылакивали и отжимали, подготавливая к кипячению в красильном отваре.

Для приготовления отвара наливали в чистую посуду (глиняную, медную или эмалированную) ведра полтора холодной воды, прибавляя уксусной кислоты, иногда — хлебного квасу, доводя раствор краски нужной концентрации. Раствор краски готовили следующим образом: длинные (по высоте котла) холщовые мешочки, наполненные растительным красителем (для каждой краски имелся отдельный мешочек), мастерицы опускали в котел с теплой водой и кипятили. Мешочки не завязывали, чтобы во время кипения они не надувались и не плавали в воде, а привязывали их к ручке котла на длинной тесьме. В красильный отвар наливали столько краски, чтобы после того как из него будет вынута окрашенная шерсть, он был по возможности обесцвечен. На фу (400 г) шерсти готовили приблизительно полтора ведра красильного отвара. Шерсть погружали в холодный или слегка нагретый отвар, постепенно доводя его до кипения и все время помешивая шерсть круглой деревянной палкой или гладко выструганной деревянной лопаткой к самому стенку котла, чтобы она не свойлачивалась. Кипячение производили в течение получаса.

Шерстяную пряжу красили мотками, надевали на деревянные палки, которые своими концами опирались на края котла, причем во время кипячения мотки шерсти несколько раз переворачивали так, чтобы та часть мотка, которая была наверху, попала вниз и наоборот. В некоторых случаях шерстяную пряжу укладывали внутри котла рядами, пересыпая измельченными частями красильного растения; затем, наполнив котел до двух третей его объема, заливали шерсть горячей водой и кипятили. Окрашенную пряжу прополаскивали руками в пруде или в реке, а иногда надевали на палки и выкручивали вдвоем; после этого сушили ее на дворе.

Для узоров на шерстяных вязаных рукавицах, перчатках и чулках предпочитали устойчивые яркие цвета: оранжевый, красный, желтый, зеленый (цвета травы); иногда использовали синий, черный, коричневый цвета.

Окрашивание шерсти в красный цвет производили подмаренником травянистым многолетним растением. Выжатый из корня подмаренника сок, сваренный с квасцами, дает красивую желтую или светло-коричневую окраску. Цветы подмаренника дают красную краску; их употребляли в засушенном виде. Шерсть клали на ночь в отвар квасцов, затем окрашивали ее раствором корня подмаренника. Для придания большей яркости шерсть окрашивали сначала в желтый цвет, а затем перекрашивали в красный цветом подмаренника.

Для окрашивания шерсти в желтый цвет собирали в полях дрожистые листья и цветы его сушили и толкли в порошок, заливали кислым хлебным квасом, нагретым до кипения, и оставляли на один-два дня. Тем временем шерстяную пряжу клали на ночь в раствор квасцов в воде, затем погружали в красильный отвар и кипятили до получения желаемого оттенка цвета.

Для окраски шерсти в зеленый цвет употребляли березовый лист. Его сушили, заливали полутора ведрами воды, варили один час и процеживали; потом опускали в полученный раствор проквасцованную шерсть, медленно кипятили в течение получаса, остужали и начисто полоскали. Для получения более темного зеленого цвета опускали шерсть в крепкий щелочной раствор.

Для окраски шерсти в оранжевый или красно-желтый цвет срезали ножом бородачатый лишайник, растущий на стволах березы, сосны и ели. Шерсть укладывали тонкими слоями в котел, пересыпая кажды

слой частицами лишайника, причем на дне котла и на поверхности насыпали толстый слой. В котел наливали доверху воды и медленно около часа кипятили. Когда отвар совсем остывал, осторожно вынимали мотки шерсти, отряхивая их от лишайника, начисто прополаскивали сначала в чистой воде, а потом в тепловатой мыльной. Чем больше клали лишайника, тем гуще получался цвет.

Для окраски шерсти в черный цвет употребляли щавель, который собирали во время цветения. Для приготовления щавелевого отвара листья и стебли щавеля клали, сильно нажимая, в чугунный котел, наливали воды и варили полчаса, постепенно добавляя свежего щавеля. Так готовили полтора ведра очень крепкого отвара, который потом процеживали. Выполосканную в тепловатой воде шерсть клали в отвар и медленно кипятили в течение одного часа, постоянно мешая, затем давали остынуть, вынимали шерсть из котла и полоскали.

В черный цвет шерсть окрашивали также «болотной рудой» (жидкой грязью из болота, содержащей окись железа), в которую клали ольховую кору и кипятили. В этот отвар погружали шерсть и, кипятя, красили до желаемой степени насыщенности цвета. Иногда пользовались жижей из-под точильного камня, смешивая ее с ольховой корой и для подкраски прибавляли березовый лист.

Кроме местных красителей, для окрашивания шерсти в черный цвет пользовались привозными растительными красителями: индиго и синим сандалом (экстракт красного дерева).

Для окраски шерсти в синий цвет часто употребляли растительный краситель индиго-кармин, растирая его в порошок в глиняной посуде и прибавляя купоросного масла. Полученный раствор вливали в воду, погружали в нее шерсть и кипятили.

Для окраски шерсти в оттенки синего цвета применяли также плаун, ползучее растение. Его собирали, сушили, рубили, насыпали на дно деревянной кадushки, потом укладывали доверху мотки шерсти толстыми слоями, пересыпая их плауном. Потом все заливали теплой водой и ставили кадushку в теплое место на восемь дней. В течение первых трех дней ежедневно отцеживали воду из кадushки в котел, давали этой воде вскипеть и снова выливали в кадushку. На четвертый день перекладывали слои шерсти с плауном и оставляли так на все остальное время. Вынутую из плаунного отвара шерсть полоскали и полчаса кипятили в сандальном отваре, остужали и сушили. Сухую шерсть погружали в крепкий щелок и сейчас же начисто полоскали и снова сушили ее. Такой способ окрашивания шерсти считался наиболее прочным.

Для окраски шерсти в оттенки лилового цвета пользовались индиго-кармином (без примесей) в виде порошка.

Окрашивание шерстяных нитей растительными красителями давало наиболее прочную окраску, но красильница должна была проявлять большую инициативу, принаравливаясь к каждому виду протравок и красок, пока не добьется желаемого оттенка цвета. Поэтому рецептура окрашивания шерсти растительными красителями зависела от индивидуального опыта красильницы, как и создание узора определялось творческой фантазией мастерицы.

Наиболее распространенным растительным красителем для льняного и конопляного волокна служил гриб, или «кап», твердый и плотный нарост на стволе или сучьях березы. Сначала кап выщелачивали в горячей воде, потом ставили на ночь пропаривать в печь, а на следующий день варили до тех пор, пока отвар не приобретал желаемый терракотовый цвет. Таким отваром окрашивали верхнюю рабочую одежду, особенно в районах по верхнему течению р. Вычегды в Мысдинском и Устьнемском сельсоветах Помоздинского района.

С появлением анилиновых красителей коми стали переходить постепенно к новым способам крашения, наиболее простым. Особенно часто

применяли повсеместно анилиновые красители для окрашивания лного волокна в красный и синий цвета.

Искусству ткать и вязать женщины обучались с малых лет, за для приданого много пар рукавиц и чулок, поясов и полотенец. Сначала осваивали наиболее легкое рукоделье — тканье поясов, потом — вяз рукавиц и чулок, и только после этого — тканье холста и полотенец.

Кроме женских рубаш, некоторых женских головных уборов, мужских и женских поясов, рукавиц и чулок, коими остальные предметы одежды вообще ничем не украшали.

Женская одежда дольше сохраняла этническое своеобразие, чем мужская. Основной частью ее была рубаша (дөрөм кузь сос) с длинными рукавами, суживающимися книзу. Ее шили из двух частей: (верхней) из тонкого белотканного холста и нижней (стан) из более грубого холста; обе части рубашки сшивали на 10—12 см выше талии. Ворот, сшитый на узкой обшивке, застегивали на пуговицу, разрез дел прямой, длиной 22—23 см.

Поверх рубашки носили сарафан нескольких видов. Наиболее ранним из них был «шушун» из белого холста с набивным синим узором. К центральному полотнищу, перегнутому на плечах, притачивали боковые скошенные полотнища. Праздничный шушун шили из набойки с узором, напечатанным масляной краской, в виде цветов с ярко-желтыми красными и оранжевыми лепестками; на будничном шушуне узор набойки состоял из мелких квадратиков, горошка, кружков или точек. Будничные сарафаны в старину шили другого покроя: из пяти прямых полотнищ, собранных на уровне груди на узкую обшивку с узкими, собранными из того же куска лямками. На такой сарафан из пестрой набойки надевали фартук прямоугольной формы, собранный на уровне груди на узкую обшивку и с завязками сзади. Позднее другой появился у коми сарафан яркого цвета, широкий, в сборку, из пяти полотнищ, с отрезным лифом, гладко обтягивающим фигуру, с прямыми плечевыми лямками. Поверх этого сарафана также носили передник яркого цвета, со сборками, застегивающийся сзади. Такой сарафан и фартук шили из фабричной ткани.

Пояс с длинными густыми кистями завязывали двумя концами на правом боку. Летом и зимой надевали пестрые шерстяные чулки с яркими узорами. Летом мужчины и женщины носили одинаковую обувь (кōтi) — род полуботинок с широкими плоскими носками и завязками в виде длинных шерстяных шнуров черного или коричневого цвета; зимой — валенки.

Головным убором девушек служила повязка в виде прямой полоски, к обоим концам ее пришивали ленты, которые завязывали сзади и спускали длинными концами. Лобную часть повязки украшали тканым узором или аппликацией из цветных кусочков фабричного шелка или из ситца.

Молодые замужние женщины носили повязку из платка, свернутого в виде полосы, оставляющей верх головы открытым; концы платка завязывали сзади. Женщины среднего возраста носили «сборник» из парной или пестрой набивной ткани. В районах рек Лузы и Сысолы замужние женщины носили сороку (юркōртōд) в виде повязки, расширяющейся лобной части и спускающейся на затылок лопастью. В Устьвымском районе носили красный, сложенный на угол, кумачовый платочек, концы которого завязывали над лбом.

В старину носили тканые холщовые квадратной формы платки, украшенные с двух противоположных краев тканым узором, а зимой — платки из домотканного сукна, украшенные — также с противоположных сторон — бахромой.

Наплечники женской холщовой рубашки, имевшие прямоугольную форму, орнаментировали тканым узором из красной нити шириной 8—12 см.; кроме того, нашитые тканые узоры шли по вороту, вокруг разреза на груди и на рукавах в виде нашивки. Подол рубашки обычно

украшали тканым узором; исключение представляла рубаха, которую невеста дарила на свадьбе матери жениха. Тканый узор на женской рубахе и на концах полотенец был сходен (см. ниже). На рубахах пожилых женщин тканые украшения не встречались. Наплечники подчеркивались полоской кумача. Верхнюю часть такой рубахи делали из пестрядинного холста, нижнюю — из грубого белого. Можно отметить, что покроем жен-

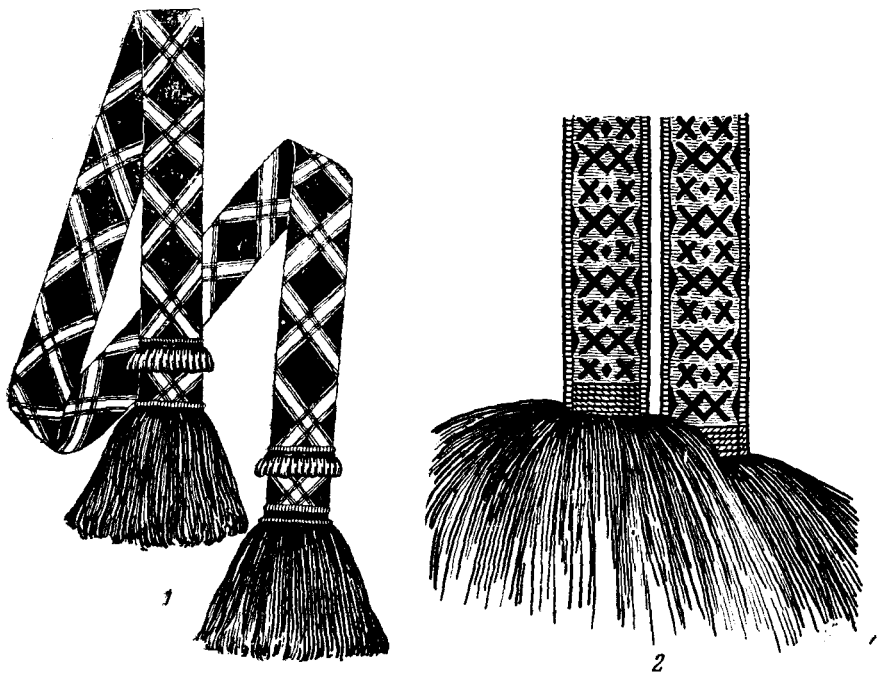

Рис. 1. Тканые праздничные пояса: 1 — женский пояс (д. Гагшер Сысольского р-на); 2 — мужской пояс (с. Сторожевск Сторожевского р-на)

ской рубахи коми сходен с рубашками русского населения бывших Олонецкой, Архангельской и Новгородской губерний; то же относится и к сарафану-шушуну.

Пояса, рукавицы и чулки у коми при очень примитивной технике изготовления представляют собой по орнаментации высокохудожественные изделия. Пояса носили мужчины, женщины и дети; по моим наблюдениям, такие пояса были распространены еще в 1949 г. Будничные женские пояса по расцветке и длине ничем не отличаются от мужских. Длина от 1 м 20 см до 1 м 50 см (без кистей); ширина — от 1,5 до 2 см. Нову делали из разноцветных шерстяных и суровых льняных нитей; ок — всегда льняной. Часто узор выполнялся только одноцветной шерстью на фоне сурового холста (преимущественно на мужских праздничных поясах, которые были главным образом ткаными). Женские пояса были вязаными, плетеными и ткаными; они отличались от мужских поясов более красочной расцветкой. Длина праздничных мужских и женских поясов была от 2 м до 2 м 20 см, длина кистей на мужских поясах — от 3 до 5 см. Концы нитей на кистях женских поясов обрезали ножом (рис. 1, 1), а на мужских — обрывали (рис. 1, 2). Кисти поясов приплетали к поясу, или делали из оставшихся незатканными концов основы; нередко кисти делали из разноцветных шерстяных нитей, причем на будничных поясах кисти были одного цвета с поясом; на нарядных поясах цвет кистей обычно не совпадал с цветом нитей пояса. Сочетание цветов узора и поля на двуцветных поясах у коми обычно было следующим: желтый с красным, оранжевый с голубым, зеленый с

оранжевым, черный с зеленым, зеленый с коричневым, синий (голубой с красным, лиловый с коричневым, лиловый с желтым, белый с сини). Бывали пояса трех-, четырех- и пятицветные. Боковые каемки пояса нередко были вытканы из нитей другого цвета. Орнамент на поясах предпочтительно выполняли оранжевыми, ярко-желтыми, зелеными, красными, синими и коричневыми нитями, кисти же делали обычно из ярко-желтых, оранжевых и красно-оранжевых нитей.

Основные элементы орнамента на тканых поясах — ромбы, полуромбы с гребешками, кресты, точки, фигуры в виде буквы П, прямые острые углы. Зубчатая линия в орнаменте на поясах не встречается. В узоре выдержана симметрия; композиция состоит из центрального, дополнительных мотивов; орнамент — геометрический. Округлая линия в орнаменте на поясах почти не встречается.

Вместо небольших деревянных дощечек, применяемых при этом способе тканья другими народами², ткачихи почти употребляли берестяные пластинки. Приспособление для тканья поясов — трепальце — изготовляли из дерева в виде ножа длиной от 15 до 20 см, шириной от 2 до 4 см. Шерстяную основу ткачиха сновала на лавке или на двух вбитых в стену деревянных гвоздях и т. п., затем разрезала ее и продевала нити в отверстия берестяных пластинок. Заправленную основу привязывали одним концом к гвоздю или к скобе, другим — к поясу ткачихи. Разноцветную основу заправляли так, чтобы верхние нити зева были одного цвета, а нижние — другого. Для образования узора ткачиха поднимала сверху или книзу нити того цвета, который требовался для рисунка; ей все время приходилось рассчитывать переборку пластинок. Для тканья пятицветных поясов с каемками были необходимы дополнительные пластинки, в зависимости от количества цветов (рис. 2, 1).

Весьма распространенным был у почти всех племен способ плетения на двух палках поясов «чушь пома вонь». Этот способ очень прост. Берется произвольное, но четное число шерстяных нитей (чем больше число нитей, тем шире получается пояс), причем для рисунка подбирается пучок нитей наиболее излюбленных цветов (например, красный, желтый, коричневый, белый); этот пучок (ректан), длина нитей которого должна равняться длине пояса (1 м 20 см, 1 м 50 см и т. п.), привязывают к прялке или какому-нибудь устойчивому предмету; плести пояс начинают с крайних нитей того или другого цвета; дойдя до середины пучка нитей, переплетают одну половину его с другой (рис. 2, 2), затем снова начинают плести с крайних нитей и т. д. Такими поясами до настоящего времени подвязывают мужские рубахи. При этом способе плетения получают узоры в виде острых углов (но не треугольников) и удлиненные ромбы, которые на поясе идут непрерывной цепью.

Широкие праздничные женские пояса вязали двумя чулочными спицами или тамбурным крючком, обычно из мягких фабричного производства шерстяных нитей разной расцветки с переходом от ярких тонов к бледным и обратно — от бледных к ярким.

Применялся также способ плетения женских праздничных поясов крючком для плетения сетей. Эти пояса были шириной до 20—30 см. Через петли конца пояса продергивали шерстяную нить и туго завязывали, затем вплетали сюда длинную кисть ярко-оранжевого цвета.

До настоящего времени бытует способ вязания шнурков-опоясок рабочей одежды мужчин и женщин, для мужских будничных рубах и женской одежды. Эти пояса заканчиваются пучком шерстяных нитей основ-

² Техника тканья таких поясов сходна с техникой тканья поясов у других народов Восточной Европы (на территории СССР — у южных и северных великороссов, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, у мордвы, мари, удмуртов, чувашей, казахов, татар, у народов Северного Кавказа, у осетин, живущих в Грузии).

Для орнаментики поясов характерно комбинирование незначительного запаса основных мотивов, повторяемых в разной расцветке и на разном фоне.

Орнамент на рукавицах и чулках сходен. В состав элементов и мотивов этого орнамента входят квадраты, ромбы и треугольники, гребешки, решетки, кресты, тупые и острые углы, прямые, волнистые и зубчатые

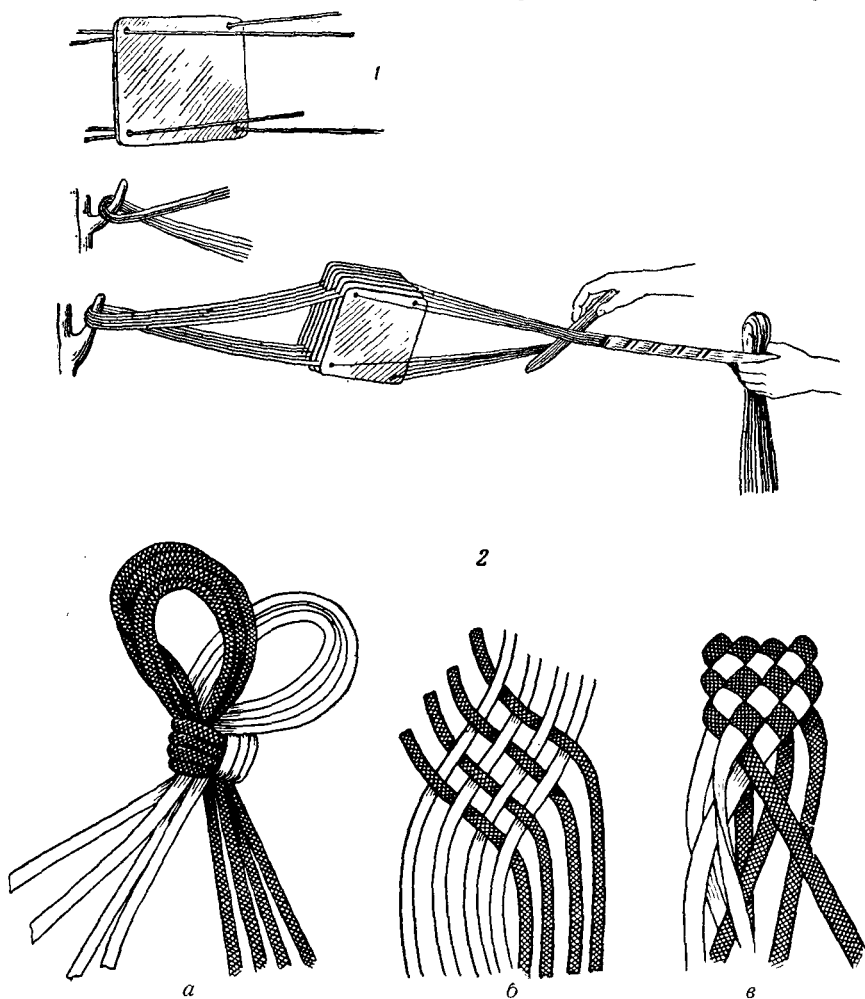

Рис. 2. Способы изготовления поясов: 1 — ткань на берестяных пластинках; 2 — плетение на двух указательных пальцах: а — пучок нитей, б — разделение пучка на две части, в — разделение каждой части на пары нитей

линии. Крупные ромбовидные и квадратные фигуры окружены гребешками. В центре квадратной фигуры помещены обычно один или четыре квадратика; в центре ромбовидной — соответственно, ромбики. Если углы основной квадратной фигуры рукавицы закруглены, то центр заполнен крестом или квадратом. Зубчатая и прямая линии являются дополнительными линиями в тех случаях, когда служат каймой или соединяют узоры многорядного орнамента. Волнистая и зубчатая линии часто имеют и самостоятельное значение. Так, в с. Чухлом Сысольского района ленточно-зубчатая линия располагается на рукавичках параллельными рядами различных цветов на черном или коричневом фоне.

Вязание рукавиц и перчаток начинается с «резинки» (тепысь дор резина), охватывающей запястье. Цвет ее отличен от цвета самой рукавицы; резинку или оставляют без орнамента, или украшают волнистыми

и прямыми линиями различных цветов, расположенными параллельными рядами.

Техника вязания резинки заключается в том, что одна или несколько петель вяжутся на правую сторону, и в таком же количестве — на левую сторону; таким образом получается рубчатая поверхность резинки, что позволяет ей растягиваться на запястье. Резинку вязали преимущественно из нитей темных цветов — черного, коричневого, темно-лилового. На праздничных рукавицах и перчатках резинка заканчивалась бахромой преимущественно ярко-оранжевого, красного или зеленого (молодой травы) цвета.

Чем сложнее, ярче и пестрее орнамент на рукавичках, особенно на женских, тем они считаются наряднее и моднее. По характеру орнаментации их можно разделить на несколько групп: 1) с однообразным орнаментом; 2) с двумя узорами, один из которых заполняет верхнюю часть рукавицы, другой — нижнюю часть ее; 3) с орнаментом, содержащим только один мотив, но разной, притом яркой расцветки, и на различной фоне, причем узоры расположены параллельными рядами; 4) с многокрасочным узором из различных мотивов ярких цветов, расположенных параллельными рядами на разном по цвету фоне.

Рис. 3. Орнаментированные рукавицы (с Чухлом Сысольского р-на)

расположенные в шахматном порядке: треугольники, квадратики, прямоугольники с чередованием двух цветов (белого с черным, коричневого с оранжевым, желтого с черным), зубчато-ленточные узоры, расположенные параллельными рядами на черном, желтом или оранжевом и коричневом фоне в разной расцветке, в виде мелких насекомых, вышитых в двух цветах — белом и черном или белом и коричневом. Техника выполнения последнего узора чрезвычайно проста: двумя белыми петлями соединяют две черные петли, двумя черными петлями соединяют две белые петли и т. д.; вяжут с двух клубков.

Для второй группы характерно, что один из узоров заполняет верхнюю часть рукавицы от основания большого пальца; он представляет собой ленточно-зубчатые линии, расположенные параллельными рядами в разной расцветке, на черном, коричневом или оранжевом фоне. Второй узор заполняет нижнюю половину рукавицы до резинки от основания большого пальца. На запястье помещают квадратную фигуру с гребешкообразными краями, как всегда поставленную углом и ограниченную с обеих сторон вертикальной зубчатой линией в два-три зубца. Фон узора на нижней половине рукавицы соответствует одному из цветов узора на верхней ее половине (рис. 3).

Для третьей группы обычен узор, который состоит из двух элементов «рога барана» (мõж сер) и «куриные пальцы», или «лапки» (чипан чух сер). Эти элементы в одной и той же комбинации повторяются ритмичными рядами; умелым варьированием цвета вязальщица придает простому узору сложный и живописный характер. Каждый узор окаймлен как бы подчеркнут прямой линией.

Четвертой группе свойствен комплекс мотивов, совершенно не похожих ни по характеру, ни по композиции. Этот орнамент носит название «смешанного узора» (визя сер, или помесь сер). На изделии каждая по-

лоса смешанного узора, параллельная другой, разделяется узким узором в виде зубчатой линии, называемой «зубья пилы» (пинь пила сер), или в виде ломаной линии, называемой «туда и сюда» (чукль-мукуль), и прямой линии (веськыд). Рядов узора, заключенных между дополнительными линиями и узкими узорами, бывает от пяти до двенадцати. Цветовую гамму смешанного узора составляют 4—5 цветов одинаковой насыщенности. При вязании употребляется 3—5 клубков. Число рядов этого орнамента увеличивается в том случае, если один или два узора многорядной полосы орнамента бывают подразделены по расцветке на несколько рядов (рис. 4).

Орнамент на чулках состоит из более крупных геометрических фигур: квадратов или ромбов, поставленных на угол в центре, сочетающихся с более мелкими геометрическими фигурами в самых разнообразных комбинациях: квадраты и прямоугольники, ромбы и треугольники. Маленький квадрат называют «гöгыль итчет» (маленький круг), большой квадрат — «гöгыль ыджыд» (большой круг), прямоугольник — «гöгыль джын» (половина круга).

Основная фигура орнамента на чулках — ромб или квадрат всегда окружена гребешками, решетками, дополнительными прямыми, параллельными линиями. В центре квадрата или ромба помещаются маленькие квадраты или ромбы.

Женские чулки большей частью покрыты до пятки многорядным орнаментом; иногда ширина полосы орнамента равна половине длины чулка и больше. Мужские чулки обычно орнаментированы полосой шириной от 10 до 15 см. Орнамент на чулках в разных районах Коми АССР имеет различия. Так, в Визингском сельсовете Сысольского района узор идет в верхней части чулка широкой полосой, а край чулка закончен ярко-желтой бахромой. Узор на белых чулках в этом районе обычно лилового цвета и состоит из квадрата с решетчатыми сторонами с гребешками, в центре которого помещен квадратик зеленого цвета. Орнаментальная полоса с двух сторон имеет кайму из шнуробразных прямых и зигзагообразных линий, квадратиков, поставленных углом, и косых крестов; нижняя кайма закончена прямоугольниками с крестообразной вершиной.

В Мыелдинском и Устьнемском сельсоветах Помоздинского района был наиболее распространен узор на чулках «зубья грабель» (грабля сер): на фоне полос, расположенных горизонтальными рядами, разной ширины и расцветки, идут косые разноцветные гребешки, построенные параллельно под углом 70—75°; если фон полосы красный или оранжевый, то гребешки — черные; если желтый, то гребешки — белые; если белый, то гребешки — черные или коричневые.

В Помоздинском районе узор «зубья грабель» на мужских чулках встречается в большинстве случаев в сочетании черного и коричневого фона с белым узором или наоборот; ширина узора — от 15 до 20 см. На женских чулках этот узор встречается в яркой расцветке и покрывает весь паглюнок. Известны здесь и другие вариации этого узора.

В том же Помоздинском районе в д. Разгорт Устьнемского сельсовета втору данного сообщения пришлось видеть женские чулки, орнамент в верхней части которых состоит из квадратов с гребенчатыми сторонами и крестом в центре; две нижние трети чулка заняты орнаментом из разноцветных треугольников (сквозных и сплошных), образующих параллельные ряды разной расцветки. Треугольники расположены то снованием вниз, то наоборот (рис. 5, 2).

Рис. 4. Орнаментированные перчатки (с. Чухлом Сысольского р-на)

Наиболее распространен на мужских чулках по всей Коми АС особенно в верховьях р. Вычегды, «круглый узор», или «узор из гов» (утчись сер). Основная фигура этого узора — ромб, вытянутый длину по ширине чулка; эти ромбы переплетаются друг с другом, образуя цепь. Стороны вытянутого ромба украшены гребешками, обращенными к его центру. Центр ромба заполнен вытянутым в длину ромбом.

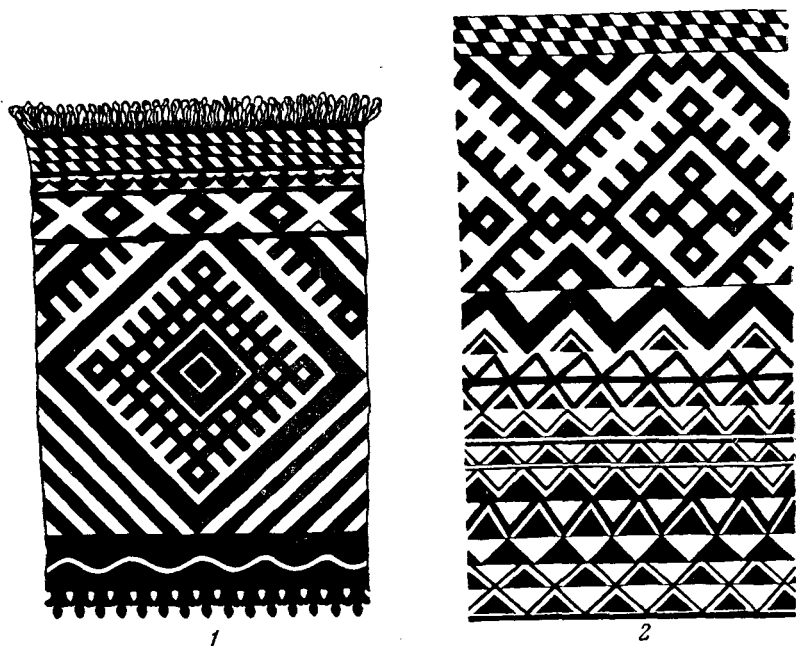

Рис. 5. Орнамент на чулках: 1 — мужские чулки (д. Ултош Визингского сельсовета Сысольского р-на); 2 — женские чулки (д. Разгорт Помоздинского р-на)

крестом из пяти ромбиков, центральный из которых крупнее остальных. Чулки с этим узором вяжут из белой шерсти, узор — из черной или ричневой.

В целом цветовая гамма вязаных изделий отличается богатством яркостью, хотя количество цветов незначительно — от двух до пяти. Орнамент строго геометричен. Пояса бытуют и в настоящее время, преимущественно тканые. Рукавицы и чулки распускают и вяжут из шерсти соответственно моде, шарфы, платки и пр. Вышедшие из употребления вязаные изделия многие хранят как художественную ценность.

Другим видом традиционного изобразительного искусства коми является узорное ткачество, причем орнамент выполняется красной нитью белому холсту на концах полотенец, на женских рубахах, на холщовых платках и на мужских тканых поясах.

Тканые узоры на белом холсте в основном состоят из элементов, соответствующих элементам орнамента на шерстяных изделиях: это кресты, ромбы, косые кресты, крючки, гребешки, зубцы, прямоугольники и косоугольные скобки и т. д.³

Полотенца коми можно подразделить на будничные и праздничные, в том числе свадебные. Ширина узора на концах праздничных полотенец достигает полуметра; орнамент на верхней и нижней кайме не имеет аналогов.

³ Такие же узоры характерны и для русских полотенец. Они исполняются той же техникой, имеют тот же характер композиции, сочетания фигур и т. д. (см. Н. И. Бедова, Народный быт в верховьях рр. Десны и Оки, М., 1927, стр. 85).

Полотенца играли значительную роль в свадебном обряде и входили в состав приданого невесты. Поэтому девушка и ее мать украшали полотенца с особенной любовью и старанием.

Основными орнаментальными фигурами на полотенце являются ромб и квадрат; их варьировали, расчленили фигуры на составные элементы.

Техника тканья, определяющая прямолинейную структуру орнамента, обусловила стойкие традиционные формы народного узора (вышивки оказались в этом отношении более гибкой; на смену прямым стежкам явились свободные швы, приспособленные к криволинейному рисунку) ⁴.

Ромб и квадрат в орнаменте коми нередко выполнены с продолжением их сторон, скрещивающихся на углах. Этот вариант ромба называется «кыч пыр бостом», т. е. деревянный ошейник, надеваемый на шею скотине. Он встречается на вязаных изделиях, на тканых поясах и полотенцах, в вышивках рубах. Основной элемент рисунка на концах полотенца — косая линия. Она используется для различных построений из ромбов и квадратов, треугольников и прямоугольников, поставленных на угол. Прямая и зубчатая линии на полотенцах обычно лишь разделяют различные мотивы орнамента, сравнительно мало участвуя в построении той или иной фигуры.

Ромб и квадрат с продолжением их сторон, скрещивающихся на углах, с косыми параллельными лучами по сторонам составляют в орнаменте разнообразные комбинации: крупные и мелкие ромбы и квадраты, данные контурно, образуют цепи; ромбами и квадратами заполнены всевозможные орнаментальные фигуры.

Ромб в понимании коми — как и других народов — это круг, что отражено в самом названии «гöгыль», что значит «круг». Замена окружности ломаными линиями вызвана особенностью техники тканья поясов.

Лучистость ромба и квадрата позволяет предполагать, что оба эти элемента означают солнце. (Особенно четко подчеркивается значение этих элементов в технике выемчато-трехгранной резьбы по дереву ижемских коми; лучи ромба обозначены здесь треугольниками.)

Полотенца с богато орнаментированными концами бытуют и в настоящее время, но в орнаменте стали появляться новые элементы: стилизованные человеческие фигуры, животные (например, петушки, утки). Человеческие фигуры заполняют ромбы и полуромбы, а фигуры животных окаймляют основной узор.

На концах полотенца довольно часто можно встретить крупные узоры, вышитые крестом, что, по-видимому, заимствовано у русских; на них изображены два петуха, стоящие по сторонам дерева. В 1949 г. мне удалось видеть полотенце с вышитой пятиконечной звездой, окруженной ромбами и треугольниками.

Все перечисленные выше орнаментированные тканые и вязаные изделия использовали и в свадебной обрядности, главным образом для

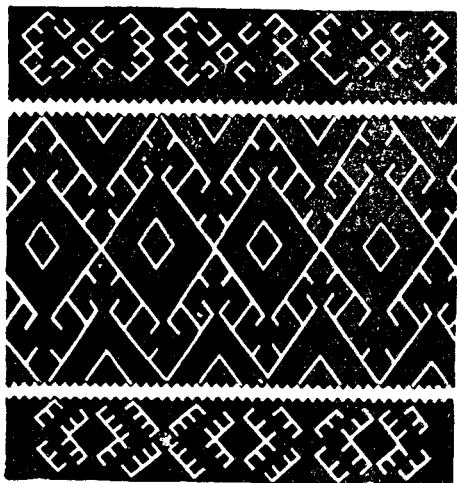

Рис. 6. Праздничное полотенце (с. Вильгорт Сыктывдинского р-на)

⁴ См. Л. А. Динцес, Историческая общность русского и украинского народного искусства, Сб. «Сов. этнография», т. V, Л., 1941, стр. 47.

одаривания невестой жениха и его родственников. Подношение подарков жениху происходило в торжественной обстановке. Подарки распределялись с учетом степени родства одариваемого. Особое значение в этом обряде имело одаривание поясами. Лучший пояс подносили невесте; затем подносили пояс крестному отцу и родному отцу жениха. Кроме того, заготавливали много поясов, которые должны были иметь длину не менее двух метров; они назывались «поясами для завязывания подарков» (кёрталам вёньяс): приданое невесты укладывали в ящики по частям и каждую часть перевязывали таким поясом.

В состав приданого невесты входила рубаша, предназначенная жениху: ее шили из белого холста и вышивали. Матери жениха приносили

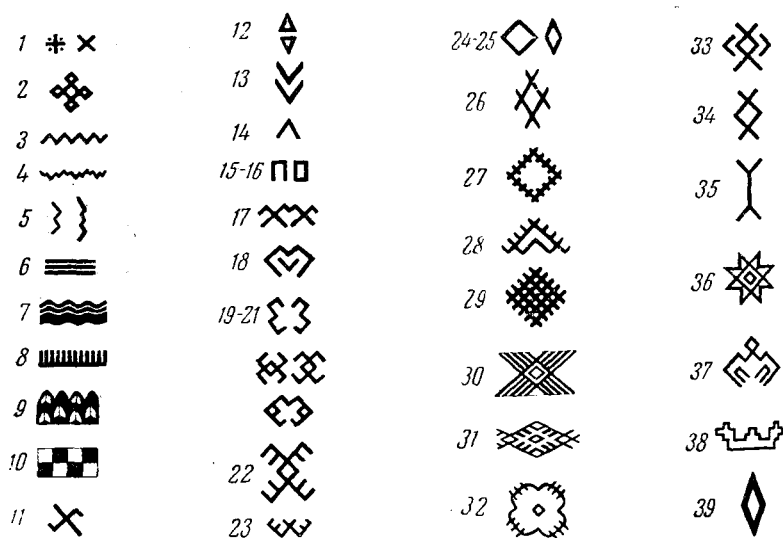

Рис. 7. Элементы орнамента коми: 1 — крест сер (крест); 2 — перна сер (нагрудный крест); 3 — пила сер (зубчатая линия); 4 — пила пинь сер (зубья пилы); 5 — пила сер (зубчатая линия); 6 — веськыд сер (прямая линия); 7 — чукуль-мукуль сер (туда и сюда); 8 — грабля сер (грабли); 9 — той сер (мелкие насекомые); 10 — шашка сер (шашки); 11 — сына: пинь сер (зуб гребня); 12 — пурт ив (кончик ножа); 13 — иёсь кок сер (острая нога); 14 — рогатка (охотничий силос); 15 — идъя лоч (охотничий капкан); 16 — кыйсан капкан (охотничий капкан); 17 — меж сер (бараньи рога); 18 — чипан чунь сер (куриные пальцы); 19—21 — мёс сюр сер (рога коровы); 22 — кёр сюр сер (оленьи рога); 23 — кёр сюр сер (рог молодого оленя); 24 — гёгыль ыджыд (большой круг); 25 — гёгыль итче (малый круг); 26 — утчись меж сер (ошейник барана); 27 — утчись мёс сер (ошейник коровы); 28 — утчись джын сер (половина ошейника); 29 — гёгыль сер (круг); 30 — гёгыль итче сер (круг); 31 — утчись сер (вытянутый ромб с гребенчатыми сторонами внутри ромба); 32 — сунь дзавйны (катушка для наматывания пряжи); 33 — помесь сер (смешанный узор); 34 — компас сер (компас); 35 — столб сер (столб); 36 — звезда сер (звезда); 37 — морт сер (человеческая фигура); 38 — петух сер (петух); 39 — тупось сер (пирог)

назначалась рубаша из белого тонкого холста с тканым узором не только на вороте, рукавах и плечах, но и на подоле. Полотенце в свадебном обряде коми имело также большое значение: им опоясывали сватов, друзей, на полотенце становились при обряде венчания, полотенцем одаривали родню жениха.

Когда невесту после венчания увозили в дом жениха, ящик с подарками ставили на видное место; открывала его невеста, и она же раздавала подарки. Родственники жениха становились двумя рядами и

друг к другу. Невеста, поднося подарки на тарелке каждому в отдельности, кланялась по три раза. Первым получал подарок жених⁵.

Основные элементы орнамента на поясах, рукавицах, чулках, а также и на концах полотенец продолжают бытовать и в настоящее время (см. таблицу, рис. 7, и перечень, помещенный ниже).

«Крест сер» (узор из крестов); встречается в орнаменте на чулках, рукавицах и тканых мужских поясах.

«Перна сер» (нагрудный крест); узор из крестов, составленных из пяти квадратов, из которых средний — самый большой; употребляется в орнаменте на чулках и рукавицах.

«Пила сер» (пила) — зубчатая линия, дополняющая узор многорядного орнамента на рукавицах.

«Пила пинь сер» (зубья пилы) — более сложная зубчатая линия, стороны зубцов которой тоже зубчатые; дополняет многорядный орнамент из разноцветной шерсти на рукавицах.

«Пила сер» — зубчатая линия, от 2 до 4 зубцов; ограничивает основную квадратную фигуру орнамента на рукавицах.

«Веськыд сер» (прямая) — линия, дополняющая узоры многорядного орнамента на рукавицах и перчатках.

«Чукыль-мукыль сер» (туда и сюда) — волнистая или ломаная линия; ею орнаментируется резинка рукавиц и перчаток.

«Грабля сер» (грабли) — один из наиболее распространенных мотивов орнамента на чулках.

«Той сер» (мелкие насекомые); распространен повсеместно в орнаменте на рукавицах.

«Шашка сер» (шашки) и «пинь сер» (пила) — мелкие геометрические элементы; распространены повсеместно в орнаменте на рукавицах.

«Сынан пинь сер» (зуб гребня); встречается в многорядном орнаменте на рукавицах.

«Пурт ив» (кончик ножа); встречается в орнаменте на полотенцах.

«Иёсь кок сер» (острая нога) — пара острых углов; основной мотив летеных поясов.

«Рёгатка» (охотничий силок); встречается в орнаменте на рукавицах в районах, где развита охота.

«Идъя лёч», или «кыйсан капкан» (охотничьи капканы); встречается в орнаменте на праздничных полотенцах в виде буквы «П» или прямоугольника.

«Меж сер» (бараньи рога); встречается в многорядном орнаменте на женских рукавицах и перчатках.

«Чипан чунь сер» (куриные пальцы); встречается в многорядном орнаменте на женских перчатках.

«Мёс сюр сер» (коровьи рога); распространен в орнаменте на полотенцах.

«Кёр сюр сер» (рога оленя); встречается преимущественно в оленеводческих районах в орнаменте на праздничных полотенцах.

«Кёр сюр сер» (рога молодого оленя); встречается в оленеводческих районах в орнаменте на кайме праздничных полотенец.

«Гёгыль ыджыд» (большой круг), «гёгыль итчет» (маленький круг), «гёгыль джын» (половина круга); распространены повсеместно в орнаменте на тканых полотенцах, на женских рубашках, на рукавицах и чулках.

«Утчись меж сер» (ошейник барана) — ромб с продолжением сторон, перекрещивающихся на углах; встречается в орнаменте на рукавицах, чулках, полотенцах и тканых поясах.

⁵ Следует отметить, что свадебная обрядность в отдаленных от центра районах автономной республики Коми частично еще сохраняется.

«Утчись мёс сер» (ошейник коровы) — большой квадрат с гребенчатыми сторонами; встречается в орнаменте на рукавицах, чулках, полотенцах и женских рубашках.

«Джын утчись сер» (половина ошейника) — половина квадрата гребенчатыми сторонами; встречается на рукавицах, чулках, женских рубашках, полотенцах и тканых поясах.

«Гёгыль сер» (круг) — квадрат с гребенчатыми сторонами и кой внутри квадрата; встречается в орнаменте на чулках.

«Гёгыль итчет сер» (круг) — ромб с гребенчатыми сторонами, в косоугольного креста; встречается только на полотенцах.

«Гёгыль сер» (круг) — ромб, вытянутый в ширину, с гребенчатыми сторонами, обращенными к центру ромба; встречается на мужских чулках.

«Утчись сер» — (вытянутый ромб с гребенчатыми сторонами и ромба).

«Сунис дзавйны» (катушка для наматывания пряжи); встречается как основная фигура орнамента на рукавицах, по форме напоминает цветок.

«Помесь сер» (смешанный узор); встречается на рукавицах в рядном, состоящем из разных мотивов орнаменте.

«Компас сер», или «матка сер» (компас); встречается в многорядном состоящем из разных мотивов орнаменте на рукавицах.

«Столб сер» (столб) — вертикальная толстая линия с раздвоенными концами; встречается в многорядном орнаменте, состоящем из разных мотивов на рукавицах.

«Звезда сер» (восьмиконечная звезда); встречается в орнаменте на рукавицах и иногда служит изображением цветка.

«Морт сер» (человеческая фигура); служит заполнением ромбов и полуромбов в орнаменте на праздничных полотенцах.

«Петух сер» (петух); встречается на каймах в орнаменте на полотенцах.

«Тупось сер» (пирог) — вытянутый ромб; основной мотив на тканых поясах.

* *
*

Узорное ткачество, а в особенности вязание, с их несложной техникой, но высокими художественными достоинствами вполне заслуживают того, чтобы была проявлена надлежащая забота об их восстановлении и развитии в настоящее время. Это сможет быть практически использовано не только в местной кустарной промышленности, но и в легкой промышленности СССР.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Л. А. ФАДЕЕВ

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ КУЛЬТУРЫ ЗИМБАБВЕ

В 1868 г. на территории Южной Родезии были обнаружены древние каменные сооружения, поразившие исследователей грандиозными размерами и совершенством сухой каменной кладки. Предпринятые разведки показали, что сооружения подобного типа разбросаны на большей части междуречья Замбези — Лимпопо.

Наиболее значительные комплексы древних руин расположены в верховьях притоков Лимпопо и р. Саби. На западе, у Булавайо, находятся руины Дхло-Дхло и Кхами, на востоке, у границ Мозамбика, — руины Мигомбе, Матандере, Чивона, Иньянга. Вокруг последних склоны гор сохраняют следы земледельческих террас на площади более 10 000 км². У г. Виктория находится Большое Зимбабве, главная группа памятников междуречья. Здесь на холме возвышаются стены крепости — «Ак-рополя», ниже, в долине, расположены: величественное эллиптическое сооружение («храм»), Руины Мауха, Маунд-Руины и др. В долине Лимпопо следы древних стен обнаружены на одинокой скале Мапунгубве (у Мессины) и в ряде других мест (см. карту, рис. 1). Число этих памятников превышает четыре сотни.

Однотипность сооружений и сходство раскопочных данных позволили исследователям заявить о наличии здесь в прошлом высоко развитой культуры, получившей по имени главной группы памятников название «культуры Зимбабве». Эта культура уже без малого сто лет является объектом ожесточенной полемики в связи с целым рядом проблем, возникших при ее изучении. Важнейшей из них является проблема происхождения данной культуры.

Можно выделить пять основных теорий происхождения культуры Зимбабве: 1) ее древнесемитского происхождения; 2) дравидийского происхождения; 3) «хамитического» происхождения («хамитский мост»); 4) диффузии извне культурных элементов и идей в среду банту — строителей памятников Зимбабве; 5) теория автохтонного происхождения культуры Зимбабве.

Перечисленные теории не только охватывают основные представления о происхождении культуры Зимбабве, но и отражают реальное соотношение между взглядами различных групп исследователей, между главными идейными направлениями, борьба которых составляет содержание историографии Зимбабве. Это борьба двух идеологий в буржуазной африканистике: идеологии империализма, считающего негров низшей расой, не способной к самостоятельному развитию, и оправдывающего захват африканских земель, и прогрессивной идеологии, основанной на принципах равенства народов и рас, выступающей за тщательное изучение культуры аборигенов Африки и признание ее выдающей роли в истории мировой культуры.

ским профессором Лео Фробениусом в 1920-х годах¹. По его мнению, целый ряд культурных особенностей, присущих родезийским банту, входит в выделяемую им «эритрейскую культуру». Так, к элементам последней он относит существовавшее у банту ритуальное убийство вождя (выводимое им из Вавилонии), особое политическое положение матери вождя и пр. Взгляды Фробениуса были поддержаны Зелигманом, считавшим ритуальное убийство вождя «старейшим ответвлением хамитического ствола»². Особое значение многие исследователи придают тезису Шпаннауса о решающем влиянии хамитов на создание политических и социальных институтов в государствах бахима-батутси, в Уганде, Уньоро, Анколе и т. д., а также в Мономотапе³. Из специалистов, занимавшихся культурой Зимбабве, этот взгляд был поддержан Шебестой, находившим близкое сходство в социальном устройстве Уганды и Мономотапы⁴. Все эти авторы усиленно подчеркивали пассивный характер местной «эритрейской» культуры, к которой они причисляли банту, и активный характер культуры «хамитов».

Взгляды теоретиков «хамитизма» нашли отражение в работах таких исследователей африканских древностей, как Уэйнрайт, выдвинувший в 1949 г. гипотезу о происхождении культуры Зимбабве⁵, и Брейтц, перу которого принадлежит теория происхождения восточноафриканских культур⁶.

Уэйнрайт, анализируя известное место из сочинения арабского географа Масуди «Золотые луга»⁷ об эфиопском племени зендж, перешедшем Нил и достигшем Софалы, пытается доказать, что культура Зимбабве была создана мигрировавшими на юг «хамитами» галла, культура которых сложилась под влиянием доисламских арабов. Желая обосновать родство зенджей Масуди и галла Эфиопии (идентичность зенджей и создателей Зимбабве для него несомненна), Уэйнрайт приводит некоторые лингвистические, исторические и археологические доказательства.

Однако аргументация Уэйнрайта не может быть признана достаточно убедительной. Так, в названии правителей зенджей Wqlimi он склонен видеть галлаские корни waq+ilma (сын неба), хотя такая конструкция невозможна в языке галла, а все выражение, как это было доказано Мейнхофом, означает на языках банту «царь царей» (правильное чтение — mwana wa mfalúme)⁸.

Неубедительны и археологические доводы Уэйнрайта. Он ошибочно считает ведущей чертой культуры Зимбабве фаллизм, выводимый им из Передней Азии. В настоящее время очевидно, что фаллизм не был доминирующим на Зимбабве. Ложной аналогией является сравнение циклопических сооружений в провинции Харар и Большого Зимбабве, ибо между ними нет конструктивного и орнаментального сходства.

¹ Leo Frobenius und R. V. Wilm, Atlas Africanus, Berlin, 1923—1931; Leo Frobenius, Monumenta. Africana, Frankfurt a/Main, 1929; его же, Erýthraä, Länder und Zeiten des heiligen Königsmordes, Berlin, 1931; его же, Simbabwe, «Umschau», v. 35, 1931.

² См. H. A. Wieschhoff, The Zimbabwe-Monotapa culture in Southeast Africa, Menasha, 1941, стр. 150.

³ Там же.

⁴ P. P. Schebesta, Die Zimbabwe-Kultur in Afrika, «Anthropos», v. 21, 1926, стр. 484—522.

⁵ G. A. Wainwright, The Founders of the Zimbabwe Civilization, «Man», v. XLIX, 1949, стр. 64.

⁶ P.-L. Breutz, Stone Kraal Settlements in South Africa, «African Studies», v. 15, № 4, 1956.

⁷ Barbier de Meynard et P. de Courteille, Maçudi, «Les prairies d'or», v. II, Paris, 1861, стр. 453.

⁸ См. заметку C. Meinhof в журн. «Zeitschrift für Eingeborenen Sprachen», Bd. X, № 2, Juni, 1920, стр. 152.

Таковы основные аргументы Уэйнрайта; не имеет смысла ostenditur на других, уже явно умозрительных или ошибочных его доказательствах. Уэйнрайт рассматривает лишь отдельные факты и чужд культуры Зимбабве в отрыве от современных научных данных, поэтому его теория не может быть признана достаточно обоснованной.

Более солидной выглядит выдвинутая в 1956 г. П.-Л. Брейтцем теория происхождения восточноафриканских культур, в том числе и Зимбабве⁹. Брейтц полагает, что Северо-Восточная Африка и Аравия были связаны общей культурой, основу которой составляла мегалитическая культура древних семитов Мариба, знавших технику сухой каменной кладки, ирригацию и пр. Эта эфиопско-семитская культура, доходящая на севере до Мероэ, дала ряд миграций на юг, в результате которых сложились взаимно влиявшие друг на друга комплексы культур, «культурно-исторические» слои. С тремя из них Брейтц связывает историю Восточной и Юго-Восточной Африки. Это культура поздних датированных Брейтцем 600—1000 г. н. э.; культура позднего неолита, с мегалитическим влиянием (с 900 г.), каменных сооружений в Южной Африке (так называемые поселения каменных краев, датированные Брейтцем 900—1300 гг.); и, наконец, культура банту родезийцев и венда, мигрировавших в Южную Родезию после 1450 г. н. э., которая согласно традиции, связана с камнестроительством и разработкой руд.

Сооружения Зимбабве, которые Брейтц предпочитает называть «по-неафрикански мегалитами», сыграли, на его взгляд, большую роль в истории Мономотапы, но строили их не банту. Ссылаясь на упомянутый выше текст Масуди, Брейтц заявляет, что «иноземцы, чья культура была родственна культуре строителей руин, управляли страной задолго до банту Мономотапы»¹⁰. Хотя работа Брейтца посвящена специально каменным краям Южной Африки, вся она направлена на доказательство того, что банту культурно пассивны и неспособны к самостоятельному развитию.

Брейтц подобно Уэйнрайту подчеркивает решающую роль обитателей Северо-Восточной Африки в передаче на юг древней культуры мифов Мариба, причем придает значительно большее значение, нежели Уэйнрайт, собственно «хамитической» традиции в этой культуре. Он согласен с Коул¹¹, считающей каменное строительство в восточной части Африки и Родезии делом рук «хамитов». В позднем камнестроительстве банту Брейтц видит продолжение семито-хамитской традиции.

Обоснование своей концепции Брейтц строит на следующих положениях: на признании существования в Восточной Африке до банту единого типа ирригационных сооружений и единой мегалитической культуры и на признании разделения банту на ряд культурных комплексов, сложившихся под влиянием предыдущих культур. Между тем современное состояние науки позволяет определенно заявить, что на территории Восточной Африки не существовало единого типа ирригационных сооружений и единой мегалитической культуры, там имеется лишь огромное количество самых разнообразных памятников, относящихся к разным народам и эпохам.

Столь же необоснованна попытка Брейтца противопоставить «цивилизованных» носителей мегалитической культуры «полудикийм» банту. Представление о том, будто банту жили в домах, сделанных из прутьев и грязи, давно устарело. Наукой представлены несомненные доказательства наличия у банту древней самостоятельной традиции камен-

⁹ P.-L. Breutz, Указ. раб.

¹⁰ Там же, стр. 159.

¹¹ S. Cole, Prehistory of East Africa, London, 1954, стр. 271.

ного строительства. Иногда Брейтц ради построенной им схемы идет на искажение действительности. Так, он объявляет поздненеолитическими террасы Родезии, хотя давно уже известно, что они относятся к развитутому железному веку.

Выделенные Брейтцем среди банту культурные комплексы представляют, по существу, эклектическое нагромождение культурных черт и социальных явлений, относящихся к различным эпохам и перекрещивающихся между собой. Выделение надуманных категорий позволяет Брейтцу игнорировать фактический материал и исказить его, но не имеет никакого отношения к действительным культурам и народам, существовавшим на территории Африки.

Взгляды Брейтца фактически совпадают со взглядами Уэйнрайта. Оба они не верят в самостоятельность культурного творчества аборигенов Африки, оба помещают источники африканской культуры в Азию. Близки и их системы доказательства. Теория Брейтца, подобно теории Уэйнрайта, представляет собой попытку найти подтверждение уже готовым, сложившимся до опыта представлениям путем удобной для автора перегруппировки действительных фактов.

Попытки Уэйнрайта, Брейтца и других авторов доказать «хамитический» характер культуры Зимбабве оказались несостоятельными. И если самое понятие «хамитизм» надуманно, то еще менее реальными оказываются попытки найти следы его в Южной Африке.

Археология культуры Зимбабве

Создание правильного представления об облике, историческом месте и создателях культуры Зимбабве, а также об основных этапах ее развития стало возможным лишь после систематического изучения этнографических и археологических данных, и не только особо выдающихся (как это делали прежние исследователи), но в первую очередь — заурядных, серийных, массовых.

Наши представления об археологии Зимбабве основываются прежде всего на предложенной Кэтон-Томпсон стратиграфии¹², включающей два геологических и четыре культурных слоя. Нижним слоем, на который иногда опираются интересующие нас сооружения, является слой скального гранита (ложе скалы), как правило, не дающий находок и обозначаемый нулем. За ним идет первый слой, тоже обычно свободный от культурных остатков и состоящий из желтого песка (гранитная подпочва). Дальше идут слои, как правило, содержащие археологические находки. Второй слой представляет собой красноватый вымыв с холма, третий слой — гранитно-цементного пола (остатки полов древних сооружений, своего рода цемент из гранитной пыли и песка), по-видимому, прихвачен стенам или оградкам сооружений и является важной разграничительной линией. Четвертый слой состоит из красной даговой глины и образует насыпи (холмы) между стенами. Наконец, пятый, самый верхний слой состоит из гумуса различной толщины в разных местах и не всегда встречается на объектах.

При раскопках чрезвычайно редко наблюдалась полная последовательность всех перечисленных слоев, часты случаи, когда памятник имеет лишь один культурный слой, примыкающий непосредственно к ложу скал.

Основные группы предметов, найденных на руинах

Орудия производства, вероятно вследствие большого износа, усиленного коррозией металлических орудий, составляют сравнительно небольшую группу находок. Мотыги сохранились только железные, и

¹² G. Caton-Thompson, The Zimbabwe Culture, Oxford, 1931, стр. 20—21.

притом в очень плохом виде, однако остатки их были найдены буквально на всех руинах. Они связаны главным образом со слоем даги и более глубоких к более высоким горизонтам эволюционируют от каннообразной к широколопастной форме. Можно с уверенностью говорить, что железная мотыга была главным орудием обработки земли. Особая значимость мотыг подчеркивается тем, что они служили и для целей обмена. Португалец Резенде¹³ отметил это в 1634 г. Дос Санту писал, что мотыги давались в качестве брачного выкупа¹⁴. Само чинганское слово *shambadza* (торговать) включает слово *badza* (мотыга). Вишхофф отмечает, что мотыги Зимбабве очень близки к современным мотыгам Центральной, Восточной и Южной Африки¹⁵.

Топоры найдены также только железные. Вишхофф делит их на три типа, из которых наиболее распространенным он считает тип Ниамар (клиновидный топор, повторяющий форму каменных). Топоры этого типа найдены в слое 2 на Маунд-Руине, в слое даги на террасах Акрполя и в слое гумуса на плато Зимбабве. Широколезвийные топоры хотя и в меньшем количестве, всюду сопутствуют им. Наиболее интересны топор М. 14 из 2-го слоя Маунд-Руины и сходные с ним топоры руин Умтали. Замечателен боевой топор (секира) R. R. 3 № 25 из разлопок на плато. обнаруженный в слое серой глины и золы над гранитом; он очень близок к боевым секирам Большого Зимбабве, найденным Бентом. Распространение топоров всех этих типов по широкому ареалу Центральной, Восточной и Южной Африки и по сей день говорит об африканском происхождении данных предметов.

На руинах было найдено огромное количество наконечников стрел среди них ни одного костяного, деревянного или бронзового — все они сделаны из железа. Вишхофф выделил четыре главных типа стрел найденных им в Ниамаре, Терее и других руинах: тип I — в форме стрелки (очевидно, боевая стрела), тип II — стрела с треугольным наконечником, тип III — в виде лопатки и IV — в форме остролистника. Все они характерны и для Большого Зимбабве, где к ним можно добавить еще два типа: зазубренный и игольчатый. Все стрелы кованые, дуплестые (трех- и четырехгранных не встречается). Наиболее распространены первый, третий и четвертый типы наконечников. Наконечники в виде стрелки встречаются в самых нижних (1 и 2) и в самом верхнем (5) слое, лопатовидные — во 2-м слое, зазубренные (V тип) и в виде остролистника — в 3-м слое и в слое даги на Акрополе. Первые четыре типа стрел до сих пор бытуют у машона Южной Родезии. Для них особенно характерен тип IV, он встречается практически во всей Восточной Африке от оз. Виктория до верхней Замбези и р. Касаи. Тип I отмечен Центральной (в Мумбва) и в Восточной Африке (васукума, руандин, ваганда, вашамбала, нанди, бари). Типы II и III встречаются во всех этих районах, но несколько реже.

Копье — главное оружие банту в недавнем прошлом — и наконечники копий, обнаруженные при раскопках, говорят о господствующей роли этого оружия и в эпоху, когда исследованные памятники были заселены. Наиболее характерны наконечники в виде лопатки и остролистника длиной от 17 до 50 см, встречающиеся в 3-м, 4-м и 5-м слоях Зимбабве. Вишхофф, рассматривая тип наконечника в форме остролистника, считает его общим для Восточной, Центральной и Южной Африки¹⁶. На стене Акрополя было обнаружено превосходное, декоративное

¹³ Theal McCall, Records of South-eastern Africa, Cape Town, 1893—1903, стр. 411.

¹⁴ Там же, v. VII, стр. 289.

¹⁵ R. N. Hall, Prehistoric Rhodesia, London, 1909, стр. 35, прим. 1.

¹⁶ H. A. Wierschhoff, Указ. раб., стр. 80.

¹⁷ Там же, стр. 79.

¹⁸ Там же, стр. 80.

тивное железное копьё, сходное с такими же копьями из Западной Африки¹⁹.

Формы железных наконечников стрел и копий по сути одинаковы для всех слоев руин.

На всех руинах было найдено большое число предметов из проволоки. Она делалась из железа, меди, бронзы и золота и являлась полуфабрикатом для производства украшений. Реже всего встречаются фрагменты железной проволоки (очевидно, вследствие ржавления). Находки ее относятся к нижним слоям; в миддене — ниже мостовой на Акрополе, на граните — ниже мостовой на Руине Мауха. Сравнительно редко попадаются фрагменты медной проволоки, притом лишь в верхних слоях. Золотая проволока также встречается в более высоких слоях: в 4-м слое четвертой траншеи Акрополя, в слое гумуса на плато, а также в 3-м слое Акрополя, — всюду в сочетании с обильным железным инвентарем. Находки фрагментов золотой проволоки более характерны для поздних периодов культуры Зимбабве, а не для ранних, как считали Холл и его последователи²⁰.

Наиболее часты находки бронзовых проволочных изделий. Самые ранние из них — фрагменты бронзовой проволоки в 1-м и 2-м слоях Руины Мауха и в мидденах Акрополя (в слое ниже ранней мостовой). Нередки находки бронзовой проволоки в 3-м и 4-м слоях, а также в даговом слое на Акрополе. Особенно замечательна находка фрагментов проволочного бронзового запястья во 2-м слое, под основанием конической башни эллиптического сооружения Зимбабве. Находка этого запястья, не отличимого от других, более поздних бронзовых проволочных изделий, под сооружением, которое считалось одним из ярких образцов иноземной архитектуры, нанесла серьезный удар противникам автохтонного происхождения культуры Зимбабве.

Уменьем тянуть проволоку обладали все африканские племена от Эфиопии до Кэйптауна. Против самобытности этой техники не возражал даже Штульман. Вишхофф считает Зимбабве одним из крупных центров распространения проволочных изделий²¹.

Вместе с перечисленными изделиями из металлов нередко встречаются бесформенные металлические предметы, а также железные, медные и бронзовые полосы, круги и т. д., служившие, видимо, заготовками. Особенно часты находки фрагментов железа. Железо вообще является основным для культуры Зимбабве металлом.

К е р а м и к а

Особенно ценными для археолога по характерности и массовости находок, по их сохранности являются керамические изделия.

Нижние слои родезийских руин и подъемный материал повсеместно дают однотипную грубую лепную керамику. В самостоятельный класс А эта керамика была выделена Кэтон-Томпсон во время ее раскопок на Маунд-Руине Большого Зимбабве. Вот как она описывает эту керамику:

«...грубая, от красно-коричневой до темно-серой лепная посуда, твердая, с кварцевыми частицами и плохо обожженная, с уплощенными запрокинутыми краями; посуда иногда украшена диагональными или другими рисунками, небольшими по площади и окруженными отпечатками по сырой глине, в других случаях края плоские и украшения располагаются поясом на горлышке»²². Все осколки этой посуды (647 черепков), найденные на Маунд-Руине, лежали ниже самого ран-

¹⁹ G. Caton-Thompson, Указ. раб., стр. 84.

²⁰ R. N. Hall and W. G. Neal, The Ancient Ruins of Rhodesia, London, 1904, стр. 116.

²¹ H. A. Wieschhoff, Указ. раб., стр. 80.

²² G. Caton-Thompson, Указ. раб., стр. 25.

Рис. 2. Типы керамики междуречья: 1 — А1 (Гокомере); 2 — А3 (Пик Леопарда); 3 — А4 (М₂, культура Лимпопо); 4 — В (Большое Зимбабве); 5 — В₂ (то же); 6 — М₁ (Мапунгубве); 7 — С (Иньянга); 8 — D (розви). Цифры над сосудами показывают высоту в см

него замощения, и только четыре обломка были обнаружены над цементным полом. В последующие годы находки штампованной керамики были очень часты, и этот класс значительно пополнился и расширился.

Изучавший штампованную керамику Шофилд свел ее в класс R₁²³ (Родезийская первая). Саммерс выделил пять серий штампованной керамики, взяв за основу класс А Кэтон-Томпсон и присоединив к нему исходя из локальных особенностей, еще четыре серии²⁴ (см. карту, рис. 2).

Первая серия, или тип, у Саммерса — керамика А1 (названная по месту первой находки «посудой Гокомере»). Этот тип совпадает с шофилдовским R₁ и классом А Кэтон-Томпсон. Керамика А2 впервые была найдена Мак-Ивером на Иньянге. Саммерс называет ее керамикой

²³ J. F. Schofield, *Primitive pottery*, Cape Town, 1948, стр. 87.

²⁴ R. Summers, *Iron Age cultures in Southern Rhodesia*, «South-African Journal of Science», т. 47, № 4, 1950, стр. 97.

культуры Зиуа и относит ее к доруинному периоду Иньянги²⁵. Тип АЗ обнаружен Робинсоном у Кхамы и по месту находки получил название керамики Пика Леопарда²⁶. Саммерс полагает, что она предшествует XIX веку и, вероятно, старше сооружений Кхамы и Большого Зимбабве. Очень близка к предыдущему типу керамика А4 из Северного Трансвааля. Она была в огромном количестве найдена на Мапунгубве и получила обозначение М₂. Шофилд выделяет ее в особый тип R₁G²⁷. Керамика эта имеет много местных вариантов в Южной Родезии и долине Лимпопо и часто встречается вместе с керамикой Мапунгубве — М₁.

Штампованная керамика в основном подстилает родезийские руины; непосредственно с ними связан особый тип так называемой руинной керамики. Кэтон-Томпсон разделила ее на три класса: В, С и D. Керамика класса В, совершенно отличная от керамики А, характеризуется Кэтон-Томпсон так: «Она более чистого состава, также ручной выделки; внешняя сторона снабжена черной, длинной, узкой полосой; глина обожженная красновато-серая. Она не орнаментирована, скошенный обод немного расширяется... этот класс керамики имеется в изобилии в слое над цементом во всех местах; многие черепки ее имели сверкающий, металлический, очень эффектный блеск в результате полировки графитом»²⁸. Керамика этого класса иногда встречается и ниже цементного пола вместе с керамикой А, но такие находки крайне редки.

Очевидно, более поздние варианты этой керамики составляют классы В₁ и В₂, содержащиеся в верхних слоях Большого Зимбабве. «Класс В₁ — ровная, черная полированная посуда, с выступающими ребрами, образующими филенки на сосудах...»²⁹. Посуда этого класса встречается над цементными полами, но довольно редко. «Класс В₂ — черная полированная посуда с вырезанным по серой глине линейным орнаментом»³⁰. Такая посуда также изредка встречается над цементными полами.

С керамикой класса В на Большом Зимбабве и на остальных руинах тесно связана ровная, грубая по структуре, коричневая или красно-коричневая полированная посуда, выделенная Кэтон-Томпсон в класс С. Основные массы этой керамики найдены в грудах даги, расположенных в разрывах стен Маунд-Руины, а также на руинах резервата Саби.

В самых верхних слоях Большого Зимбабве Кэтон-Томпсон нашла полихромную орнаментированную керамику, узоры которой состоят из красных полос, нанесенных гравировкой на черную обесцветившуюся поверхность сосудов. Эту керамику она выделила в особый класс D.

Ареал распространения руинной керамики простирается на Машоналенд, Матабелеленд, Мозамбик и Северный Трансвааль. Характерен локальный центр керамики класса С в округе Иньянги, где она связана с руинами Никирка и террасами. К руинной керамике относится и сходная с классом В лепная керамика Мапунгубве — М₁. Фуше, ведший раскопки на Мапунгубве, пишет: «...мы можем без колебаний сказать, что посуда класса М₁ на Мапунгубве не отличима от посуды класса В на Зимбабве»³¹. В долине Лимпопо обнаружена керамика, сходная с С и D.

Кэтон-Томпсон связывала керамику класса В с машона (макаранга), а керамику класса D — с розви³², однако недостаток материала не

²⁵ R. Summers, Указ. раб.

²⁶ K. R. Robinson, Khami Ruins, Cambridge, 1959, стр. 122.

²⁷ J. F. Schofield, Указ. раб., стр. 95.

²⁸ G. Caton-Thompson, Указ. раб., стр. 25.

²⁹ Там же, стр. 53.

³⁰ Там же, стр. 54.

³¹ L. Fouché, Mapungubwe, Cambridge, 1937, стр. 53.

³² G. Caton-Thompson. Указ. раб., стр. 182.

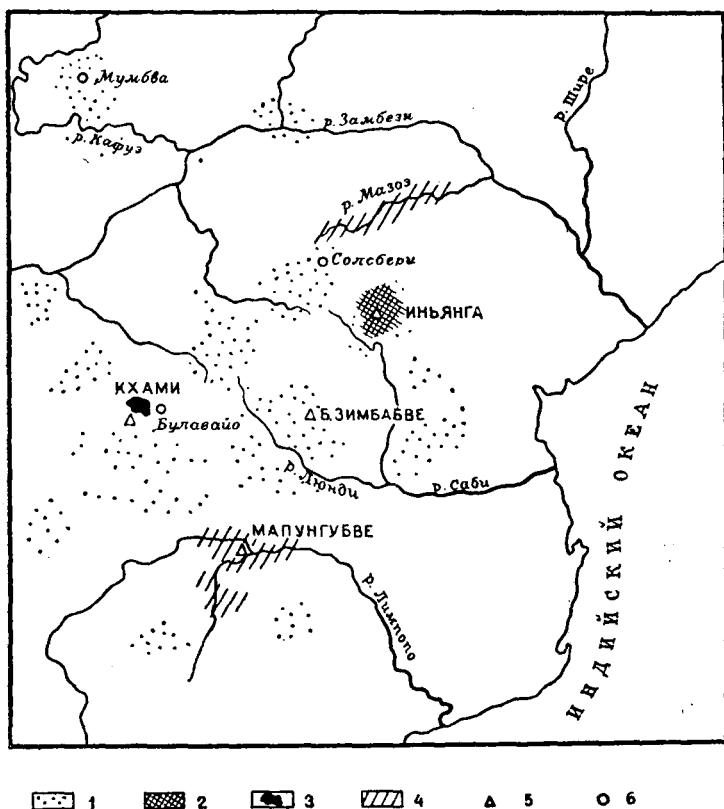

Рис. 3. Распространение штампованной керамики в междуречье Замбези — Лимпопо: 1 — А1 (Гокомере); 2 — А2 (Зиуа на Иньянге); 3 — А3 (Пик Леопарда на р. Кхами); 4 — А4 (Мапунгубве; она же М₂ и близкая к ней керамика Мазое); 5 — руины; 6 — населенные пункты

позволил ей говорить об этом уверенно и строить более широкие обобщения.

Шофилд разделил всю керамику руин на два больших класса и R₃, из коих первый он связывает с машона и Момотапой, а второй — с розви³³. В класс R₂ он включил В, В₁, С и М₁, но целиками входящими в этот класс он считал только В₁ и М₁, тогда как В и вместе с В₂ и D в его классификации образовали R₃ (В₂ и D целики вошли в этот класс). Основанием для такой классификации послужило сходство, обнаруженное Шофилдом между В, В₁ и С, с одной стороны и частью посуды, входящей в связываемый им с розви класс R₃, — другой.

Саммерс разделил всю руинную керамику на три типа: первый из них — В1 включает классы Кэтон-Томпсон В, В₁ и С; второй — В2 классы В, М₁ и В₂; третий — В3 — идентичен классу D. Саммерс подчеркнул тесную связь керамики В2 и В3³⁴.

Особое внимание Саммерс уделил керамике Иньянги. Он не отрицает возможной связи ее с R₃, но подчеркивает большое ее значение для культуры керамики R₂. Происхождение керамики Иньянги представляется ему неясным, хотя связь ее со штампованной керамикой Зиуа для него очевидна³⁵.

³³ J. F. Schofield, Указ. раб., стр. 112, 117.

³⁴ R. Summers. Указ. раб., стр. 99.

³⁵ Там же.

Заканчивая обзор керамики, следует отметить исключительную близость различных типов, ее единство, заставляющее нас предполагать единую керамическую традицию всего междуречья (рис. 3).

Обширные торговые связи обусловили появление на данных памятниках персидского фаянса, китайского фарфора, арабского и европейского стекла выделки XIII, XV и более поздних веков. Все фрагменты фарфора, фаянса и стекла китайского, персидского и арабского происхождения были найдены на полах или над первоначальными полами Большого Зимбабве. Только найденные Мак-Ивером в ограде № 5 эллиптического здания два обломка белого китайского фарфора неизвестного времени лежали под первоначальным цементным полом. Некоторые фрагменты были найдены под нетронутыми полами руин Дхлехло и др., но они, видимо, относятся не к очень отдаленному времени.

Бусы

Г. Бек, изучивший и систематизировавший бусы Зимбабве, разделил их на 33 типа и проанализировал их типовой состав в различных археологических слоях³⁶. Большую часть их составляют стеклянные бусы различных расцветок, очень скромные и, как правило, монохромные. Несколько меньше бус из металла, выделявавшихся путем скручивания бронзовой проволоки в ожерелье. Велико число плоских дисковидных бус, вырезанных из местной раковины *Achatina*. Они и сейчас пользуются популярностью в Южной Африке. Примечательно, что в междуречье совершенно отсутствуют бусы из камня, слоновой кости, фаянса и керамики. Особый вид составляют немногочисленные бусы из скорлупы страусовых яиц (сугубо африканский тип).

Бек нашел, что для слоев, лежащих между ложем скалы и первоначальными полами, особенно характерны стеклянные бусы³⁷. В нижнем слое Большого Зимбабве (на Акрополе, на Руине Мауха, на плато) и Губвуми из 389 найденных бус только 9 были металлическими и раковинными. Больше всего (119 штук) оказалось маленьких черных бус (тип I по Беку), которые были найдены, кроме того, буквально на всех объектах.

Особенно интересны маленькие зеленые бусы типа Va, которые оказались сходными с бусами Южной Индии и Индонезии. Для некоторых типов бус. (I. Vid) были найдены параллели среди бус Северной Африки времен птолемеевского Египта и Южной Европы раннего средневековья. В связи с этим Бек полагает, что в первые века нашей эры существовал единый центр, сохранявший старую египетскую традицию выделки стеклянных бус и снабжавший ими Южную Азию и Африку³⁸.

В верхних слоях родезийских руин Дхлехло и Матандере, относящихся, видимо, к XVII—XVIII векам, доминирующими оказались также стеклянные бусы, сходные с упомянутыми выше. Наряду с этим здесь выявляются в большом количестве металлические и особенно раковинные бусы. Некоторые металлические бусы из Матандере очень похожи на бусы из Конго, бывшие там в моде около 100 лет назад.

Саммерс обратил внимание на связь бус с керамикой. По его наблюдениям, бусы упомянутых выше типов встречаются вместе с руинной керамикой B и M₁. Он отметил, что стеклянные бусы крайне редко находят вместе со штампованной керамикой, с которой обычно встречаются бусы из раковин и особенно из скорлупы страусовых яиц. Интересно, что стеклянные бусы серии нижнего слоя Зимбабве обнаружены на

³⁶ G. Beck, Rhodesian beads. В кн.: G. Caton-Thompson, The Zimbabwe culture. Appendix I, стр. 229—243.

³⁷ Там же, стр. 230.

³⁸ Там же, стр. 235—236.

террасах горной Иньянги вместе с керамикой типа современной посуды маника³⁹.

Сложные вопросы о датировке бус и источнике распространения стеклянных бус (аборигены не умели делать стекло) пока еще не решены. Кэтон-Томпсон относит стеклянные бусы к VIII—IX вв. н. э. и полагает, что они ввозились из Южной Индии и Индонезии⁴⁰. Она ссылается на показания португальцев о ввозе бус из Камбайи и о вывозе бус-змеевиков из Южной Индии, но данные эти более позднего времени.

Бек, соглашаясь с Кэтон-Томпсон, утверждает, что бусы нижнего слоя не моложе IX—X и не старше II в. н. э. Он считает возможной связь этих бус с цивилизацией Тангала в Индии (около 700 г.), но отмечает, что черных бус, подобных типу I, там было очень мало⁴¹.

Прочие находки

Всемирную известность получили найденные на Зимбабве примитивные скульптуры птиц на высоких пьедесталах, высеченные из мыльного камня. Уже Холл знал о девяти таких находках. Ранние исследователи связывали их с завезенным сюда из Аравии или Финикии астральный культ⁴². К сожалению, нет никаких данных о глубине залегания этих находок, но на наш взгляд они продолжают древнюю скульптурную традицию междуречья. Уже в слоях, связанных со штампованной керамикой A3 и M₂, встречаются стилизованные фигурки (преимущественно женщин) из известняка и керамики. Более реалистические большей частью мужские фигуры Зуна связаны с керамикой A2. Нет никакого сомнения, что эта традиция не прерывается и в период, когда данные памятники были обитаемы. Керамику M₁ часто находят вместе с подобными фигурками; кроме того, Фробениус в Вукве нашел керамические фигурки птиц, связанные с руинной керамикой и очень близкие к изваяниям птиц из мыльного камня⁴³.

Подобно многим другим народам африканцы междуречья издавна любили украшать свои вещи росписью и скульптурной резьбой. Об этом свидетельствуют дошедшие до нас в большом количестве фрагменты скульптурных деталей на сосудах, отдельные скульптурные поделки. Часть их имеет декоративное значение, например, лапки четырехногих типично африканских сосудов; другие, несомненно, связаны с религиозными представлениями (например стилизованные фигурки женщины и проч.). На наш взгляд, правы Дорнан и Шофилд, считающие птиц мыльного камня тотемными фигурами, стоявшими у хижины колдуна.

Происхождение культуры Зимбабве по современным данным

На основе тщательного изучения археологии родезийских руин 1940—1950-х годов сложились наиболее солидные из современных теорий происхождения культуры Зимбабве.

В 1942 г. Шофилд предложил периодизацию этой культуры⁴⁵. Он делит ее на три периода.

I. Период, предшествовавший образованию государства Мономотапа и продолжавшийся приблизительно с IV по X—XI вв. н. э.; в этот период складываются зачатки культуры Зимбабве, возникновение ко-

³⁹ R. Summers, Inyanga: a preliminary report, «Antiquity», v. 13, 1939, стр. 1.

⁴⁰ G. Caton-Thompson, Указ. раб., стр. 197.

⁴¹ G. Beck, Указ. раб., стр. 236.

⁴² См. R. N. Hall and W. G. Neal, Указ. раб., стр. 23, 41—42.

⁴³ J. F. Schofield, Указ. раб., стр. 119.

⁴⁴ E. A. Walker, History of Southern Africa, London, 1957, стр. 10.

⁴⁵ J. F. Schofield, A survey of the recent Prehistory of Southern Rhodesia, «South-African Journal of Science», v. XXXVIII, 1942, стр. 81—111.

ий на Большом Зимбабве связывается с «батонга» — первой волной переселенцев-банту.

II. Период Мономотапы, или первый шонский, в течение которого оны, продвинувшиеся из-за Замбези около XII в., основали государство Мономотапа. Они подчинили себе соседние племена и создали высокую культуру. Шоны построили Акрополь, развили добычу руд, завяли торговлю со странами, расположенными на побережье, и т. д. этот период (1500—1700 гг.) шоны заняли Мапунгубве, а розви (над шонской ветви) построили Нанатали, Дхло-Дхло и Кхами (около 100 г.).

III. Период Мамбо, или второй шонский, открывается разгромом ономотапы в 90-х годах XVII в. первым «мамбо» (правителем) розви. этот период розви, создавшие свое государство, заканчивают (после 25 г.) эллиптическое здание и возводят долинные сооружения. XVIII в. Шофилд относит появление многих памятников междуречья. коло 1750 г. розви разрушают Мапунгубве. Третий период заканчивается вторжением нгуни и ликвидацией государства Мамбо.

Очень интересна теория Р. Саммерса, учитывающая главнейшие до-ижения буржуазной африканистики. Основываясь на очевидном пре-бладании железа в культуре насельников междуречья, Саммерс делит ю их историю на три фазы: фазу преобладания железного века А, азу взаимодействия железных веков А, В, АВ и С, и фазу преоблада-ия железного века D. Саммерс устанавливает два основных культур-ых потока в междуречье. Первый, связанный со штампованной кера-икой, он называет железным веком А. Более поздний культурный по-ж, связанный с родезийскими памятниками и керамикой руин, он азывает железным веком В. Культуру, или железный век, АВ он выво-ит из взаимодействия железных веков А и В в пределах долины Лимпо-о (культура Мапунгубве). Синхронной этим культурам он считает азанную с керамикой С культуру, или железный век, С. Все эти куль-уры претерпели изменения под влиянием вторгшихся в междуречье гуни (по Саммерсу — железный век D) ⁴⁶.

Эпоха железного века А характеризуется, по Саммерсу, сравнитель-о бедным инвентарем, господством небольших железных орудий, пре-бладанием раковинных бус и крайне малым распространением пред-етов роскоши. В качестве жилищ использовались хижины из жердей даги, но около них уже появлялись грубейшие каменные стены типа асыпей. Для этого времени был характерен культ плодородия с его аужскими и женскими стилизованными фигурками. Покойников хоро-или в скорченном положении, рядом с ними ставили сосуды и фалли-еские изображения. Скот на раннем этапе отсутствовал, и основой жзни были примитивное земледелие, собирательство и охота.

Период железного века А Саммерс рассматривает как цепь последо-вательных миграций, разбивая его на А1, А2 и т. д. века. Дату и место появления народа — носителя культуры А1 он не считает возможным указать, но на основании находок в пещерах Мумбва и некоторых местах на Замбези керамики, сходной с А1, он считает, что обладатели «сосуды Гокомере» пришли с севера. Начало золотых разработок в Родезии в X в. и появление скота Саммерс связывает с миграциями племен Зиуа и Пика Леопарда, которые, по его мнению, импортировали Родезию искусство добывания золота и разработки руд.

Саммерс не характеризует подробно культуру керамики А4, но отво-лит ей большую роль в формировании культуры Мапунгубве. По его мнению, железный век А мог длиться до полутора тысяч лет.

К 1400 г. Саммерс относит появление с севера железного века В1 («первой руинной культуры»). Носители В1 были совершенно отличны от носителей культуры А, пишет Саммерс. Он с большим трудом допу-

⁴⁶ R. Summers, Iron Age cultures in Southern Rhodesia, стр. 103.

скает, что это были «нецивилизованные» африканцы, настолько бог и пышна была их культура. Среди главных ее черт он выделяет большие каменные стены правильной кладки, фигурную кладку камня, богатую орнаментiku посуды, украшения из бронзы и золота, резьбу по кости и, наконец, привозные из Европы и Азии предметы. К изменениям в духовной культуре он относит переход к культу бесплотного божества и исчезновение изображений, связанных с культом племени родия.

Если главной культурной чертой железного века А Саммерс считает добычу золота, то железный век В1 для него характерен прежде всего глубоко уходящей в культуру банту традицией каменного строительства. Носителями культуры железного века В1 он считает племена каранга (из группы шона), которые он выводит с юга бассейна Конго.

Смешение двух культурных потоков, по мнению Саммерса, привело к образованию в долине Лимпопо культуры Мапунгубве. На родезийском же водоразделе, где преобладали каранга, зародилась культура Зимбабве и образовалось государство Мономотапы, политически подчинившее себе большую часть Родезии. Образование Зимбабве и Мономотапы он относит к началу XV в.⁴⁷

Первый период расцвета Мономотапы продолжался до 1506 г., когда дела междуречья вмешались португальцы. Глухие упоминания португальских источников о войнах Мономотапы со страной Тороа, и Бутуа, в конце XV в., о прекращении транспортировки золота в Софиа и концентрации его в Бутуа — позволили Саммерсу предположить, что в конце XV в. в междуречье вторглась культура железного века В1, проникшая сюда с запада и северо-запада. Люди культуры В2 заняли на короткое время Зимбабве, но в основном расселились в районе к югу и западу от Большого Зимбабве, в частности на Мапунгубве. На постепенное просачивание культуры В2 с запада указывает, по Саммерсу, увеличение стратиграфической разницы между керамикой В2 и другими типами керамики в направлении на восток.

Взаимодействие культур в долине Лимпопо, пишет Саммерс, развивалось по линии приспособления культуры железа людьми каменного века. Исследование нескольких десятков скелетов из Мапунгубве показало, что население холма сохраняло облик, свойственный ему в эпоху камня, так как негроидная примесь очень незначительна. Культура железного века АВ длительное время развивалась обособленно, так как она уже успела сложиться прежде, чем вошла в контакт с источниками снабжения бусами, сходными с бусами Зимбабве и Кхами.

Одновременно с упомянутыми культурами в междуречье распространяется культура железного века С, связанного с керамикой Иньяня. Саммерс воздерживается от каких-либо предположений относительно происхождения этой культуры, но считает, что она тесно связана с культурой В1; во всяком случае, террасы Акрополя содержат огромное количество керамики С (в верхнем горизонте), а руины Иньянги очень близки к руинам Зимбабве. Террасы на долеритовых холмах Иньяня значительно моложе поселений со штампованной керамикой, что доказывается наличием толстого стерильного слоя вымыва между уровнями террасы и мидденом Зиуа 1.

Главным результатом взаимодействия культур В1, В2 и С, по Саммерсу, явилось развитие мощного культурного центра на территории нынешнего Машоналенда. Правда, Саммерс допускает известную непоследовательность в оценке этой культуры, — ниже мы остановимся на этом, — но в основе его взглядов на происхождение культуры Зимбабве лежит убеждение, что «Зимбабве построено африканцами и африканцев»⁴⁸.

⁴⁷ R. Summers, Iron Age cultures in Southern Rhodesia, стр. 106.

⁴⁸ R. Summers, Zimbabwe: Capital of Ancient Rhodesian Kingdom, «Africa South», v. 2, № 2, 1958, стр. 57.

К XVI в. Саммерс относит начало торговых контактов шона с европейцами. К сожалению, он не останавливается на этих контактах и не видит последствий, к которым они привели. Без внимания оставляет он торговое и политическое соперничество португальцев и арабов на юго-восточном побережье Африки.

В XVII в. в междуречье появляется новая культура железа — железный век ВЗ, по Саммерсу, век господства племен розви, время нового расцвета африканской культуры междуречья, нового подъема каменного строительства и развития керамики, металлургии и т. д. С этим периодом Саммерс связывает строительство Кхами и эллиптического сооружения — «храма» Зимбабве, преобладание полихромной керамики типа D (Кэтон-Томпсон) и развитие торговых связей с Востоком (ввоз китайского фарфора и пр.). Упадок культуры Зимбабве Саммерс связывает с появлением нгуни.

Взгляды Шофилда и Саммерса были приняты наиболее передовыми западными учеными. На конференции археологов-африканистов в 1953 г. Г. У. Хантингфорд, подводя итоги исследования проблемы Зимбабве, дал конспективное изложение взглядов Шофилда и Саммерса⁴⁹. Прогрессивным буржуазным африканистам удалось разрешить некоторые из проблем, касающихся происхождения культуры Зимбабве. Сейчас нет сомнений, что Зимбабве строили банту, творцы Зимбабве являются и создателями Мономотапы и т. д. Однако в работах этих исследователей наряду с противоречиями по отдельным вопросам мы найдем и общее для них безразличие к общественным отношениям у творцов культуры Зимбабве, недооценку разрушительного действия европейской колонизации и, наконец, непоследовательность в защите тезиса об автономности Зимбабве. Наиболее резко проявляется это в решении таких важных вопросов, как происхождение культуры железа и каменного строительства в Южной Родезии. Все эти исследователи, объясняя происхождение и развитие различных сторон культуры, склонны связывать их не с внутренним развитием общества, а с миграциями и скрещиванием культурных влияний, без чего они не могут представить себе одного крупного сдвига в культуре.

Вопрос о происхождении железа в районе междуречья еще не ясен. Если древность культуры железа в этих местах несомненна. Археологи Зимбабве показывают, что железо давно уже вытеснило здесь и дерево, и камень, и кость. Исторические источники подтверждают это. Еще во второй половине XII в. Идриси сообщал, что железо Софалы имеет огромный спрос в Индии и что оно по обилию, добротности и ковкости превосходит индийское. О том же писал Ибн аль-Варди в XV в. Современник Макризи сообщал о Малинди и Софале, как о двух главных центрах по экспорту железа, каковыми они были, по его мнению, уже в XIII в.

Следы древнейшей в области междуречья культуры железа были обнаружены в пещере Мумбва на р. Кафуэ. Железные орудия найдены на поверхности, а на глубине 1,5 м, под неолитическими отложениями, обнаружены древняя железоплавильная печь и железный шлак. Анализ показал, что «нижнее железо» Мумбва резко отличалось от «верхнего»; последнее очень сходно с железом, из которого сделаны мечи, найденные в нижних слоях Зимбабве и Мапунгубве. «Верхнее» железо окружено керамикой, близкой по типу к A1 (Гокомере).

Датировка «нижнего железа» пока еще спорна. Ясно лишь, что после него опять наступил период господства индустрии камня. Неудобно для обработки железо, выплавлявшееся в домнице Мумбва, тесно связанной с отложениями каменного века, по всей вероятности, отно-

⁴⁹ «History and Archaeology in Africa. Report of Conference held in July 1953 at School of Oriental and African Studies», London, 1955, стр. 75—80.

силось к начальному этапу культуры железа в междуречье. Ж верхнего слоя, удобное для обработки, относится уже к этапу распространения и утверждения этой культуры.

Саммерс и Шофилд полагают, что эта культура была принесена междуречье волной иммигрантов банту с севера, поскольку кули железа и керамика Зимбабве (принадлежащие банту) и Мумбва близки⁵⁰. Однако подобный сорт железа и изделий из него найден на Малунгубве, но вместе с керамикой А4, и принадлежал он, как точно установлено, не банту, а предкам бушменов⁵¹. Им же принадлежали и каменные орудия эпохи Вильтона в Мумбва, с которыми связано «верхнее» железо этой пещеры. Находки в Вильтонском Мумбва кельтов из железной руды, выполненных в неолитической нике, надежно связывают появление культуры «верхнего» железа Мумбва с населением койсанского антропологического типа Вильтонской неолитической культуры Мумбва.

Однако мы далеки от того, чтобы связывать начало культуры железа в междуречье исключительно с предками бушменов. Находки, относящиеся к Вильтонскому времени, свидетельствуют об их длительном взаимодействии с банту. Так, Шофилд, анализируя находки Мумбва, пишет: «Не может быть сомнения в родстве нашей керамики с известной посудой банту и в том, что она была сделана и украшена способами, которые в то время использовались местными народами. Не может быть сомнения относительно ее связи с Вильтонской индустрией: в раскопе 31% от общего числа всех найденных орудий получен из слоя железного века, в раскопе II — 29%. Все эти орудия относятся к Вильтонской индустрии...»⁵². Подобную же картину дают и культурные слои Солсбери, Коммонедж, Бамбаты и других мест.

Можно поэтому полагать, что культура железа в междуречье уходит своими корнями в местный неолит, для Вильтонской эпохи которого характерно длительное взаимодействие между предками бушменов и постоянно проникавшими на территорию междуречья банту⁵³. Поэтому, открытие железа и изобретение керамического производства совместным достижением обеих этих этнических групп.

С культурой железного века А связано и начало каменного строительства в Родезии. Наличие грубейших каменных построек в нижних слоях Зимбабве и других родезийских памятников отмечалось ранее авторами. Шофилд и Кэтон-Томпсон относили к этому типу постройки стен из наваленных камней, обнаруженные в основаниях Акрополя, Дхло-Дхло и других сооружений⁵⁴. Саммерс связывает железный век А с грубыми столбовыми конструкциями и примитивными каменными насыпными стенами⁵⁵.

Наиболее глубоко вопрос о происхождении каменного строительства в междуречье был исследован Вишхоффом⁵⁶. Он решительно отвергает распространенное представление о том, что народы междуречья не имеют никаких сведений о происхождении каменных зданий, приписывают их создание дьяволу и т. п. Ныне известно, что ваунгве считали руины Сан

⁵⁰ R. Summers, Iron age cultures in Southern Rhodesia, стр. 103; J. F. Schofield, Указ. раб., стр. 38.

⁵¹ L. Fouché, Указ. раб., стр. 175.

⁵² J. F. Schofield, Указ. раб., стр. 45.

⁵³ Это подтверждается данными антропологии. В настоящее время прослежены основные этапы в формировании антропологического облика народов междуречья: бушменонид-боскопиды, бушменониды с негроидными чертами (иногда с бушменонидными признаками). См. R. Summers, Inyanga, стр. 158.

⁵⁴ J. F. Schofield, Zimbabwe: A Critical Examination of the Building Methods Employed, «South-African Journal of Science», Dec. 1926, стр. 984; G. Caton-Thompson, Указ. раб., стр. 171.

⁵⁵ R. Summers, Iron Age cultures in Southern Rhodesia, стр. 101.

⁵⁶ H. A. Wieschhoff, Указ. раб., стр. 42, 110.

делом рук их предков. Бабуджа утверждают, что руины Тере были местом обитания их прародителя. Честь сооружения главнейших руин Зимбабве, Дхло-Дхло, Кхами традиция совершенно определенно приписывает барозви, однако некоторые бадума заявляли, что их предки жили на Зимбабве задолго до барозви.

Вишхоффу удалось доказать тесную связь каменных сооружений междуречья с традиционной архитектурой из дерева и глины. В руинах Ниамамы он обнаружил два совершенно сходных по плану и назначению типа домов, но один из них, тип Е, составляли сооружения из дерева и даги, тогда как другой, тип В, — из даги и камня. Полную аналогию типу Ниамамы А (каменный круглый дом, разделенный на четыре помещения) удалось обнаружить в районе Гвело, где точно такие же сооружения были сделаны из глины.

Планировка отдельных сооружений и современных негритянских деревень в междуречье, по мнению Вишхоффа, чрезвычайно близка к планировке главных сооружений Зимбабве. В обоих случаях жилые дома стоят внутри больших оград, разница лишь в том, что на Зимбабве ограды сделаны из камня, а теперь их делают из дерева и глины. Легко объяснимо наличие хижин из даги на Маунд-Руине в разрывах радиальных стен. Доказано, что стены эти никогда не замыкались, а были построены с целью разделить прилегающее к хижинам пространство на несколько секторов. Это делается и в наше время у многих племен банту.

Возникновение строительства из камня еще до появления арабов и других иноземцев подтверждается данными радиоуглеродного анализа двух деревянных брусев из «храма» Зимбабве. Брусья датируются 591 г. н. э. ± 120 л.; 702 г. н. э. ± 92 г.⁵⁷

Многие исследователи обратили внимание на сходство планировки сооружений Большого Зимбабве и поселений банту района межозерья. В доказательство этого Кэтон-Томпсон приводит план королевской резиденции в Буньоро⁵⁸. То же отмечал и Шебеста, придерживавшийся мнения о родстве Уганды и Зимбабве. Согласно гипотезе Шпаннауса культура межозерья возникла под влиянием завоевателей-хамитов, поэтому Вишхофф счел возможным заявить: «имеется вероятность, что хамитическая группа, основавшая так много государств в различных частях Восточной Африки, в некоторой степени ответственна не только за сами здания, но и за всю родезийскую культуру Зимбабве-Мономотапы»⁵⁹.

Сходство построек Родезии и межозерья было подтверждено работами Дж. Мэтью в 1952 г.⁶⁰. Около Биго (Западная Уганда) ему удалось найти древнее поселение, сходное с Зимбабве. Недалеко от Биго были к тому же обнаружены глубокие шахты в Лусигате и в Масака и большие земляные и ирригационные сооружения в Нтузи. Мэтью исследовал несколько мидденов в Нтузи и нашел в них штампованную керамику типа А Зимбабве.

Раскопки Мэтью дают основания отрицать ведущую роль «хамитов» в истории междуречья. Находки в Нтузи, Биго и Кинони показывают, что строители сооружений Западной Уганды не употребляли в пищу мяса крупного рогатого скота, что бусы из стекла использовались ими в весьма ограниченном количестве и что хотя эта культура и относится к железному веку, но орудия из камня еще употреблялись. В Нтузи вместе с фрагментами обработанного железа было найдено несколько кварцитовых наконечников стрел, каменный топор и халцедоновый наконечник копья.

Таким образом, насельники родезийских сооружений и даже их

⁵⁷ R. Summers, The dating of the Zimbabwe Ruins, «Antiquity», № 114, 1955, стр. 108.

⁵⁸ G. Caton-Thompson, Указ. раб., лист LXI.

⁵⁹ H. A. Wierschhoff, Указ. раб., стр. 109.

⁶⁰ «History and Archaeology in Africa» (цит. выше), стр. 32.

Памятники и культуры междуречья (опыт хронологии)

Эпоха	Неслит	Ранний железный век	Развитый железный век	Поздний железный век
Культура	Гогомеге	Зимбабве	Зимбабве (карага)	Нгуни
	Вильтон	Иньянга (Зиуа I и II)	Иньянга	
		Пик Леспарда (Кхамби)	Кхамби (Гсэги)	
		Лимпсхо (Мапунгубве)	Мапунгубве	
Жилище и другие постройки	Открытые стоянки и пещерные жилища типа Мумба, Бамбата, Солсбери-Коммондж и др.	Подобия стен из грубо наваленных камней на Зимбабве и Мапунгубве. Основное жилище—даговая хижина типа Пика Леопарда. Всюду зернохранилища, в т. ч. из камня	Постройки с могучими каменными стенами (внечале—перемычками). «Акрополь», внутренние стены «храма», руины Маунд и Мауха, Кхамби и др. Террасы из камня на Зимбабве и Иньянге	Сооружение внешней стены «храма» Зимбабве. Завершение Дхлю-Дхлю. Орнаментальная кладка стен Отдельные форты: Чивона, Гомбе и др.
			Жилище—даговая хижина внутри каменных стен	
Орудия производства и оружие	Отщепные каменные орудия. Полированные кельты из железной руды. В Мумба появляются малые железные наконечники стрел	Железные мотыги. Топоры типа каменных. Малые железные наконечники стрел. Зернотерки	Железные мотыги и топоры, не имитирующие форму каменных. Большие железные наконечники копий. Кинжалы, ножи. Зернотерки	Большой ассортимент железных орудий и оружия. Декоративное оружие из бронзы
Керамика	Появляется штампованная керамика, близкая к типу А1 (Гокомбе)	Грубая лепная штампованная керамика типа А1 (на большей части)	Полированная керамика: без украшений—В, ребристая—В1, орнаментная—В2	Украшенная награвированная полихромная посуда (стиль D по Катон-Томпсон)

Эпоха	Население	Ранний железный век	Развитый железный век		Поздний железный век
Культура	Гиконгс Вилтон		Зимбабве	Зимбабве (каранга)	Зимбабве (розви) Нгуни
			Иньянга (Зиуа I и II)	Иньянга	
			Пик Леспарда (Кхами)	Кхами (розви)	
			Лимпсхо (Мапунгубве)	Мапунгубве	
			В Иньянге, Кхами, Мазэ, Лимпопо-A2, A3, A4 Посуда из серой глины, поверхность матовая	На Мапунгубве близкая к В посуда M ₁ На Иньянге грубая красно-коричневая посуда — C	—
Антропологический тип населения	Бушменско-боскоиды Негроиды (появляются)		Негроиды	Негроиды	Негроиды
Общественные отношения	Прочная община		Бушменско-боскоиды с негроидными чертами Негроиды с бушменскими чертами	Бушменско-боскоиды с негроидными чертами Негроиды с бушменскими чертами	Бушменско-боскоиды с негроидными чертами Негроиды с бушменскими чертами
			Разложение общины к концу эпохи. Выделение родовой верхушки	Объединение военных демократий. Союзы племен Союз каранга. Моно-матала, ее расцвет и разложение	Объединение военных демократий. Союзы племен Объединение державы розви. Феодализация
Тип хозяйства	Земледелие (примитивное), животноводство, охота		Мотыжное земледелие, скотоводство, охота	Мотыжное земледелие (в частности террасное) и скотоводство	Мотыжное земледелие, скотоводство
Время	До VIII в. н. э. В отд. местах до XIX в.	VI—IX вв. н. э.	X—XVII вв.	1693—1834 гг.	До наших дней

предшественники — обладатели штампованной керамики стояли несколько более высоком уровне развития, нежели строители из Западной Уганды. В Родезии каменные орудия нигде не встречаются в ожениях, связанных с каменными сооружениями.

Королевский крааль в Буньоро гораздо моложе руин междуречья и сами государства межозерья, бесспорно, не могут соперничать ей древностью с Мономотапой. Культура Зимбабве достигла более высокого развития раньше, чем Западная Уганда. В свете всего сказанного междуречье может считаться местом зарождения одной из вышедших камнестроительных культур Африки. На наш взгляд, с большим основанием можно говорить о влиянии юга на север, нежели наоборот.

Общественные отношения

Общественные отношения у создателей культуры Зимбабве и Мономотапы не привлекали внимания буржуазных исследователей. Шебелл и Вишхофф, останавливавшиеся на этом вопросе, ограничились этическим перечислением известных им черт общественной жизни Мономотапы, рассматривая их лишь с целью выяснения их происхождения. Ни один из этих исследователей не делает разницы между понятиями «король» и «вождь», «племенной совет» и «совет министров» и т. п. Поэтому они с одинаковой легкостью соглашаются видеть в создателях Зимбабве и рабовладельцев времени царя Соломона, и подданных «императора» Мономотапы, и «дикарей», бессмысленно работающих представителей «высшей расы».

Данные, которыми мы располагаем, очень скудны, однако по находкам мотыг, зернотерок, зернохранилищ и костей домашних животных можно думать о зарождении в эпоху раннего железного века в Родезии примитивного скотоводства и земледелия со свойственным последнему культом плодородия и закономерно возникшими на этом этапе постоянными жилищами из грубо наваленных камней. Находки захоронений этого времени с бедным и однообразным погребальным инвентарем свидетельствуют о прочности общины, не затронутой имущественным расслоением.

Данные, относящиеся к следующему, современному строительству Зимбабве периода, свидетельствуют о значительных изменениях в жизни общества междуречья. Относящиеся к этому времени португальские источники рисуют Мономотапу как типичное феодальное государство, во главе которого стоит окруженный вассалами король, собирающий дань с подвластных племен. Много внимания уделяют источники ближайшему окружению короля, которое они именуют «двором». Португальские авторы, а вслед за ними и некоторые современные исследователи находят там обширный государственный аппарат с министрами и канцлером во главе.

Однако такие обычаи и институты, как эндогамия вождя — «короля», особое положение женщин и особенно «королевы матери» и главенство жен, исключительное влияние женщин на избрание и смещение верховного вождя — мономотапы, пользовавшегося вообще деспотической властью, — свидетельствуют о глубоких пережитках матриархата. Наличие же среди «министров» таких лиц, как главный колдун и главный барабанщик, довольно ясно показывает несостоятельность взгляда на Мономотапу как на общество со сложившимся государственным аппаратом. Это подтверждается взаимоотношениями между центром Мономотапы и периферией, в которых господствовали патриархальные методы взимания дани, а власть верховного правителя была обусловлена нормами, типичными для союза племен.

Можно не говорить о том, что эквиваленты в торговом обороте там же определялись лишь местным населением: ни мотыги, ни даже «ка-

да» (слитки металлов в виде косо́го креста) не имели ничего общего с упорядоченной государственной системой денежного оборота.

Однако изменения в общественной жизни были налицо. Появилась имущественная дифференциация, усугублявшаяся непрерывными войнами и торговлей с заморскими странами. Было утрачено прежнее равенство между свободными членами общины. Мономотапа держал в своих руках не только военную и гражданскую власть, но имел право жизни и смерти в отношении любого из своих подданных. Наряду со старейшими в роде выделяются и наиболее отличившиеся или наиболее сведущие, занимая весьма солидное положение при «дворе» Мономотапы.

Это смешение пережиточных и новых черт, сочетание первобытных и более развитых форм жизни свидетельствуют о том, что Мономотапа переживала период становления государства, находясь на обычной для этого этапа ступени военной демократии, а глава этого общества был вождем союза племен и обладал деспотической властью, как это типично для многих военных демократий.

Это находит полное подтверждение в производстве и материальной культуре Зимбабве-Мономотапы, характеризующихся появлением таких высокоразвитых форм, как террасное земледелие, расширением ассортимента железных и других орудий, а также украшений. Противоречивость этого периода отразилась и в духовной сфере, где культ предков сочетается с верой в общее для всего общества бесплотное божество «млимо» — бога племени макаранга, главного в союзе банту междуречья.

*   *

*

Резюмируем сказанное выше. Проблема происхождения Зимбабве еще далека от ее окончательного разрешения. Однако в свете изложенного материала можно сказать, что попытки объяснить ее происхождение миграцией на территорию междуречья представителей какой-то более развитой расы или влиянием на банту более высокой чужеземной культуры оказываются несостоятельными. Автохтонный характер культуры Зимбабве не вызывает сомнений. Очевидно и то, что основные черты этой культуры — металлургия, керамика и строительство из камня — сложились на территории междуречья, а не были внесены сюда различными волнами миграции банту, как полагает Саммерс. Культура Зимбабве была не только «создана африканцами для африканцев», но явилась закономерным результатом развития народов междуречья, перешедших от камня к металлу, от примитивного земледелия и охоты к развитому скотоводческому и мотыжно-земледельческому хозяйству, от первобытно-общинного строя к зачаткам государства, к военнотократическому обществу Мономотапы.

SUMMARY

The problem of the origin of Zimbabwe culture is still far from being positively solved. Nevertheless, attempts to trace its origin to migration into the area of representatives of a more highly developed race, or to the impact of a superior, alien civilization on the culture of the Bantu aborigines, have proved untenable. The autochthonous nature of Zimbabwe culture is beyond all doubt. It is also clear that the main features of that culture — i. e., metallurgy, ceramics and employing stone for building — emerged in the territory where it was spread, far from being the result of different Bantu migration waves, as presumed by R. Summers. Not only was Zimbabwe culture «made by Africans and intended for Africans» — it was the legitimate outcome of the development of the peoples of that area, who effected, around the 10th century A. D., the transition from stone to metal, from primitive agriculture and hunting to a well-developed economy based on cattle-raising and hoe farming, from the primitive-communal system to the rudiments of statehood — the military democracy of Monomotapa.

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА ПАЛЕОЭТНОГРАФИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

В. А. ЛИВШИЦ

СОГДИЙСКИЙ ПОСОЛ В ЧАЧЕ

(Документ А-14 с горы Муг)

Согдийские документы, найденные в 1932—1933 гг. на горе Муг (Таджикская ССР) и собранные экспедицией АН СССР под руководством члена-корреспондента АН СССР А. А. Фреймана¹, являются первыми согдийскими текстами, обнаруженными на территории Самаркандского Согда.

В мугское собрание входят архивы (или части архивов) правителей Пенджикента Деваштича (Девāштйч) и ряда лиц, сражавшихся вместе с ним против арабов и нашедших свое последнее убежище в крепости на горе Муг.

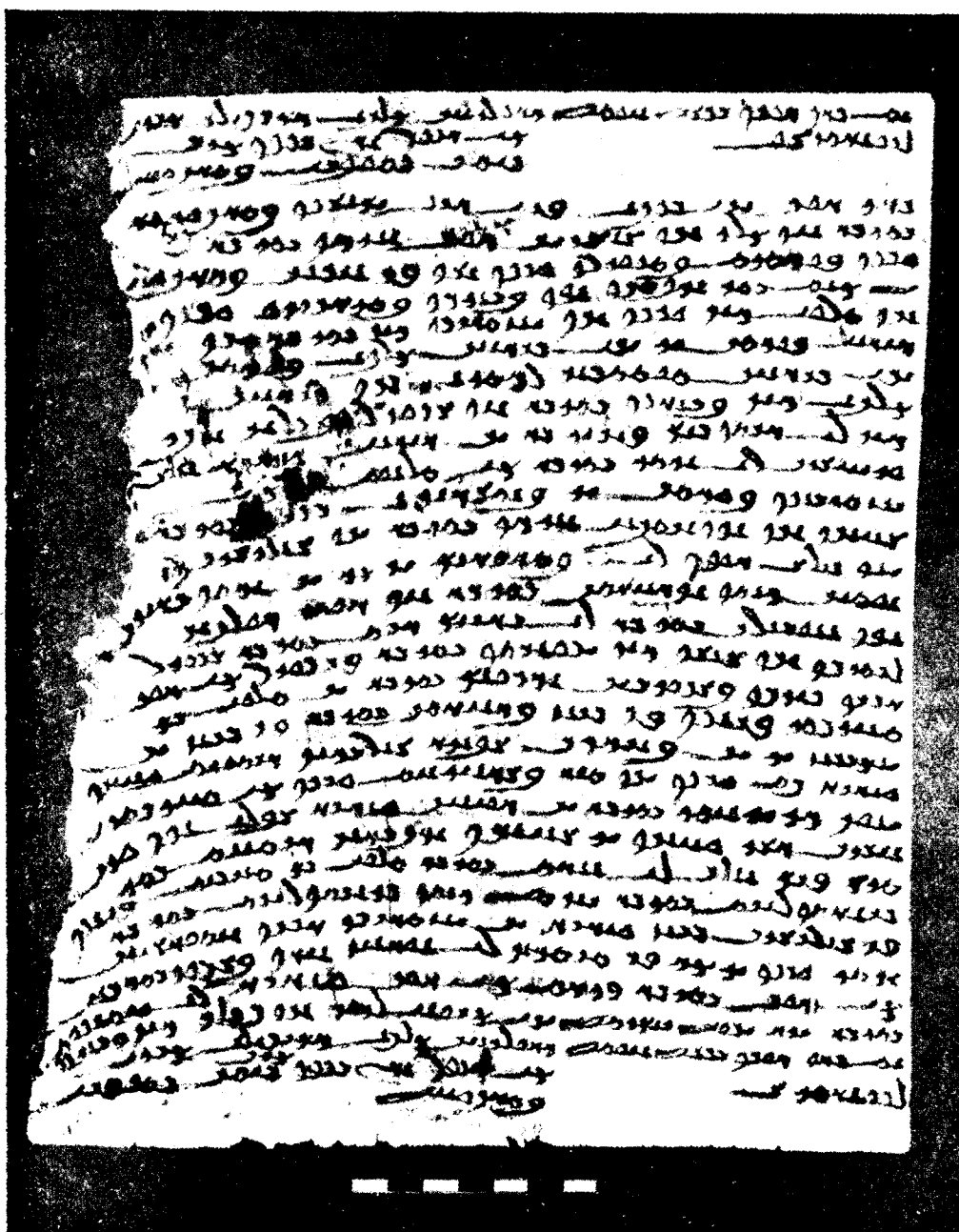
Большую часть текстов собрания составляют хозяйственные документы. Наряду с ними, в собрании имеются также письма — донесения Деваштичу от его послов, переписка Деваштича с вассалами — владельцами отдельных селений и сельских округов, а также письма, адресованные вассалам Деваштича от других лиц.

Мугские письма являются новым источником для изучения истории Согда и соседних областей в первой четверти VIII в. н. э. — впервые сами согдийцы сообщают о политической и военной обстановке в Средней Азии в этот период.

Публикуемый ниже документ А-14² представляет собой донесение Деваштичу. Автор письма, Фатуфарн (βtwpǝn), был послан Деваштичем в Чач (совр. Ташкент) и в соседние районы со специальной миссией — передать в Чаче письма тудуну и «помощнику» (n'ztyrǝn см. комментарий), затем встретиться или установить связь с ферганским царем и каганом и передать им послания Деваштича. Фатуфарн, прибыв к чачскому государю, вручил письма тудуну и «помощнику» и получил от них ответные послания. Письма ферганскому царю и кагану Фатуфарн вручил для передачи адресатам ферганскому тутуку, находившемуся в это время в Чаче. На встречу с каганом Фатуфарн рассчитывать не мог («каган передвинулся, его не видно», стк. 12—13), а по-

¹ Обстоятельства находки документов подробно изложены А. А. Фрейманом в статье «Находка согдийских рукописей и памятников материальной культуры в Таджикистане», «Согдийский сборник», Л., 1934, стр. 7—17.

² Документ написан на светло-серой китайской бумаге. Текста на оборотной стороне нет. Размеры документа после реставрации: стк. 1-16—23×30 см, далее ширина документа увеличивается, достигая в последней (34-й) строке 25,5 см. Обрыв левого края на протяжении почти всего листа был уже до написания текста. Подробное описание документа см. ниже.

Документ А-14 с горы Мур

му он решил возвращаться обратно в Согд. Обратный путь Фатуфарна должен был проходить через территорию Уструшаны³, однако Уструшана оказалась к этому времени захваченной (стк. 16-17: ZK 'stwršnyk 'wt'k s'tw 'ry'nštk «Уструшанская область вся сдвинута, опустошена»), так что Фатуфарну пришлось вернуться в Чач. Вторая часть документа А-14 представляет собой сообщение о событиях (в том числе о действиях арабов), которые происходили в Чаче или в соседних районах и о которых Фатуфарн получал информацию, находясь в Чаче. Свое донесение Деваштичу и ответные письма тудуна и «помощника» Фатуфарн переслал в Согд кружным путем, отправив их в Канд (совр. Канибадам) «в руке Марвана» (Mrgw'n), судя по имени, — перебежчика-араба.

По характеру лиц, упоминаемых в тексте документа А-14 (каган, чачский государь, тудун, ферганский царь, перс-полководец и др.), и разнообразию сообщаемых сведений этот документ является наиболее интересным в мугском собрании. Донесение Фатуфарна важно и для характеристики деятельности Деваштича. Впервые согдийский текст сообщает нам о союзе Деваштича с каганом, правителем Чача и царем Ферганы.

Описание документа А-14, данное А. А. Фрейманом в «Согдийском сборнике»: «36. А 14. Согдийский документ на бумаге. Бумага смята. Почерк небрежный. 19 — 24 × 28. Число строчек 33 и одно слово в 34-й. Бумага плохо сохранилась. Несколько пострадала левая сторона в верхней половине, пожелтела и в лакунах. Одна большая лакуна — на расстоянии 9 см сверху и 2,5 см слева — уничтожила четыре буквы (по две в 13-й и 14-й строчках). Вторая лакуна — 3 см сверху и 1 см слева — под четвертой строчкой. Третья лакуна в 8-й строчке — 2,5 см слева — уничтожила одну букву. Четвертая лакуна — в 9-й строчке 3 см слева — уничтожила одну букву. Пятая лакуна — в 12-й строчке — уничтожила одну букву. Содержание — донесение Дивастичу от его главного (?) слуги rtyrpn (Ратифарн?).»

Если чтение документа при настоящей предварительной описи оправдается, то титул Дивастича окажется еще более пышным, чем в других документах. Данный титул мог бы указывать на какое-то соперничество его с другим феодалом (Гуреком?), на претензии его на единодержавие.

1-я строка: 't βγw γwβw (?) rβch 'ywth sγwδy... k
«богу царю великому (?) единому (?) согдийскому»
MLK' sm'rknpс MR'Y
«царю самаркандскому господину»

2-я строка: δyw'stys (свободное место в 5 см)
«Дивастичу»
MN γурδ
«от его»
'γr(?).. myk βntk r(?) ty(?) pr(?) n ptškw'nh
«главного (?) слуги Ратифарна (?) ответ»

э же в конце:

2-я строка: 't βγw γwβw rβch 'ywth sγwδy... k MLK'
«богу царю великому (?) единому (?) согдийскому царю»
sm'rknpс MR'Y
«самаркандскому господину»

³ По-видимому, через Хавас — Заамин (Сарсанда) или через Дизак. См. W. B. Barthold, *Turkestan down to the Mongol Invasion*, GMS, N. S., V. 2. ed., London, 1958, тp. 165 сл.

33-я строка: $\delta yw'styc$ (свободное место в 5 см)

«Дивастичу»

MN $l\gamma$ урδ

«от его»

'γγ(?) рδ βnīk г(?) tγprn

«главного слуги Ратифарна»

34-я строка: pt.kw'nh

«ответ»⁴.

К чтению вводной и заключительной формулы документа А-14 А. А. Фрейман вернулся в «Инвентаре согдийских рукописных документов, найденных на горе Муг в Таджикской ССР в 1933 г.», составленном после реставрации документов собрания⁵. Чтение и перевод этой формулы в «Инвентаре...»⁶: 't βγw γwβw RBch 'ywth sγwδy-'k MLK' smrkndc MRY' $\delta yw'styc$ «богу государю великому единому согдийскому царю самаркандскому господину Дивастичу» MN γурδ 100 RYPwmyk βnīk rtyprn ptškw'nh «от его «миллионного» слуги (раба) Ратифарна ответ». Дальнейшее уточнение чтения этой формулы было дано в 1958 г. О. И. Смирновой, предложившей читать 'nwth «оплот, прибежище» вместо 'ywth⁷.

Других сведений о документе А-14 до сих пор опубликовано не было.

Текст⁸:

- (1) 't βγw γwβw RBch 'nwth sγwδy-'nk MLK-' smrkndc MRY
- (2) $\delta yw'sty$ -cw MN γурδ C RYPW my-k
- (3) βnīk βtwp-rn p-tšk-w'nh
- (4) βγy γwβ ZKn RBk-' prn γrβ nm'cyw p-tšk-wy-'m
- (5) rty-βγ 'zw mδy 'kw c'cy-nk γwβ 'ysw rty βγ
- (6) wβyw pwsty-t p-tywy-δw wβyw 'cw pr 'zβ'(!) k⁹ p-tšk-w'n
- (7) h m't rty 'sp-tkw 'pw p-r'y-kw p-ty-škw-y-w wβyw
- (8) 'kw tδwn s'r wβyw 'kw n'z-tγryw s'r rty β(γ) ZKw
- (9) γ'γ'n pwstk ZY ZKn βrγ'nk MLK-' p(w)stk
- (10) ZKn βrγ'nk twttk'y δsty-' (!)kw (β)γ'nk
- (11) MLK-' s'r p-r'šyw rty-βγ 'zw cywy-δ p-yδ'r '(s)k-y
- (12) s'r L' γrtw β'm p'r-ZY βγ ZK γ'γ'n w'γ(r)š ''δc¹⁰
- (13) wy-n'n-cy-k L' 'sty rty βγ MN tδ'wn Z[Y] MN
- (14) n'z-tγr'yw p-wstk ZY p-'tcγny-' βγ(r)[w] (r)ty βγ
- (15) c'n'kw 'kw 'pw-rtk-'n ''y-sw rty βγ ZKw c'δr-cyk¹¹
- (16) z'w ''δc γwpw L' p-tywš'm ZY ms ZK 'stw-ršny-k
- (17) 'wt'k s'tw 'p-γ'n-štīk rty-βγ 'zw γwty γwδk-'r
- (18) 'pw ''wr'δk rty βγ L' rγn'm γrt rty βγ cywy-δ
- (19) šβty-kw 'kw c'cw s'r zyw'rtw rty βγ prywy-δ MN γwβ
- (20) šyrw βzy-kw p-ckwyr'k 'skw'm rty-βγ ZK tδwn gm

⁴ А. А. Фрейман, Опись рукописных документов, извлеченных из развалин здания на горе Муг в Захматбадском районе Таджикской ССР около селения Хайрабад и собранных Таджикистанской базой Академии наук СССР, «Согдийский сборник», Л., 1939 стр. 44—45.

⁵ Рукопись «Инвентаря...» хранится в Ленинградском отделении Ин-та востоковедения АН СССР (ЛО ИВАН).

⁶ Стр. 9.

⁷ О. И. Смирнова, Монеты древнего Пенджикента, «Материалы и исследования археологии СССР» (МИА), № 66, 1958, стр. 247, прим. 1. Вводной формуле мугского писем О. И. Смирнова посвятила также специальную статью, прочитанную в ЛО ИВАН в феврале 1959 г. См. также ниже, комментарий к тексту документа А-14.

⁸ ( ) — частичное восстановление знака; [ ] — полное восстановление; дефис указывает на отсутствие соединения с последующим знаком.

⁹ Ср. написание 'kw в стк. 10, ''wg'δk, стк. 18.

¹⁰ Отпечаток знака над ''-.

¹¹ Или c'δy-cyk? В конце строки отпечатки знаков.

- (21) t'zy-kty pr'yw pr βr'z p-γ'n-štk rty-βγ pr βr'z ZK
 (22) z'mrβ'z ZY ZK p-rsy-k cp-yš c'ərs'r γrt'nt w'n'kw
 (23) w'γrš k-t wβyw ZKw twγ p-cγ'zy-'nt wβyw MN t'zy-kty-'
 (24) z'wr sy-ny-'nty¹² rtyβγ ZK γw'n'k¹³ w'γrš cp-δ' 'pw wyn
 (25) 'ncy-k γcy w'n'kw ZY c'n'kw 'sk-ys'r γrt'nt rty
 (26) ty-m prm ''δk L' ''γt rty βγ tōwn rm t'rβnt pr'yw
 (27) βr'štw δ'rt rty-βγ z'y-th s'tw βy-'rtw δ'rt rtyβγ
 (28) pr c'ərcy-k βr'z w'γrš ZK n'z-tγryw šyrw 'ntwγc'nk
 (29) 'sty wβyw ZY ms pr trts'r L' 'wγ'nz 'zγw p-ckwy-rtsk'n
 (30) MN γwβ rty-βγ py-št MN γwβ w'γrš L' nztyβwt(??)
 (31) rtyβγ ny-š ZKwh n'my-th ZKn mrw'n δsty'kw knδy s'r pr'šyw
 (32) 't βγw γwβw RBch nwtw sywδy-'nk MLK-' smrknc MRY-'
 (33) δyw'šty-c MN γypδ C RYPW my-k¹⁴ βntk βtwprn
 (34) ptšk-w'nh.

Перевод

- 1) Господину, государю, великому оплоту, согдийскому царю, самаркандскому государю
 2) Деваштичу от его ничтожнейшего («миллионного»)
 3) раба Фатуфарна — донесение («ответ, обращение»)
 4) Господин, государь, (тебе), великославному, много приветов я адресую.
 5) И, господин, я прибыл сюда, к чачскому государю. И, господин,
 6) я и письма передал, и то, что следовало устно сообщить («что на языке обращения было»),
 7) я полностью, без остатка изложил — и
 8) тудуну, и «помощнику»¹⁵. И, господин,
 9) письмо кагану и письмо ферганскому царю
 10) я через («в руке») ферганского тутука ферганскому
 11) царю переслал. И, господин, я потому дальше («наверх»)
 12) не могу пойти, что, господин, каган передвинулся (?), совсем
 13) его не видно («невидимый есть»). И, господин, от тудуна и от
 14) «помощника» я получил письма («письмо») и ответы. И, господин,
 15) когда я пришел к 'pw'rtk'n («стал возвращаться?»), то, господин, о Нижней (стране)
 16) известий («слух») хороших я вовсе не слышу, а Уструшанская
 17) область целиком сдвинута («опустошена?»). И, господин, я один-одинешенек,
 18) без спутников, и, господин, не осмеливаюсь я идти. И, господин, затем
 19) я вернулся снова в Чач. И, господин, здесь тебя («государя»)
 20) я страшно («очень мучительно, страшно») боюсь. И, господин, тудун с
 21) арабами передвинулся (или отступил) к βr'z. И, господин, к βr'z
 22) спустились Жāмравāз¹⁶ и перс-полководец. Такой
 23) слух, что или они его (βr'z) быстро захватят («получат») ¹⁷, или от арабов
 24) войско поднимут наверх (отступят). И, господин, γw'n'k передвинулся («передвинулся с места»), его не вид-

¹² Или sy-'y-'nty, sy-γy-'nty?¹³ Или γwn'nk, γwz'nk, γwn'zk.¹⁴ Дописано сверху.¹⁵ n'z'γγuw, см. комментарий.¹⁶ Замравāз?¹⁷ Или: «Они должны получить подать», см. комментарий.

- (25) но («невидимый есть»). Как бы то ни было («точно, именно ушли они наверх, и
 (26) до сих пор никто не спустился. И, господин, тудун (раньше) с Т бандом
 (27) объединился и, господин, все земли он захватил («получил И, господин,
 (28) (тудун) переместился к Нижнему рг'z. «Помощник» очень гор
 (29) ет, туда (к тебе) не пошел («не спустился»), он страшно бои
 (30) тебя («государя»). И, господин, затем от тебя («государя») из стий не может поступить («выйти») ¹⁸.
 (31) И, господин, вот эти письма я переслал через («в руке») Марва в Канд.
 (32) Господину, государю, великому оплоту, согдийскому царю, сам кандскому государю
 (33) Деваштичу от его ничтожнейшего («миллионного») раба Фара —
 (34) донесение («ответ, обращение»).

Комментарий ¹⁹:

стк. 1. Вводная формула обращения к адресату, встречающаяся в целом ряде мугских писем, читалась А. А. Фрейманом следующим образом: 't βγw γwβw RBch 'ywth «бору государю великому единому (см. «Согдийский сборник», стр. 44; «Инventарь согдийских рукописных документов, найденных на горе Муг», стр. 9). Это чтение привнесено в историческую литературу. Так, например, Б. Шпулер, раскрывая идиогранму RBch и заменяя 't предлогом kw, дает такую транскрипцию вводной формулы мугских документов: ku Bagu hvabu mazehči ev

¹⁸ Другие толкования см. в комментарии.

¹⁹ При ссылках на источники приняты следующие сокращения: Балазур — Beladsori, *Liber expugnations regionum*, ed. M. J. de Goeje, Leiden, 1866; Беру: Хронология... — Alberuni, *Chronologie Orientalischer Völker*, herausg. von E. Sachse, 2. Ausgabe, Leipzig, 1923; Бичурин — Н. Я. Бичурин (Яакинф), *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*, тт. I—III, изд. АН СССР, М.—Л., 1950—1953; ВДИ — *Вестник древней истории*; ЗВОРАО — *Записки восточного Русского археологического общества*; ИАН — *Известия Академии наук*; Ибн ас-Сир — Ibn al-Athiri *chronicon quod Perfectissimum inscribitur*, ed. C. I. Tornber Upsaala (1851—53) — Lugd. Batav. (1867—76); Иа'куби, *Hist. — Ibn Wadhhih qui dicitur al Ja'qūbī Historiae*, ed. M. Th. Houtma, Leiden 1883; Сам'ани — as-Sam'āni, *Kitāb al-ansāb*, ed. by D. S. Margoliouth, GMS XX, Leiden-London, 1912; Табари — Al-Farihi, *Annales*, ed. M. J. Goeje, Lugd. Batav., 1879—1901; Карабалга — согдийский текст Карабалгасунской надписи, цит. по O. Hansen, *Zur soghdischen Inschrift auf dem dreisprachigen Denkmal von Karabalgasun*, «Journal de la Société Finno-ougrienne» XLIV, 3 (1930), стр. 1—39; ЯТ — М. С. Андреев и Е. М. Пешерева, *Ягнобские тексты* (с приложением ягнобско-русского словаря, составленного М. С. Андреевым, В. А. Лившицем и А. К. Писарчик), М.—Л., 1957; APAW — *Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften*; BBB — W. B. Henning, *Ein manichäisches Beichtbuch*, APAW, 1936. № 10; BGA — *Bibliotheca Geographorum Arabicorum*, ed. M. J. de Goeje; BSOS, BSOAS — *Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies*; BSL — *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*; BST II — O. Hansen, *Beiträge zur soghdischen Sprache II*, Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz, *Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse*, 1954, № 15; EI — *Encyclopaedia of Islam*; GMS — E. J. W. Gibb Memorial Series, Leiden-London; Gr. II — E. Benveniste, *Essai de grammaire sogdienne, deuxième partie*, Paris, 1929; JA — *Journal Asiatique*; JRAS — *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*; MG — I. Gershevitch, *A Grammar of Manichean Sogdian*, Oxford, 1954; OLZ — *Orientalistische Literaturzeitung*; SH — H. Reichelt, *Die soghdischen Handschriftenreste des Britischen Museums*, Heidelberg, I (1928), II (1931); SPAW — *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse*, ST I — F. W. K. Müller, *Soghdische Texte*, I, APAW, 1912, № 2; ST II — F. W. K. Müller und W. Lentz, *Soghdische Texte II*, SPAW, 1934, XXII, стр. 504—606; TSP — E. Benveniste, *Textes sogdiens*, Paris, 1940; VJ — *Vessantara Jātaka*, ed. E. Benveniste, Paris, 1946; ZDMG — *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*.

«dem Gott, dem großen einzigen König» [B. Spuler, ZDMG, Bd. 101 (1951), стр. 406—407 (рец. на кн. J. Overhoff, Der Verrat des Afshin, Baden, 1950)]. Однако во всех случаях употребления этой формулы в мугских письмах (А-14, А-20, В-14, В-15, В-16, Nov. 2 и др.) чтение 'ywth невозможно — второй знак -п, а не -у-. Правильное чтение и толкование этого слова ('nwt- «опора, оплот, прибежище») указано О. И. Смирновой (см. ее статью «Монеты древнего Пенджикента», МИА, № 66, 1958, стр. 247)²⁰.

'nwth (ж. р., ср. RBch — прилагательное ж. р.) отмечено уже в согдийских «старых письмах» начала IV в. н. э. ('nwt, II, стк. 51). Это слово, многократно засвидетельствованное в буддийских и манихейских текстах, В. Хеннинг (MG § 1136 A) сближает с др.-перс. apušiya- (из *aputya-) «последователь, союзник». Употребление 'nwth в формуле обращения мугских писем восходит, по-видимому, в конечном счете к сочетаниям, где 'nwth выступало как эпитет царя. Ср. будд. (Dhuta, стк. 272 сл.): 'PZY kδ ZK s'n pw 'ywt'w βwt nwkprw'nwth βwt «и когда вражеское войско («враг») без царя, оно без опоры» (см. F. Rosenberg, рец. на SH I, OZL, 1929, стб. 199; E. Benveniste, JA, 1930, fasc. 2, стр. 293 сл.). На то, что слово 'nwt- в Самаркандском Согде приобрело особо торжественное значение, указывает и факт образования имени собственного 'nwtc «(обладающий царской) опорой, поддержкой», засвидетельствованное в текстах мугского собрания (например док. А-7, стк. 1)²¹.

Формула обращения, включающая 'nwth, отмечена не только в письмах, цесованных Деваштичу. Ее следует рассматривать как признак торжественного стиля при обращении к любому высокопоставленному лицу. В мугском собрании эта формула, помимо писем Деваштичу (док. А-14, А-20, В-10, ov. 2), засвидетельствована и в других текстах: документах В-14, В-16 — письма Афаруну — вассалу Деваштича, «государю» Хāхсара (селение в двух арсах от Самарканда); В-15 — письмо «государю» βwrgw(')δk (название селения) от Ревахшйāна, «государя» селения Пардан; В-16 (на палке) — письмо 'yrtu (и. с.), «государю» селения Крут; В-11, В-13, В-15, В-18 (на палке) — письма фрамандару от «его слуг» — Spāḍak'a (В-11, В-13, В-15) и Spān'a, сына Xufarn'a (В-18).

Примечательно, что в документах В-14 и В-16 формула обращения к адресату еще более торжественная, чем в письмах самому Деваштичу: 't βγw. wβw RBch 'nwth MN wyspn'cy 'nwtu 'msy'tr γ'ysrcw γwβw 'pr'wn «Господину, государю, великому оплоту, величайшему из всех оплотов, хāхсарскому государю Афаруну»²².

sywδy'nk — «согдийский»; прилагательное с суффиксом * -ānaka- от 'sywδiya- «согдиец» (MG § 1040), ср. будд. sywδy'n'k pr'yuk «согдийское письмо, согдийский письменный язык» (SH II, стр. 70). Более обычна для мугских документов форма sywδyuk, ср. swγδyuk в «старых письмах» (II, 7, 9). В различных фонетических и графических вариантах названий «Согд, согдийский» см. W. B. Henning, Sogdica, L., 1940, стр. 9 (указана литература); стр. 61.

²⁰ В транслитерациях вводной формулы, приведенных в этой статье О. И. Смирновой, для док. А-14 вместо sm'rkndc следует читать sm'rkndc; в док. В-15 вместо βwtwδcw γwβw чит. βwrgwδkcw γwβw (стк. 1, ср. βwrgwδkcw γwβw в стк. 9). βwrgw(')δk, букв. «высокое место», не имеет никакого отношения к рустаку Бурмамад, упоминаемому географами IX—X вв.

²¹ Описание документа А-7 см. «Согдийский сборник», стр. 43. Текст документа: (1) MN φp'γ kw 'nwtc m'βyγ (2) rty βyγw ZY 'stw 'zw c'β'k 'γwδ(w) pwst cnn mrt's't (3) pwstt(y) rty γw tyδ n'm'kw c'm'k (4) (s'r) ptyγw δ'ry 'YKZ (Y) ZKn (5) γwβ δyw'sty(c) [... «От φ'γ (и. с.) Анутчу. Было принесено и взял я у тебя шесть кож из (числа) кож хорошей сохранности (mrt's't, мн. ч. от mrt's'k). И ты это письмо от меня имею оправдательным документом» («ответом»). Государя Деваштича [... лет есть, ... месяц, ... день]».

²² В-14: 't βγw γwβw RBch 'nwth MN wyspn'(c) [y 'nwtu 'msy'tr γ'ysrcw] γwβw 'pr'wn.

smrkpñs — «самаркандский» (также в стк. 32), ср. обычное для других текстов собрания написание этого слова с -' в первом слоге — sm'rkpñs smärkanñiñ, относительное прилагательное от *Smärakanñä-, Мараканда Marakanda античных источников. Ср. sm'rkpñh в «старых письмах» (II, ст. 20), sm'rkpñs в согдийской надписи из Ладака (см. W. B. Henning, *Mitteliranisch*, «Handbuch der Orientalistik», 1. Abt., 4. Bd., *Iranistik*, 1. Abschnitt, Linguistik, Leiden-Köln, 1958, стр. 54, прим. 3).

MLK' — «царь», MR'Y' — «государь». Сравнение титулатуры Девашти мугских документах с титулом царя Согда Гурека, приведенным у Йа (Historiae, II, стр. 344), — ихшид Согда, афшин Самарканда²³, привлечено исследователями к выводу о том, что идеограммы MLK' и MR'Y' / A следует читать соответственно (')ḡšyð, ман. xšyð, и *'βšyup (см. «Согдийский сборник», стр. 12; О. И. Смирнова, Согдийские монеты как новый источник для истории Средней Азии, сб. «Сов. востоковедение», VI, стр. 356—367). Позднее А. А. Фрейман предложил толковать MR'Y' идеограмму для согд. ḡwt'w или ḡwβw, ḡwβ «государь» (см. его ст. «Два согдийских рукописных документа на коже с горы Муг в Таджикистане», ВДИ, 1952, № 1, стр. 184). Этот вывод полностью подтверждается совокупностью данных мугских текстов. В формулах датировок, а так же в тех случаях, когда о Деваштиче идет речь в текстах документов (письма и др.), его именуют обычно ḡwβ(w); в документе А-9 в аналогичном контексте употреблена идеограмма MR'Y'. Титул ḡwβ(w) носят и вассалы Девашти правители отдельных селений и районов. Этим же титулом обозначен и в документе А-14 государь Чача. Таким образом, можно считать доказанным, что MR'Y' / MR'Y' = ḡwβ(w)²⁴ и что слова афшин (*'βšyup) в мугских документах нет, как нет его и в других известных до сих пор согдийских текстах, а также на монетах.

Титул афшин в арабских источниках наиболее часто прилагается к правителям Уструшаны. См., например, Ибн Хурдазбих, ВСА, VI, стр. 10, «царь Усрушаны — афшин». Возможно, что употребление этого титула у Мада'ини (Табари, Бал'ами) применительно к Гуреку («сын афшина») должно указывать на связи Гурека с династией уструшанских правителей.²⁵

Раскрытие идеограммы MLK' представляется еще более сложным. Титул ихшид (اخشيد, согд. 'ḡšyð, xšyð) в арабских источниках чаще всего прилагается к правителям Ферганы. Ихшидами именовались, по-видимому, владельцы отдельных ферганских селений и районов — ср. tm'g'wš 'ḡšyð «витель Тамахуша» (селение около Исфара) в согдийском письме, опубликованном в SHII, стр. 61 (W. B. Henning, *Argi and the Tocharians*, BSOS IX, стр. 558, прим. 1). В среднеперсидском манихейском тексте A. rñāmag этот титул прилагается к правителю Кашгара (K'sy xšyð, стк.

²³ Ср. также «Гурак, сын ихшида, сын афшина» в договоре Кутейбы с Гуреком, заключенным в 712 г. См. «Chronique de Abou-Djafar-Mo'hammed-Ben-Djarir-Ben-Yezid vari, traduite sur la version persane d'Abou'Ali Mo'hammed Bel'ami ...» par Henri Zotenberg, t. IV, 1874, стр. 181 сл.; О. И. Смирнова, Из истории арабских завоеваний в Средней Азии, «Сов. востоковедение», 1957, № 2, стр. 120 сл.; Akdes Nimetoglu, Kuteyba bin Muslim'in Hvarizm ve Semerkand'i zabti, «Ankara Üniversitesi Dil Tarih-Coğrafya fakultesi dergisi», VI, 5, Ankara, 1948, стр. 144-а.

²⁴ ḡwt'w в Самаркандском Согде имело значение, близкое к ḡwβ(w). На это указывает, например, хозяйственный док. Nov. 6 (запись денежных поступлений), где ḡwt'w выступает в том же контексте, что и ḡwβ(w) в других хозяйственных документах со собрания: ZKñ ḡyw'styc ḡwt'w X sḡð 'ḡ (стк. 1—2) «Государя Деваштича 10 лет есть»; ḡw' ḡyw'styc XII sḡð 'ḡ (стк. 8—9) «Государя Деваштича 12 лет есть»; ZKñ ḡwt'w ḡyw'styc sḡð 'ḡ (стк. 12—13) «Государя Деваштича 13 лет есть».

²⁵ В таком случае «сын (афшина)» в договоре 712 г. не следует считать поздним добавлением. Титул Гурека в этом договоре имел, по-видимому, первоначальную форму «ихшид, сын афшина» (*اخشيد بن افشين).

В мугских текстах (¹)γšyδ, насколько мне известно, не встречается. В документе В-18 (письмо Деваштича правителю Хāхсара) упоминается 'γš'wnyh 'царство' (стк. 18), раскрытого написания для MLK' в текстах нет.

стк. 2. 100 RYPW тук βntk — «миллионный («100 × 10000-й») раб», т. е. «ничтожнейший, каких тьма». Ср. В-16, стк. 2: MN γурδ kstr 100 RYPW tük βntk «от его презренного («меньшего, наименьшего») ничтожнейшего раба». RYPW = согд. βγwγr, авест. baēvar-, ср. 'LP βγwγr ŠLM «миллион приветов» в «старых письмах».

стк. 3. βtwprn — Фатуфарн, имя собственное. Во второй части — farn-, как и в ряде других имен собственных, засвидетельствованных в мугских текстах. βtw- возвожу к древнеиранскому fratama- (ср. др.-перс. и. с. Fratafarnah-, отмеченное в арамейских текстах V в. до н. э.); в согдийском frat- > fat- (см. MG §§ 315, 318), -am > -u, но ср. согд. 'prtm, 'βtm, 'ftm из fratama-.

стк. 4. βγу — «господин», звательный пад. от βγ-(ср. rty βγ, rtβγ). Постоянное употребление βγ — характерная особенность мугских писем, как дипломатических, так и хозяйственных (ср. xwt'ynβ в «старых письмах»). Значение βγ в таком употреблении было низведено до степени вежливого обращения («господин, сударь»). Независимо от того, связано ли такое употребление βγ с широко распространенным (уже в индо-иранской среде) представлением об обожествлении правителя, в согдийских формулах обращения это слово прямых ассоциаций с βγ «бог» не вызывало (ср. русск. «господин, господь»). В согдийском изводе сказания о Рустеме герой, обращаясь к коню Рахшу, употребляет βγ, не задумываясь, конечно, над первоначальным значением слова. Тяжелое обвинение, выдвинутое арабами против Хайдара, сына Кавуса, афшина Уструшаны и военачальника халифа ал-Му'тасима, — обожествление личности в формуле обращения к афшину («богу богов от раба такого-то, сына такого-то») ²⁶, — основывалось прежде всего на непонимании пришельцами эволюции семантики согдийского βγ-. Ср. в «старых письмах» (нач. IV в. н. э.): ('LP βγwγr) nm'cyw sp'tz'nwk (y) KZNH (вар. m'δ) (KZY ZKyXMw (вар. ZKyšnw) βγ'n(w) βyrt («миллион раз) коленопреклонное почитание, так, как соответствует богам» (II, стк. 2; III, стк. 2; V, стк. 2; VI, стк. 1, см. W. B. Henning, ZDMG, Bd. 90, 1936, p. 197—199 — приложение к статье W. Eilers, Eine mittelpersische 'ortform aus frühachämenidischer Zeit), наряду с βγ- «господин» в формуле цесования, близкой к текстам мугского собрания: 'R βγw xwt'w.... MN хурδ ntκ.... «господину, государю.... от его раба....».

ZKn RBk' prn γrβ nm'cyw «великославному многу приветов». RBk'prn идет здесь рассматривать как сложное слово, ср. будд. m'z'yū prnβyrt' lhyana, стк. 14). Варианты в других мугских письмах: ZKn RBprn γrβy m'cyw (В-16, стк. 3; В-10, recto, стк. 3; В-15, стк. 2), ZKn RBprn nm'cyw 318, стк. 2), rtβn βγу ZKn RBprn γrβy nm'cyw (Nov. 2, recto, стк. 4-5), rtβn prn γrβ nm'cyw (В-16, стк. 2).

В письмах В-16, Nov. 2 prn-«слава» выступает еще раз: rtkδ tγw 'γw γу γwβw pr prnw .... 'skwy «и если ты, господин, государь, пребываешь со славой...» (В-16, стк. 4-5); rtkδ tγw 'δh²⁷βγу pr prn šyr' w 'skwy «и если ты, великий господин, со славой благоденствуешь...» Nov. 2, recto, стк. 5-6), ср. в документе А-17 (фрагмент письма, стк. K+1): pr βγу ZY pr tw' prn z'wγ prtr'krtym «я возвысился («стал первым») благодаря господину (тебе) и твоей славе (и) силе». Ср. также «старые письма» (III, стк. 6-7): 'PZY δγw'ny 'skw'm pr tw' prn... так что я живу в Друане (Дуньхуане) благодаря твоей славе»; Карабалга-

²⁶ Ибн ал-Асир, IV, стр. 366. См. Н. Негматов, Уструшана в древности и раннем средневековье, Сталинабад, 1957, стр. 146.

²⁷ Менее вероятно 'LH.

сунская надпись, 4, 8: *pr prn ZY prnṣwntk'n z'wṛ* «благодаря славе силе славных»; христ. (BST II, 852, 25): *'t mzyx xwṣuwny fn* («но перь я клянусь Ормуздом) и славой великого царя».

стк. 5. *с'супк ṣwṣ* — «чачский государь». Ср. *с'сн'у* «чачец, жит Чача» в согдийском «списке народов», см. W. B. Henning. *Sogdica*, 1940, стр. 9. Сводку данных о Чаче (Шаш арабских источников; собств. Шаш—долина р. Чирчик, совр. область Ташкента) см. В. В. Бартольд *Tashkent*, EI IV, стр. 722 сл.; *Hudud al-'Alam*, ed. V. Minorsky, стр. 3 ср. также Бичурин I, стр. 299 сл.; II, стр. 272, 282, 310, 313 с. E. Chavannes, *Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux*, «Сборник трудов Орхонской экспедиции», VI, СПб., 1903, стр. 140 сл.

«Царь Шаша» неоднократно упоминается в арабских источниках приложении событий второго десятилетия VIII в. Столицей Чача в этот период был город того же названия (см. E. Chavannes., Указ. раб., стр. 1: позднее (в IX—X вв.) — Бинкет, Бянкас арабских географов, отождествимый В. В. Бартольдом с современным г. Ташкентом. Балазури (стр. 421 ат-Табари II, стр. 1517 сл., 1521) резиденцией государя Чача называет Тārбанд²⁸. Д. Х. Мюллер (см. BGA III, стр. 61, прим.) предложил вид в Тārбанд стяженную форму от Турārбанд; И. Маркварт (*Über das Volk der Komanen*, Berlin, 1914, стр. 92) в качестве исходной выдвинул согдийскую форму *Tārband. Отождествление Тарбанд=Трарбанд=От поддержано С. Г. Кляшторным (см. его статью «Кангюйская этно-топонимия в орхонских текстах», «Сов. этнография», 1951, № 3, стр. 54 сл.), принявшим данные тюркских источников (тюркск. Кангү-Тарбан, название области локализуемой С. Г. Кляшторным западнее бассейна Чу и Таласа). Тарбан Отрар соответствует часто упоминаемому в географической литературе Фар (город и область по среднему течению Сыр-Дарьи). Название Tārband встречается и в документе А-14 (стк. 26 сл.): *rtu βṛ tḍwn gm t'grnt pr'uw βṛ'stw δ'rt rtyβṛ z'yth s'tw βṛ'rtw δ'rt* «И, господин, тутун объявился с Тārбандом и все земли он захватил («получил»)). Употребление формы перфекта (*βṛ'stw δ'rt*) должно, видимо, указывать на события, происшедшие ранее, задолго до времени составления письма (говоря о событиях, близких, автор документа А-14 постоянно употребляет формы имперфекта. Толкование *t'grnt* как мн. ч. от *t'grn* (*gm t'grnt pr'uw* «с тарбанами, жителями Тарбана») кажется менее вероятным, ср. *gm t'zykty pr* в стк. 20-21).

Таким образом, из документа А-14 становится известно о действии тутуна в районе Тārбанда (Отрар, Фараб), где тутун «получил все земли». Можно ли считать этот район резиденцией правителя Чача в этот период, к которому относится письмо А-14? Этот вопрос связан с выяснением личности тутуна и его отношения к государю Чача. Контекст документа А-14, как мне представляется, не оставляет сомнений в том, что тутун и государь Чача — разные лица. Это положение противоречит, казалось бы, данным китайских источников, где императоры Ши (Чача) включают, как правило, титул «тутунь» (*tu-t'ung* см. E. Chavannes, Указ. раб., стр. 24, 83, 141 сл. (о согдийской передаче титула см. ниже). Тутун, упоминаемый в документе А-14, может быть отождествлен с Мохэду Тутунем (Багадур-тудуном) китайских хроник, который «в первое лето правления Кхай-юань (713 г.), за оказанные на войну услуги был поставлен владетелем в Ши» (Бичурин II, стр. 313; Л. Н. Милев, Древние тюрки, рукопись, стр. 103). Мохэду Тутунь действовал

²⁸ «И окружил Кутейба население Самарканда, и встречались они несколько раз и говорили. И написал царь Согда царю Шаша, а тот жил в Тарбанде» (Табари II, стр. 15

в Чаче и позже, по крайней мере до 739 г., — он упоминается как «государь владения Ши» при описании военных действий против тюргешского кагана Тухосьянь-хана (Тухосьянь Гучжо), правившего в конце 738 — начале 739 г. М. Бичурин I, стр. 299; А. М. Щербак, О чтении легенд на тюргешских монетах, «Уч. записки ИВАН СССР», XVI, 1958, стр. 556. В 741 г. удунном Чача было уже другое лицо — Инай Тутунь Гюлэ, см. Бичурин, стр. 314).

О тудуне — правителе Чача сообщают и арабоязычные источники. Ат-абари под 121 г. (738-739 гг.) упоминает тудуна (تودن), царя Шаша (см. абари II, стр. 1694, Add., ср. tudun Taghān, «царь Хутталя», стр. 1629, dd). Этим же титулом именует царя Шаша и ал-Беруни («Хронология...», стр. 101, см. С. Salemann, Zur Handschriftenkunde al-Biruni's I-Athar al-baqiah, ИАН, 1012, № 14, стр. 867). Имя tōwn читает О. И. Смирнова на монетах с согдийской надписью, относимых ею к чекану правителей Чача (см. О. И. Смирнова, Монетные находки на Пенджикентском го-дище, сб. «Археологические работы в Таджикистане в 1956 г.», вып. IV, талинабад, 1959, стр. 170).

Следует предполагать, что во втором десятилетии VIII в. в Чаче, помимо гавленника китайского имперского правительства (тутунь, тудун), продолжал существовать и местный правитель, «государь Чача» документа А-14. Такое предположение становится весьма вероятным, если учесть функции тудунов — гавленников китайского правительства или восточнотюркского каганата. Этот титул (тудун. — В. Л.) носили наместники менее значительных покоренных областей, притом не являющиеся родственниками кагана, основной функцией которых было наблюдение за сбором дани и контроль над местными правителями, при которых тудун'ы представляли правительство кагана» (П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 260).

Ставка государя Чача находилась, по-видимому, в столице Чача (Бинкет более поздних источников), сюда и прибыл Фатугфарн, посол Деваштича (р. стк. 19: «и возвратился я в Чач»). Основной резиденцией тудуна был скорее всего Тарбанд (Отрар, Фараб). Именно этот пункт имеют в виду китайские источники, сообщающие, что «шийский владетель живет при реке Теша» (Сыр-Дарья), см. Бичурин II, стр. 272.

стк. 6. wṣuw = wuṣu (< ubayam, Gr. II, стр. 173; MG § 101) «также», wṣuw ... wṣuw «и...и». Частое употребление wṣuw — характерная стилистическая особенность документа А-14.

стк. 8. tōwn, tō'wn = tudun, тюрк. tutuṇ, tuduṇ из кит. tu-t'ung «начальник гражданской администрации» (см. A. von Gabain, Alttürkische Grammatik, Leipzig, 1950, стр. 345; E. Chavannes, Указ. раб., т. 21, 24).

n'zt'ṣuw, n'zt'ṣ'uw, букв. «близкий (n'zt-, ср. nzt- в «старых письмах») себе» — титул, который можно условно переводить «помощник», ср. ср.-перс. ман. ps'gruw, согд. pś'ṣuw «представитель (Мани)», букв. «после себя, заместитель», парф. paśāṣṣ'iw, отраженное в сирийском psgrub' «следующий по чину (после царя), вице-король» — титул одного из высших должностных лиц при дворе Аршакидов, см. W. B. Henning, BBV, стр. 28, 98, Mitteliranisch, стр. 62; I. Gershevitch, A Parthian Title in the Hymn of the Soul, IRAS, 1954, стр. 124 сл.

В мугском собрании имеется еще один документ, упоминающий «помощника» — n'zt'ṣuw. Это документ А-15 (на бумаге), письмо, адресованное «помощнику». Документ плохой сохранности, правая его часть оборвана, так что начало всех строк не сохранилось и имя отправителя не читается²⁹.

²⁹ Краткое описание док. А-15 см. «Согдийский сборник», стр. 45.

Сохранившаяся часть письма гласит: (1) [t' γ] wβw n'z-t'γryw (или n'ztyγw ptš kw'nh) (2) [ZY γrβ nm']cw rtkδ γw βγw prprn (3) ['skwy s] kn 'δβrw pr 'sp'sk [8—10 знаков] β'p-r'k-h w'nkW 'sty (5) [5—7 знаков ptš]k-w'nh pr'yš'm rβγ [10—12 знаков]ty rβγ kδ XXX NLPW (7) [δγmy w'c?]m k'm pyšt tym [8—10 знаков] s'r pw γw'ny'kh (9) [7—9 знаков] (m?)δy-cyk w'γrš wβ' [8—10 знаков]mk-'m rβγ w'p-rm 'kw (11) [10—12 знаков] wrtk 'sk-wy' [11—13 знаков] m γw'ty pr'γw (13) [l](t) γwβw n'z-t'γryw (или n'z γr'γw).

стк. 9. ZKw γ'γ'n pwstk «письмо кагану» (чтение 'kw γ'γ'n не вполне можно), ср. Карабалг., стк. 10: ZKw βγy m'gm'ny δynh «религия господина Маг-Мани». γ'γ'n = xāyān «каган», Карабалг. γ'γ'n, хот.-сакск. khahaz ha:ha:ni, см. H. W. Bailey, *Turks in Khotanese Texts*, JRAS, 1904, стр. 90. (Об этимологии тюрк. qaγan см. D. Sinor, *Qarqan*, JRAS, 1955, стр. 174 сл.; L. Krader, *Qan-Qayan and the Beginnings of Mongol Kinship*, «Central Asiatic Journal», vol. I, № 1, стр. 17 сл.).

В мугских текстах γ'γ'n, помимо документа А-14, отмечен также в до В-17 и В-18, причем, как следует из док. В-17 (recto, стк. 10 сл.), Деваштич считал себя вассалом кагана (и через него, по-видимому, вассалом китайского императора) и пользовался его поддержкой: ZY ZKh m'γw 'zynntc 'sky mrtš'r(11)'ysnt rty mn' cnp γ'γ'n mrtš'r ZY pδβrw ZY 'γr'n w'β'βrnt rctnc 'skys'r tym γrβ 'sp'δ w'γz wβyw γwn ZY cyp «и наши (=Деваштича) гонцы сюда спустились и принесли мне от кагана высокий чин и почет. спустилось сверху много войска — и тюрки (γwn), и китайцы». О каком кагане может идти речь в мугских документах? Ближайшим к Согду тюркским государством был тюркешский каганат. Господство тюркешей (туцзиши китайских источников) в Семиречье начинается с первого десятилетия VIII в. в период правления Учжилэ (ум. в 706 г.) и его сына Согэ (ум. в 717 г.). Резиденцией кагана тюркешей был Суйаб (Суйе китайских источников) р. Чон Кемин (Сев. Киргизия). Тюркешы участвовали в военных столкновениях с арабами, выступая в качестве союзников согдийцев (см. E. Clunet, *Ussak*, Указ. раб., стр. 203; «История Киргизии», т. I, Фрунзе, 1954, стр. 92 сл.; А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 556). Однако в 713—714 гг., которыми можно датировать документ А-14 (см. ниже), тюркешы, понеся жестокое поражение в битвах с восточными тюрками в 711—712 гг., могли играть сколько-нибудь заметной роли в политической жизни Самаркандского Согда, Чача и Ферганы. На границах Согда в начале 712 г. ходились восточные тюрки, возглавляемые главнокомандующим (апа-тарк) Инэль-каганом, младшим сыном Мочжо (см. С. Г. Кляшторный, Из истории борьбы народов Средней Азии против арабов, «Эпиграфика Востока IX, 1954, стр. 62). Летом 712 г. войско Инэль-кагана вместе с отрядами чачских и ферганских воинов шло на помощь Самарканду, осажденному арабской армией, но было разбито в ночной битве с арабами (Табари II, стр. 124—1250, см. В. В. Бартольд, К истории арабских завоеваний в Средней Азии. ЗВОРАО, т. XVII, 1907, стр. 141—147; С. Г. Кляшторный, Из истории борьбы народов Средней Азии..., стр. 60 сл.). Через несколько месяцев после поражения Инэль-кагана в Средней Азии вновь действовала восточнотюркская армия, возглавляемая на этот раз Бильге-каганом (Бильгилан) и Кюль-Тегинном. Восточные тюрки выступают в союзе с согдийцами и ферганцами и в 713—714 гг., когда Кутейба предпринимает походы против Чача, Ферганы и Уструшаны (С. Г. Кляшторный, там же, стр. 125). Таким образом, есть все основания полагать, что γ'γ'n мугских писем Бильге-каган или один из крупнейших полководцев восточнотюркской армии. Об этом свидетельствует не только документ А-14, повествующий о побеге посла Деваштича в Чач и перечисляющий в качестве союзников Деваштича кагана, чачского государя и ферганского царя, но и упоминание в документе В-17 военных отрядов γwn ZY cyp (ср. хот.-сакск. Huna Cimgg

«тюрков и китайцев», идущих на помощь Деваштичу. В согдийских «старых письмах» нач. IV в. н.э., повествующих о событиях в Китайском Туркестане, хwn (= хун или hūn) обозначает хуннов, кит. hiung-nu (см. W. B. Henning, *The Date of the Sogdian Ancient Letters*, BSOAS, vol. XII, p. 3-4, 1948, стр. 604, 615). В мугских текстах γwn может обозначать только восточных тюрков. Такое употребление слова γwn связано, по-видимому, с традицией китайских источников, где и в VII—VIII вв. hiung-nu, «северные варвары», выступают в ряде случаев как синоним к t'u-küe «тюрки» (См. Liu Ma u-Tsai, *Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken*, «Göttinger Asiatische Forschungen», Bd. 10, Wiesbaden, 1958, I. Buch, стр. 165, 199, 286, 369; II. Buch, стр. 558, 778). На связи Деваштича с восточнотюркским каганатом указывает и хозяйственный документ Nov. 1, упоминающий тардуша (trδ'wš, стк. 32) — представителя тардушской конфедерации, составлявшей, наряду с тōлис, основное ядро восточнотюркских племен.

Где находился каган (γ'γ'n) во время составления письма А-14, сказать трудно. В момент прибытия Фатуфарна в Чач каган был, по-видимому, в Фергане — в стк. 9-10 сообщается о том, что письмо кагану Фатуфарн передал через («в руке») ферганского тутука, вместе с письмом царю Ферганы.

βγ'nk MLK' — «ферганский царь». Это лицо неоднократно упоминается в хронике ат-Табари в изложении событий 712-723 гг. Ат-Табари приводит и имя ферганского царя — ат-Тар (ملك فغانه الطار) — Табари II, стр. 1440). По данным арабских источников, царь Ферганы носил титул اخشيد (Табари II, стр. 2142; Ибн Хурдазбих, BGA VI, стр. 39-40), согд. (')γšyδ, ср. выше, стр. 98.

βγ'nk MLK' «ферганский царь» упоминается в документе В-17 (recto, стк. 13): rtcnn ZK βγ'nk MLK' ZKn 'rwγ' gwc mδyδ kw (14) γwny'kw š'ykn 'ys «а в день Апух-роч ферганский царь пришел сюда в . . . . дворец».

В начале VIII в. в Фергане правили представители древней местной царской династии. Об этом может свидетельствовать как титул (')γšyδ (MLK' мугских текстов), так и имя Тар, приводимое ат-Табари (tār «черный» из tapδga-?). Местная династия была заменена тюркской лишь в 739 г., когда тюрк Арслан Тархан стал правителем всей Ферганы (см. В. В. Бартольд, *Farghana*, EI, II, стр. 66). О распространении тюрков в Ферганской долине в VII-VIII вв. свидетельствуют находки рунических надписей (см. Б. А. Литвинский и Е. А. Давидович, *Археологический очерк Исфаринского района*, Сталинабад, 1955, стр. 121 сл.; 170; А. Н. Бернштам, *Древнетюркские рунические надписи из Ферганы*, «Эпиграфика Востока», XI, 1956, стр. 54—58; С. Г. Кляшторный, *Древнетюркская руническая надпись на бронзовом перстне из Ферганы*, «Археологические работы в Таджикистане в 1957 г.», вып. V, Сталинабад, 1959, стр. 167 сл.). Ср. также упоминание βγ'nk twttk «ферганский тутук» в документе А-14 (см. ниже). Слова, приводимые в «Лугат-и фурс» Асади Туси (XI в.) как характерные для языка Ферганы, насколько мне известно, до сих пор не исследовались.

Написание βγ'nk указывает на то, что древняя форма названия имела вид *Fag(a)gāna- или *Fragāna- (ср. Pa-ha-pa- в китайских источниках).

Столицей Ферганы в нач. VIII в. был город Касан (см. В. В. Бартольд, *Farghana*, стр. 66). Сюда, по-видимому, и должен был направиться из Чача тутук с письмом Деваштича царю Ферганы.

стк. 10. ZKn βγ'nk twttk'y δsty' «в руке ферганского тутука» (ср. ниже ZKn mrw'n δsty «в руке Марвāна», ср. ман. δywt'y δsty' «в руках девов»),

согд. twttk-, тюркск. tutuq, кит. tu-tu < * tuo-tuok «начальник военной администрации»³⁰ (см. A. von Gabain, Указ раб., стр. 345; С. Е. Мал. Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951, стр. 434).

В согдийском тексте tutuq уже было отмечено в Карабалгасунской писи—twtwk'n (стк. 10), форма мн. ч. В документе А-14 примечательна редача тюркского -t- через -tt-. Ср. twtwγ в среднеперсидском манихейском тексте Mahrnāmag (стк. 26, 27), хот.-сакск. ttättāhi: (H. W. Bailey, У раб., стр. 90).

стк. 11-12. 'skys'r—«наверх > дальше». Обозначение направлений в документе А-14—обычное для горца («наверх, дальше, отсюда»—«вниз, бл. сюда»), ср. будд. 'sky kurg'n «верхняя сторона, восток», c'δr kurg'n «нижняя сторона, запад»:

L' γrtw β'm «не могу идти»—1-е л. ед. ч. наст. вр. потенциальной (мы (см. MG § 881 сл.; E. Benveniste, BSL, 1954, стр. 56—67; W. B. H. ping, Mitteliranisch, стр. 91, прим. 1; ЯТ, стр. 348).

w'γrš—«переместился, передвинулся?». По форме—3-е л. ед. ч. импфекта от глагола w'γrš-, w'γnš-, ман. wpxš-, христ. wxš-, wxšp-(древн. * awa-karš-), засвидетельствованного в опубликованных до сих пор согдских текстах в значении «освобождать (ся)» (см. BBB, стр. 54 сл.; MG § 809). Для документа Б-2 (стк. 3) А. А. Фрейман (в статье «Три согдийских документа с горы Муг», «Проблемы востоковедения», 1959, № 1, стр. 125) толкует w'γrš как «доставил (вниз сюда), унес», однако слова в этом документе нет: rty ZKw γntm MN s'γβwγ w'γy-zw «и пшеницу привез (букв. «заставил спуститься», ср. будд. w'γ'yz- 3-е л. ед. импфекта от wγ(')yz-, см. MG § 543) из s'γβwγ»³¹.

В мугских письмах многократно засвидетельствовано w'γrš в значении «известие, слух» — синоним к δr'w, z'w. См., например, В-17, recto, стк. сл.: rtkδ w'pk w'γrš 't ZY mn' trts'r (19) s'c't k'm 'wγšt... если будет такое известие, что мне необходимо прийти («спуститься») к бе»...; Nov. 2, recto, стк. 8 сл.: rβγ (9) kδgy cw mrt's'r z'w w'γrš 'skw''z ršw (10) βγ ZK 'rspn (или '' spn) ZKwy γpδ pwstk nypuz господин, слухи и известия (z'w ZY w'γrš), которые сейчас у меня («здесь») имеются, о них, господин, написал Арспан в своем письме.

В контекстах такого рода w'γrš вряд ли может быть истолковано «освобождение, перемещение». Это слово должно скорее рассматриваться как параллельная форма к w(')γš, христ. w'xš (BST II, 862, V, 5 и др.) ниже, стр. 106.

стк. 15. 'kw 'pw'rtk'n ''ysw «когда я пришел к 'pw'rtk'n», менее верно «когда я стал возвращаться («поворачиваться»)»? Ср. ('')pw'rt- «отворачиваться, поворачиваться». Наличие предлога 'kw должно указывать на то, что 'pw'rtk'n—название местности, «Поворотье», «Заворотье»—с'δgcyk—«Низина (земля)», судя по контексту—название области.

стк. 16-17. ZK 'stwršnyk 'wt'k s'tw 'pγ'nštk «Уструшанская область опустошена («сдвинута»)», ср. 'strwšnk n'βw «уструшанские люди» в док. recto, стк. 13. Мугские документы показывают, что из многочисленных вариантов написания названия области, приводимых в арабских и персидских источниках, наиболее близким к реальному произношению VIII в. явля-

³⁰ Основания для отождествления тудунов (тутуней) с тутуками (см. С. П. Толстой, Древний Хорезм, стр. 260; А. Н. Бернштам, Предисловие к труду Н. Я. Бича «Собрание сведений...», т. I, стр. I) мне не ясны.

³¹ s'γβwγ—название местности? «башня», «дворец»? См. А. А. Фрейман, Три согдийских документа с горы Муг, стр. 125; ср. также s'γβ'γty «дворцы» (?) в Карабалгасунской надписи, стк. 20.

записание *سنة* у Ибн Хаукаля (BGA II, стр. 371 k, 379 b) и в Худуд ал-'Алам, л. 4-а, где вм. *سنة* чит. *سنة* (См. J. H. Kramers, Osrushana, EI III, стр. 1072 сл.; Н. Негматов, Указ. раб., стр. 16; ср. также Азизи, Ура-теппа—Уструшан, журн. «Рохбари дониш», 1930, № 4-5, стр. 31 сл.; о современном произношении Истравшан см. Н. Негматов, Указ. раб., стр. 32; В. Чейлытко, газ. «Сталинская молодежь», Сталинабад, 23 апреля 1946 г.).

Первый поход арабов в северные районы Уструшаны, пограничные с Ходжентом, был осуществлен, по-видимому, уже при ал-Мухаллабе ибн Аби Яфре (ум. в январе 702 г.). Следующая экспедиция на север Уструшаны была предпринята в 713 или 714 г. Кутейбой во время похода на Чач и Фергану. Наконец, в 720 или 721 г. Са'ид ибн Абд ал'Азиз прошел через территорию Уструшаны во время своего похода на Ходжент (см. Н. Негматов, Указ. раб., стр. 133 сл.). Судя по обстановке, описываемой в документе А-14, имеются в виду действия арабов в Уструшане в 713-714 гг.

'pynštk—причастие на -taka от (')pynš-, pŷrš-, христ. pχšp- «передвигать(ся), отодвигать(ся), отступать; сдвигать, удалять, расхищать» (см. MG § 343 и указанные там контексты употребления глагола).

γwty γwδk'r—«сам один, один-одинешенек», ср. христ. γwty xwdq'r (ST I, 37, 22 и др.), xwd xwdq'r (ST II, 1, 71).

стк. 18. 'wγδk—«спутник» (ср. тадж. hamroha, hamrohak). Это слово, впервые засвидетельствованное в согдийском, относится к группе сложений с hāma- (древнеир. * hāma-rāda-), ср. будд. 'ww'δ'k «компаньон», букв. «совместный, сосиделец», ягн. vvod (=wwod) «* поминки; раздача блинов на поминках» (ЯТ, стр. 349); 'wm'n'k «единомышленник» и др., см. MG §§ 351, 1140.

L' rŷn'm γrt—«не могу (не осмеливаюсь) идти», будд. rŷn-, христ. rŷn-, ягн. гахп- (ЯТ, стр. 313).

cywud—«после этого, затем», см. MG § 1454.

стк. 19. δptykw—«снова, опять», ср. ман. δptyk «снова», будд. δptyw, MG § 1335, прим. 1.

стк. 19-20. pŷwud MN γwβ šyŷw βzykw pckwyr'k 'skw'm «здесь я очень (очень мучительно, очень страшно) боюсь государя». Речь может идти либо о чачском государе, либо о самом Деваштиче,—в письмах Деваштичу об адресате можно говорить в третьем лице. —šyŷw βzykw—ср. будд. przr 'βzyk «очень сурово» (TSP 2, 339).

стк. 21. t'zyk=tāzik «араб». Согдийская форма, впервые засвидетельствованная мугскими текстами, была реконструирована уже давно (см. W. B. Henning, Sogdica, стр. 9, прим. 1), ср. арм. tačik, ср.-перс. tāčik, * tāziγ, н.-п. tāzi, tājik, хот.-сакск. ttašiki, ttašikvā (см. H. W. Bailey, Turks in Khotanese Texts, JRAS, 1939, стр. 89 сл.). Представляется вероятным, что н.-п., тадж. tājik связано с согд. tāzik, так что собственно персидской формой следует считать лишь tāzi (ср. P. Horn, Gr. d. Ir. Phil., I, 2, стр. 187; В. В. Бартольд, Таджики. Исторический очерк. Сб. «Таджикистан», Ташкент, 1925, стр. 98 сл.; о тюркских формах см. В. Радлов, Словарь, III, стр. 916, 1096, ср. А. К. Боровков, Филологические заметки, «Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии», Сталинабад, 1953, стр. 50 сл.).

Насколько мне известно, t'zyk, помимо документа А-14, встречается еще в одном тексте мугского собрания—документе А-5 (ведомость денежных выдач)³², стк. 14—15: rtms γwβw ZKp 'yw t'zy-k(y) (p) r'm'(y) (15) Xpwy'r p'rtty c'p'kw γwβw kw mŷw s'r wy-(t) [r] (16) rty šp'nk prm'nh''βr... «И так-

³² Описание док. А-5 см. «Согдийский сборник», стр. 41-42.

же государь приказал выдать одному арабу 10 бухарских (драхм), и когда сударь ушел на летовку («луг»)³³, то пастух принес (этот) приказ».

βg'z—судя по контексту, название местности, ср. c'δgcyk βg'z «Ниж βg'z» в стк. 28, а также документ А-9, recto, стк. 11: rty c'n'kw (11); βyγ'y rty n' tγw rsth βyγ'yk'n «И как ты сможешь получить βg'z? Или (его) в действительности не получишь?» (?).

стк. 22. z'mrβ'z или n'mrβ'z—и. с. (Zāmṛavāz? Nāmṛavāz?). — p'r cр'yš «перс-полководец», ср. p'rsyk в «списке народов» (W. B. Henning, Sogdica, стр. 8, стк. 3), христ. p'rs «Фарс», p[']rsyqty xšwɣny «царь персов» (BST II, 872, V, 3; 841, 10). О согд. cр'(')yš «полководец» (отсюда тюрк. čauš), засвидетельствованном в манихейском тексте Т М 393 и в Маһнпәт см. W. B. Henning, Sogdica, стр. 34. Примечательно, что и в документе А-9, представляющем собой, подобно А-14, донесение (Деваштичу?), приложении событий в Уструшане военачальник также не назван по имени (recto, стк. 5 сл.) rty 'γšwry rwc ZK š'ykn pr š'wkth mnc'y rty cw znrpδ'y' l' rtsy cnn pyttm'n p'r w'cw rty cw ZKwy prγrh msy'ttr z'y (7) th 'skw't rtsy L' y c p'r ZY uwn'kw š'ykn pr'β'k (8) n' 'ystk'm «А (в день) δхшевар-роч военачальник³⁴ остановился в Шāvкате³⁵. Золотые изделия³⁶, все что было, я правил ему из Бутт(а) māna (в счет) контрибуции («долга»)³⁷. А земли, которые в Паргаре³⁸ самыми лучшими будут, ты ему не оставляй («не покидай» ибо этот военачальник до тебя не дойдет».

стк. 22-23. w'n'kw' w'γrš «такой слух, такое известие», см. выше, с также w'γrš в TSP 12, 58, 61, 64, 67. Э. Бенвенист (TSP, стр. 225) считает что w'γrš в этом тексте обозначает «какое-то несчастье» (quelque infortune). Для стк. 58 значение «речь, слово» удовлетворяет требованиям контекста rtms mrtym'kw L' s'stw (57) βrp'y mɣn'y L' ZY ms w'β'y p'r ZY cnp pw p'sβ w'γrš pδδ'g γwɣ'r kw wγ's ZY kw pδ'nkh pr'yst «И также человек не должен думать, ни говорить о скверных вещах, ибо из-за непочтительных слухов легко прийти к беде и несчастью». В стк. 61, 64, 67 w'γrš выступает в оборотах w'γrš ZY pδ'nkh 'škr-, mɣ'y γw w'γrš ZY mɣ'y γw pδ'nkh 'škr- «изгонит (великую) распрю (?) и (великое) несчастье».

kt—союз «что», ман., христ. qt, см. MG §§ 1581, 1604.—ZKw twγ p'zynt допускает два толкования: а) «его (ZKw) они быстро захватят» («полючат», 3-е л. мн. ч. опатива от pcy'z-)³⁹, понимая под ZKw район βg'z; б) «они получают подать» (ср. хорезм. twγ «джизья»). Последнее толкование, судя из контексту, менее вероятно.

стк. 23-24. MN t'zykty' z'wr syn(?) y'nty «от арабов войско поднимут вверх (т. е. «отступят»?). Речь идет о действиях Жāmравāза и перса-полководца Согд. syn(y-) «поднимать, вести вверх», ягн. sayn- (см. ЯТ, стр. 320), syn'nty—3-е л. мн. ч. опатива. Третий знак в syn'ynty очень неясен (тушь размылась), он может быть истолкован и как -γ-, ср. христ. syγy- «сбрасывать» (BST II, 806, 41)?

γw'n'k(?)—здесь, по-видимому, и. с., ср. γw'(')n'k «грешник».—cрδ' места, c+ pδ-, ср. ягн. pad.

стк. 25. w'n'kw ZY c'n'kw—ср. будд. w'n'w c'pw (VJ 1463), ман. w'n'kw c'n'kw, христ. w'nc'n(w) «как, подобно, как раз, именно, точно».

³³ Или Maγy как название селения, ср. Maγtimaɣn // Maγtumaɣn («селение на лугах» в Ягнобе).

³⁴ š'ykn, ср. ман. š'ykn в тексте Т М 393 в том же значении.

³⁵ Рустак и город того же названия на крайнем северо-востоке Уструшаны.

³⁶ znrpδ'y—описка вм. zu(r)pδ'y.

³⁷ p'r.

³⁸ Совр. Фальгар, Бургар арабских источников.

³⁹ pcy'z- «обещать» (см. E. Benveniste, VJ, стр. 136) здесь вряд ли подходит по контексту.

стк. 27. $\beta r'štw \delta'rt$ —«объединился», ср. ман. $fršt-$, авест. $fra-ąs-$, $frašta-$ м. BBB, стр. 98; MG § 319 и прим.).

стк. 29. $prtrts'r$ «туда, к тебе», ср. $mrtts'r$ «сюда ко мне».— $L' w'wyz$ «спустился» не пришел», ср. ман. $wxpnz-$, см. BBB, стр. 54, MG § 342. $'zyw$ «мучительно, тяжело», ср. $rtysy$ ZKh $'zyw(h) mntr'ys$ «и его беспокойство стало давящим» (VJ 18 д и др.). Об этимологии согд. $'zy-$ (= $azax-$) см. W. B. Henning, MG § 403, прим.; ср. E. Benveniste, VJ, стр. 94. Документ А-14 убеждает в правильности сопоставления $'zy-$ с авест. $azah-$, упомянутого В. Б. Хеннингом. — $pckw'yrtsk'n$ —3-е л. ед. ч. наст. вр. 3-го лица.

стк. 30. $pyšt MN \gamma w\beta w'yrš L' nzy \beta wt$ «затем от государя известий не жет поступить («выйти»)»? Если считать здесь $w'yrš$ глагольной формой, перевод будет: «затем он («помощник», $p'ztyrw$) удался от государя, может выйти». Наконец, вместо nzy возможно и чтение $'zty$ ($L' 'zty \beta wt$ известно). Под $\gamma w\beta$ «государь» здесь, как и в стк. 19, следует скорее всего понимать Деваштича, адресата письма.

стк. 31. $puš$ «вот, и» — частица, известная по буддийским текстам и чаще употребляющаяся в мугских письмах.— $ZKwh p'myth$ «письма» (мн. ч.). Здесь идет о донесении Фатуфарна и письмах, полученных им от тудуна и «мощника».

$Mgw'p$ —имя собственное, скорее всего арабское. О перебежчиках-арабах службе у Деваштича свидетельствует и документ А-5 (см. выше).

$Kp\delta$ — $Kand$ арабских географов (этимологически «город», ср. сел. Канси в Узбекистане), позднесредневековый $Kand-i Bādām$, совр. Канибадам (Кон-и Бадан). См. W. Barthold, *Turkestan...*, стр. 157—158, 163, 165. По-видимому, Фатуфарн хотел переправить письмо в Ходжент (от Канда до Ходжента всего день пути) и далее через Уструшану в Согд.

О дате документа А-14

Документ А-14, как и другие письма мугского собрания⁴⁰, не имеет даты. Отсутствие в документе титула «согдийский царь, самаркандский государь» не может служить отправной точкой для датировки: из хозяйственных и юридических текстов мугского собрания известно, что Деваштич, правивший в Самарканде в период ≈ 708 — $722/23$ гг., в течение двух лет носил этот титул, однако, какие это годы, до сих пор остается неясным⁴¹.

Установление более точной даты документа А-14 представляется возможным на основе данных, содержащихся в самом тексте:

1) Письма, доставленные Фатуфарном в Чач, указывают на то, что Деваштич рассматривал в качестве своих союзников государя Чача, царя Ферганы и кагана. В последнем следует скорее всего видеть кагана восточных тюрок. Военная коалиция восточно-тюркского каганата, Согда, Чача и Ферганы, созданная в 712 г., продолжала существовать в течение последующих десятилетий, по крайней мере до 715 г.⁴² Тюрки неоднократно упоминаются в арабских источниках при описании военных действий в Фергане в 714 г. (ср. H. A. R. Gibb, *The Arab Conquests in Central Asia*, L., 1923, стр. 31).

2) Сообщение о военных действиях арабов в местности $\beta r'z$, о которых Фатуфарн получал сведения, находясь в Чаче, должно указывать на то,

⁴⁰ Исключение составляют лишь письма Деваштича, содержащие хозяйственные распоряжения и служившие оправдательным документом для адресата (например, док. А-16—оправдание Деваштича фрамандару о выдаче вина).

⁴¹ См. В. А. Лившиц, Согдийский документ В-4 с горы Муг, «Проблемы востоковедения», 1959, № 6, стр. 132 сл.

⁴² См. С. Г. Кляшторный, Из истории борьбы народов Средней Азии..., стр. 62 сл.

что речь идет либо о территории самого Чача, либо о близлежащих районах⁴³.

Поход Кутейбы в Чачи Фергану начался осенью 712 г. (нач. 94 г. и. э.). Выйдя из Мерва и переправившись через Аму-Дарью, Кутейба направился в Согд. Отсюда он послал двадцатитысячное войско (включавшее помимо арабов, отряды, сформированные из жителей Кеша, Нахше и Хорезма) в Чач, а сам пошел на Фергану и после нескольких сражений овладел Ходжентом и Касантом.

В 713 г. Кутейба возвратился в Мерв. Летом 714 г. он руководил военными действиями в Чаче, здесь он получил известие о смерти ал-Халид-джиджа. Кутейба спешит в Мерв, но уже в первые месяцы следующего (715) года начинает новый поход в Фергану⁴⁴. Сообщение о смерти Калифа Валида I (умер в конце февраля 715 г.) застало Кутейбу в Фергане. Здесь же развернулись основные события так называемого мятежа Кутейбы, завершившиеся его гибелью в августе или сентябре 715 г. (конец 96 — нач. 97 г. х.)⁴⁵. Как известно, в течение нескольких лет после смерти Кутейбы крупных операций арабских войск в Средней Азии не было.

Таким образом, есть основания полагать, что в документе A-14 описываются события, которые могли иметь место в период конца 712 — начала 715 г.⁴⁶ Если принять эту дату, то два года, когда Деваштич носил титул «согдийский царь, самаркандский государь» (так именует Деваштич в док. A-14), могут приходиться на 711/12—712/13, 712/13—713/14, 713/14—714/15. Мне кажутся наиболее вероятными годы 712/13—713/14: принятие Деваштичем титула «согдийский царь, самаркандский государь» могло быть вызвано, прежде всего, капитуляцией Гурека, заключившего в 712 г. тяжелый мир с арабами и перенесшего свою резиденцию из Самарканда в Фаранкат. Формальным основанием для претензии Деваштича, сына Йодхшетака (см. док. B-4), на самаркандский престол могло быть его положение опекуна сыновей согдийского царя Тархуна, умершего в 710 или в 711 г.

Через несколько лет положение изменилось — из арабского доминанта с г. Муг известно, что в 718—719 гг. Деваштич выступает как клиент (маула) эмира ал-Джарраха ибн Абдаллаха⁴⁷, тогда как Гур в 718 г. обращается к китайскому императору с просьбой о военной помощи против арабов⁴⁸.

Новый поворот в политике Деваштича наступил в 720 или 721 г., когда он вновь возглавил антиарабское движение согдийцев.

⁴³ «Перс-полководец», упоминаемый в док. A-14, вряд ли может быть кем-либо военачальником арабов, поскольку в тексте говорится о действиях «перса-полководца» района *ḡ'z*, направленных против арабов или, по меньшей мере, параллельных действиям арабских войск. Если все же допустить такое предположение (мятеж кого-либо из военачальников против Кутейбы?), то соблазнительно видеть в «персе-полководце» Хайяна Набати, уроженца Дейлема или Хорасана (Табари II, стр. 1291; Бал'ами, пер. Zotenberg, IV, стр. 211), командовавшего семитысячным отрядом персов в арабской армии, участвовавшего в ферганских походах и возглавлявшего в 715 г. оппозицию «клиентов» (мавали) против Кутейбы.

⁴⁴ См. Табари II, стр. 1256 сл.; 1267 сл.; Бал'ами, пер. Zotenberg, IV, стр. 184 сл.; Бал'азури, стр. 422; Ибн ал-Асири, IV, стр. 459—461.

⁴⁵ См. J. Wellhausen, *Das arabische Reich und sein Sturz*, Berlin, 1861, стр. 273 сл.

⁴⁶ О том, что речь идет о событиях до середины 715 г., может свидетельствовать упоминание в документе «ферганского царя». По сведениям китайских источников в 715 г. арабы заключили союз с тибетцами и совместно провозгласили правителя Алода (A-leao-ta). Царь Ферганы отправился просить помощи у китайского (императорского) наместника Кучи. В конце того же года наместник Кучи, собрав армию, вошел в Фергану, нанес поражение Алоду и восстановил на престоле ферганского царя См. E. Chavannes, Указ. раб., стр. 148, прим. 3; стр. 291.

⁴⁷ В. А. и И. Ю. Крачковские, Древнейший арабский документ из Средней Азии, «Согдийский сборник», стр. 56, 59 сл.

⁴⁸ E. Chavannes, Указ. раб., стр. 204-205; В. В. Бартольд, К истории арабских завоеваний в Средней Азии, ЗВОРАО, XVII, 1907, стр. 141.

SUMMARY

Among the Sogdian documents discovered at Mt. Mugh during the years 1932-33 there is a number of letters addressed to Devāštič, the governor of Pandjikent. Document 14 which is published in this issue represents a dispatch written by a certain Fatufarn, an envoy sent by Devāštič to Chach (Tashkent) for the delivery of letters and negotiations with the King of Fergana, as well as the Khaqan and some other persons. This dispatch is the first Sogdian document dealing with the history of Central Asia at the beginning of the 8th century A. D.

The paper contains the text (transliterated) and the translation of the document accompanied by a philological and historical commentary.

Т. А. ТРОФИМОВА

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ И ЗАДАЧИ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ¹

Широкое развертывание археологических работ, проводимых научными исследовательскими институтами Академии наук СССР, академий наук Туркменской, Таджикской, Узбекской, Киргизской и Казахской республик привело к значительному накоплению краниологических материалов, относящихся к разным эпохам и культурам народов Средней Азии и Казахстана. Ряд антропологов, работающих в Средней Азии (Л. В. Ошанин, В. Я. Зезенкова и др.), в Москве (Г. Ф. Дебец, Т. А. Трофимова, Н. Г. Залкинд, Н. Н. Миклашевская и др.), Ленинграде (В. В. Гинзбург, Б. В. Фирштейн, покойный Е. В. Жиров), принимая участие в изучении палеоантропологических материалов с территории Средней Азии. М. М. Герасимов и сотрудники лаборатории палеоантропологической реконструкции (Г. В. Лебединская, Н. Н. Мамонов, Т. С. Сурнина) создали ряд реконструкций различных антропологических типов — представителей древнего населения Средней Азии². Многие исследования по палеоантропологии Средней Азии опубликованы в изданиях Академии наук СССР, а также в «Трудах» научно-исследовательских институтов академий наук союзных республик Средней Азии и в других изданиях. Ряд исследований по палеоантропологии Средней Азии сдан в печать, значительное количество палеоантропологических материалов находится в стадии обработки и изучения. Накопленный к настоящему времени палеоантропологический материал — по учете данных истории и археологии — служит важным источником для изучения этногенеза народов Средней Азии.

За три года, прошедшие со времени составления В. В. Гинзбургом последней сводки по палеоантропологии Средней Азии³, накоплен новый краниологический материал, требующий обобщения, что и побуждала сделать в предлагаемой статье, уделив основное внимание краниологическим материалам, относящимся ко времени с энеолита конца I тысячелетия н. э.

¹ Доклад на эту тему был прочитан мною на заседании антропологической секции экспедиционной сессии Ин-та этнографии Академии наук СССР в апреле 1955 г. Позднее, в октябре 1959 г., переработанный доклад под названием «Палеоантропология Средней Азии» прочитан мной на симпозиуме антропологов в Будапеште.

² См.: М. М. Герасимов, Основы восстановления лица по черепу, М., 1955; его же, Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек), М., 1955; «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XXVIII, М., 1955.

³ Предыдущая сводка по палеоантропологии Средней Азии, составленная В. В. Гинзбургом, доложена им на заседании антропологической секции Этнографического совещания в Ленинграде 17 мая 1956 г. См.: В. В. Гинзбург, Основные просы палеоантропологии Средней Азии в связи с изучением этногенеза ее народов, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XXXI, М., 1959. Первоначальные обобщения по палеоантропологии Средней Азии даны в кн.: Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. IV, М.—Л., 1948 (см. ответствующие разделы по Средней Азии).

Имеющиеся в нашем распоряжении значительные палеоантропологические материалы, относящиеся к эпохе первобытно-общинного строя (энеолита и бронзы), позволяют охарактеризовать в основных чертах расовый состав населения Средней Азии и Казахстана в ту эпоху. Наиболее ранние материалы эпохи энеолита, датируемые IV—III тысячелетиями до н. э. (Кара-Тепе, Геоксюр), и более поздние — эпохи бронзы (III—II тысячелетия до н. э.) из ряда памятников Южной Туркмении (Анау, Намазга-Тепе, черепа из Серахского района, Тахирбай), по данным Гинзбурга⁴, Трофимовой⁵, Ошанина⁶ и Зезенковой⁷, в прошлом — Серджи⁸, характеризуются преобладанием гипердолохокранного европеоидного типа с относительно узким и высоким мезогнатным лицевым скелетом, относительно широким и сильно выступающим носом. Наиболее полная характеристика этого типа дана Гинзбургом и Трофимовой на основании изучения хорошо сохранившихся 23 мужских и 24 женских черепов из раннеземледельческих поселений в Кара-Тепе (возле станции Артык) и Геоксюра (в дельте Теджена)⁹. Черепа из этих раскопок добыты XIV отрядом Южнотуркменистанской комплексной экспедиции, работавшим под руководством В. М. Массона в 1955—1958 гг.¹⁰ Часть этих материалов опубликована¹¹. Аналогичные формы констатируются в Иране в сериях из Тепе-Гиссара (Крогман)¹², Сялка (Валуа)¹³ и некоторых сериях той же эпохи с территории Ирака. Этот тип характеризуется особенностями средиземноморской расы и может быть сопоставлен с «евро-африканским» типом Серджи. В некоторых сериях из тех же памятников отмечается присутствие отдельных черепов мезо-брахикранного типа, происхождение которого пока не ясно.

Население юго-востока Узбекистана в III—II тысячелетиях до н. э. (черепа из раскопок около г. Чуста и из погребений около оз. Заман-Баба)¹⁴, по-видимому, тоже характеризовалось древними формами средиземноморского типа, который может быть сближен с типами населе-

⁴ В. В. Гинзбург и Т. А. Трофимова, Черепа эпохи энеолита и бронзы из Южной Туркмении, «Сов. этнография», 1959, № 1, стр. 12—28.

⁵ Т. А. Трофимова, В. В. Гинзбург, Антропологический состав населения Южной Туркмении, в эпоху энеолита (по материалам Кара-Тепе и Геоксюра) (в печати); В. В. Гинзбург, Материалы к антропологии населения Южной Туркмении в эпоху поздней бронзы, «Труды Южнотуркменистанской археологической комплексной экспедиции», (ЮТАКЭ), IX, Ашхабад, 1959, стр. 102—106; Т. А. Трофимова, Предварительные данные о черепе эпохи бронзы из Серахского района Ашхабадской области, Рукопись (хранится в Ин-те этнографии АН СССР в Москве).

⁶ Л. В. Ошанин, Антропологические материалы к проблеме этногенеза туркмен, Изв. Академии наук Туркменской ССР, 4, Ашхабад, 1952, стр. 27—34; его же, Антропологический состав туркменских племен и этногенез туркменского народа, «Труды ЮТАКЭ», IX, Ашхабад, 1959, стр. 33—36.

⁷ В. Я. Зезенкова, Материалы к палеоантропологии Узбекистана и Туркмении. В кн.: Л. В. Ошанин и В. Я. Зезенкова, Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии, Ташкент, 1953.

⁸ G. Sergi, Description of some skulls from the North Kurgan Anau. В кн.: R. P. Pumpelly, Explorations in Turkestan. Prehistoric civilizations of Anau, Washington, 1908.

⁹ Т. А. Трофимова, В. В. Гинзбург, Антропологический состав населения Южной Туркмении в эпоху энеолита.

¹⁰ В. М. Массон, Южнотуркменистанский центр раннеземледельческой культуры (в свете работ ЮТАКЭ 1955—1958 гг.) (в печати).

¹¹ В. В. Гинзбург, Т. А. Трофимова, Черепа эпохи энеолита и бронзы из Южной Туркмении.

¹² W. M. Krogman, Racial types from Tepe Hissar Iran, from the late fifth to the early second milenium B. C., «Verhandeligen der Koninklijke Nederlandsche Academie van wetenschappen, Afdeling Natuurkunde», Tweede sectie, deel 39, N 2, Amsterdam, 1940.

¹³ H. Vallois, Les ossements humains de Sialk. В кн.: R. Ghirshman, Fouilles de Sialk, près de Kashan, 1933, 1934, 1937, т. II, Paris, 1939.

¹⁴ В. Я. Зезенкова, Скелет из погребения в поселении эпохи бронзы близ г. Чуста, «Сов. антропология», 1958, № 3, стр. 91—95; ее же, Материалы к палеоантропологии Узбекистана и Туркмении, стр. 97—98.

ния Южной Туркмении. Краниологического материала с этой территории мало, и выводы пока должны считаться предварительными. Вероятно, к этим же формам может быть отнесен и один череп из погребения эпохи бронзы в Туп-Хона с территории Таджикской ССР¹⁵.

К несколько более позднему времени — II тысячелетию до н. э. относятся краниологические материалы с территории Казахстана и южной Кара-Калпакии, входившей в область позднейшего Хорезма. На территории Казахстана в ту эпоху¹⁶, характеризовавшуюся андроновской культурой, был широко распространен другой европеоидный тип — низким и широким лицом, известный в антропологии под названием андроновского¹⁷. Однако наряду с этим преобладающим типом на территории Актюбинского района в Западном Казахстане в погребении андроновской культуры была добыта серия черепов, приближающая по своим морфологическим особенностям к типу черепов срубной культуры Поволжья¹⁸.

В юго-восточной части территории Кара-Калпакской АССР, в области южной Акча-Дарьинской дельты (по материалам из могильника Кокча 3 — раскопки Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР), в последней трети II тысячелетия до н. э. (эпоха тазабагьябской культуры)¹⁹ можно констатировать смешение антропологических типов: один вариант близок к европеоидам срубно-андроновского облика, второй — имеет черты экваториальной расы и может быть связан по происхождению с индо-дравидоидным населением Индии²⁰.

Таким образом, для эпохи энеолита и бронзы на территории Средней Азии и Казахстана отмечаются зоны распространения двух морфологически различных европеоидных типов: юго-западная, где обитали представители восточных вариантов средиземноморского типа, и северно-восточная — область срубно-андроновских типов. Территория Хорезма представляет собою зону смешений, где отмечены северные срубно-андроновские компоненты, восходящие к протоевропейскому типу и южные, индо-дравидоидные (см. карту-схему, стр. 114).

В настоящее время археологами установлено, что в эпоху энеолита и бронзы на территории Средней Азии были распространены две группы культур. Южную, предгорную часть Средней Азии — области Южной Туркмении и Южного Узбекистана — занимали носители культуры крашеной керамики. В Южной Туркмении была распространена анакская культура, в Фергане — чустская. Северная часть Средней Азии Казахстана в эти эпохи была занята племенами культур степной бронзы. На территории Казахстана в эпоху бронзы существовали различные варианты андроновской культуры, в Хорезме и прилегающих районах тазабагьябская, в Фергане кайрак-кумская и др.²¹. Сопоставление об

¹⁵ В. В. Гинзбург, Первые антропологические материалы к проблеме этногенеза Бактрии, «Материалы и исследования по археологии СССР» (МИА), № 1950, стр. 241—250.

¹⁶ В. В. Гинзбург, Антропологическая характеристика населения Казахстана в эпоху бронзы, «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР», вып. 1, Алма-Ата, 1956.

¹⁷ Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, стр. 70—76.

¹⁸ В. В. Гинзбург и Б. В. Фирштейн, Материалы к антропологии древнего населения Западного Казахстана, «Сборник Музея антропологии и этнографии» (МАН), т. XVIII, Л., 1958, стр. 426.

¹⁹ С. П. Толстов, Итоги двадцати лет работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, «Сов. этнография», 1957, № 4, стр. 40—41.

²⁰ Т. А. Трофимова, Палеоантропологические материалы с территории древнего Хорезма, «Сов. этнография», 1957, № 3, стр. 11—17; ее же, Череп из могильника тазабагьябской культуры Кокча 3 (раскопки 1954 г.), «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 2, М., 1959, стр. 15—29.

²¹ О среднеазиатских памятниках культуры крашеной керамики см.: Р. Риперт, Explorations in Turkestan, v. I—II, Washington, 1908; В. М. Массон, Первые

стей распространения этих культур и нашей карты-схемы дает возможность связать первые из них с зоной распространения восточно-средиземноморских антропологических типов, а вторые — с зоной срубно-андроновских. Что касается индо-дравидоидных элементов, то, по предположению С. П. Толстова и М. А. Итиной, этот тип связан, по крайней мере на территории Хорезма, с раннесуярганской культурой, а возможно, восходит и к более ранней кельтеминарской культуре²².

По предположению ряда исследователей, носители культур степной бронзы были носителями и восточных индо-европейских, иранских языков²³.

Материала очень важной эпохи — перехода от первобытно-общинного строя к рабовладельческому, падающего на первую половину I тысячелетия до н. э., с территории Средней Азии нет.

Несколько более поздний краниологический материал — второй половины I тысячелетия до н. э. — относится к юго-восточным областям Средней Азии: юго-западному и южному Таджикистану и Киргизии, а также к северным Кызыл-Кумам — бассейну Сыр-Дарьи, ее древнему руслу Жаны-Дарья (нынешняя Кызыл-Ордынская область Казахской ССР). С территории Казахстана имеются синхронные краниологические данные, относящиеся к некоторым районам Центрального и Восточного Казахстана, но в настоящей работе мы этих данных касаться не будем²⁴.

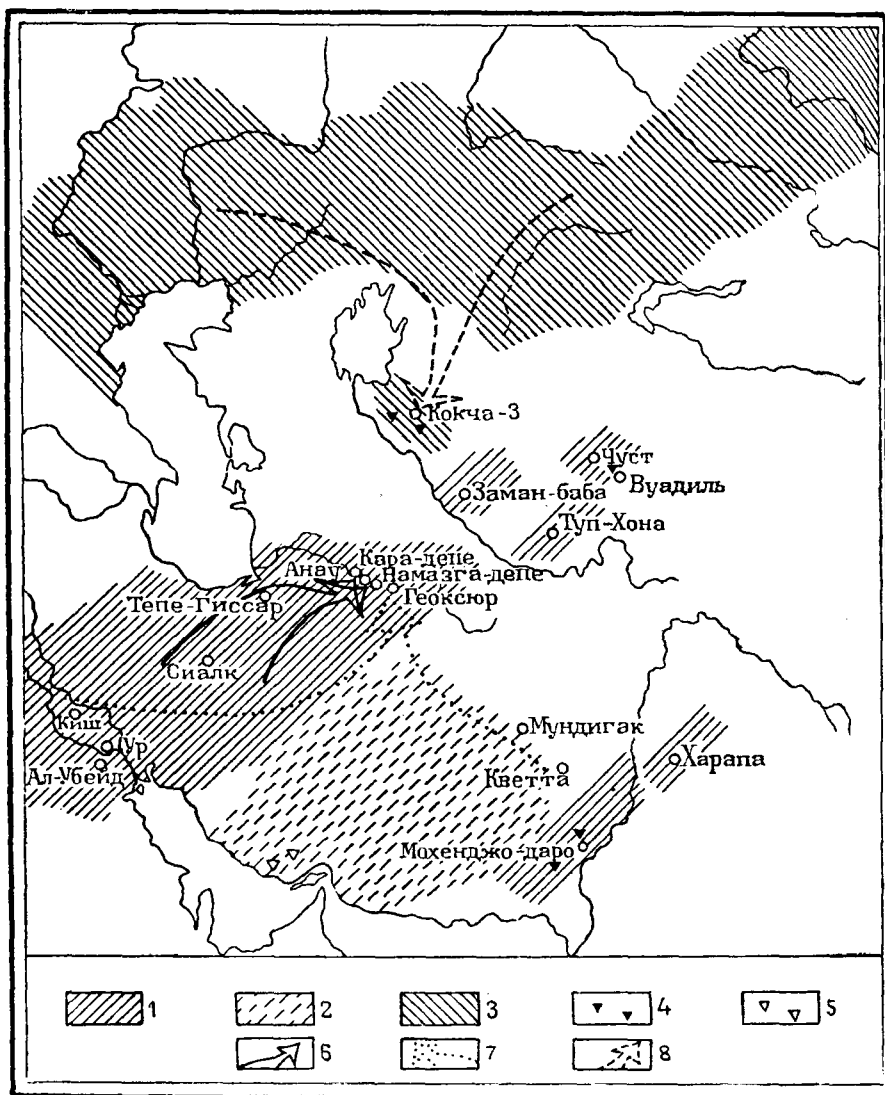
По данным древних источников, а также по вновь выявленным материалам, в эпоху античности основная масса оседлого и кочевого на-

но-общинный строй на территории Туркмении, «Труды ЮТАКЭ», т. VII, Ашхабад, 1956, стр. 239—259; его же, Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина, там же, стр. 291—373; В. И. Спришевский, Чустская стоянка эпохи бронзы (Наманганская обл., раскопки 1953 г.), «Сов. этнография», 1954, № 3, стр. 69—76; его же, Чустское поселение эпохи бронзы (из раскопок 1954 г.), «Краткие сообщения ИИМК» (КСИИМК), в. 69, 1957, стр. 40—49; его же, Чустское поселение эпохи бронзы (раскопки 1955 г.), КСИИМК, в. 71, 1958, стр. 86—98; Ю. А. Заднепровский, Дальверзинское селище, КСИИМК, в. 69, 1957, стр. 50—57. О памятниках степной бронзы см., например: М. П. Грязнов, Казахстанский очаг бронзово-железной культуры, Сб. «Казаки», вып. III, Л., 1930; С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, МИА, № 9, М.—Л., 1949, стр. 54—62; О. А. Кризцова-Гракова, Алексеевское поселение и могильник. «Труды Гос. историч. музея», т. VIII, М., 1948; А. А. Формозов, К вопросу о происхождении андроновской культуры, КСИИМК, в. XXXIX, 1951, стр. 3—18; С. С. Черников, Роль андроновской культуры в истории Средней Азии и Казахстана, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XXVI, 1957, стр. 28—33; С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 66—67; его же, По следам древнехорезмийской цивилизации, М., 1948, стр. 76—77; его же, Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г., «Сов. востоковедение», 1955, № 6, стр. 99—103; его же, Итоги двадцати лет работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (1937—1956 гг.), «Сов. этнография», 1957, № 4, стр. 36—42; А. П. Окладников, Предварительный отчет об исследовании памятников каменного и бронзового веков в Таджикистане летом 1954 г., «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР», т. XXXVII, Сталинабад, 1956, стр. 7—12; Б. А. Литвинский, Работы отряда по изучению памятников бронзового века в Кайрак-Кумах в 1955 г., Сб. «Археологические работы в Таджикистане в 1955 г.», «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР», т. LXIII, Сталинабад, 1956, стр. 27—36; его же, Изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в Кайрак-Кумах в 1956 г., Сб. «Археологические работы в Таджикистане в 1956 г.», «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР», т. XCI, Сталинабад, 1959, стр. 39—52.

²² С. П. Толстов и М. А. Итина. Проблема суярганской культуры, «Сов. археология», 1960, № 1.

²³ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 68; А. Н. Бернштам, Спорные вопросы истории кочевых народов Средней Азии в древности, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XXVI, М., 1957, стр. 18—21; С. С. Черников, Роль андроновской культуры в истории Средней Азии и Казахстана, там же, стр. 31; Э. Молянар, Проблемы этногенеза и древней истории венгерского народа, «Studia Historica», 13, Будапешт, 1955, стр. 63.

²⁴ В. В. Гинзбург, Древнее население восточных и центральных районов Казахской ССР по антропологическим данным, «Антропологический сборник», I; «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XXXIII, М., 1956, стр. 238—298.

Антропологический состав населения Средней Азии и смежных территорий в V—II тысячелетиях до н. э. (карта-схема):

1 — область распространения восточно-средиземноморских типов; 2 — вероятная область распространения восточно-средиземноморских типов; 3 — область распространения антропологических типов, сложившихся на основе протоевропейского типа; 4 — экваториальные антропологические типы (по данным палеоантропологии); 5 — экваториальные антропологические типы (по иконографическим данным III тысячелетия); 6 — переселение антропологических групп в III тысячелетии до н. э. в район Кара-депе; 7 — вероятное переселение какой-то антропологической группы в район Геоксюра в IV—III тысячелетиях до н. э.; 8 — переселение антропологических групп во II тысячелетии до н. э. в область южной Акча-дарьинской дельты

Примечание. По Передней Азии дается распространение основных антропологических типов для V—III тысячелетий до н. э., по Средней Азии — для IV—II тысячелетий, так как более ранние краниологические материалы по этой территории известны.

селения Средней Азии говорила на языках иранской группы, в основном ее восточной, или, по терминологии некоторых авторов, северной ветви, в которую входят из современных живых языков осетинский на Кавказе и ягнобский в верховьях Зеравшана, а также древние согдийский

хорезмийский и сакский языки Средней Азии. К иранской группе принадлежали также бактрийский и парфянский языки²⁵. Как сказано выше, имеются основания предполагать широкое распространение иранских языков в эпоху бронзы на территории Средней Азии и Казахстана.

Краниологические материалы VI—IV вв. до н. э. из курганов Южного Памира, добытые раскопками А. Н. Бернштама, по его мнению, могут быть отнесены к сакам²⁶. Люди, погребенные в сакских курганах, относились к долихокранному узко- и высоколицему, мезогнатному средиземноморскому типу, который морфологически сближается с древними средиземноморскими формами прикопетдагской полосы Южной Туркмении²⁷ и, вероятно, Южного Узбекистана. В несколько более позднее время, IV—II вв. до н. э., в эпоху культуры Кабадиан 3, в низовьях Кафирнигана на территории северной Бактрии (раскопки Мандельштама), по предварительным данным Т. П. Кияткиной²⁸, обитали представители другого, низко- и широколицего европеоидного типа, видимо, являющегося более поздней модификацией андроновского типа. Большая часть черепов этой серии характеризуется затылочной деформацией.

Далеко к востоку среди саков и ранних усуней VIII—III вв. до н. э. в ряде памятников центральной, южной и юго-западной Киргизии прослежены варианты андроновского типа, несколько более грацилизованные, а также различные переходные формы к расовому типу среднеазиатского междуречья²⁹. Можно думать, что эти краниологические материалы свидетельствуют об эпохальной изменчивости андроновского типа. Они указывают на брахицефализацию черепной коробки и грацилизацию лицевого скелета (Гинзбург).

К концу этого периода на территории Киргизии, по-видимому, начинается накопление монголоидной примеси. На территории Казахстана эта примесь появляется в общем раньше³⁰, в частности обнаруженные в районе Жаны-Дарьи монголоидные черепа могут быть отнесены к IV—II вв. до н. э.³¹ С остальной территории Средней Азии сколько-нибудь значительных палеоантропологических материалов этой эпохи нет.

В последующий период, II в. до н. э.—II в. н. э., среди кочевников (усуней), обитавших на территории Киргизии, преобладал брахикранный тип среднеазиатского междуречья, сложившийся на основе более древнего андроновского с включением отдельных средиземноморских элементов и нарастанием монголоидной примеси³². В близко расположенном (около Джамбула, Южный Казахстан) Тамдинском могильнике, датируемом III—II вв. до н. э., констатируются европеоидные мезо-брахикранные формы, переходные от андроновского типа к расовому типу среднеазиатского междуречья. Один из черепов несет следы монголоидной примеси³³. В катакомбных погребениях с территории Киргиз-

²⁵ «История Узбекской ССР», т. I, 2-е изд., Ташкент, 1955, стр. 38—40, 50, 84—85.

²⁶ В. В. Гинзбург, Материалы к палеоантропологии восточных районов Средней Азии, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XI, 1950, стр. 83—96.

²⁷ В. В. Гинзбург, Т. А. Трофимова, Черепа эпохи энеолита и бронзы из Южной Туркмении.

²⁸ Автор приносит благодарность Т. П. Кияткиной за разрешение сослаться на ее неопубликованные данные.

²⁹ В. В. Гинзбург, Древнее население Центрального Тянь-Шаня и Алая по антропологическим данным, «Среднеазиатский этнографический сборник», I, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XXI, М., 1954, стр. 354—362, 380 сл.

³⁰ В. В. Гинзбург, Древнее население восточных и центральных районов Казахской ССР..., стр. 243—245.

³¹ Неопубликованные материалы автора из раскопок Хорезмской экспедиции 1958—1959 гг. в Кармакчинском районе Казахской ССР.

³² В. В. Гинзбург, Древнее население Тянь-Шаня и Алая по антропологическим данным, стр. 362—365.

³³ В. В. Гинзбург, Материалы к антропологии древнего населения Южного Казахстана, «Сов. археология», XXI, М.—Л., 1954, стр. 379—394.

ской ССР (Кенкольский могильник и др.), приписываемых А. Н. Б.штамом гуннам, на рубеже н. э. и вплоть до IV в. н. э. на местный европеоидный брахикранный тип, ведущий начало от андроновского, и наслаивание, по-видимому, различных монголоидных элементов, проникавших в среду местного европеоидного населения в результате перемещения сюда центральноазиатских, в частности гуннских, племен. Наряду с некоторым усилением монголоидности в краниологических материалах из катакомбных погребений этой эпохи отмечено широкое распространение кольцевой деформации черепа³⁴. Наслаивание, начиная с рубежа нашей эры, монголоидных признаков на андроновский тип и близкие к нему формы, по мнению В. В. Гинзбурга, привело к образованию южносибирского типа. Аналогичный процесс происходил и на территории Казахстана³⁵.

На рубеже нашей эры и в I—III вв. на территории Ферганской долины преобладали типы, переходные от андроновского к типу среднеазиатского междуречья; однако имеющиеся оттуда краниологические материалы обнаруживают следы смешения с другими европеоидными типами (в частности, с европеоидным долихокранным типом — могильники Гур-Мирон и Кува-Сай). Отмечается и монголоидная примесь (могильник Советское)³⁶. В погребениях около Гур-Мирона встречаются черепа с кольцевой деформацией³⁷.

Очень сильной смешанностью, по данным М. М. Герасимова, характеризуется серия черепов III—V вв. н. э. из Ширинсайского могильника, находящегося на крайнем западе Ферганской долины. М. М. Герасимов в составе этой серии выделил три основных типа: хорасанский, уральско-алтайский и европеоидно-дравидоидный, дав реконструкцию их происхождения³⁸.

В первые века нашей эры в более северных районах (окрестности Ташкента) население характеризуется также большой смешанностью. Так, люди, погребенные в катакомбах курганов около Янги-Юля, характеризовались европеоидным мезо-брахикранным типом с монголоидной примесью³⁹; то же можно сказать о погребенных в курганном могильнике около станции Вревская. Черепа из этого могильника кольцевидно деформированы⁴⁰.

С территории Таджикской республики и южных областей Туркменистана синхронных палеоантропологических материалов почти нет. Лишь в окрестностях южных культурных центров, на территории западного Хорезма, в городищах Калалы-Гыр 1 и 2, датируемых II—III вв. н. э.⁴¹, до

³⁴ В. В. Гинзбург и Е. В. Жиров, Антропологические материалы из катакомбного могильника в долине р. Талас Киргизской ССР, «СМ МАЭ», т. X, Л., 1949, стр. 213—265; В. В. Гинзбург, Древнее население Тяньшаня и Алая..., стр. 365—374; Н. Н. Миклашевская, Новые палеоантропологические материалы из Кенкольского могильника, «Сов. антропология», 1957, стр. 211—214. Г. Ф. Дебец считает, что, по имеющимся данным, нет достаточных оснований для заключения о большей примеси монголоидного элемента у «гуннов» по сравнению с усунями на территории Киргизии. См. Г. Ф. Дебец, Проблема происхождения киргизского народа в свете антропологических данных, «Труды Киргизской лого-этнографической экспедиции», т. I, М., 1956, стр. 12.

³⁵ В. В. Гинзбург, Основные вопросы палеоантропологии Средней Азии и Сибири с изучением этногенеза ее народов, стр. 31.

³⁶ В. В. Гинзбург, Материалы к антропологии древнего населения Ферганской долины, «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. I, стр. 85.

³⁷ Там же, стр. 88.

³⁸ М. М. Герасимов, Основы восстановления лица по черепу, стр. 123—129.

³⁹ В. В. Гинзбург, Материалы к антропологии гуннов и саков, «Сов. этнография», 1946, № 4, стр. 206—210.

⁴⁰ В. Я. Зезенкова, Некоторые данные о скелетах из погребальных курганов возле станции Вревская, «Труды Музея истории народов Узбекистана», вып. I, Ташкент, 1951.

⁴¹ С. П. Толстов, Итоги работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1953 г., «Вестник древней истории», 1955, № 3, стр. 197—201.

значительный краниологический материал, как из оссуарных захоронений, так и из погребений в башне крепости. Преобладающий тип населения, погребенного в оссуариях, характеризовался европеоидным мезоахикранным типом с относительно высоким лицом. Отмечены также лихокраны с высоким и узким лицом. Оба эти типа несомненно являлись вариантами восточно-средиземноморского (по Ошанину — закаспийского) типа. Можно думать, что эти европеоидные типы были характерны для местного хорезмийского населения. Черепа из калалы-гыр-ых крепостей отличаются затылочно-теменной деформацией⁴². Башне же крепости были захоронены люди индо-дравидоидного облика, бывшие, вероятно, этнически чуждыми для Хорезма⁴³. Относящиеся к тому же времени изображения темнокожих воинов из замка Топрак-ла С. П. Толстов рассматривает как изображения воинов гвардии ханских шахов, комплектовавшейся, по его мнению, из далеких чужеземцев, возможно, обитателей южной Индии, связь с которой Хорезм имел еще со времени кушанов⁴⁴. Можно думать, что люди, погребенные в башне крепости Калалы-Гыр I, тоже были чужеземными воинами.

К IV в. н. э. относятся также материалы из двух памятников, находящихся в непосредственной близости к калалы-тырским крепостям, — Уаза⁴⁵ и Канга-Калы⁴⁶. Население, погребенное в этих крепостях, было смешанным и характеризовалось сочетанием признаков долихоанного высоко- и узколицего типа (закаспийского) и, по всей вероятности, долихокранного же узко- и высоколицего монголоидного, возможно, северокитайского. Большинство черепов было кольцевидно сформировано. Этнически эта группа может рассматриваться, как относящаяся к хионитам, предкам эфталитов⁴⁷. По нашему мнению, обитание длинноголовых монголоидов северокитайского типа в этот период и эфталитскую среду связано с движением гуннских племен, составе которых было много выходцев из Китая⁴⁸.

Сходные антропологические типы, наряду с другими монголоидными формами, обнаружены венгерскими учеными на территории Венгрии при исследовании скелетного материала, относящегося к аварскому периоду⁴⁹.

Значительный интерес представляют краниологические материалы курганов, находящихся в окрестностях городища Алтын-Асар (дженасарский комплекс памятников) в Кармакчинском районе Казахской Р. Эти курганы расположены в районе среднего отрезка старого рукава Сыр-Дарьи — Куван-Дарья и датируются первыми веками н. э.⁵⁰. П. Толстов относит население, оставившее курганы на Куван-Дарье, к тохарам, которые «в IV—V вв. подверглись влиянию гуннской культу-

⁴² Т. А. Трофимова, Краниологические материалы из античных крепостей Калалы-Гыр I и 2, «Труды Хорезмской экспедиции», т. II, М., 1958, стр. 544—630, см. же, черепа из оссуарного некрополя Калалы-Гыр I, «Материалы Хорезмской экспедиции», т. II, М., 1959.

⁴³ Т. А. Трофимова, Краниологические материалы из античных крепостей Калалы-Гыр I и 2, стр. 600—611.

⁴⁴ С. П. Толстов, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР 1948 г., «Изв. АН СССР, серия истории и философии» т. VI, 1949, № 3, стр. 257—258.

⁴⁵ Т. А. Трофимова, Материалы по палеоантропологии Хорезма и сопредельных областей, «Труды Хорезмской экспедиции», т. II, М., 1958, стр. 649—683.

⁴⁶ Т. А. Трофимова, Черепа из Канга-Калы, «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 2, М., 1959, стр. 80—105.

⁴⁷ С. П. Толстов, Итоги работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1953 г., стр. 200—201.

⁴⁸ Т. А. Трофимова, Черепа из Канга-Калы, стр. 102—105.

⁴⁹ P. Lipták, Recherches anthropologiques sur les ossements avars des environs d'Aló, «Acta Archaeologica Academiae scientiarum Hungaricae», N 6, Budapest, 1955, стр. 253—269, 283—284; его же, The «avar period» mongoloids in Hungary, там же, 1959, стр. 254—255, 274—275.

⁵⁰ С. П. Толстов, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948 гг.), «Труды Хорезмской экспедиции», т. I, М., 1952, стр. 16—30.

ры (и языка) и явились одним из составных элементов белых гу (эфталитов)»⁵¹.

Серия черепов из Алтын-Асара — смешанная, европеоидно-монгоидная. Отчетливо выступает европеоидный мезокранный высокотип, встречавшийся, как это установлено нами, среди населения и него Хорезма. Монголоидный тип тоже, по-видимому, долихокранный.

Таким образом, население этой области было смешанное, сочетавшее местные тохарские европеоидные компоненты с чертами долихокранного монголоидного типа, проникшего в бассейн Куван-Дарьи вместе с гуннами.

В несколько более позднее время, в IV—VII вв. н. э., население области древней Маргианы (Южная Туркмения) было европеоидным долихо-мезокранным, с высоким (и средней ширины) ортогнатным лицевым характерным для закаспийского типа⁵². Однако среди погребенных в Байрам-алийском могильнике можно отметить и примесь «андроидных» форм⁵³.

Закаспийский тип раннего средневековья может рассматриваться как видоизмененный древний восточно-средиземноморской тип прикаспийской полосы эпохи энеолита.

В эпоху поздней античности и раннего средневековья основные составные компоненты населения многих областей Средней Азии уже обособились. Как можно видеть из сказанного выше, процессы смешения различных расовых типов к этому времени достигли большой степени развития. Идет интенсивное смешение между потомками древнего средиземноморского и андроновского типов, все больше включается монголоидный компонент. В середине I тысячелетия н. э. в связи с продвижением с востока новой волны тюрков-кочевников нарастает монголоидная примесь в составе различных групп населения Средней Азии. Смешение средиземноморского и андроновского европеоидных компонентов отчетливо прослеживается и на материалах с территории Бактрии I—III вв. н. э. и на более поздних, относящихся к раннему средневековью (VI—VIII вв. н. э.), когда происходит смешение долихокранов с высоким и относительно узким лицом и брахиокранов с низким и широким. То же смешение может быть констатировано и на материалах VI—VIII вв. на территории Согдианы (погребения в наусах городища Джанго Пенджикента и его окрестностей)⁵⁴.

Антропологически сходные европеоидные серии черепов добыты также на территории Южного Казахстана (возле Джамбула) из погребений в каменных могилах⁵⁵ последних веков I тысячелетия н. э. и из астрийских погребений в хумах горы Тик-Турмас⁵⁶. Исследовавшие

⁵¹ С. П. Толстов, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948), стр. 31.

⁵² Т. А. Трофимова, Материалы по палеоантропологии Хорезма и сопредельных областей, стр. 639—649.

⁵³ Т. А. Трофимова, Черепы из оссуарного некрополя возле Байрам-Али, Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 2, Приложение, стр. 118—175; В. Я. Зезев, В. А. Краниологические материалы с территории древнего и средневекового Мерва, в сб. ЮТАКЭ, т. IX, Ашхабад, 1959, стр. 107—131.

⁵⁴ Т. А. Трофимова, Черепы из оссуарного некрополя возле Байрам-Али, стр. 128—132.

⁵⁵ В. В. Гинзбург, Первые антропологические материалы к проблеме этногенеза Бактрии, МИА, № 15, 1957, стр. 242—250.

⁵⁶ В. В. Гинзбург, Материалы к краниологии Согды, МИА, № 37, стр. 157—167; его же, Антропологические материалы из окрестностей древнего Пенджикента, МИА, № 66, 1958, стр. 282—289.

⁵⁷ В. В. Гинзбург, Материалы к антропологии древнего населения Южного Казахстана, «Сов. археология», т. XXI, 1954, стр. 379—394.

⁵⁸ Е. В. Жиров, Черепы из зороастрийских погребений в Средней Азии, «Сов. этнография», т. X, М.—Л., 1949, стр. 264—272.

серии авторы считают, что в погребенных на горе Тик-Турмас можно видеть представителей северо-восточной группы населения Согда.

Среди краниологических материалов VI—VIII вв. с территории Бактрии (урочище Туп-Хона) отмечены три черепа с небольшой монголоидной примесью⁵⁹. Один череп из загородного дома окрестностей Пенджикента тоже оказался монголоидным⁶⁰.

Именно на это время падают первые достоверные исторические сведения китайских и арабских источников о проникновении на территорию Бактрии и Согдианы значительных массивов тюркских племен. Эти данные подтверждаются и расшифрованными за последние годы З. А. Лившицем впервые обнаруженными согдийскими текстами с горы Муг.

Более отчетливо усиление монголизации сказалось на территории Киргизии, что выясняется по краниологическим материалам из раскопок курганов V—VII вв. н. э. на Алайском хребте (урочище Кюкяльды); полученная оттуда серия черепов оказалась очень смешанной из европеоидных и монголоидных элементов. Людей, погребенных в этих курганах, производивший раскопки А. Н. Берштам относил к эфталитам⁶¹. Интересно отметить, что более поздняя серия VI—X вв. н. э., добытая из нескольких памятников Киргизии и относящаяся, по мнению Бернштама, к тюркам, хотя и была смешанной, но оказалась более европеоидной, чем предыдущая. Можно думать, что пришлые тюрки были ассимилированы местным населением⁶².

Сильные следы смешения несут на себе и черепа VI—VIII вв. н. э. со значительно более западной территории — из области левобережного Хорезма (раскопки на Куба-Тау). В этой серии имеются европеоидные черепа закаспийского и андроновского типов, на двух из них можно отметить монголоидную примесь⁶³. Большая часть черепов характеризуется кольцевой деформацией⁶⁴. Более поздняя хорезмийская серия IX—X вв. из Беркут-Калы, с территории правобережья Аму-Дарьи, — европеоидная, по-видимому, смешанная⁶⁵, серия же из Наринджана (территория Хорезма) несколько более позднего времени представляется более однородной — европеоидной, умеренно брахикранной, с относительно невысоким лицевым скелетом⁶⁶.

Таким образом, в средневековых краниологических сериях из Хорезма, Согдианы и Бактрии несмотря на значительное смешение еще отчетливо заметны различные компоненты, позволяющие проследить пути сложения антропологических типов позднейшего населения этих областей.

Не рассматривая здесь краниологические материалы II тысячелетия н. э., отметим лишь, что в связи с позднейшими волнами миграции тюркских кочевников и монгольским нашествием в ряде областей Средней Азии резко нарастает монголизация населения; это устанавливается главным образом путем изучения современного населения, так как кра-

⁵⁹ В. В. Гинзбург, Первые антропологические материалы к проблеме этногенеза Бактрии, стр. 245.

⁶⁰ В. В. Гинзбург, Антропологические материалы из окрестностей древнего Пенджикента, стр. 284.

⁶¹ В. В. Гинзбург, Древнее население Центрального Тянь-Шаня и Алая по антропологическим данным, стр. 374—382.

⁶² Там же, стр. 379—382.

⁶³ Т. А. Трофимова, Черепа из Куба-Тау, «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 2, стр. 106—114.

⁶⁴ Там же; см. также данные В. Я. Зезенковой в ее работе «Материалы к палеоантропологии Узбекистана и Туркмении», стр. 101—104 и 155—156.

⁶⁵ Н. Г. Залкинд, Краниологические материалы с территории древнего Хорезма, «Груды Хорезмской экспедиции», т. I, стр. 197—204; Т. А. Трофимова, Черепа эпохи средневековья из Беркут-Калинского оазиса, «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 2, стр. 115—117.

⁶⁶ Н. Г. Залкинд, Указ. раб.

ниологические материалы позднего средневековья и XIX—XX вв. по большинству областей Средней Азии недостаточны или вовсе отсутствуют.

В это время окончательно складываются современные народы Средней Азии. Усиление монголизации местного европеоидного ираноязычного населения сопровождалось на территории Средней Азии, как это показано исследованиями Л. В. Ошанина, тюркизацией автохтонного населения по языку⁶⁷.

Исследованиями советских антропологов (в первую очередь Л. В. Ошанина, А. И. Ярхо, В. В. Гинзбурга, Г. Ф. Дебеца и др.) установлено, что среди современного населения Средней Азии представлены три основных антропологических типа (приводим данные антропологического состава преимущественно по Ошанину). В областях на юго-запад от Аму-Дарьи (среди туркмен) преобладает закаспийский тип. В областях между Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей, включая Западный Памир на востоке и Хорезм на западе, на территории Таджикистана и Узбекистана, включая Кара-Калпакию, распространены различные варианты брахикранных европеоидных типов (с различной структурой лицевого скелета), имеющие разное происхождение, но в современных классификациях относимые большей частью к единому европеоидному типу среднеазиатского междуречья⁶⁸. У населения Узбекистана, Туркмени и частично Таджикистана нередко отмечается незначительная монголоидная примесь, обычно более резко выявляющаяся среди женщин. В восточных и северных областях, на территории Киргизии и Казахстана, в настоящее время распространен южносибирский расовый тип смешанного происхождения, но с преобладающими монголоидными особенностями. Палеоантропологические исследования вносят существенный вклад в разработку проблем этногенеза народов Средней Азии, но недостаточное количество данных или полное их отсутствие по отдельным областям и эпохам оставляет пробелы в этих исследованиях.

Кратко резюмируем сказанное. В эпоху энеолита и бронзы, по имеющимся данным, Средняя Азия была заселена представителями двух различных европеоидных типов — восточно-средиземноморского (возможны в различных вариантах) на юге и юго-западе и протоевропейского (среднего и андроновского) на северо-востоке. В эпоху поздней бронзы южной Акча-Дарьинской дельте существовали смешанные (индо-дравидные) экваториальные формы. Есть основание предполагать их появление на данной территории со значительно более раннего времени.

⁶⁷ Л. В. Ошанин, Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов в свете данных антропологии (в кн.: Л. В. Ошанин и В. Я. Зезиков, Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии, Ташкент, 1953, стр. 9—56); его же, Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов, части I—III, Ереван, 1957—1959.

⁶⁸ Л. В. Ошанин в 1957 г. в своей книге «Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов», ч. 1, стр. 94, выделил три варианта: 1) горный — горные таджики (наиболее типичные), 2) припамирский — ираноязычные племена юго-западных припамирских стран (Рушана, Шугнана, Вахана), 3) равнинный (узбеки) — с примесью монголоидных элементов. В. В. Гинзбург в своей работе «О «горных таджиках» (Л., 1937, стр. 168—169) отмечал, что расовый тип среднеазиатского междуречья «представляется очень лабильным, распадающимся на более или менее отличающиеся локальные группы». По нашему мнению, современный европеоидный брахикранный тип среднеазиатского междуречья распадается на два основных варианта, имеющих различное происхождение. Первый из них образовался путем брахикранизации долихокранного средиземноморского типа с высоким и узким лицевым скелетом, второй в основе имеет модифицировавшийся андроновский тип. Возможны также и смешанные формы. Первый вариант представлен среди узбеков Хорезма, узбеков и таджиков Ферганы, второй — среди горных таджиков и ираноязычных племен юго-западных припамирских стран. Образование этих вариантов частично прослеживается на ископаемых краниологических сериях. См. Т. А. Трофимова, Черепно-мозговой некрополь крепости Калалы-Гыр I, «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 2, стр. 67—76.

рубежа III—II тысячелетий до н. э., в составе племен раннесуярганской культуры или даже еще более ранней — кельтеминарской (Толстов, Итина).

Позднее, в начале I тысячелетия н. э., в эпоху античности, на территории Маргианы, Бактрии, Согда, Хорезма имело место смешение этих европеоидных форм; на более восточных территориях современных Киргизской и Казахской республик и юго-восточной части Узбекской ССР появляются модифицированные андроновские формы, переходные к брахикранному расовому типу среднеазиатского междуречья. На территории Хорезма и в Ферганской долине сохранялись включения экваториальных форм. Земледельческое население Средней Азии в ту эпоху было ираноязычным.

Начиная с последних веков до нашей эры и особенно с ее рубежа и в первые века в связи с движением с востока кочевников, в особенности унунов, в составе земледельческого населения Средней Азии нарастает количество различных монголоидных форм. Наряду с нарастанием монголоидной примеси в составе местного населения идет процесс тюркизации языка. Во II тысячелетии н. э., после вторжения новых волн тюркских кочевников на территорию Средней Азии, окончательно складываются ее современные народы.

* *
*

В заключение этой статьи коротко остановимся на дальнейших задачах по изучению палеоантропологии Средней Азии. До сих пор большим пробелом является отсутствие костных остатков человека верхнего палеолита и неолита. Нет палеоантропологических материалов эпохи бронзы из районов Узбоя и Семиречья, недостаточно их также из междуречья⁶⁹. Существенный пробел в сборе палеоантропологических материалов — отсутствие данных по ранним тюркским племенам, особенно с территории Туркмении. Почти нет краниологических данных с территории Средней Азии, датированных поздним средневековьем, мало материалов, относящихся к XIX—XX вв. (имеются лишь серии узбекских и таджикских черепов и некоторое количество киргизских).

Кроме палеоантропологического изучения Средней Азии, для решения ряда вопросов этногенеза ее народов настоятельно необходимо палеоантропологическое и комплексное исследование некоторых смежных зарубежных территорий, например Синьцзяна (Китайская Народная Республика).

Для более успешного накопления палеоантропологических материалов с территории Средней Азии и Казахстана следует направить внимание археологов на необходимость тщательного сбора краниологических и остеологических материалов во время археологических раскопок, укрепления костей плохой сохранности в полевых условиях и обеспечения их осторожной транспортировки к месту обработки и хранения.

Помимо новых, связанных с накоплением материала исследований, направленных на изучение палеоантропологии Средней Азии и дальнейшую разработку проблем этногенеза ее народов, представляется необходимым выдвинуть следующие частные задачи:

- 1) изучение путей распространения экваториальных компонентов, начиная с эпохи бронзы или неолита (если будут обнаружены краниологические материалы этого периода), а также и более поздних;
- 2) изучение формирования брахикранных компонентов, объединенных в настоящее время под названием расового типа среднеазиатского междуречья;

⁶⁹ В. В. Гинзбург, Основные вопросы палеоантропологии Средней Азии в связи с изучением этногенеза ее народов, стр. 34.

3) исследование различных проникавших на территорию Сред Азии монголоидных компонентов, их морфологических особенностей путей проникновения;

4) поиски новых методов выделения на краниологическом материале расовых типов II порядка в смешанных популяциях.

Для разрешения задач дальнейшего палеоантропологического изучения народов, населяющих республики Средней Азии, и разработки вопросов их этногенеза, необходимо усиление контакта между антропологами и археологами, обеспечивающего нужную направленность исследований и наиболее полный сбор краниологического и остеологического материала.

SUMMARY

In the aeneolithic period and Bronze Age, the territory of Central Asia was inhabited by populations belonging to two diverse Europeoid types — the East Mediterranean (possibly represented by different variants) in the south and southwest, and the pre-European type (frame-house and Andronovo cultures) in the northeast. In the later Bronze Age, there existed mixed (Indo-Dravidian) equatorial types in the southern Akcha-Darya delta. There is reason to believe that their appearance in the given territory dates from a much earlier period (around 2000 B. C.); they were probably a component of the type of early Suyargan culture, or of a still earlier — Kelteminar culture (as assumed by S. Tolstov, M. Itina).

At the beginning of the first millennium A. D. — in the antique period — these Europeoid forms intermixed on the territory of Margiana, Bactria, Sogdiana and Khwarizm in the easternmost territories (present-day Kirghizia and Kazakhstan) and in the southwestern part of the Uzbek Republic modified Andronovo population forms made their appearance, evincing a transition to the brachycranial Central Asian racial type (the characteristic of the area between the Amu Darya and the Syr Darya). On the territory of Khwarizm and Fergana Valley equatorial forms survived. The agricultural populations of Central Asia in that period spoke Iranian languages.

In the last centuries of the 1st millennium B. C. and especially in the early centuries of our era, there was a marked increase of Mongoloid forms among the agricultural populations of Central Asia — a result of migration from the east of nomad tribes, particularly the Huns. Along with the growth of Mongoloid admixture, the process of the Turkicization of language was taking place. After the 10th century, following incursions of new waves of Turkic nomads on the territory of Central Asia, its modern populations took a definite shape.

НАРОДЫ МИРА

(ИНФОРМАЦИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ)

А. Д. ДРИДЗО

НАСЕЛЕНИЕ КУБЫ

События, происходящие сейчас в республике Куба, привлекают внимание всего мира к этому сравнительно небольшому (115 тыс. км²), но довольно густо населенному (ок. 6,6 млн. чел.) государству, расположенному на одноименном острове в Карибском море.

Открытый еще Колумбом (1492) остров вскоре был захвачен испанскими конкистадорами. В течение пяти столетий здесь бесцеремонно хозяйничали колонизаторы. В 1895 г. на Кубе вспыхнуло всенародное восстание против испанского владычества, приведшее к победе повстанцев. Однако вскоре на остров вторглись войска Соединенных Штатов Америки и овладели территорией Кубы.

Войска Соединенных Штатов оставались на Кубе вплоть до 1902 г. К этому времени американский империализм официально закрепил свое влияние так называемой «поправкой Платта» к кубинской конституции¹.

Великая Октябрьская социалистическая революция послужила новым толчком к подъему национально-освободительного движения кубинцев. Чтобы усилить борьбу против народного движения в стране и обезопасить свои капиталовложения, американцы поставили у власти на Кубе своих прямых агентов — сначала Херардо Мачадо (1925—1933), затем Фульхенсио Батисту (1940—1944), проливших потоки крови кубинского народа. Возмущение репрессиями военной диктатуры Батисты и новый подъем народного движения на острове привели к тому, что Батиста был вынужден уйти с поста президента. Однако весной 1952 г. США организовали на Кубе государственный переворот, и Батиста снова захватил власть. В этот период влияние монополий Соединенных Штатов стало на Кубе столь безраздельным, каким не было еще никогда. В эти же годы Народно-социалистическая партия (НСП) и профсоюзы Кубы подверглись жестокому преследованиям².

¹ По этой «поправке», оформленной в 1901 г., Куба была фактически превращена в колонию США. Кубе запрещалось заключать договоры с другими государствами и получать от них займы без разрешения США. Последние же имели право размещать военные базы на острове. Основная цель «поправки» заключалась в том, чтобы воспрепятствовать европейскому империализму проникнуть на Кубу. В 1934 г., в результате подъема национально-освободительной борьбы кубинского народа, между США и Кубой был подписан договор, отменявший «поправку Платта». Однако и после этого соглашения США продолжали господствовать на острове.

² В последние годы советские ученые посвятили ряд работ новой и новейшей истории Кубы. См., например: Л. Слезкин, *Испано-американская война 1898 года*, М., 1950; Л. Владимиров, *Дипломатия США в период испано-американской войны*, М., 1957; А. Зорина, *Национально-освободительное движение на Кубе (1895—1898)*.

Почти семь лет находился Батиста у власти. За это время по его приказу было убито более 20 тыс. соотечественников-революционеров, брошены в тюрьмы десятки тысяч борцов за независимость, изгнаны из страны 150 тыс. патриотов. Однако кубинский народ не покорился диктатору. Забастовки рабочих сахарных плантаций и железных дорог — двух крупнейших отрядов трудящихся — показали, что террор не сломил их воли к борьбе. Начались волнения в армии и на флоте. Активно выступила против диктатуры учащаяся молодежь. Пытаясь прекратить это движение, Батиста закрыл все высшие учебные заведения страны.

На протяжении всего этого периода почти не прекращались и вооруженные выступления против диктатуры. Однако выступления эти были разрозненны, охватывали, как правило, крайне незначительное число участников, и войскам Батисты сравнительно легко удавалось их подавить. В связи с одним из таких восстаний впервые стали известны имена братьев Фиделя и Рауля Кастро. Под их руководством молодежь г. Сантьяго 26 июля 1953 года вступила в бой с войсками Батисты, но потерпела поражение. Братья Кастро около двух лет провели в тюрьме, а освободившись по амнистии, уехали в Мексику, где создали «Движение 26 июля» — организацию борьбы за освобождение Кубы.

2 декабря 1956 года 82 члена этой организации во главе с Фиделем Кастро высадились на восточном побережье острова. В первых боях повстанцы были разбиты. Однако постепенно к остаткам отряда стали присоединяться рабочие городов и плантаций, студенты, крестьяне. Активно участвовала в партизанском движении Народно-социалистическая партия.

Движение Кастро приобрело всенародный характер. В итоге партизанским отрядам, насчитывавшим 8,5 тыс. бойцов, удалось выдержать ожесточенные атаки армии Батисты, имевшей свыше 20 тыс. солдат, снабженной новейшим американским и английским оружием; при поддержке всего населения Кубы партизаны не только перешли в наступление, но и разбили эту армию.

1 января 1959 года, опасаясь народного гнева, Батиста бежал Кубы в Доминиканскую республику. Партизаны овладели столицей острова — Гаваной. Фидель Кастро был назначен главнокомандующим вооруженными силами. С февраля 1959 г. он стал премьер-министром. «Тирания была свергнута благодаря тому, что против нее выступил весь народ, который принял активное участие в борьбе во всех областях, используя всевозможные формы: вооруженную борьбу, стачки, всеобщую забастовку, патриотическое движение, выступления рабочих и крестьянских масс, пропаганду и агитацию, бойкот фальсифицированных выборов, борьбу с агентами тирании в различных организациях»¹.

* *
*

Основные этапы этнической истории Кубы — следующие. Колонизаторы, оккупировав остров, застали здесь многочисленное — 1 300 тыс. чел. — коренное население. Оно принадлежало к трем индейским племенам: гуанахатбей на западе, таино на востоке и сибоней, жившие по всей территории Кубы. Массовое истребление индейцев в период захвата острова и гибель остатков коренного населения от непосильной

¹ «Уч. записки по новой и новейшей истории», вып. III, М., 1957. Из последних кубинских работ укажем: «Curso de introducción a la historia de Cuba», I, La Habana, 1950; R. Guerray Sanchez, Manual de historia de Cuba, La Habana, 1938; R. Lainez E. Marban, Curso historia de Cuba, I, La Habana, 1944, 3 ed.; R. Infiesta, Historia constitucional de Cuba, La Habana, 1951, 2 ed.; M. Hernandez Riera, Cuba politica 1899—1955, La Habana, 1955.

² «Правда», 1 февраля 1959 года. Из выступления члена Исполнительного бюро Национального комитета НСП т. Северо Агирре на внеочередном XXI съезде КПСС

рабского труда привели к почти полному исчезновению аборигенов. К концу 1920-х гг. на острове оставалась лишь небольшая группа потомков племени сибоней, а также индейцев с Юкатана, ввезенных некогда испанцами. Жила эта группа в «терминос муниципалес» (районах) Хигани, Пальма Сориано, Ятерас, эль Каней и Баракоа (провинция Орьенте). По самым последним данным, индейское население сохранилось лишь в муниципиях (новое название административной единицы) Баракоа, Никеро, Мансанильо и Ятерас. В большинстве это метисы, хотя некоторые сохранили еще индейский антропологический тип. Основное занятие этой группы населения Кубы — земледелие⁴.

Таким образом, фактически все население Кубы составляют выходцы из других частей света, в основном из Европы, а также потомки рабов из Африки⁵. По данным переписи 1943 г., «белые» составляли 74,4%, а «цветные», т. е. негры, выходцы из азиатских стран, а также потомки смешанных браков, — 25,6% населения Кубы. Перепись, проведенная десять лет спустя, дала соответственно 72,8% и 27,2%⁶. Однако к этим цифрам следует подходить осторожно. Нельзя забывать о расовой дискриминации и о прямом ее следствии — стремлении негров выдать себя за мулатов, а многих светлокожих мулатов — за «белых». Более точные подсчеты говорят о том, что мулатов среди «белых» — не менее одной трети. Следовательно, на острове негров не четверть, а вместе с мулатами не менее половины населения⁷.

В категорию «белых» входят главным образом переселенцы XIX и XX вв. из Испании, Италии, Франции, Германии, Польши и других стран Европы, а также из США. В настоящее время на Кубе 12 тыс. выходцев из США, в том числе группы рыбаков и фермеров, предки которых переселились на остров около ста лет назад. Многие из более ранних переселенцев, несомненно, имеют уже примесь негритянской крови.

В первом поколении иммигрант, даже если он выходец из Испании, близкой Кубе по языку и культуре, до конца своей жизни и не называется, и не считается кубинцем. Это — «испанец», чаще — «гальеяго» — т. е. галисиец; однако так называют и всех уроженцев Пиренейского полуострова и даже всех блондинов. Различаются также «астурьянос» (астурийцы), «канарьос» (выходцы с Канарских островов) и т. д. В группах, для которых испанский язык не родной (французы, итальянцы), процесс ассимиляции протекает еще медленнее.

Подавляющее большинство кубинских буржуа — «белые» или выдают себя за белых. Но в процентном отношении среди белых кубинцев, как и в любой другой этнической группе, преобладают трудящиеся — прежде всего промышленные рабочие более высокой квалификации, затем рабочие плантаций, крестьяне, а также трудовая интеллигенция. Выделяется особая категория сельского населения — «гуахирос», потомки ранних колонистов из Испании. Многие гуахирос до сих пор ведут хозяйство на мелких участках земли, полученных их предками несколько сот лет назад. Другие, потеряв эти земли, превратились в батраков или издольщиков. Теперь название «гуахирос» применяется для

⁴ A. M. Aguayo y C. de la Torre y Huerta, *Geografia de Cuba...*, La Habana, 1928, Sexta ed., стр. 135, 241; A. Нуньес Хименес, *География Кубы*, М., 1960, стр. 174—175, 551—552, 584; см. также I. Rouse and Garcia Valdes, *The Ciboney, Handbook of South American Indians*, т. 4, Washington, 1948, стр. 497—505; I. Rouse, *The Arawak*, там же, стр. 509—521; специально по истории индейского населения в колониальный период: F. Richardo Moysa, *Los indios de Cuba en sus tiempos historicos*, La Habana, 1945.

⁵ Ввоз негров-рабов для работы на кубинских плантациях начался в XVI и продолжался до третьей четверти XIX в.

⁶ L. Nelson, *Rural Cuba*, Minneapolis, 1950, стр. 28; E. Fergusson, *Cuba*, New York, 1946, стр. 128; A. Нуньес Хименес, *Указ. раб.*, стр. 179.

⁷ L. Calderio, César Vilar y la lucha contra la discriminación racial, «Noticias de Hoy», 26 ноября 1952 г. (ср. «Encyclopaedia Britannica», т. 6, 1946, стр. 840).

обозначения кубинского крестьянина вообще. Именно среди них больше всего сохранилась традиционная одежда, а также обычаи, фольклор.

Предки негров Кубы, по данным крупнейшего кубинского этнографа Фернандо Ортиса, принадлежали более чем к двадцати народам племен, главным образом из Западной Африки. Значительную часть рабов, ввезенных на Кубу, составляли йоруба и эве⁸. Негритянское население до сих пор группируется больше всего в районах сахарных плантаций — на востоке республики. В Гаване негры составляют 24%, а мулаты — 21% жителей города, в провинции Орьенте — соответственно 35% и 48%, всего — 83%, в Пинар дель Рио и Матансас также более половины населения⁹. Значительное число мулатов и негров живет в городах, особенно в крупных.

Слово «негр» (негро) имеет на Кубе специфическое значение: «человек с очень темной кожей». Кожа «мулата» (мулато) — более светлая. «Квартерон» (букв. «негр на одну четверть») — еще светлее. «Паддо» — светлее, чем квартерон. Потомок смешанного брака называется не мулатом, как обычно, а метисом — «местисо» (в большинстве стран Латинской Америки это, как известно, — название полубелого-полуиндейца). В данной статье слово «мулат» употребляется в его обычном значении. Наконец, термин «креол» (креольо, криольо) говорит о том, что у данного человека нет никакой примеси негритянской крови. Так как «негро» находится обычно на низшей ступени социальной лестницы и это название часто звучит оскорбительно, существует более вежливое обращение — «морено» («черный» или «темноволосый», «брюнет»)¹.

По букве закона, права негров на Кубе ничем не были ограничены даже в период, предшествовавший революции. Существовал даже закон против расовой дискриминации в области труда, принятый в 1951 г. Однако несмотря на это расовая дискриминация и здесь имела место хотя и не достигала такого размаха, как в США или Южно-Африканском Союзе.

Негры сыграли в истории Кубы огромную роль. В значительной мере именно их трудом созданы все богатства страны, прежде всего основное из них — сахарные плантации. В освободительных войнах против испанцев, в народных восстаниях негритянские трудящиеся принимали самое активное участие. Из их среды вышел национальный герой республики, мулат по происхождению, генерал Антонио Масео. Но на протяжении всей истории Кубы негры и мулаты фактически были отстранены от участия в ее управлении. В парламенте негритянское население было представлено далеко не достаточно, даже если исходить из официальных данных об его численности. Так, еще перед переворотом Батисты среди 54 кубинских сенаторов насчитывалось лишь 5 негров и мулатов, а из 124 членов нижней палаты их было только 12.

⁸ Работы Фернандо Ортиса очень ценны не только для изучения кубинских негров и для американистики и африканистики вообще. Они охватывают весьма широкий круг вопросов — от социологических проблем до сюжетов, связанных с фольклором в первую очередь — с народной музыкой. Крупнейшие из них: «Hampa Afro-Cubana. Los negros brujos», Madrid, 1906; «Entre Cubanitos. Rasgos de psicología criolla», La Habana, 1914; «Hampa cubana. Los negros esclavos», La Habana, 1916; «Los caídos africanos», La Habana, 1923; «Glosario de afronegrismos», La Habana, 1924; «Los negros curros», La Habana, 1939; «El engaño de las razas», La Habana, 1945; «Cuba Counterpoint. Tobacco and Sugar», New York, 1947; «La africanía de la música folklórica de Cuba», La Habana, 1950; «Los Bailes y el teatro de los negros en el folklore de Cuba», La Habana, 1951. Наиболее полный список его работ см.: F. Comas y B. Bergera, La Obra Escrita de D. F. Ortiz, «Revista Interamericana de Bibliografía», v. 7, N 4, 1957, стр. 347—371. Специально йоруба посвящена небольшая работа W. R. Bascom, Yoruba Acculturation in Cuba, «Mémoires de l'Institut Français d'Ethnologie», N 27, 1957, стр. 163—167.

⁹ L. Nelson, Указ. раб., стр. 30.

¹⁰ E. Fergusson, Указ. раб., стр. 32, 36.

Очень остро проявлялась дискриминация в области труда. Поэтомугры и мулаты Кубы в большинстве своем — городские и сельскохозяйственные рабочие, отчасти также крестьяне. Группы мелкой и средней буржуазии, интеллигенции в процентном отношении весьма невелики¹¹. По подсчетам конца 1930-х годов, приведенным в цитированной книге американского ученого Нелсона, негры составляли одну треть и более среди лиц следующих профессий: слуг (более 50%), каменщиков, портных, плотников, декораторов, жестянщиков, линотипистов, автослесарей, пекарей, водопроводчиков, табачников, сапожников, портных грузчиков, маляров, парикмахеров, маникюрш, поваров, артистов, музыкантов. В то же время их было очень мало среди врачей, инженеров, юристов, журналистов, преподавателей, архитекторов и мало — среди владельцев фирм, кассиров, работников конторского труда, радиотехников, телеграфистов и т. п.¹². Этот далеко не полный подсчет показывает, что уделом большинства негров и мулатов оставались, как правило, хуже оплачиваемые, не требующие специального образования профессии. Исключением была только работа в области искусства. Но это говорит лишь о том, что художественная одаренность кубинских негров преодолевала даже пресловутый «цветной барьер».

Наблюдалась на Кубе и расовая сегрегация. Так, в Гаване встречалось довольно много гостиниц, ресторанов, клубов, парикмахерских, купален и других заведений, куда негры не допускались.

Прогрессивные силы Кубы во главе с Народно-социалистической партией неустанно борются за равноправие негров, за запрещение всякой расовой дискриминации и сегрегации во всех областях жизни. Еще в 1940 г. депутаты от НСП добивались принятия парламентом соответствующего закона, проекты которого в 1941, 1944, 1948 гг. реакционерам удавалось положить под сукно. Наконец 21 декабря 1951 г. законопроект, предложенный Народно-социалистической партией, был принят палатой депутатов¹³. Однако и этот первый в истории Кубы закон, запрещающий расовую дискриминацию, не вступил в силу в связи с переворотом Батисты (март 1952 года). И лишь после победы революции началась активная борьба против расовой дискриминации. Фидель Кастро, обращаясь по радио к кубинскому народу весной 1959 г., резко осудил дискриминацию, существующую, по его словам, «и в высших, и в низших слоях населения», и призвал кубинцев «положить конец этой абсурдной несправедливости»¹⁴. Впервые в истории страны на пост начальника генерального штаба был назначен негр — майор Хуан Альмейда, активный участник партизанской борьбы.

Среди выходцев из стран Азии на Кубе преобладают китайцы. Китайцев начали ввозить сюда во второй половине XIX в. в качестве контрактных рабочих для сахарных плантаций. Часть китайцев погибла от непосильного труда и болезней, часть возвратилась на родину, некоторые же остались по истечении срока контракта на Кубе. На декабрь 1941 г. в республике числилось 29 443 китайских подданных. Перепись 1943 г. дает лишь 18 931 чел., из них 1337 женщин. Разница в цифрах объясняется, видимо, тем, что первая из них была установлена в 1940 г., когда все уроженцы острова были объявлены подданными Кубинской республики¹⁵. Основные занятия китайцев-горожан — торгов-

¹¹ L. Calderio, Указ. статья; Blas Roca, La estrategia gobiernista y el decreto sobre la discriminación racial, «Noticias de Hoy», 16 ноября 1951; его же, El decreto sobre la discriminación racial y las masas, там же, 17 ноября 1951.

¹² L. Nelson, Указ. раб., стр. 155.

¹³ «Texto del Proyecto de Ley de Educacion y Sanciones contra la discriminación racial...», «Noticias de Hoy», 3 февраля 1952 г.

¹⁴ «New York Times», 27 марта 1959 г., стр. 7.

¹⁵ «Times» 16 ноября 1959 года, стр. 11.

ля, работа в прачечных, а жители предместий преимущественно огородники. В 1955 г. реакционное правительство Батисты под предлогом «борьбы с воинствующим коммунизмом» запретило китайцам въезд в Кубу; прогрессивная китайская газета, издававшаяся в Сантьяго, была закрыта. Но летом 1959 г. в Гаване было открыто отделение агентов Синьхуа; к трем китайским газетам прибавилась четвертая — демократического направления¹⁶.

* * *

Исторические условия развития Кубы, и прежде всего господство в экономике острова американских монополий, привели к тому, что экономика эта приобрела ярко выраженный монокультурный характер. Основой ее стало выращивание сахарного тростника, плантации которого занимают половину территории острова и 78% его обрабатываемой площади. Занимая по выработке сахара первое место в мире, Куба дает одну восьмую мирового его производства. Сахар составляет 80% экспорта и от него зависит 90% национального дохода страны. Главный район производства сахара — восток Кубы (провинции Орьенте, Камагуэй), отчасти — центр (провинция Лас Вильяс).

Хозяйничанье американского капитала в экономике страны вело к обезземеливанию крестьян. Перед земельной реформой менее 1% собственникам принадлежало не более 17% обрабатываемой земли, помещикам и монополиям — почти 70%. Крупнейшими из этих монополий являлись «Компания Асукара Атлантика дель Гольфо» и «Кубан-Америкен Шугар Компани». Около 53% тростника производили хозяйства, лишенные земли и вынужденные ее арендовать.

Непосредственно принадлежавшие монополиям США плантации проведения земельной реформы давали 42% всего урожая. Почти весь производимый на острове сахарный тростник перерабатывался на заводах американских монополистов. Они сами устанавливали цены на сахар и квоты ввоза его в США. В результате только за последние пять лет хозяйству Кубы нанесен ущерб не менее чем на полтора миллиарда долларов.

С внедрением американского капитала в экономику Кубы связано создание так называемых «сентралей», в которых ведение плантационного хозяйства совмещалось с производством сахара на заводах. Сентралы перерабатывали тростник не только с собственных плантаций, но и со сдаваемых в аренду, а также с участков, принадлежавших мелким собственникам. Зависимый от сентрала крестьянин или арендатор, выращивающий тростник, назывался на Кубе «колоном». Колон арендующий землю у сентрала, носил название «колоно контроль» (подконтрольный колон), арендатор, живущий на помещичьей земле — «субколоно», владелец собственного участка, сдававший сентралу урожай, — «колоно либре» (свободный колон)¹⁷. За тростник колон получали плату преимущественно сахаром, который вынуждены были продавать тому же сентралу по продиктованной им цене.

Основную часть производства второй важнейшей сельскохозяйственной культуры — знаменитого кубинского табака — дают запад и центр. Наиболее характерной в табачных районах фигурой были «апарсе» или «партидарио» — издольщик. Существовали: «терсиарио», отдававший владельцу земли треть урожая, «куартарио», отдававший половину его. Издольщики составляли 51,3% всех занятых в этой отрасли.

¹⁶ По данным середины 1959 г., китайцев на Кубе насчитывалось 30 тыс., из которых половина имела кубинское подданство. Примерно 10 тыс. китайцев живет в Гаване, остальные преимущественно в провинциях Орьенте и Камагуэй (см. «New York Times», 10 июля 1959 года, стр. 8).

¹⁷ «The Landless in Latin America», Geneva, ILO, 1957, стр. 11.

сельского хозяйства, арендаторы типа колонов — 22,7%. Следовательно, 74% табака выращивали крестьяне, не имевшие земли¹⁸. Третья по значению группа сельскохозяйственных культур — цитрусовые плоды и тропические фрукты. Значительная часть их также выращивается на экспорт. Риса, кукурузы, бобов и других средств питания производится недостаточно, поэтому одна треть продовольствия до последнего времени импортировалась из США.

Таким образом, главная особенность аграрных отношений на Кубе до свержения диктатуры Батисты состояла в переплетении полуфеодальных и капиталистических форм эксплуатации.

Монокультурный характер хозяйства Кубы нашел отражение и в том, что в республике совершенно нет тяжелой, в частности металлообрабатывающей, индустрии. Промышленная продукция дает лишь 10% объема всего производства. Некоторое развитие получила только горная индустрия. Несмотря на то, что по запасам железных руд остров занимает четвертое место в мире, империалисты США, захватив рудные месторождения на Кубе, всячески тормозили развитие там промышленности. Так, компания «Рипаблик Стил» разрабатывала лишь 10% рудных запасов, остальные же 90% «держала в резерве». Кубинская земля, кроме того, богата марганцем (занимает по его запасам шестое место в мире), а также хромом, медью и никелем. Все это находилось в руках американских трестов «Нэшнл Лэд Компани», «Фрипорт Салфэр Компани» и др. В руках «Стандард Ойл» (через субсидируемую ею компанию — «Эссо») и «Тексас Ойл» сосредоточена была и кубинская нефть. Каждая из этих фирм владеет на острове нефтеочистительными заводами. «Тексас Ойл» принадлежит более двухсот заправочных станций на дорогах Кубы.

Конкуренция американских товаров не позволяла развиваться национальной промышленности. Основная отрасль промышленности Кубы, как уже упоминалось, — производство сахара. Крупнейшие сахарные заводы принадлежали американцам. Помимо сахара и рома, кубинская промышленность производит табак и табачные изделия, а также различные товары широкого потребления, пищевые продукты. Однако даже в этих областях влияние американского капитала было очень сильно. Иногда капиталисты из США непосредственно контролировали те или иные предприятия; чаще же это происходило под прикрытием кубинской или испанской, канадской и т. п. вывески: фирма носила местное, или, во всяком случае, не американское название, а на самом деле принадлежала американцам. Почти вся вырабатываемая на Кубе электроэнергия принадлежит «Америкен энд Форин Пауэр Компани», а связь до последнего времени находилась в руках «Кубан Телефон энд Телеграф Компани». Зависимость хозяйства Кубы от США усугублялась тем, что республика, по сути дела, не имеет своего торгового флота и почти все ее торговые и пассажирские перевозки производились на американских судах.

Оборотной стороной огромных прибылей, получаемых монополистами США от эксплуатации богатств острова, явилось все растущее обнищание широких масс кубинского народа, ухудшение условий их жизни¹⁹. Особенно тяжелым было положение плантационных рабочих, которых насчитывалось не меньше 1 млн. чел. Большинство из них имело работу лишь в период «сафры» (уборки урожая), т. е. три-четыре месяца в году. После завершения уборки большую часть рабочих уволь-

¹⁸ «The Landless Farmers in Latin America», стр. 11.

¹⁹ По данным 1958 г., 91% крестьян и сельскохозяйственных рабочих страдал различными формами истощения. Яйца употребляли в пищу лишь 2,12% из них, мясо — 4%, холоко — 11,2%. См.: К. Обьеден, Куба в борьбе за свободу и независимость, М., 1959, стр. 21.

няли, число безработных достигало многих сотен тысяч человек, а гда доходило почти до миллиона²⁰. С 1952 по 1958 г. заработная та снижалась несколько раз и в общей сложности снизилась более на одну четверть. Выступления рабочих в защиту своих прав пода лись силой оружия. Профсоюзных лидеров, преданных делу трудя ся, безнаказанно убивали (как убили, например, руководителя сс рабочих сахарной промышленности Хесуса Менендеса). Верхушка так называемой Конфедерации трудящихся Кубы во главе с Эусе Мухалем верно служила Батисте и его хозяевам, помогая им подав выступления рабочих. Народно-социалистическая партия — авангард бинского народа — была объявлена вне закона.

Новое правительство прежде всего предоставило народу широ демократические права, распустило «избранные» при Батисте па мент и муниципальные советы, сняло с постов всех мэров. Была ведена смена всего государственного аппарата сверху донизу, уе ны все офицеры, распущена созданная Батистой армия, смелена п ция. Лица, совершившие в период диктатуры преступления п народом, преданы суду и сурово наказаны. Ликвидированы учрежде созданные при Батисте для расправы с кубинскими патриотами: «Е для подавления коммунистической деятельности», так называемая С (военная разведка) и т. д. Собственность, награбленная диктато и его приспешниками, возвращена законным владельцам или г дана государству. Народно-социалистическая партия и другие ое ственные организации, запрещенные Батистой, вышли из подпо Вновь стал выходить орган НСП газета «Нотисиас де Ой».

Экономическая программа нового правительства направлена пре всего на развитие хозяйственной самостоятельности Кубы и ликвида ее зависимости от иностранных монополий. Производится расслед ние деятельности американских компаний. Установлен контроль банками, валютой. Аннулируются концессии, данные иностранцам тистой и его предшественниками, на эксплуатацию недр Кубинской публики. Разрабатываются планы создания новых отраслей экон ки. Создано ведомство по строительству национального торгового ф

Огромное значение для широчайших масс кубинского народа и земельная реформа, закон о проведении которой принят 17 мая 19 Этим актом устанавливается максимум земельных владений (402,6 Все более крупные поместья подлежат распределению между дв стами тысяч безземельных крестьян. Каждый из них бесплатно п чит 26 га земли, причем участки эти нельзя будет ни продавать делить. Хозяйства от 26 до 65 га получают право прикупать еше 60 га у крупных землевладельцев. К началу 1960 г. изъято уже о 1 млн. га земли. Отработочная аренда, субаренда и колонат упр няются. Тем самым в кубинской деревне уничтожаются остатки дальних отношений.

Всем компаниям, акционеры которых являются иностранными данными, запрещается владеть землей на Кубе. Их владения перех в руки государства и бывшим землевладельцам на протяжении 20 будет выплачиваться компенсация. Все это ликвидирует господств Кубе американских монополий, которым принадлежало около полов обрабатываемых земель страны и примерно одна четверть всей ее ритории.

Полным ходом идет создание крестьянских кооперативов. Их на бе уже около пятисот. Организуются особые пункты по прокату ин таря и машин, начато строительство школ, больниц и т. д. Сбор н ходимых для этого средств среди населения городов дал уже о

²⁰ Как сообщала американская печать, «в обычное время на Кубе насчитыв 600 тыс. безработных» (см. «New York Times», 20 января 1959 года, стр. 10).

5 млн песо. Конфискованные у Батисты и его приспешников суммы также идут на преобразование деревни.

Аграрную реформу реакция пытается выдать за козни «международного коммунизма», хотя каждому здравомыслящему человеку ясно, что это прогрессивное мероприятие, осуществляемое правительством Фиделя Кастро,— одно из ярких проявлений заботы о крестьянстве Кубы и всем ее народе в целом.

Принят ряд мер для облегчения положения широких народных масс. Снижены многие налоги, тарифы за пользование электричеством телефоном, на 50% уменьшена квартирная плата для низкооплачиваемых категорий. Рабочим и мелким служащим государственных предприятий и учреждений повышена заработная плата. Особым законом установлен минимум заработной платы рабочих для всех государственных и частных предприятий. Запрещено увольнять рабочих без ведома Министерства труда. Начинает развиваться жилищное строительство.

В области внешней политики новое правительство Кубы проводит независимую линию. Фидель Кастро и другие государственные деятели резко критикуют Соединенные Штаты за вмешательство в дела латиноамериканских стран, эксплуатацию их природных ресурсов, за поддержку реакции в Латинской Америке.

Генеральный секретарь Народно-социалистической партии Блас Рока в одной из своих последних работ определяет события, происходящие на Кубе, как революцию, движущими силами которой являются крестьяне, рабочий класс и национальная буржуазия. Исходя из задач революции, из того, какие в ней участвуют социальные силы, Блас Рока характеризует ее как прогрессивную народную, национально-освободительную и одновременно аграрную, патриотическую и демократическую революцию²¹. Блас Рока отмечает также, что «революция развеяла в прах мифы о мнимом всемогуществе профессиональных армий и всевластии империалистического империализма»²².

Победа кубинского народа над империализмом является одним из важнейших проявлений кризиса колониальной системы на современном этапе. Она имеет огромное значение для всех латиноамериканских стран, вдохновляет их на борьбу, вселяет в них веру в победу. Именно поэтому она вызывает яростное противодействие американских империалистов.

Соединенные Штаты применяют экономический нажим — американские покупатели отказываются от кубинского сахара или угрожают снизить на него цены. В Соединенных Штатах находят убежище изменники вроде бывшего начальника ВВС Кубы майора Ланса, приспешники Батисты и тому подобные «демократы». По подсчетам иностранной печати, в различных городах США действует около 15 групп, ведущих подрывную деятельность против Кубы. Самолеты, поднимающиеся с аэродромов штата Флорида, почти ежедневно совершают разбойничьи налеты на территорию Кубы, обстреливая из пулеметов мирное население, сбрасывая зажигательные бомбы на сахарные плантации. Все это сочетается с попытками вмешательства во внутренние дела Кубы со стороны правительства Соединенных Штатов, которое нашло даже возможным адресовать правительству Кастро ноту протеста по поводу... проведения земельной реформы. Эта нота, как и следовало ожидать, не была принята кубинским министерством иностранных дел.

Реакционная американская печать систематически занимается клеветой на кубинский народ и на кубинское государство. Империалисты США пытаются обвинить Кубу в... агрессии по отношению к соседним

²¹ Блас Рока, Куба. Революция в действии, «Проблемы мира и социализма» 1959, № 8, стр. 17—18.

²² Там же, стр. 19.

государствам, а Фиделя Кастро изобразить как «коммуниста». Изно, однако, что политические взгляды кубинского премьер-министра весьма далеки от коммунизма. Что же касается обвинений в агрессии они представляют собой уже давно известное народам оружие диктаторов. Подобного рода обвинения выдвигались в свое время и против Гватемалы — как раз в тот период, когда с территории соседней республики Соединенными Штатами готовилась интервенция против гватемальского народа.

Но Куба не будет второй Гватемалой. Поручкой тому — единственная сплоченность кубинского народа, его твердая решимость защитить завоевания своей революции.

* *
*

По характерным особенностям культуры и быта населения Кубы во многом сходна с другими латиноамериканскими странами. Как и в большинстве из них, на острове говорят по-испански. Среди верующих преобладают католики (92%). Основное отличие кубинцев от населения других стран Латинской Америки заключается в том, что в формировании их культуры и особенностей быта весьма важную роль наряду с испанцами сыграли негры, тогда как роль индейцев была, наоборот, незначительна. Так, народные сказки и вообще кубинский фольклор — явно африканского происхождения. В современном оркестре на Кубе почетное место занимают барабаны и танго, введенные на остров из Африки. Национальные мелодии и танцы — румба, конга — развились на основе негритянских танцев. Особое распространение румба и конга, почти полностью сохранившие быстрый темп и темперамент народных плясок африканцев²³. Наряду с сохранившейся и трехструнная гитара «пунто», некогда завезенная испанцами, и исполняемые в ее сопровождении песни — «пунтас» «гуахи».

Процесс развития национальной литературы на Кубе носил несколько иной характер. Колонизаторы намеренно разобщали негров разных племен, одной языковой группы. Поэтому разговорным языком на плантациях очень рано стал испанский. Это был, правда, весьма бедный диалект²⁴, но он стал родным уже для второго поколения рабов.

Подавляющее большинство негров Кубы было неграмотно. Для них издавалось никакой литературы. Поэтому негры-писатели (первые из них появились в конце XVIII в.) писали на испанском языке, и в книгах быт и культура африканцев не нашли отражения. Так, например, бывший раб Хуан Мансано (1797—1857) создал прекрасные стихи, вошедшие в историю литературы Кубы, но написанные целиком в традициях испанской поэзии. Другой характерной чертой кубинской литературы в начале ее самостоятельного развития была связь крупнейших ее представителей с освободительным движением своего народа. Эта связь находила отражение в их творчестве.

Во второй половине XIX в. среди писателей Кубы начинает проявляться интерес к национально-бытовым особенностям кубинского народа, ко всему тому, что было характерно для кубинцев и отличало их от обитателей метрополии. Главой этой литературной школы становится борец за независимость Сирило Вильяверде (1812—1

²³ Следует иметь в виду, что румбой в Европе называется не одноименный кубинский танец, а тот, который на Кубе носит название «сон».

²⁴ Его основные особенности: отсутствие согласований, склонений, спряжения, замена числительных описательными выражениями; смешение «а» и «и», «ль» и «г» и «б» и т. д. Сейчас этот диалект постепенно исчезает.

специально занимавшийся изучением географии и фольклора острова. Лучшее его произведение — повесть «Сесилья Вальдес, или Холм Анла» — посвящено жизни негров и мулатов Кубы. Выдающимся вкладом в литературу и культуру Кубы второй половины XIX в. было творчество Хосе Марти (1853—1895), неутомимого и страстного борца за свободу своей родины²⁵.

Начало XX в. было тяжелым временем в истории кубинской культуры. В литературе тогда возобладала всякого рода модернистские течения. Но постепенно под влиянием подъема освободительной борьбы народных масс в кубинскую литературу пришли писатели и поэты нового направления. Они ставили своей целью правдивое изображение реальной жизни народа, разоблачение враждебных ему сил. Наиболее значительные из этих писателей — Сиро Эспинса, создавший в 1939 г. роман «Трагедия крестьянина», и Пабло де Торренте Брау, опубликовавший в 1940 г. «Приключения неизвестного кубинского солдата». Книга эта вышла уже после гибели ее автора, сражавшегося против ашизма в рядах испанской республиканской армии. Создается марксистская школа литературной критики, в главе которой становится крупнейший общественный деятель и литературовед Хуан Маринельо. Выходят одна за другой книги стихов замечательного поэта Николаса Гильена. Его творчество, теснейшим образом связанное с негритянской поэтической традицией, имеет огромное значение для развития всей испаноязычной литературы. Гильена по справедливости можно назвать крупнейшим писателем современной Кубы²⁶. Прогрессивные литераторы, активные участники борьбы своего народа за лучшее будущее, а мир, неутомимо выступают против идеологических диверсий американского империализма, за национальную самобытность кубинской культуры²⁷.

Одним из важных средств в этой борьбе являются театр и кино. Реакционная диктатура не оказывала никакой поддержки национальному искусству. Это привело к тому, что на острове постоянно работает практически пока только один театр — Главный театр комедии в Гаване. Экраны многочисленных кинотеатров Кубы были заполнены голливудской кинопродукцией. Не говоря уже о том вредном влиянии, которое оказывает на зрителя большинство этих фильмов, такое положение препятствует развитию национального театра и кинематографии. Попытки создания кубинских художественных фильмов (1946—1950) не увенчались успехом именно по этой причине. Энтузиастам национального искусства удалось выпустить только две художественные картины. С тех пор местные студии производят лишь документальные фильмы и хронику. Многие актеры и актрисы Кубы, не находя себе применения на родине, были вынуждены эмигрировать, играть в театрах и киностудиях других латиноамериканских стран и США. Так, одной из популярных американских драматических актрис была кубинка Мириам Асеведо.

Новое правительство Кубы придает большое значение развитию национального просвещения, культуры. Всенные крепости и казармы переоборудуются под учебные заведения. Одновременно строятся новые школы. Только за прошедший учебный год число школьников возросло

²⁵ См. Л. Шур, Хосе Марти. Биобиблиографический указатель, М., 1955. В 1956 г. Гослитиздат выпустил сборник произведений писателя (Х. Марти, Избранное, М., 1956).

²⁶ О Гильене см.: И. Левинова, Николас Гильен. Биобиблиографический указатель, М., 1956. Произведения его издавались в СССР несколько раз; самая значительная по объему книга — «Стихи», с предисловием автора, выпущена в 1957 г.

²⁷ Краткий очерк литературы Кубы составлен Н. С. Габинским («Страны Латинской Америки», М., 1949); представление о поэзии дает сборник «Кубинские рассказы» (М., 1957), о поэзии — сборник «Кубинская поэзия» (М., 1959).

в два с лишним раза. Большое внимание уделяется созданию кубской кинопромышленности, с тем чтобы в недалеком будущем на экранах республики место голливудских картин заняли фильмы отечественного производства.

*   *
*

Население Кубы говорит по-испански. Однако язык кубинцев, он и понятен испанцам, отличается от «кастильского», на котором говорят в бывшей метрополии. Помимо фонетических различий, это несомненно очень отчетливо ощущается и в лексике. По подсчетам кубинского ученого К. Суареса, автора «Кубинского словаря»²⁸, существует («кубанизмов», известных только на Кубе или приобретенных на острове, иное, чем в Испании, значение. Крупнейший этнограф К. Ф. Ортис опубликовал подробное исследование 2300 из этих кубанизмов, а в 1924 г. — работу об «афронегризмах», насчитав в языке кубинцев 1200 слов африканского происхождения²⁹. Другой кубинский ученый, А. Сайас, в своей «Антильской лексикографии»³⁰ привел 3175 дейских слов, сохранившихся в языке, а также в топонимике Кубы некоторых прилегающих островов. В числе этих слов, однако, преобладают географические названия³¹, в разговорный же язык вошли термины, ным образом всякого рода ботанические и зоологические термины, некоторых, впрочем, такие, как «табако», известны во всех странах мира. Из очень немногочисленных слов другого значения отметим «боно», название хижины на языке таино. Этот тип жилища в почти неизменном виде сохранился на Кубе до настоящего времени. Лексически и фонетически отличаются один от другого и различные кубинские диалекты. Большинство из них, например гаванский, почти неизвестны не только испанцу или выходцу из Южной Америки, но и подданным уроженцу другого района самой Кубы.

Выше уже упоминалось, что подавляющее большинство населения исповедует католицизм. Только 8% кубинцев принадлежат к иным вероисповеданиям. В основном это протестанты. Сегрегации в храмах на Кубе нет, не существует также специальных негритянских церквей. Однако в числе монашеских орденов есть несколько отведенных специально для негров. Негры-священники насчитываются единицами.

Среди части негритянского населения сохранились остатки африканских верований — «ньяньигисмо». Можно довольно отчетливо проследить связь с религиозными представлениями Западной Африки. В то время в «ньяньигисмо» заметно и влияние католической религии (рядность, отождествление католических святых с африканскими богами, например, святой Барбары с Шанго, и т. д.). Всякого рода колдовские обряды — «брухерия», связанные с этим культом, также еще широко распространены на Кубе.

Говоря о быте современной Кубы, нельзя не учитывать влияние «американского образа жизни», проникающего в латиноамериканские страны через кино, радио, печать. Правительство Кастро ведет борьбу против всего того, что несло с собой господство империализма. В последнее время наблюдается оживление национальных традиций. Прежде всего можно указать на огромное уважение, своего рода культ все

²⁸ C. Suares, Vocabulario cubano, La Habana, 1921.

²⁹ F. Ortiz, Un catauro de cubanismos, La Habana, 1923; его же, Glosario afronegrismos, La Habana, 1924.

³⁰ A. Zayas, Lexicografía antillana, La Habana, 1931 (2 тома).

³¹ M. W. Nichols, A Bibliographical Guide to Materials on American Spanish, Cambridge, Mass., 1941 (Committee on Latin American Studies. Miscellaneous Publication No. 2).

визанного с освободительным движением против испанских колонизаторов в конце XIX в. Немногие оставшиеся в живых участники этого движения — «мамбисес» окружены почетом, а гимн кубинской революции «Ла Байамеса» до сих пор пользуется огромной популярностью.

В глазах подавляющего большинства кубинского населения солдаты и офицеры Кастро являются достойными преемниками революционеров конца прошлого века. Уже сложился традиционный облик участника партизанского движения — в серо-зеленой форме, с длинными волосами и бородой; отсюда прозвище, обогатившее политическую терминологию современной Кубы: «барбúдос» (бородачи)³².

Для многих латиноамериканских стран характерны весенние карнавалы, но лишь на Кубе и в Бразилии они приобрели своеобразные формы, восходящие не только к европейским, но и к африканским традициям. Кубинский карнавал — «лас компарсас» (ряженные) возник еще до отмены рабства, как праздник рабов, имевших некогда один свободный день в году. До сих пор почти все участники компарсас — негры и мулаты. Если же в карнавале принимает участие белый — он чернит себе лицо. Костюмы участников карнавала чрезвычайно разнообразны. Среди них: «рабы», «надсмотрщики», «плантаторы», «султанши», «маркизы», «турки» и т. п. Танцуя в ритме конги на главной улице Гаваны, группы ряженных показывают зрителям сценки из быта старой Кубы. Жизнерадостность, музыкальность, юмор, характерные для кубинского народа, находят яркое выражение в этом карнавале, привлекающем многие десятки тысяч зрителей. После победы революции участники карнавала внесли в представление новые мотивы, стали разыгрывать сценки, высмеивающие реакционеров, прославляющие победивший народ Кубы.

Кубинский народ, сбросивший иго империалистов, полон решимости до конца отстоять свою независимость и, развернув широкое экономическое и культурно-бытовое строительство, успешно создает новое демократическое государство.

Советский Союз, как последовательный борец за независимость угнетенных народов, с первого же дня утверждения на Кубе революционного правительства выступил с его моральной поддержкой. СССР — вторая страна, официально признавшая новое кубинское правительство, возглавляемое Ф. Кастро. В феврале 1960 г. первый заместитель председателя Совета Министров СССР А. И. Микоян с сопровождающими его лицами выезжал на открытие советской выставки в Гаване. Во время пребывания А. И. Микояна на острове между СССР и Кубой состоялся обмен мнениями, завершившийся подписанием советско-кубинского коммюнике, а также заключением торгово-экономических и кредитных соглашений. Как выставка, так и заключенные соглашения еще раз продемонстрировали миролюбивый и дружественный характер внешней политики СССР по отношению к освобождающимся от колониализма малым народам.

Советский народ, горячо симпатизируя славному кубинскому народу, приложит все усилия к тому, чтобы и впредь укреплять советско-кубинскую дружбу.

³² Бойцы первых партизанских отрядов дали клятву не бриться и не стричься, пока свободе Кубы не перестанет угрожать опасность.

С О О Б Щ Е Н И Я

С. Б. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

К ВОПРОСУ О СУДЬБАХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОМЫСЛОВ РСФСР

(Подносный промысел Нижнего Тагила)

Нижнетагильской экспедицией Института этнографии АН СССР в 1956—1958 г. наряду с исследованием культуры и быта рабочих, изучались культура и быт кустарей, тесно связанных с рабочим классом Нижнего Тагила. Анкетное обследование рабочих металлургического завода им. Куйбышева в 1956 г. и рабочих Высокогорского рудника в 1958 г.¹ дало попутно материал, позволяющий судить о степени занятости населения Нижнего Тагила в кустарной промышленности в дореволюционное время, о количестве и развитии промыслов, об уровне развития некоторых из них.

Изучение жилища, одежды, семейного уклада различных социальных прослоек кустарей, а также техники производства и самих изделий, сохранившихся в быту временного населения Нижнего Тагила и в коллекциях Нижнетагильского музея, и проведенное в 1957 г. изучение материалов Нижнетагильского архива, позволило поставить представление об истории кустарных промыслов Нижнего Тагила и близлежащих селений, о культуре и быте кустарей в дореволюционное время. Одновременно выяснилось современное состояние традиционных кустарных промыслов в некоторых формах артельного производства и заводов местной промышленности, как непосредственно в Тагиле, так и в близлежащих центрах кустарного производства: в Невьянске, Бисимо-Уткинске и Висимо-Шайтанске.

Изучение истории, современного состояния и перспектив развития кустарной промышленности в целом представляет интерес и в плане исследования социально-экономических отношений, и с точки зрения развития народного изобразительного искусства (изучение художественных промыслов, подобно изучению народного жилища, народной одежды, дает материал для решения ряда вопросов развития национальных формалистической культуры), и с экономической точки зрения. Так, для перспективного планирования народного хозяйства необходимы изучение возможностей дальнейшего развития отдельных промыслов и учет потребностей в кустарных изделиях. Этнографы, работающие в экспедициях, могут собрать нужный материал и, обобщив, представить рекомендации к плану развития народных художественных промыслов. В свою очередь, изучение культуры и быта кустарей должно дополнить этнографское изучение крестьян и рабочих, что позволит полнее осветить культуру и быт народа в целом.

В настоящей краткой статье мы не касаемся всех этих вопросов, а лишь пытаясь рассмотреть историю одного из промыслов Нижнего Тагила, сохранившегося и в настоящее время, состояние и будущее которого, характерные для большинства промыслов различных областей, позволяют осветить некоторые из поставленных вопросов. Основной статье послужила часть материалов по истории кустарных промыслов Нижнего Тагила и дислоцировано проведенное анкетное обследование рабочих, занятых в настоящее время изготовлением подносов.

* * *

Производство подносов, представляющее собой один из интереснейших, оригинальных видов народного прикладного искусства, не может быть отнесено, равно как и резьбе по дереву, гончарству, художественному ткачеству, вышивке и др., к древним русским ремеслам и промыслам. Тем не менее оно существует более 200

¹ Заполнение анкетных карточек сопровождалось сбором материала по истории промыслов, выяснением хозяйственных особенностей отдельных районов Нижнего Тагила.

Известны два центра подносного промысла: старейший — в Нижнем Тагиле и более молодой в Жостове, под Москвой. Оба центра возникли самостоятельно, хотя имеются сведения предполагать, что к моменту возникновения подносного дела в Жостове, юстовские крестьяне были знакомы с уральскими подносами. Напомним, что в первой половине XIX в. уральские подносы завозились в Москву² и через Нижегородскую ярмарку — основное место сбыта тагильских подносов — расходились по многим губерниям России, в том числе и Московской³.

Производство подносов эпизодически возникало и в других местах, например в Петербурге, о чем говорят сохранившиеся изделия петербургской подносной мастерской, ли в Верхне-Нивейске, о чем упоминает Е. И. Красноперов в одной из своих работ⁴. Им не менее можно утверждать, что как промысел производство подносов развивалось только в Нижнем Тагиле и Жостове⁵, став для населения исконным, традиционным занятием. Здесь оно сохраняется и сейчас, но уже в новых формах: завод местной промышленности в Тагиле и артель промышленной кооперации в Жостове.

Различными путями, на различной социально-экономической основе возникло и развивалось производство подносов в Нижнем Тагиле и Жостове. Различно и современное состояние и перспективы развития промысла в этих центрах. В Тагиле — заводском елении — подносный промысел развивался наряду с другими промыслами: сундукным, окарным, шорным, экипажным. Он являлся по большей части основным занятием мастеров «подносников» в пореформенное время, а также и в годы нэпа. Значительная часть уральских подносов сбывалась в Среднюю Азию, на Кавказ и в Сибирь. В Жостове, типичном селе среднерусской полосы, подносный промысел в XIX в. был единственным и выступал как дополнительный источник дохода в крестьянском хозяйстве. Жостовские подносы сбывались в Москве, Петербурге, центральных губерниях России.

Производственные традиции Нижнего Тагила и Жостова также различны. В Жостове производство подносов развивалось на базе промыслов, изготавливавших изделия из папье-маше, поэтому сперва подносы делали также из папье-маше, а не из металла⁶. В Нижнем Тагиле подносный промысел развивался как отрасль кузнечно-клепального⁷, поэтому кузнечно-клепальные работы и производство подносов часто объединялись в одной мастерской или же кузнечно-клепальные заведения кооперировались с лакированными и живописными мастерскими, которые параллельно с основной работой занимались отделкой подносов. О давности этих связей между промыслами свидетельствует ряд архивных документов.

О времени возникновения тагильского промысла ни архивные, ни литературные материалы не говорят прямо, но косвенные данные позволяют ответить на этот вопрос довольно точно. Так, в работах Палласа — «Путешествие по разным местам Российского государства» и Попова — «Хозяйственное описание Пермской губернии», относящихся к концу XVIII — началу XIX в., не только констатируется наличие промысла, но и говорится о высокой степени его развития и о сложной системе кооперирования между отдельными группами кустарей, занятых в промысле⁸.

² Это подтверждается, в частности, и данными Тагильского архива, ф. 10, оп. 1; № 67.

³ Л. Пискунова сообщает об одновременном появлении нижнетагильских и жостовских подносов в 1836 г. на выставке в Митаве (см. ее работу «Русские расписные лаковые железные изделия», «Записки Историко-бытового отдела Государственного исторического музея», вып. 2, 1932, стр. 43). Автор приводит и дату основания первой подносной мастерской в Жостове — 1825 г. Об основателе этой мастерской Осипе Вишнякове до сих пор хранятся предания в Жостове (Полевая запись автора от информатора мастера-подносника М. Р. Митрофанова, 1957, Архив Ин-та этнографии АН СССР).

⁴ Е. И. Красноперов, Каталог с объяснительным текстом коллекций по кустарной промышленности Пермской губ. на Всероссийской кустарно-промышленной выставке в С.-Петербурге, 1902, стр. 174—175.

⁵ Говоря о Жостове, мы имеем в виду не только это село, но и окружающие села: Хлебниково, Новосильцево, Троицкое, где также изготавливались подносы.

⁶ Заведения, изготавлившие изделия из папье-маше, существовали в Московском уезде с XVIII в. Основатель первой подносной мастерской в Жостове был сыном одного из владельцев этих заведений, переехавшим на жительство в Жостово и организовавшим производство подносов из папье-маше. См.: Л. Пискунова, Указ. раб., стр. 43.

⁷ По мнению Н. В. Булочкина, изучавшего подносы (в том числе клепаные, с которыми, к сожалению, нам не представилось возможности ознакомиться), ранние тагильские подносы, в отличие от поздних и от жостовских, не выбивались из целого листа железа холодной ковкой, а изготавливались из двух частей: дна и борта, соединенных клепкой. См. Н. В. Булочкин, Русские расписные подносы, 1948, рукопись хранится в Научно-исследовательском ин-те художественной промышленности.

⁸ См. П. С. Паллас, Путешествие по разным местам Российского государства. СПб., 1770, кн. 1, ч. III, стр. 240—241; Н. С. Попов, Хозяйственное описание Пермской губернии. 1804, стр. 298.

Документы, хранящиеся в Нижнетагильском архиве (папка «Дело о Вав Худоярове») ⁹ и относящиеся к концу XVIII в., с одной стороны, освещают сложн и разнообразие техники производств в промысле, с другой, — дают некоторые свед о социальных отношениях в среде кустарей, а также позволяют судить о врем возникновения одной из наиболее известных кустарных мастерских Нижнего Таг изготавлявшей подносы наряду с другими лакированными вещами. Среди назван документов хранится копия заключенного в 1791 г. договора между известным ма ром лакировальных дел и живописцем Вавилой Худояровым и управляющим имен князя Голицына. Этот и другие документы «дела о Вавиле Худоярове» позвол отнест к возникновению мастерской Худояровых к середине XVIII в.

Наличие подносов в числе экспонатов Пермской выставки в 1837 г. ¹⁰ и архивн документы о продаже тагильских подносов в Москве в 1832—1833 гг. ¹¹, свидете вствующие о широком развитии промысла в начале XIX в., дополняют приведен выше материалы и позволяют сделать вывод о возникновении подносного промы в Нижнем Тагиле в середине XVIII в. (т. е. вскоре после основания Нижнетагильск завода и селения Нижний Тагил) ¹².

Промысел возник в среде смешанного населения Нижнего Тагила, основными к пактными группами которого были крепостные крестьяне, перевезенные Демидовым Урал, и старообрядцы — первые русские поселенцы края. Ряд сел и деревень ста обрядцев возник в окрестностях Нижнего Тагила раньше Нижнетагильского заво, и со времени основания завода население их было тесно связано с Нижним Тагил. Переселение основной массы старообрядцев из других губерний в Нижний Тагил и изшло в XVIII в. Это объяснялось тем, что Демидовы, как и другие владельц приуральских заводов, имели разрешение принимать на работу и поселять у се старообрядцев, не выдавая их властям, и широко пользовались этим разрешением д привлечения рабочей силы ¹³. Появление в Нижнем Тагиле искусных в обработке талла тульских мастеров, привезенных Демидовым, могло способствовать возникн ию промысла, но тем не менее он развивался преимущественно в старообрядческ среде. По архивным документам и литературным данным XIX в., дополненным наши полевыми записями, можно проследить передачу подносного ремесла из поколения поколение в одних и тех же семьях, бывших почти сплошь старообрядческими или новерческими. Развитие промыслов среди старообрядцев в значительной мере сбяс ся их тяготением к замкнутости быта, что в свою очередь вызывало то предпочт которое они оказывали промыслам перед заводскими, рудничными и приисловым ботами. Это же обстоятельство обусловило и территориальное расположение поднс мастерских, размещавшихся, как правило, на территории двух старейших рай Нижнего Тагила — на Ключах и Вые, заселенных преимущественно старообряд и единоверцами. Здесь же жила и основная масса мелких кустарей. На террит двух других районов (Гальянка и Центр) подносных мастерских почти не было.

Развитию промысла в Нижнем Тагиле способствовали следующие благоприятя условия: избыток рабочей силы, прикованной к Тагилу в XVIII и первой полс XIX в. крепостной зависимостью, а с 1861 г. — условиями труда и быта ураль рабочих; низкий, по сравнению с промышленными центрами России, жизненный вень, стимулировавший поиски заработков в ремесле и промыслах; наличие же охотно сбываемого заводовладельцами на месте во избежание дорого стоивших взок ¹⁴; покровительство промыслам со стороны демидовской администрации, вызва всеми перечисленными обстоятельствами ¹⁵; емкость местного рынка и быстро сло ниеся широкие экономические связи Нижнего Тагила с различными областями Е пейской и Азиатской России. Однако при всех перечисленных благоприятных обс тельствах развитие промысла тормозилось крепостной зависимостью, стесня инициативу и деятельность не только мелких кустарей, но и хозяев крупных терских.

Тем не менее производство подносов в течение первого столетия его сущес вания достигло высокой степени развития. По числу занятых в нем кустарей поднос промысел к середине XIX в. стоял на втором месте после кузнечного среди двадс семи различных промыслов Нижнего Тагила. По данным заводской статистики, из

⁹ Тагильское отделение Свердловского государственного архива (в дальнейшем: ТОСГА), ф. 10, оп. 1, № 302.

¹⁰ Там же, № 753.

¹¹ Там же, № 676.

¹² Нижнетагильский завод основан в 1725 г.

¹³ В. Г. Дружинин, Значение труда старообрядцев в развитии промыс «Архив истории труда в России», кн. 4, Пг., 1922.

¹⁴ «А фабрики железных вещей полезны заводу тем, что они имеют верное ср ство сбывать через них на месте значительное количество сортов металлов, а с металлов есть одна из первых обязанностей заводууправления» (ТОСГА, ф. 10, оп. № 812).

¹⁵ «Управление предоставило это (право строить кустарные мастерские. — С. заводским жителям с целью, чтобы по возможности распространить между ними лезные ремесла и через то доставить им надежные средства к поддержанию наст щего и будущего их благосостояния» (ТОСГА, ф. 10, оп. 1, № 812).

тагильских кустарей 49 были заняты изготовлением подносов¹⁶. Фактически число тагильчан, занимавшихся производством подносов, было во много раз больше, так как статистика заводу управления учитывала лишь тех кустарей, которые имели свои заведения¹⁷, не фиксируя всех бравших работу на дом, в том числе женщин, хотя в одном из примечаний к «Перечневой ведомости» упоминается, что «легкие работы по сей промышленности большей частью исполняются женщинами»¹⁸.

Высокая степень развития промысла к середине XIX в. подтверждается также четким разделением труда внутри него. Так, «Роспись о людях, занимающихся торговлею разными промысленностями по Нижне-Тагильскому господ Демидовых заводам», относящаяся к середине XIX в., позволяет установить, что отковкой подносов были заняты 40 человек, отделкой — 3, лакировкой — 6¹⁹. Картина разделения труда в промысле будет полнее, если принять во внимание мастериц по окраске и росписи и отовщиков подносов, работавших на дому, которые не были учтены в отчетах по кустарной промышленности.

В области художественного мастерства и техники лакировки первое столетие существования промысла — период его расцвета, о чем свидетельствуют и сохранившиеся в музейных коллекциях изделия и некоторые (хотя и отрывочные) сведения о технике производства того периода. Так, например, в конце XVIII в. мастер лакировальных дел передавал ученику «знания живописного искусства, как то: красками, серебром, золотом и металлическими песками (порошком.— С. Р.) на меди, железе, луге и дереве изображать по разным рисункам и естампам, обыкновенно ими употребляемым, заключающиеся в разных лицах, цветах и ландшафтах... золотом и чернью по разным землям (по разному фону.— С. Р.)... составлять краски и лаки самые прочные и хорошие по цвету...»²⁰.

Во второй половине XIX в. развитие промысла идет сложным путем. С одной стороны, отмена крепостного права дала свободу предпринимательской инициативе крупных кустарей-подносников, развернувших производство вширь. С другой стороны, и влияние общих процессов вытеснения кустарных изделий промышленными, и, в значительной степени, конкуренция с жостовскими кустарами, прочно утвердившими первенство на рынке к 90-м годам XIX в.,²¹ приводят постепенно к падению художественного мастерства и техники лакировки в тагильском промысле, а затем к сокращению количества выпускаемых подносов и уменьшению числа кустарей, занятых подносным промыслом.

Если мастера-подносники XVIII — первой половины XIX в. старались повышением художественного мастерства росписи, улучшением качества лакировки, изобретением новых форм подносов и способов их отделки обеспечить преимущество на рынке, то хозяева подносных мастерских второй половины XIX в., стремясь к повышению доходов, увеличивают количество выпускаемых изделий, не уделяя внимания их качеству, обеспечивая сбыт установлением прочных торговых связей с отдаленными рынками через свои магазины на ярмарках и организацией монополии в тагильском подносном промысле. Работающие на хозяев кустари в погоне за заработком стремились выполнить большее количество работы по установившимся стандартным требованиям, без прежних творческих поисков новых приемов росписи и лакировки.

Изменение социальной структуры промысла вело к дальнейшему снижению художественности тагильских подносов. Вместо множества мелких подносных заведений вырастает несколько крупных мастерских, поглотивших мелкие заведения. По данным земской статистики, в этих крупных мастерских работало 8—10 наемных рабочих, а фактически, как показывают наши полевые материалы, значительно большее число их²².

Кратко социальную структуру промысла во второй половине XIX — начале XX в. можно охарактеризовать следующим образом. Сравнительно небольшая группа хозяев мастерских, выходцев из крепостных рабочих, организовавшая монополию на сбыт подносов, составляла социальную верхушку промысла. Часть мастеров-подносников, рабо-

¹⁶ ТОСГА, ф. 10, оп. 1, № 1139.

¹⁷ Следует отметить, что заведения эти были малы. Работало в них по 2—3 человека: отец с сыновьями или братья. Производственные помещения этих заведений «не составляют отдельных зданий, а помещены или в службах, или в самих избах» (ТОСГА, ф. 10, оп. 1, № 812).

¹⁸ Там же, № 1139.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, № 302.

²¹ Жостовские подносники ввели ряд усовершенствований в технику производства подносов, в частности отковку не с внешней стороны, а вовнутрь, и установили в двух-трех мастерских машины для штамповки подносов. Помимо того, они достигли более высокого качества росписи, чем тагильчане в этот период, что в совокупности с возможностью увеличивать за счет штамповочных машин изготовление черных подносов создало преимущества в конкуренции с тагильскими кустарами.

²² О том, что цифры о числе кустарей, занятых в промыслах, приводимые в отчетах Верхотурской земской управы, не отражали действительного наличия кустарей, говорится, в частности, в работе И. Я. Кривошекова «Словарь Верхотурского уезда Пермской губернии с краткими историческим и географическим очерками и приложениями карты уезда» (Пермь, 1910).

тавших ранее самостоятельно, превратилась за это время в наемных рабочих из крупных мастерских, другая часть работала на дому на тех же хозяев, получая от материал и сдавая им готовую продукцию. Помимо этих основных групп, появившись посредников, бравших работу у крупных кустарей и раздававших ее мелким.

Все усиливавшееся к концу XIX и в начале XX в. развитие капиталистических отношений при сохранявшейся консервативности техники производства вело к упадку промысла.

Техника же производства подносов в XIX в. была, как позволяют судить описания, такой же, как и сто лет назад. Процесс изготовления состоял из следующих операций. Мастер-отковщик выкраивал круглые, квадратные или гитарообразные листы кровельного железа в зависимости от формы будущего подноса, затем подготавливал заготовки так, что каждая последующая была меньше предыдущей, клал эти последовательности одну на другую и, скрепив их вместе, укреплял «шестер» на чугунной форме, после чего пятифунтовым молотом бил по заготовкам до тех пор, пока железо не принимало формы подноса. После этого он «делал гуртик» — загибал края и «выделывал» ручки. Затем начинал свою работу лакировщик. Перед лакировкой он шлифовал и шпаклевал поднос, затем покрывал олифой и ставил в жаркую печь «воронить». Эта процедура повторялась несколько раз. Подносы высших сортов, кроме того, покрывались черным лаком. От лакировщика изделия переходили к мастерам по росписи, одни из которых только «набивали землю» — раскрашивали фон, другие делали подмалевку, третьи расписывали. Расписывание завершало процесс производства низших сортов подносов. Высшие же сорта после росписи вновь возвращались к лакировщику, который покрывал подносы прозрачным лаком, после чего их полировали специальными полировщиками.

Каждый из этапов изготовления имел свои трудности. Отковка была тяжелой физической работой, лакировка, связанная с постоянным преобладанием у печи мажорского следа за температурой в печи, была изнурительной из-за удручающих испарений. Кроме того, эта работа требовала от лакировщика большого мастерства покрытия поверхности подноса ровным слоем лака без потеков, а также размешивание подноса так, чтобы они не соприкасались друг с другом и лак на подносах не застывал нигде не стираясь. Женщины, скрашивавшие подносы, тратили много сил и времени на растирание красок «курantom» — острым мраморным пестиком — на мраморной доске. Большое искусство требовалось от мастериц росписи.

Тагильские подносы, называемые также уральскими, или сибирскими, были разнообразны по форме и размерам. Если на продажу в Среднюю Азию, Персию и в дальние губернии России через Нижегородскую ярмарку чаще всего изготовляли круглые, овальные, квадратные и реже гитарообразные подносы размером от 6 до 12 вершков, то на местный рынок, снабжавший подносами население Нижнего Тагила и всего горнозаводского округа, в интерьеры и быту которого поднос занимал видное место, выделывали, помимо перечисленных, большие, 20-вершковые и даже 40-вершковые подносы. Большие подносы заменяли скатерти на обеденных столах, малые — клали на простеночные столики и угловики; помимо этого, изготовляли прямые угловые и овальные так называемые закусовые подносы, на которые ставили рюмки при приеме гостей, и, наконец — детские игровые подносы. Подносы, украшавшие простеночные и угловые столики, часто имели резные ажурные борты.

Характеризуя роспись тагильских подносов, необходимо разграничить подносы «рыночные», выполнявшиеся в определенной традиционной манере, от подносов, изготавливавшихся по специальному заказу, в частности — на выставки. «Рыночные» подносы расписывались чаще всего «букетами» по красному, зеленому, синему или белому фону. Букет, обычно помещавшийся в центре подноса, состоял из нескольких крупных ярких цветов в середине и большого количества мелких, обрамлявших. Зеленые листья и тонкие травинки (привлекали) дополняли рисунок. Процесс росписи распадался на три стадии. Не требующую особого мастерства работу по «набивке земли» выполняли обычно подростки-ученицы. «Малевали» подносы — делали в рисунке букета, накладывая однотонные мазки для будущих цветов и листьев, — женщины, освоившие искусство раскраски подносов. Окончательное художественное оформление поднос получал в руках «писак» — художник, клавший теневые мазки, с помощью которых, выписывавших тычинки и пестики цветов, оформлявших «листья» и зеленую букета.

Значительно реже на подносах этого типа встречаются цветы в другой композиции — расположенные венком или во множестве мелких букетов, причем последние разбросаны либо по всему фону, либо так, что составляют венок. Как редкая разновидность композиции с разбросанными букетами встречаются круглые подносы, разделенные полосами на сегменты, в каждом из которых размещали букеты. На прямых подносах, особенно небольших размеров, в частности на «закусочных», встречались цветы, расположенные вдоль продольной оси подноса и связанные одной ветвью стеблем.

Роспись этих подносов в манере исполнения и в колорите имеет общие черты с традиционной народной росписью деревянных изделий, где нередко встречается на естественного цвета и тона ярким сочетанием красок, лишающим изображения реалистичности, но усиливающим декоративность. Таковы же приемы и в росписи подносов, где натуралистические элементы причудливо сочетаются с фантастическими.

чески неправдоподобными. Особые приемы композиции и формы изображения выработались из стремления к созданию совершенного рисунка, отвечающего требованиям, предъявляемым к подносной росписи. Эти требования вытекали из бытового назначения подноса. Роспись его должна была хорошо смотреться сверху, когда поднос лежит на столе, а также сбоку, причем изображение должно выглядеть правильно расположенным с противоположных сторон подноса. Поднос должен был хорошо смотреться и в всячем положении, и в наклонном, когда в интерьере он использовался как украшение. Все эти требования обусловили возникновение в подносной росписи устойчивой традиции, которая хранилась и передавалась из поколения в поколение.

Встречающиеся изредка на тагильских подносах натюрморты — фрукты, фрукты с цветами — потому и не вошли в устойчивую традицию росписи, что не давали необходимого в быту свободы обращения с подносом. Необходимость смотреть поднос с натюрмортом в одном положении, с учетом «верха» и «низа» изображения, не способствовала распространению этого жанра. В связи с меньшей распространенностью этих сюжетов не выработались и приемы их художественного изображения. Как правило, натюрморты мало художественны, тогда как композиции из цветов нередко выполнены с большим мастерством.

Края «рыночных» подносов в зависимости от их стоимости либо золотили полоской потали, либо украшали тонкой каймой красного, зеленого, а чаще — желтого цвета.

Следует упомянуть, что подмалевка, как сообщают старые мастера, производилась не кистью, а пальцами. Женщина, занимавшаяся подмалевкой, поочередно привычным движением делала мазки то одним, то другим пальцем, на каждый из которых заранее брала определенную краску с доски. «Писаки» же, напротив, работали только кистью, техникой свободного мазка. В росписи редко применялся трафарет. Его употребляли иногда при «набивании земли» металлическими порошками на дорогих подносах. При этом дно подноса, служившее фоном для рисунка, покрывали не краской одного тона, как обычно, а сляпой поверх блил из листового серебра. Мастер псыпал дно подноса тонким слоем бронзового или оловянного порошка, который ложился слегка изогнутыми полсами с расплывчатыми краями, создавал впечатление золотистых или серебристых складок. Впечатление легкости и изящества увеличивалось ажурным бордюром, сделанным золотой или серебряной краской.

Сохранившиеся образцы ранней росписи подносов, как и образцы росписи выставочных и заказных подносов второй половины XIX и начала XX в., отличаются техническим совершенством и нередко высокой степенью живописного мастерства. Роспись здесь не плоскостная, как на рыночных подносах, а объемная. Среди этой группы дороже других ценились подносы с гравюрами. На ранних экземплярах художники копировали известные гравюры того времени; на поздних, в период упадка промысла, гравюры переводили с бумаги (обычно из книг или журналов). Чаще всего на них изображали пейзажи и жанровые сцены. Однако поскольку роспись этого типа не вполне отвечала бытовому назначению подносов, а также в связи с тем, что копирование гравюр требовало профессиональной подготовки художника, которой не было у большинства кустарей, эти виды росписи представлены меньшим количеством изделий.

Упадок подносного промысла в конце XIX в., вызванный развитием капиталистических отношений, по-разному сказался на последовательных стадиях производственного процесса. Так, он мало отразился на отковке, больше заметен в лакировке — был утрачен секрет изготовления необычайно стойкого прозрачного лака, — и резче всего — в художественном оформлении подноса, где на смену тщательно выполненной разнообразной по сюжету, колориту и композиции росписи приходит роспись однообразная, плоскостная, выполненная небрежно.

*
*
*

После Октябрьской революции кустары освободились от сковывавшей их монополии на сбыт изделий, установленной хозяевами крупных мастерских. Областное управление национальными заводами Урала с весны 1918 г. принимало меры к возрождению местных кустарных промыслов¹³. Но гражданская война и разруха на время совсем приостановили изготовление подносов в Тагиле. Возрождается промысел лишь в годы нэпа. Развитие его шло двумя путями: бывшие кустары-надомники и некоторые рабочие завода и рудника, занявшиеся в годы нэпа изготовлением подносов, работали в одиночку и мелкими артелями на местный рынок; рядом с ними появились новые крупные мастерские с наемным трудом, поставявшие свои изделия и на местный рынок, и в различные области страны, в частности в Среднюю Азию. Между новыми частными предприятиями, с одной стороны, и кустарями-одиночками и мелкими товариществами, с другой, — не прекращалась конкуренция.

Большое значение для развития промысла имела организация в 1925 г. артели «Металлист», объединившей кустарей кузнечно-клепального и подносного промыслов. Оставляя работу в частных предприятиях, в артель охотно переходили женщины-мастерницы. В 1926—1927 гг. в артели стал ощущаться недостаток черных подносов —

ручная ковка отставала от окраски и разрисовки. В 1928 г. один из членов сконструировал пресс для штамповки подносов, с введением в действие которого перешили на отделку подносов. Создался избыток черных подносов, для лица которого артель стала привлекать к работе старых мастериц и организовать обучение молодежи мастерству росписи.

Несколько лакировщиц и разрисовщиц ездили в эти годы в Жостово, чтобы от более современных приемов декоративной живописи жостовских подносников. жостовской артели помог поднять технику изготовления подносов в Нижнем Тагиле. Но заимствование приемов жостовской росписи имело свои отрицательные последствия. Оригинальная роспись «сибирских» подносов, пришедшая в упадок, может возродиться при условии повышения техники живописи, но с сохранением традиционных тагильского промысла композиций, сюжетов, цветовой гаммы. Многие же разрисовщицы артели «Металлист» пошли по пути копирования жостовской росписи, хотя и часть мастериц все же сохранила тагильскую традицию.

Таким образом, заимствования, внесенные в художественное оформление подносов лишили тагильский промысел той выразительной индивидуальности, которая была свойственна, и с этого времени лишь в работах отдельных мастеров и их учеников а также в некоторых элементах росписи и отдельных приемах у других разрисовщиц сохраняется традиционная роспись сибирских подносов.

1926—1929 годы были годами расцвета промысла. В артель объединилось 40 человек. Было принято 60 учеников. Изготавливалось по 2 тыс. подносов в день, шла на экспорт в Иран, в Среднеазиатские республики, на Кавказ и в другие области. «Сбыт изделий был обеспечен... заказами были завалены», — характеризует эту рукопись «Двадцать лет артели Металлист»²⁴. Тагильские подносники изготовляли в эти годы и большие, и маленькие подносы, круглые, квадратные и овальные, покрытые стойким, прозрачным лаком, хорошо отполированные. Цветочная орнаментальная роспись этих подносов в отличие от плоскостной росписи конца XIX в. стала объемной, не теряя присущих ей черт, общих с народной росписью деревянных и металлических изделий.

Начиная с 1930 г. в промысле наблюдается упадок, который привел к потере старых мастеров, сокращению числа учеников — лакировщиков и живописцев, к резкому сокращению количества продукции. Этот упадок промысла был вызван ошибками в финансово-экономическом планировании, порожденными своего рода равнодушием к промыслам в первые годы создания социалистической индустрии, а также неумением местных работников выжить в существующих условиях и перспектив развития промысла, найти место в экономике края.

Все возрастающая потребность страны в металле побудила некоторые местные организации экономить его на подносном промысле. Организационным и организационным, отрицательно сказавшимся на развитии промысла, было объединение экономически крепкой артели «Металлист» с четырьмя убыточными артелями. Кроме того, члены артели стали уходить на завод, на рудник, на строительство Нижнетагильского металлургического комбината, где была большая потребность в рабочей силе.

С сокращением количества выпускаемых подносов обедняется и ассортимент, ухудшается качество и сокращается сфера сбыта. Подносы перестают экспортироваться за границу, в незначительном количестве отправляются в Среднюю Азию и на Кавказ.

В годы Отечественной войны артель, как и другие предприятия страны, выполняла военные заказы. В послевоенные годы мастера-подносники возродили промысел в условиях, в которых он существовал, не способствовали его подъему. Подносный цех артели находился в тесном темном помещении, пыль от шлифовки и шпаклевки, запах красок, жар и испарения от печи распространялись повсюду.

Реорганизация артели «Металлист» в завод «Эмаль-посуда» повела к еще большему сокращению традиционного подносного производства. Так, из 250 рабочих в подносном цехе работало всего 24 человека. Завод выпускал в год продукции на 10 млн. руб., в том числе подносный цех лишь на 800 тыс. рублей. До последнего времени год от года план производства подносов урезался.

В 1958 г. на заводе был построен новый подносный цех с электропечами, заменившими традиционную, старого образца печь для воронения и сушки подносов, которая действовала до последнего времени. Помещение цеха построено с учетом потребностей производства и охраны здоровья работников. Механизированы отдельные части производственного процесса; подносы штампуются на прессе, механически шлифуются и краскотерки освободили работников от трудоемкой работы. Решением вопроса о механизации шлифовки и полировки. Но все усилия руководства завода «Эмаль-посуда» по подъему производства подносов могут оказаться тщетными, так как завод не получал от планирующих организаций ни металла, ни других материалов для изготовления подносов²⁵. Такое положение грозит полнейшим затуханием промысла на его родине после 200-летнего существования.

²⁴ «Двадцать лет артели Металлист» — небольшой исторический очерк, коллегия написанный активом артели в 1945 г.

²⁵ Руководство завода выделяет на подносы металл за счет отпускаемого металла на металлургическую посуду. Краски, лаки и другие материалы приходится добывать с большим трудом, так как отпуск их заводу не планируется.

В последние годы в Тагиле изготавливались подносы одного образца — и по размеру, и по форме, и по росписи. После постройки нового здания подносного цеха расширен ассортимент, художники ищут новых форм росписи. Необходимо оговориться, что не всегда эти поиски дают благоприятные результаты. Так, в 1957 г. к VI Международному фестивалю молодежи подносный цех изготовил серию подносов, расписанных сценами из сказок Бажова (копии иллюстраций из книг) и частично уральскими пейзажами. Поскольку все художники артели, среди которых много молодежи, обучались мастерству росписи у старых художниц-подносниц Черепановой и Арефьевой, передавших им навыки и приемы традиционной росписи, их постигла неудача при выполнении работы, к которой они не были подготовлены.

Творческие поиски новых приемов подносной росписи лежат в изучении, новом осмыслении и разработке сложившейся традиции, в восстановлении и дальнейшем развитии всего лучшего, что было создано на протяжении двух веков усилиями многих мастеров, в органическом соединении новой, социалистической тематики с традиционной манерой изображения.

Распространенная среди ряда работников Нижнего Тагила точка зрения о необходимости ликвидировать производство подносов, так как сюжет и манера их росписи якобы воспитывают стальные вкусы, — наряду с отсутствием материалов, создает угрозу прекращения традиционного народного производства. Планирующие организации не читаются с популярностью подносов в Средней Азии и Азербайджане, недопонимают, что эта популярность отнюдь не свидетельствует об отсталости вкусов, а объясняется особенностями быта и этническими традициями²⁶. Кроме того, поднос, как и прежде, ходит в интерьер и русского населения. Наконец, как и раньше, поднос мог бы идти на экспорт.

Обращает на себя внимание несоответствие всей истории развития тагильского промысла современному его состоянию. В крупном промышленном городе Нижнем Тагиле с огромным металлургическим комбинатом и рядом больших и мелких заводов изготовление подносов год от года сокращается и стоит накануне ликвидации, тогда как в Жостове промысел процветает. Прекрасно оборудованная фабрика жостовской артели, входящей в систему промысловой кооперации и курируемой Институтом художественной промышленности, снабжается всеми необходимыми материалами. Ассортимент подносов, выпускаемых артелью, очень широк, часть подносов расписывается художниками в нестандартной оригинальной манере, с поисками новых сюжетов иolorита.

Состояние жостовского промысла показывает, сколь реально возрождение тагильского промысла на достойном уровне. Вопрос о его положении и перспективах развития, отражающий состояние многих художественных промыслов, не входящих в систему промысловой кооперации, должен привлечь внимание и этнографов, и работников Института художественной промышленности, которые могут и должны помочь важному делу сохранения и развития одного из старейших центров народного прикладного искусства.

²⁶ О потребности в тагильских подносах на Кавказе и в Средней Азии можно судить по тому, что до сих пор отдельные граждане иногда приезжают из этих республик в Тагил, покупают и отвозят подносы в свои республики.

Л. И. ФАЙКО

ОБ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИИ КОЧЕВОГО ЖИЛИЩА НАРОДОВ СЕВЕРА

Поставленная Коммунистической партией и Советским правительством задача полного обеспечения населения культурным жильем требует специального изучения жилищных нужд народов Севера СССР. Как известно, основной вид хозяйственной деятельности большинства этих народов — оленеводство — при существующих формах ведения хозяйства связано с постоянной перекочевкой. Местные работники указывают ряд причин, тормозящих развитие оленеводства (нарушение пастбищесбора, эпизоды, отколы оленей, потравы стад хищниками и т. д.). Однако при внимательном рассмотрении выясняется, что основное здесь — недостаток опытных кадров оленеводов, нежелание молодежи работать в этой области хозяйства. Эта мысль была высказана многими участниками межэтнического совещания по оленеводству, состоявшегося в Магадане в 1958 г. Одной же из главных причин нежелания молодых колхозников работать в оленеводстве являются недостаточно хорошие бытовые условия, связанные с необходимостью круглый год жить в чуме или яранге. Этот вывод можно подкрепить фактами из практики. В последние годы наибольших успехов в развитии оленеводства добились оленеводы якуты и эвены Анабарского и Саккырырского районов Якутии именно в этих районах оленеводы приложили наибольшие старания к усовершенствованию традиционных переносных жилищ. Так, в Анабарском районе колхозники стали делать чумы (тердохи) более просторными, оборудуя их полами, окнами, устанавливая в них железные печки с духовками, обзаводясь мебелью городского образца, устанавливая в чумах радиоприемники. Саккырырские оленеводы-эвены решают вообще отказаться от прежних жердевых «чарома-дю» и стали приобретать новые чумы на металлическом каркасе, о которых речь пойдет ниже. В 1957 г. за короткое время здесь были реализованы все 100 поступивших в этот район комплектов складных чумов, причем покупателями ее в подавляющем большинстве были оленеводы.

Другой крупнейший оленеводческий район Крайнего Севера — Магаданская область. Здесь развитие оленеводства до последних лет шло недостаточно успешно. В области усовершенствования жилища здесь очень немного сделано. Лишь в самые последние годы в поисках выхода из создавшегося положения с кочевым жилищем в порядке эксперимента пробуют заменить ярангу передвижным домиком на колесах и палаткой. Такие виды жилья опробованы раньше в других районах Крайнего Севера, но это, как известно, не дало положительных результатов. Целесообразность перетабельности подсобных жилищ и ныне вызывает сомнения.

Задачи всемерного развития оленеводства заставляют снова поднять вопрос о скорейшем коренном усовершенствовании переносного жилища. При этом надо не только отказаться от традиционных форм жилища народов Крайнего Севера, но и стараться использовать все, что в нем есть рационального, реконструируя его в соответствии с запасами современного оленеводческого населения. Так, общесоюзный чум (как имеет ряд ценных качеств, благодаря которым он до сего времени сохраняет свое значение в жизни северных народов. Это, во-первых, простота конструкции, обеспечивающая относительно легкую и быструю установку и разборку его; во-вторых, конусная форма, позволяющая сохранять устойчивость чума при ветре любой силы; в-третьих, он имеет относительно небольшой вес и удобен для перевозки на нарвах; в-четвертых, чум обладает хорошей вентиляцией.

Получившая в последние десятилетия некоторое распространение на Крайнем Севере палатка оказалась непригодной для замены чума. Отличаясь малым весом и удобством установки, она вместе с тем не может противостоять тундровым ветрам, трудно поддается утеплению, условия вентиляции в ней значительно хуже. В палатках палатки мне пришлось лично убедиться. В феврале 1954 г. мне довелось ночевать в одной из палаток якутов-оленеводов Жиганского района Якутской АССР. Характерно, что накануне я услышал от некоторых руководителей района, как о бытом состоянии, о том, что местные оленеводы, наконец, отказались от своих чумов (чумов) и стали жить в палатках. И вот я в такой палатке. Сквозь тонкий материал просвечивает луна. От стен несет морозом, а от печи — жаром. В палатке от горящего оленьего волоса, летающего с одежды на печь. Чтобы хоть частично избежать от едкого дыма, хозяева палатки сделали большой разрез полотна над печью.

Рис. 1. Наиболее распространенная форма кочевого жилища (чума). Анабарский р-н Якутской АССР, колхоз «Кузница оленевода»

Но и это не помогло. Когда все улеглись и железная печь сбавила накал, температура в палатке упала до минус 50°.

Но, не заменив собой чума, палатка стала применяться иногда как летнее переносное жилище оленеводов в лесотундре и тайге. Являясь дополнительным снаряжением оленеводческой бригады, палатка часто используется как походная баня (например, у эвенов Саккырырского района Якутской АССР), служит резервным жилищем для временно уезжающих из бригады в дальний путь оленеводов и охотников.

Другая серьезная попытка отойти от старой формы чума проявилась в некотором, впрочем весьма ограниченном, бытовании в оленеводческой среде балка — передвижного домика, устанавливаемого на оленьих нартах (рис. 2). Известно использование балка в Хатангском районе Таймырского национального округа. Очень заманчиво, что балка теплый и не требует затрат времени на сборку и разборку. Но вместе с тем он имеет ряд серьезных недостатков. Главный из них — трудность перевозки. Чтобы пе-

Рис. 2. Балок. Анабарский р-н, колхоз «Полярная звезда»

ревезти балок в лесотундре, и особенно в тайге приходится каждый раз выполнять огромную работу по вырубке специальной просеки (следование же по одним и тем же маршрутам вследствие медленной восстанавливаемости оленьих пастбищ, как известно, не допускается). К тому же чрезвычайная стесненность помещения, плохие температурные условия, отсутствие хорошей вентиляции, невозможность использования в летом и малая устойчивость против сильных тундровых ветров обуславливают бесперспективность по крайней мере до той поры, когда оленья тяга на Севере будет вытеснена механической. Маленькие балки находят применение при перевозках (и взрослых, и детей, а также при выездах на промысловых оленях) и в поездах.

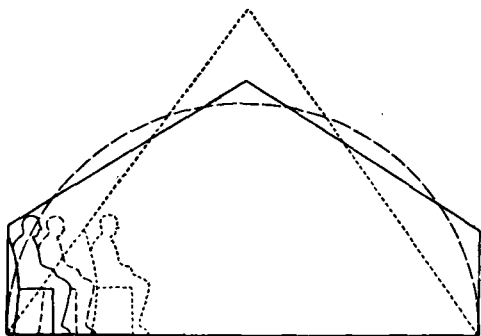

Рис. 3. Сопоставление возможностей использования различных форм переносного жилища

И, наконец, более новой, пока не осуществленной в Чукотском нац. округе является попытка заменить ярангу сборным домом конструкции С. А. Шапошникова. Дом этот не получен для испытания, так как материал, из которого он делается (пласт), пока дефицитен. Но многое говорит о том, что ни яранги, ни он не заменит. Достаточно сказать, вес такого дома составляет 1,5 т, многократная сборка и разборка его не поспевает. Сборка дома производит течение многих часов, детали громоздкие и трудно поддаются перевозке на оленьих нартах, площадь пола составляет всего 14 кв. м, а стоимость — 30 тыс. руб.

Попытки заменить чумы и иглу другими контрукциями переносных жилищ

в частности сборными домами и нейлоновыми надувными палатками, имели место на американском Крайнем Севере. По некоторым данным, на военных базах Аляски жилища показали себя положительно, но об использовании их в оленеводстве нам известно.

Ограничиваясь обобщением даже этих фактов (а их значительно больше), мы заключаем, что всякий раз, когда попытки замены чума и яранги направлялись в сторону грубого отступления от них, ожидаемого результата не получалось. Чум и яранга пока остаются основными типами жилища народностей Крайнего Севера. Не случайно поэтому большое внимание исследователей и конструкторов привлекла форма жилища, приближенно сходная с формой калмыцкой кибитки или монгольской юрты. Отличаясь от конусообразного жердевого чума большим удобством благодаря вертикальным стенам, такое жилище почти не уступает чуму во всех его лучших качествах. Достаточно взглянуть на сопоставляемые в схеме (рис. 3) контуры форм конуса, полшара и юрты средних размеров, как станет очевидным преимущество последнего в отношении удобства ее использования. При этом общая площадь поверхности стенок крыши юрты оказывается не больше, чем у жилищ в виде полшара (американский иглу) и в виде конуса (чума). По сопротивляемости ветрам жилище такой формы уступает конусообразным и полусферическим. В то же время такое жилище по своей форме лишь в малой степени отличается от бытующих переносных жилищ народностей Крайнего Севера, в значительной мере повторяя лучшие из них. Так, эвенские чаромы в Саккырыском районе Якутской АССР имеют именно такую форму (рис. 4).

Но переход к этой форме с использованием лишь местных возможностей не приводит к снижению устойчивости жилища. Поэтому кочевые жилища с вертикальными стенками небольшой высоты получили распространение только в более защищенных от сильных ветров местностях, чем и характерен гористый Саккырыский район. Слабая конструкция стен в чароме-дью не может служить надежной опорой для кровли, и поэтому она опирается на три-четыре перекинутые через нее жерди. Стесняя внутренность помещения, эти опоры создают новое неудобство такого жилища. Обеспечить надежную жесткость конструкции каркаса подобной формы оказывается возможным только путем применения более совершенных приемов строительной техники и более совершенных строительных материалов.

Предложение о замене чума жилищем в форме калмыцкой кибитки было выдвинуто И. В. Виноградовым в 1932 г.¹ В книге «Северное оленеводство»² опубликовано предложение директора Научно-исследовательского института северного хозяйства Крайнего Севера Н. О. Дьяченко. Деревянную конструкцию каркаса жилища в форме калмыцкой кибитки разработал техник-строитель Ямалского нац. округа Г. Н. Кирпичев. Однако устройство деревянного каркаса этой формы неизбежно приводило к значительному увеличению его веса, к сложности сборки, разборки, перевозки. Эти недостатки столь существенны, что новые чумы уже по причине не могли получить широкого распространения.

¹ Журн. «Сов. Север», 1932, № 3.

² Сб. «Северное оленеводство», М., 1948.

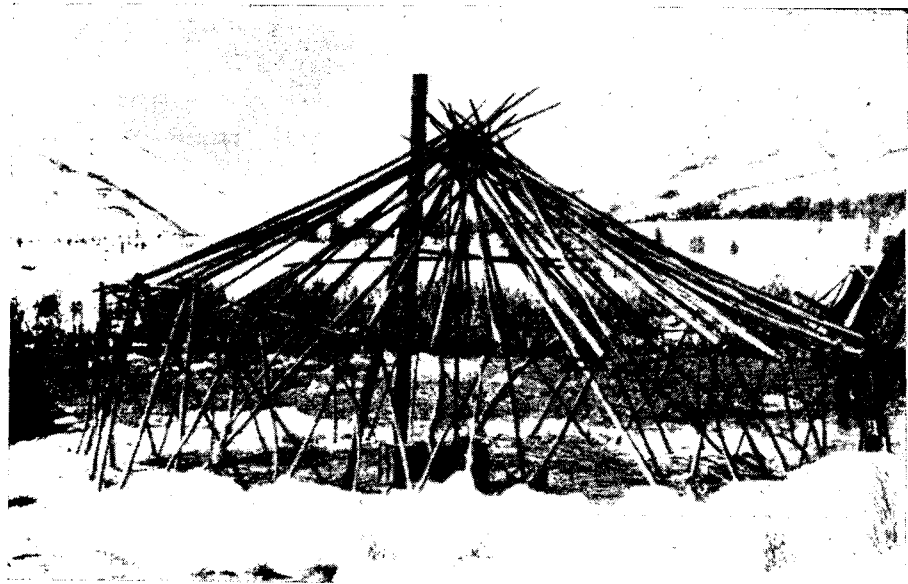

Рис. 4. Каркас чарома-дю оленеводов-эвенов Саккырского р-на ЯАССР.
Колхоз им. Ленина

Осенью 1955 г. автор настоящей заметки экспонировал на Якутской республиканской выставке тордох (чум) своей конструкции на металлическом каркасе. Металл показал свои преимущества перед деревом. Несмотря на то, что каркас был изготовлен из случайных, оказавшихся под руками стальных труб, швеллера, прута, стальной полосы плохого качества, вес его составил 165 кг — меньше, чем вес любого ранее известного чума прежней конструкции. Новый тордох получил одобрение посетителей выставки, в том числе колхозников Крайнего Севера³ (рис. 5).

Этот опыт, показавший все же довольно значительный вес каркаса и некоторую сложность его сборки, позволил автору пересмотреть всю конструкцию и использовать другие возможности металла. В результате был осуществлен новый вариант чума из легких сплавов алюминия, разработанный автором совместно с инженером-конструктором И. М. Поповым.

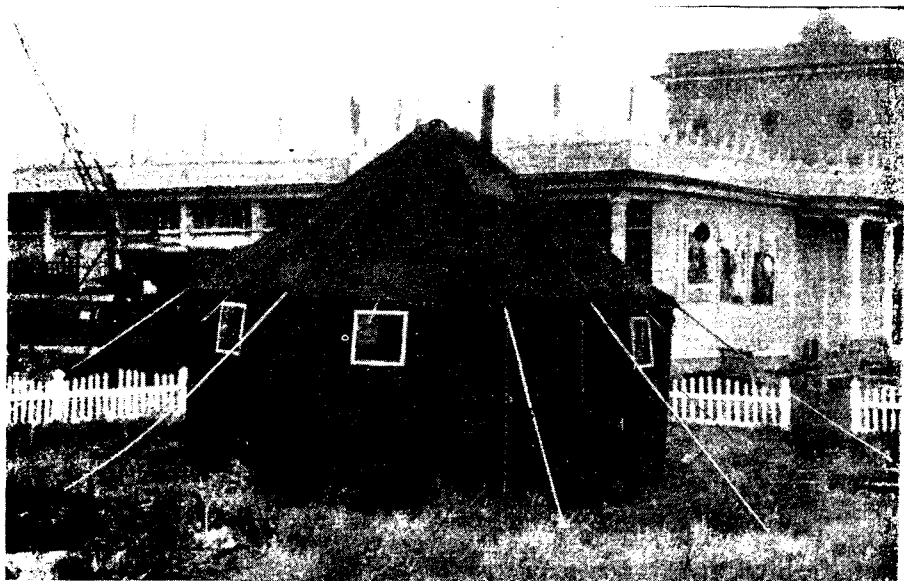

Рис. 5. Тордох конструкции Л. Файко, 1955 г.

³ См. газ. «Социалистическая Якутия» от 26 октября 1955 г.

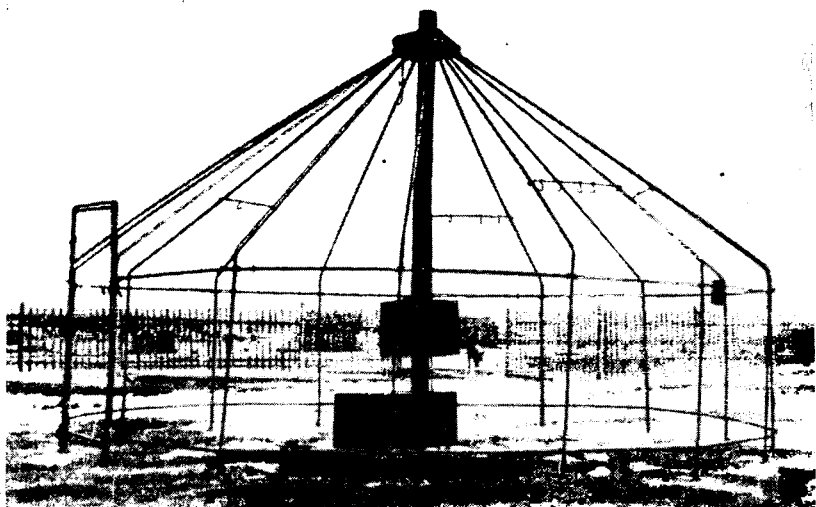

Рис. 6. Каркас сборно-разборного тордоха (чума) конструкции Л. Файко и И. Попова

На рис. 6 показан каркас нового тордоха из дюралюминиевой трубки диаметром 22 см. Сверху чум представляет собой шестнадцатигранный правильный многоугольник диаметром около 5 м. Вертикальные стойки стены (высотой 1,1 м в тундровом варианте и 1,4 м в лесотундровом) защемяются при сборке простыми по устройству шарнирными узлами верхней и нижней обвязок. Длина каждого звена обвязки равна 0,9 м. Высказывалось опасение, что металлические трубки, отпотевая под действием перепадов температуры, будут портить покрытие. Практика показала, что в действительности отпотевания не наблюдается, так как трубка, имея тонкие стенки из металла хорошей теплопроводности, быстро воспринимает температуру помещения и конденсации влаги на ней в этом случае не образуется.

Общая площадь основания нового переносного жилища равна 18 м². Для чума металлическим каркасом разработан легкий, в виде стеллажей, сворачивающийся в рулоны, пол из тонких (10—15 мм) дощечек, сбитых на ремнях. Дверь вместе с рамой составляет самостоятельное неразборное звено, связывающее при помощи простых замков весь каркас в единое целое. Стропильные трубки кровли соединены по ширине на верхнем кольце вентиляционного устройства и в сложенном состоянии перевозятся вместе с ним. Соединение строительных трубок с вертикальными стойками стены осуществляется при помощи гнутых стальных пальцев, свободно входящих в полые концы стоек сверху. Кольцо крыши изготавливается из стальной трубки, диаметр его 0,4 м. В середине кольца на четырех раскосах приварен патрубков, в который вставляется печная труба. Все вентиляционное отверстие, включая патрубков, при необходимости плотно прикрывается специальным конусом из дюралюминиевого листа. Летнее покрытие (оно же внутреннее зимнее) представляет собой цельный чехол, выкроенный в виде распашонки, в который в нижней части крыши вшиваются рамки четырехстворчатых окон из органического стекла (рис. 7). При массовом изготовлении чума предполагается оформление внутреннего покрытия специальной декоративной тканью или пластмассой.

По низу стен к покрытию пришивается полоса ткани шириной 0,25—0,35 м для высыпки ее снегом зимой или подвадки камнями летом с целью придания большей устойчивости жилищу при сильном ветре. Этой же цели служат пришиваемые к покрытию ламки для закрепления на них оттяжек из веревок или стальных тросиков, прикрепляемых свободными концами к земле кольями или путем примораживания (зимой). Разработаны и другие дополнительные способы укрепления жилища при сильных ветрах.

Наиболее целесообразным наружным зимним покрытием в настоящее время являются покрытия из оленьих шкур, изготавливаемые самим населением. Однако и этот вопрос в дальнейшем следует разрешить так, чтобы выработать удобное при сборке покрытие надежное и хорошо оформленное и в то же время освобождающее для промышленности такое ценное сырье, как оленьи шкуры.

Сборка и разборка каркаса, как показала практика, может быть произведена одним человеком за 8—15 минут без применения какого-либо инструмента. Каркас чума весит около 40 кг, и на одной нарте возможна перевозка двух и более таких каркасов.

⁴ Более подробное описание нового тордоха дается в «Бюллетене научно-технической информации», № 3, Якутского научно-исследовательского института сельского хозяйства и в брошюре Л. И. Файко «Чум с металлическим каркасом», Якутск, 1959.

Дальнейшая работа над новой конструкцией чума привела к усовершенствованию его каркаса. Учитывая, что новое жилище не имеет весьма желательного тамбура при двери, а вес грузовой деревянной нарты составляет значительную долю в весе всего подлежащего перевозке груза (вместе с тордохом) и наибольшая по габаритам деталь конструкции каркаса — дверь перевозится трудно, автором предложено совместить конструкцию легкой нарты с конструкцией дверного блока с тамбуром, выпуская ее промышленным способом в комплексе с чумом. Таким образом, деталь чума — тамбур

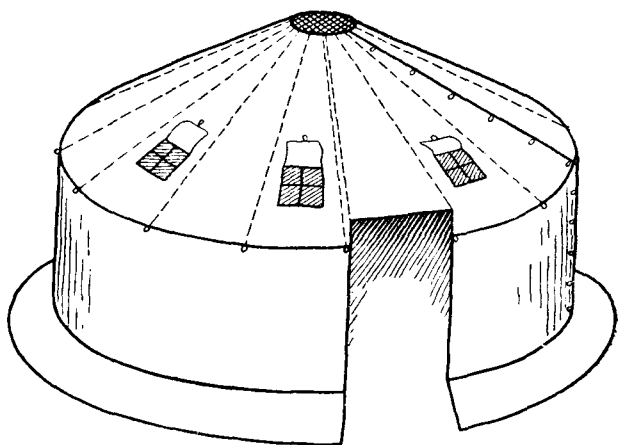

Рис. 7. Общий вид развернутого покрытия тордоха (чума)

дверью — во время перевозки будет служить и нарткой. Разработаны и апробированы способы перевозки этого жилища выюком, что часто бывает необходимо летом.

Тордох укомплектовывается специальной печью из двухмиллиметровой стали с регулируемой тягой и духовкой. Для сжигания в ней может употребляться наравне дровами каменный уголь. Регулировкой тяги печи обеспечивается поддержание желаемой температуры помещения в течение 8—10 часов без добавки топлива. Духовка, величивая отдачу тепла отопительной системы, почти вдвое позволяет сокращать расход топлива, предупреждает вылет искр из трубы и используется для выпечки хлеба.

В содружестве с научными сотрудниками Всесоюзного института электрификации сельского хозяйства А. Черкасским и Б. Макаровым мной разработан и находится в стадии практического осуществления оригинальный источник электропитания для освещения и радиофикации чума. Это полупроводниковый термоэлектрогенератор, являющийся составной частью отопительной установки, вставляемый в разрыв патрубков между печью и духовкой. Работает он на принципе использования разностей температур дымовых газов и водяной оболочки, которая в первый момент может заполняться и снегом. Эксплуатация термоэлектрогенератора не требует никаких специальных знаний и ухода. Термоэлектрогенератор одновременно может быть постоянным источником горячей и кипяченой воды. Термоэлектрогенератор «ТЭГ-25» мощностью в 25 ватт уже прошел первичные испытания, дал почти требуемое количество тока для освещения и обеспечил хорошую работу батарейного радиоприемника. Сейчас ведется работа по дальнейшему снижению его веса и улучшению условий эксплуатации.

В новом переносном жилище, рассчитанном на проживание семьи из 4—6 чел., имеется возможность использования складной мебели нормальных размеров. При желании создать большее удобство в помещении, можно сместить печь и выход печной трубы из центра в сторону, что и делают некоторые оленеводы Якутии. В этом случае появляется возможность применения в чуме складных ширм.

Жилища описанной конструкции впервые начал выпускать в Якутии местный ремонтно-механический завод. В 1958 г. их было выпущено 150. Ныне эксплуатируются оленеводами, охотниками, а также русским населением, занятым на горноразведочных работах в алмазной промышленности, около 100 новых жилищ.

Пять опытных образцов нового тордоха в течение 1957 г. испытывались в оленеводческих бригадах различных заполярных колхозов Якутии. Несмотря на низкое качество их изготовления заводом, они получили в большинстве положительную оценку (Нижне-Колымский район, колхоз имени Сталина, Оленекский район, колхоз «Коммунизм» и др.). В следующем году Якутский ремонтно-механический завод, применив штампы и усилив шарнирные соединения конструкции, значительно улучшил качество выпускаемых тордохов. В мае 1958 г. автор присутствовал при вывозе и установке пяти тордохов, купленных колхозом имени Ленина Саккырыского района Якутской АССР. Тордохы в комплексе с печами (но без покрытия) были доставлены самолетом с полным составом пассажиров. Оленеводы-эвены охотно перешли в новые тордохы с преж-

ними покрышками, дав хорошую оценку своим новым жилищам. Основываясь на предложениях оленеводов, руководство района организует полную замену устаревших типов новой конструкцией.

В 1959 г. оленеводы эвены Томпонского района Якутии полностью заменили устаревшие кочевые жилища тордохами (чумами) с металлическим каркасом, утепленными летним покрытием, с окнами из органического стекла. Полностью заменены старые тордохы новыми в крупном Булунском опытно-оленеводческом хозяйстве. Новые тордохы оборудованы зимними покрытиями и полами. Успешно прошли испытания единичные образцы нового тордохы с металлическим каркасом в Красноярском крае.

Автор получает множество запросов и заявок на новое жилище из всех областей Крайнего Севера. Им интересуются также животноводы Киргизии и различные организации, не имеющие отношения ни к оленеводству, ни к Крайнему Северу. Нет оснований препятствовать широкому распространению тордохы нового типа, ибо массовый выпуск в значительной степени скажется на улучшении его качества и снижении стоимости, которая в этих условиях не должна превышать 2500 руб. за каждое жилище с прилагаемым к нему комплектом. Практика и исследования показывают, что и чум наряду с культурой приносит народам Крайнего Севера и экономический выигрыш, в первые же годы эксплуатации окупающий первоначальные затраты на приобретение.

Анализ эксплуатации нового переносного жилища, поступающие отзывы и большое количество заявок свидетельствуют об общем признании новой конструкции и дали основание ряду организаций и руководящих органов поставить вопрос о ее тиражировании в массовом выпуске новых жилищ предприятиями центральных областей РСФСР или Западной Сибири. Этими организационными вопросами занимается Совет Министров, Госплан и Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. На состоявшемся в декабре 1958 г. Техническом совете Министерства сельского хозяйства РСФСР описываемая конструкция тордохы рассматривалась в сравнении с двумя чумами других авторов (Н. О. Дьяченко и Н. Кирпичева) и получила высокую оценку. Признано целесообразным в 1960 г. организовать выпуск 1000 таких жилищ Красноярским и Хабаровским совнархозами. Следует заметить, что количество было определено на основании заявок на этот чум, поступивших из областей Крайнего Севера. Общая же потребность Крайнего Севера в подобных жилищах, по нашим подсчетам, составляет около 10 тыс.

В заключение следует отметить, что усовершенствованный чум, как и всякая вещь, может обнаружить в местных условиях какие-либо недостатки и упущения. Каждого оленевода и специалиста своевременно сообщать о них авторам, заводу-готовителю или исправить их своими силами, поделившись опытом с другими оленеводами. Лишь такими совместными мерами мы можем довести переносные жилища до уровня стационарного жилого дома и обеспечить живущим в них людям возможность плодотворно работать и культурно отдыхать.

Д. ЕРЕМЕЕВ

ИЗУЧЕНИЕ ЭТНОГРАФИИ В СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ¹

Научный интерес к изучению быта и культуры турецкого народа впервые проявляется в Турции еще во времена Османской империи — в 60-х годах XIX в. «Новые османы» основывают первые культурно-просветительные организации. В целях создания литературного языка, близкого и понятного народу, они пропагандируют изучение турецкого фольклора. Один из лидеров «новых османов» — Ибрагим Шинаси выпускает сборник пословиц². К концу XIX — началу XX в. относится и появление первых этнографических работ³. Все это весьма знаменательно, так как раньше в Османской империи изучение языка, культуры и быта турок считалось чуть ли не зазорным делом, а на простой народ — анатолийских крестьян и ремесленников смотрели, как на «мужичье», недостойное внимания ученых.

Возрастающий интерес турецкой интеллигенции к истории и этнографии своего народа не был случаен. Однако распространяющийся, особенно при младотурках, национализм принимает уродливые формы, все более отражая идеи национал-шовинизма и агрессии. В 1910—1912 годах на смену официальной идеологии османизма и панисламизма появляется пантюркизм (пантурализм). Пантюркистское движение стремится «объединить» под властью Турции все народности, говорящие на тюркских языках, и в первую очередь народности России.

В 1910 г. создается националистическое общество «Türk yurdu» (Турецкая родина), издающее журнал под одноименным названием. В 1911 г. в Стамбуле организуется клуб Türk ocağı (Турецкий очаг), постепенно расширяющий по всей стране сеть таких «очагов». Задуманные вначале как культурно-просветительные организации, «турецкие очаги» превращаются в организации политические⁴, ведя усиленную пропаганду пантюркистской идеологии. В «очагах» читают содержательные лекции о тюркских народах, об их обычаях и культуре, но вместе с тем там усиленно пропагандируют шовинистические идеи о «славных периодах» турецкой истории, о «героях и гениальных вождях турецкой расы».

Выделение этнографии в самостоятельную науку происходит в Турции лишь после провозглашения республики. «История Турецкой Республики является и историей этнографии нашей страны», — писал в 1933 г. этнограф и фольклорист Мехмед Халид Байры⁵. Действительно, образование Турецкой Республики явилось своего рода толчком к активизации деятельности турецких этнографов.

Роль застрельщика в изучении этнографии в современной Турции должна по праву быть отведена Институту тюркологии, открытому в 1924 г. при Литературном факультете Стамбульского университета. Задачи Института были определены следующим образом: изучение истории, этнографии, географии, литературы и языка турок. Периодическим изданием Института является «Тюркологический журнал»⁶.

В 1927 г. в Анкаре основывается Общество народоведения, деятельность которого направляется главным образом на сбор и публикацию этнографического и фольклорного материала. Отделения Общества были открыты в Стамбуле, Кайсери, Эрзуруме, Измире, а корреспондентская сеть создана в 25 вилайетах Турции⁷. В Обществе работали два ученых совета — анкарский и стамбульский, руководившие его деятельностью, контролировавшие его издания, рассылавшие корреспондентам методические указания и вопросники для сбора этнографических материалов. За короткий период Общество

¹ Материалом для статьи послужили работы турецких этнографов, поступившие в библиотеки Москвы. До советского читателя доходит меньшая часть этих работ, поэтому статья не претендует на полноту.

² İbrahim Şinasi, *Durubı Emsali Osmaniye*, İstanbul, 1871.

³ Например, Mehmed Tevfik, *Ein Jahr in Konstantinopel*, «Türkische Bibliothek», Berlin, 1905—1909. (См. рецензию В. А. Гордлевского в журн. «Этнографическое обозрение», 1909, № 2—3, стр. 205—208).

⁴ «Турецкие очаги» существовали и после кемалистской революции. В 1931 г. они стали организациями Народной-республиканской партии.

⁵ Mehmet Halit (Bayrı), *Cumhuriyet devrinde halkbilgisi hareketleri*, «Halkbilgisi haberleri», 1933, № 29, стр. IV.

⁶ «Türkiyat mecmuası», İstanbul (выходит с 1925 г.). См. рец. А. Самойловича в *Записках коллегии востоковедов*, т. II, вып. 2, Л., 1927, стр. 373—375.

⁷ В административном отношении Турция в те годы была разделена на 57 вилайетов.

организовало ряд экспедиций. В 1928 г. член общества Али Рыза Ялгын совершил поездку к туркменским племенам в горах Тавра. В 1929 г. Абдюлькадир Инан совместно с экспедицией Стамбульской консерватории⁸ обследовал обширный район Восточной Анатолии (вилайеты Трабзон, Ризе, Гююшхане, Эрзурум, Эрзинджан). В 1930 г. экспедиция Общества под руководством Абдюлькадира Инана выезжала в район Зиянтеба, где велась полевая работа в деревнях и среди туркменских племен ильбас, карашейхли и барак. В 1931 г. Мюшфика А. Инан совершила поездку в район Миша. В 1932 г. экспедиция в составе М. Х. Байры, Ю. З. Демирджи и Х. Т. Даглы была направлена в вилайет Балыкесир. Участники экспедиций, как правило, представляли доклады о проделанной работе, которые обсуждались на заседаниях ученых ветов Общества.

Из других начинаний Общества следует отметить деятельность «Комиссии по изучению ремесел в Турции», проделавшей большую работу по сбору фактического материала. Материал, собранный участниками экспедиций, членами и корреспондентами Общества, публиковался в «Ежегоднике народоведения»⁹, выходивший отдельными изданиями. В Анкаре Общество выпустило два тома «Журнала народоведения» (1928 и 1929 гг.).

В 1929 г. Стамбульское отделение Общества стало издавать ежемесячник «Вестник народоведения»¹⁰, цель которого заключалась в том, чтобы «как можно скорее сделать общим достоянием богатый материал, собранный в результате деятельности этнографического Общества»¹¹. До мая 1931 г. ежемесячник выходил регулярно. Затем, после двухлетнего перерыва он стал издаваться уже другой организацией — Отделением языка, литературы и истории Стамбульского «народного дома» Народно-республиканской партии.

Общество народоведения также перестроило свою работу; его члены стали работать в «народных домах», в результате чего Общество вскоре распалось. В этом сыграла и крайняя необеспеченность Общества материальными средствами (добровольные взносы и пожертвования, за счет которых оно существовало, были ничтожны). «Вестник народоведения» выходил до 1940 г. (всего вышло около 100 номеров).

Оценивая работу Общества, можно с полным основанием сказать, что оно сыграло ведущую роль в становлении этнографической науки в современной Турции, пробудило интерес к этнографии среди широких слоев турецкой интеллигенции и способствовало сбору богатейшего фактического материала по быту и культуре народов страны. Но за финансовых затруднений только часть полевых исследований была опубликована.

В 1949 г. была создана аналогичная организация под названием «Турецкое общество по изучению фольклора (народоведения)» — Türk Folklor (Halkbilgisi) Deri выпускающая ежемесячный журнал «Изучение турецкого фольклора»¹². После продолжения традиции своего предшественника — «Вестника народоведения» — и включает богатые этнографические и фольклорные материалы. Вновь созданное общество также работает в трудных условиях из-за недостатка денежных средств. В 1951 г. оно не смогло послать своего делегата на Международный конгресс этнографии и фольклористов в Стокгольме.

Большую работу по собиранию этнографического материала и популяризации этнографической науки проделали «народные дома». С потерей власти в 1950 г. Народно-республиканская партия потеряла и «народные дома». Теперь они вновь называются «Турецкими очагами» и считаются не принадлежащими ни к какой партии. Роль «очагов» (как прежде «домов») вытекает из общей национал-шовинистической идеологии правящих групп, отрицающих классы и классовую борьбу и пропагандирующих тезис о «единстве турецкой нации». Их главная задача — держать массы в плену «жужжащей идеологии и отвлекать их от борьбы за свои классовые интересы. Поэтому в отношении научных выводов и обобщений к трудам этих организаций нужно подходить весьма критически, несмотря на проделанную ими значительную работу по сбору фактического материала.

Этнографическая работа в «народных домах» велась в отделениях языка, литературы и истории, а также в отделениях музеев и исторических памятников. При посредственной поддержке Министерства просвещения члены «домов» участвовали в пополнении фондов этнографических музеев, устраивали этнографические выставки, издавали каталоги и путеводители по городам и музеям страны.

В собирании этнографического материала большая заслуга принадлежит турецким этнографическим и краеведческим музеям, организованным в 1930-х годах. Это, прежде всего Анкарский этнографический музей, этнографические музеи в Адане и Бе

⁸ Стамбульская консерватория в 1930-х годах организовала четыре экспедиции в Анатолию для нотной и магнитофонной записи народных песен и кино съемки народных танцев. Собранные материалы были частично опубликованы.

⁹ «Halkbilgisi yillığı», Ankara, 1928.

¹⁰ «Halkbilgisi mecmuası», Ankara, 1928, 1929.

¹¹ «Halkbilgisi haberleri», İstanbul, 1929—1931, 1933—1936.

¹² Редакционная статья в «Halkbilgisi haberleri», 1924, № 4, стр. 1.

¹³ «Народные дома» — просветительские организации Народно-республиканской партии, созданные в 1932 г. взамен «турецких очагов». В 1949 г. по стране насчиталось 474 «народных дома» (в городах) и 4306 «народных комнат» (в селах). «Народные дома» имели свои издания. Так, в Анкаре ими с 1933 по 1950 г. выпускался ежемесячный журнал (с 1942 по 1950 г. — двухнедельный) «Ülkü» («Идеал»).

¹⁴ «Türk Folklor araştırmaları», Ankara, 1950, № 25; 1951, № 30; 1958, № № 106, 11

ме, краеведческий музей в Бурсе, а также этнографические отделы стамбульских музеев¹⁵. Названные музеи ведут и издательскую деятельность. Так, в 1956 г. Анкарский этнографический музей выпустил сборник «Турецкая этнография»¹⁶.

Наконец, немалую роль в этих работах сыграло и Министерство просвещения, которое оказывало помощь «народным домам» и этнографическим музеям в их деятельности. С 1933 г. Министерство просвещения издавало специальный периодический сборник для работников музеев и «народных домов» — «Журнал турецкой истории, археологии и этнографии»¹⁷.

Но если все эти организации основной упор делали на собирание фактического материала, то попытки научных исследований и теоретических обобщений, иногда успешные, а иногда и нет, предпринимались главным образом в Турецком историческом обществе (ТИО, по-турецки *Türk Tarih Kurumu*) и в Институте антропологии и этнологии при факультете языка, истории и географии Анкарского университета. В 1930 г., по инициативе Кемала Ататюрка, первого президента Турецкой республики, в управленческом центре «турецких очагов» было восстановлено существовавшее с 1910 г. — до кемалистской революции — Общество по изучению турецкой истории (*Türk Tarihi Tetkik Encümeni*), с 1931 г. называвшееся *Türk Tarihi Tetkik Cemiyeti*, а позднее — ТИО. Это Общество провело большую работу в области не только собственно истории, но и других исторических наук — археологии, этнической антропологии и этнографии. Оно явилось инициатором созыва турецких съездов историков¹⁸, принимало участие в международных научных конгрессах, участвовало совместно с Министерством просвещения и «народными домами» в сборе этнографического и краеведческого материала. Периодический печатный орган ТИО — «*Belleten*» — издается с 1937 г. по четыре выпуска в год. ТИО публикует также материалы турецких съездов историков, издает отдельные работы турецких ученых.

Однако центром этнографической науки следует все-таки признать упомянутый выше Институт антропологии и этнологии. Этот Институт, как и весь факультет, создан в 1936 г. Директор Института — известный турецкий антрополог, археолог и этнограф, профессор Шевкет Азиз Кансу. Институт был организован ряд экспедиций, его сотрудники ведут обширные полевые исследования в селлах и среди кочевых племен, в результате чего ими защищено несколько диссертаций по антропологии и этнографии. Институт организован две постоянные научно-исследовательские станции — в Восточной Анатолии и Измире, создан архив этнографического и фольклорного материала. При Институте существует кафедра для подготовки специалистов по этнографии и антропологии, читаются лекции по этим наукам¹⁹. Исследования сотрудников Института печатаются в научном журнале факультета, который с 1942 г. выходит каждые два месяца²⁰. Институт выпускает антропологический журнал и «Труды по антропологии и этнологии». Ряд исследований вышел в свет отдельными изданиями.

Такова внешняя, формальная сторона изучения этнографии в Турции. Попробуем разобраться по существу — как, по каким направлениям развивалась турецкая этнографическая наука. Прежде всего следует отметить, что турецкая этнографическая терминология заимствована с Запада и еще не совсем уточнена. Так, например, нет четкого разграничения между «народоведением» (*halkbilgisi*) и фольклором (*folklor*). Это отразилось даже в названии турецкого этнографического общества: «Турецкое общество по изучению фольклора (народоведения)». Помимо этих терминов, турецкие этнографы оперируют еще и понятиями: этнография (*etnoğrafya*), этнология (*etnoloji*) и антропология (*antropoloji*). В этой терминологии тоже нет четких установившихся границ. Так, в книге А. Бахи «Этнография Стамбула»²¹ помещено много и фольклорного материала, а в книге М. Х. Байры «Фольклор Стамбула»²², наоборот, основная масса материала — этнографическая (народная медицина, верования, обряды, обычаи, праздники). Характерно, что и народную медицину в Турции часто называют «медицинским фольклором» (*tıbbî folklor*). Или, например, исследование о юрках Южной Анатолии К. Гюнгёра в этнографической и фольклорной части озаглавлено: «Этнология и фольклор»²³.

¹⁵ Некоторые из музеев Стамбула были организованы на основе дворцовых коллекций еще в XIX в.

¹⁶ «*Türk etnoğrafya dergisi*», Ankara, 1956. № 1.

¹⁷ «*Türk tarih, arkeologiya ve etnoğrafya dergisi*», Ankara, 1933, 1934, 1936, 1940.

¹⁸ 1-й съезд состоялся в 1932 г., 2-й — в 1937 (материалы опубликованы в 1943 г.), 3-й — в 1943 (материалы опубликованы в 1948 г.), 4-й — в 1948, 5-й — в 1956.

¹⁹ В 1943 г., например, были прочитаны лекции: «Эндогамия у кочевых и охотничьих тюркских племен и опыт объяснения терминов родства у тюркских племен» (Абдилькадир Инан), «Некоторые хозяйственные организации и обычаи тюрков и их функции» (Х. Б. Кунтер); в 1944 г. — «Пережитки шаманизма у тюрков-мусульман» (Абдилькадир Инан), «В чем родство тюрков и венгров» (Х. Кун); в 1946 г. — «Роль женщины в обряде бракосочетания в Анатолии» (Н. Айген).

²⁰ «Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi» (AÜDTCFD), Ankara, 1942—1959.

²¹ A. B a h a, İstanbul etnoğrafyası, İst., 1934.

²² M. H. B a y r ı, İstanbul folkloru, İst., 1947.

²³ K. G ü n g ö r, Cenubi Anadolu Yürüklerinin etnoantropolojik tetkiki, Ankara, 1941.

Турецкий ученый Ш. А. Кансу считает, что вместо «этнология» лучше говорить «этнологическая антропология», причем этнография, по его мнению, является одной из разделов этнологии, которая, в свою очередь, входит в социологию²⁴. Следуя этим, большинство турецких исследователей признает за этнографией право быть не описательной наукой, противопоставляя ей «этнологию» как науку теоретическую, и которой этнография должна поставлять фактический материал. Видимо, исходя из такой предпосылки, турецкие этнографы главное внимание уделили особо тщательному сбору фактического материала на основе полевых исследований, с привлечением первоисточников (архивных документов, исторических памятников, материалов археологических раскопок и данных фольклора). Отдавая им должное, надо сказать, что этой области они проделали многое.

Из трудов подобного рода кратко остановимся на работах, посвященных определенным районам страны. Многие из этих исследований вышли отдельными изданиями, хотя не менее богатый материал был опубликован в периодической печати. В ряде таких работ хронологически первым идет «Отчет о первой научной экспедиции» (в восточную Анатолию) Абдюлькадира Инана²⁵. Здесь дано описание жилищ, очагов, сельскохозяйственных орудий, приведен народный календарь сельскохозяйственных работ, отмечаются особенности местного скотоводства; один из разделов отчета посвящен местным ремеслам, другие разделы — семейным отношениям, народной медицине, религиозным обрядам, местной топонимике и иным вопросам.

В упомянутой выше книге А. Бахи «Этнография Стамбула»²⁶ освещаются историческое заселение отдельных районов этого города, положение переселившихся в разное время групп населения и их занятия (сафранболуцлы, бартынцы, иранцы, дагестанцы, азербайджанцы, крымские татары, босняки, албанцы). Этнографические особенности деревень района Анкары подробно описаны в книге Х. З. Кошая «Анкарское народное творчество»²⁷. Автором собран материал о различных обычаях и поверьях, семейных отношениях, одежде, пище, жилищах крестьян. Книга хорошо иллюстрирована. Другая книга того же автора «Материал по этнографии и фольклору Анатолии»²⁸ содержит наблюдения над местными ремеслами, промыслами и другими занятиями населения. Автор собрал материал по одежде, пище и жилищам, подробно описаны обряды рождения, бракосочетания, погребения. В книге много фотографий, рисунков и схем (дома, орудия, сельскохозяйственные орудия, повозки, сбруя, одежда, обувь, ткацкие станки, орнаменты ковров). Следует отметить книгу М. Джелила «Жизнь старого Стамбула»²⁹, отличающуюся богатством иллюстраций, выполненных Э. Калмыком. Художнику удалось воспроизвести множество уникальных предметов, находящихся в музейных коллекциях и антикварных лавках. Интересна и монография А. Р. Ялы «Район Каратепели в Таврах»³⁰, в которой собран материал, охватывающий все стороны этнографии небольшого горного района Южной Анатолии.

Ряд работ посвящен отдельным этнографическим темам. Например, книга Х. З. Кошая «Сравнительный материал о турецких свадьбах»³¹ включает описание свадебных обрядов, бытующих в различных районах Турции. Этой же теме посвящена работа Ю. З. Демирджи «Старые свадебные обычаи в Анатолии»³² — результат полевых исследований автора в горном районе вилайета Мугла. Из работ о жилищах упомянем книгу М. Аюка и А. Гёкоглу «Старые анкарские дома»³³ и обширный труд О. А. Аджибаямы «Этнографические исследования о жилищах в районе Аджибаямы»³⁴. Одежде посвящена работа сотрудницы Анкарского этнографического музея Энисе Енер «Одежда женщин старой Анкары»³⁵. Не ограничиваясь описанием, автор проследил историю развития и причины изменения женской одежды в Турции на протяжении XIX—XX вв. Из работ о народных ремеслах вышли книги: К. Дирика о ковроткачестве и Т. Эшберка о ручных ремеслах в деревне³⁶. Из исследований о народной медицине

²⁴ Ş. A. K a n s u, Antropoloji tarihi ve programı hakkında, «Ülkü», т. 7, № 37, 1936.

²⁵ Abdülkadir İ n a n, Birinci ilmi seyahate dair rapor, İst., 1930.

²⁶ A. B a h a, Указ. раб. Этот же автор опубликовал интересную работу о юроческих свадьбах — «Safranboluda Yürük düğünleri», İst., 1932.

²⁷ H. Z. K o ş a y, Ankara budun bilgisi, Ankara, 1935. Автор одно время был начальником управления музеев и исторических памятников Министерства просвещения, затем директором Анкарского этнографического музея.

²⁸ H. Z. K o ş a y, Anadolu'nun etnografya ve folkloruna dair malzeme, Ankara, 1937. Материал собран во время участия автора в археологических раскопках в деревне Аладжа-Хёюк (Alaca Höyük).

²⁹ M. C e l a l, Eski İstanbul yaşayışı, İst., 1946.

³⁰ A. R. Y a l g ı n, Toroslarda Karatepli bölgesi, Ankara, 1952.

³¹ H. Z. K o ş a y, Türk düğünleri üzerine mukayeseli malzeme, Ankara, 1944.

³² Y. Z. D e m i r c i, Anadolu'da eski düğün ve evlenme adetleri, İst., 1938.

³³ M. A k o k ve A. G ö k o ğ l u, Eski Ankara evleri, Ankara, 1945.

³⁴ O. A. A c ı p a y a m l ı, Acıpayam ve çevresinde mesken ve mesken ile ilgili etnografik araştırmalar, AÜDTCFD, т. XII, № 3-4, 1954, стр. 163—216.

³⁵ Enise Y e n e r, Eski Ankara kadın kıyafetleri, AÜDTCFD, т. XIII, № 3, 1955, стр. 21—37.

³⁶ K. D i r i k, Eski ve yeni Türk halıcılığı, İst., 1938; T. E ş b e r k, Türkiye'de köpekli sanatlarının mahiyeti ve ehemmiyeti, Ankara, 1939.

упомянем работу А. Сюхейля, посвященную истории народной медицины в Турции и ее отражению в турецком фольклоре³⁷.

Много потрудились турецкие этнографы и в области изучения кочевых племен, но опять-таки в основном только как усердные собиратели фактического материала, не удосужившиеся сделать соответствующие теоретические обобщения и необходимые выводы. Несмотря на то, что в Турции до сих пор существуют кочевые племена — остатки огузских и туркменских этнических объединений, пришедших сюда в XI в. и позднее, турецкие этнографы одну часть этих племен называют юрюками, другую — туркменами, не показывая, однако, в чем их различие. В. А. Гордлевский, анализируя архивные документы о тюркских племенах в Анатолии в XVI—XVIII вв., изданные А. Рефиком³⁸, пришел к выводу, что термины «юрюк» и «туркмен» «как-то различаются и противопоставляются». Он отметил, что мелкие подразделения туркмен кое-где еще сохраняют прежние огузские наименования 24 племен. Но и он не дал четкого разграничения между юрюками и туркменами³⁹. А. Д. Новичев рассматривает юрюков и туркмен в Турции как одну этническую общность, отмечая в то же время, что слово «юрюк» (турецкое — «кочевник») не является этническим термином и применено автором условно⁴⁰. Возможно, что разница между юрюками и туркменами в Турции только историческая, а не этническая, так как в Османской империи «юрюками» назывались кочевые племена, состоявшие на военной службе султана⁴¹. Если среди юрюков и были племена не тюркского происхождения, то они давно уже тюркизированы. Сделав такую оговорку, мы сохраняем в данной статье термины «туркмен» и «юрюк» в тех случаях, когда они употреблены турецкими этнографами.

А. Р. Ялгын издал большую работу — плод десятилетних исследований — «Туркменские племена на Юге»⁴². Турецкий историк Ф. Кёпрюлю в предисловии к этой книге отмечал, что о туркменах Анатолии до сих пор написано очень мало, хотя вопрос о них весьма важен для понимания истории Турции, и что многие работы европейских ученых о туркменах Турции — поверхностны и даже ошибочны. Ялгын указывает, что в Южной Анатолии, между реками Гёксу и Ефрат, 30% населения составляют туркмены, причиславшие сюда 200—250 лет назад. Автор пишет что они полностью сохранили свои обычаи и даже передали кое-что из них местному населению. По словам автора, ныне все туркмены перешли на оседлость. В работе приводится генеалогическая структура племен, описывается их родовая и социальная организация, много внимания уделяется этнографическим особенностям туркмен (жилища, домашняя утварь, пища, ремесла и другие занятия, обряды и обычаи, фольклор). В 1940 г. Ялгын опубликовал новую книгу о туркменах — «Музыкальные инструменты туркмен на Юге»⁴³.

Юрюкам Южной Анатолии посвящена работа К. Гюнгёра «Этно-антропологическое исследование юрюков Южной Анатолии»⁴⁴, изданная Институтом антропологии и этнологии. Автор вел полевые исследования среди юрюков в 1938 и 1939 гг. Первая часть книги содержит результаты антропологических исследований юрюков, проведенных автором (антропометрия, краниометрия, исследования цвета волос, глаз и кожи, сравнение полученных данных с аналогичными данными о турках). В кратких выводах автор пишет, что, хотя юрюки антропологически и отличаются от турок (например, распространение долихокефалии и мезокефалии у юрюков, тогда как турки — брахицефалы), тем не менее они по языку и культуре относятся к «великому турецкому единству, как и туркмены». Таким образом, автор, правильно характеризуя юрюков как тюркскую этническую группу, к сожалению, придает своим выводам пантюркистскую окраску. Вторая часть книги озаглавлена «Этнология и фольклор». Здесь описываются расселение юрюкских племен, их занятия, генеалогия и социальная организация; приведены названия терминов родства, юрюкский календарь; широко показаны обычаи и материальная культура:

Турецкие этнографы особенно много внимания уделяют изучению деревни. Да это и понятно, если учесть, что около 80% населения Турции — крестьяне. Отметим, что даже чисто фактологические работы без всяких выводов, написанные как бы холодными регистраторами событий, нередко превращались в обличительные документы, бедительно рисующие бедственное положение турецкой деревни. Одним из таких документов является работа М. Тугрула «Статика и динамика населения деревни

³⁷ A. Süheyl, Türkiye'de tıbbî folklor hakkında rapor, «Halkbilgisi haberleri», 336, № 56.

³⁸ A. Refik, Anadolu'da Türk aşiretleri, İst., 1930.

³⁹ В. А. Гордлевский, Государство Сельджукидов Малой Азии, Л., 1941, стр. 62.

⁴⁰ А. Д. Новичев, Турецкие кочевники и полукочевники в современной Турции, Сов. этнография», 1951, № 3, стр. 108, Примечание.

⁴¹ См. S. Çetintürk, Osmanlı İmparatorluğunda Yürük sınıfı ve hukukî statüleri, İÜTCFD, t. II, № 1, 1943.

⁴² A. Rıza (Yalgın), Cenupta Türkmen oymakları. Книга вышла несколькими выпусками: Kısım 1, İst., 1931—1932; Kısım 2, Kısım 3, Ankara, 1933; Kısım 4, Adana, 1934; Kısım 5, Adana, 1939. Подробнее об этой книге см. А. Д. Новичев, Указ. раб., стр. 108—129.

⁴³ A. R. Yalgın, Cenupta Türkmen çalgıları, Ankara, 1940.

⁴⁴ K. Güngör, Cenubî Anadolu Yürüklerinin etnoantropolojik tetkiki, Ankara, 1941. (См. упомянутую статью А. Д. Новичева.)

Махмутгази»⁴⁵, содержащая много интересных цифр, в частности о процессе распада деревни и уходе крестьян-бедняков в города. Не случаен тот факт, что в 1942 году из 826 жителей этой деревни в город ушли 293 человека, причем основная масса ушедших — бедняки и разорившиеся крестьяне⁴⁶. Даже если учесть что деревня Махмутгази расположена вблизи промышленного района (Измир) и данные относятся к одному из наиболее тяжелых для сельского хозяйства Турецких периодов (годы второй мировой войны), все же эта цифра крайне высока и говорит о весьма сильном процессе разорения бедняцких и середняцких хозяйств. По сведениям Тугрула, 48 человек (из них 38 женщин) составляют деревенскую верхушку — селулаков, торговцев, имамов. Эти люди сами не работают, а эксплуатируют чужой труд.

В работе приводятся много других цифр, характеризующих безрадостное положение турецкой деревни. Например, процент грамотных среди мужчин равен 67,5, а среди женщин — 5,2. Из 80 девочек школьного возраста лишь 9 посещают начальную школу, остальные работают. Преподавание поставлено плохо: большинство учеников сельской начальной школы не может поступить в среднюю школу из-за неполноценности полученных знаний. Браки совершаются, как правило, по догам шариа; не изжит многоженство. Высока детская смертность: число жителей в возрасте 15—19 лет на голову меньше числа детей до 4-х лет. Коротка продолжительность жизни: жалкий возраст которых превышает 50 лет, составляют 11,7% населения деревни.

Интересную работу издал М. Н. Алпай, объездивший в 1946 г. с этнографической целью всю Турцию и давший богатый фактический материал о жизни крестьян⁴⁷.

Возможно, именно пристальное внимание к собиранию фактов о положении в деревне послужило основой того, что некоторые турецкие исследователи вплотную подошли к марксистскому научному методу и даже в известной степени использовали в своих работах. Это, прежде всего, доценты Анкарского университета Бехидже Боран и Ниязи Беркес. В 1947 г. они за прогрессивную деятельность были уволены из университета и лишены права преподавания. В 1950 г. Б. Боран, возглавлявшая турецкое Общество сторонников мира, и Н. Беркес, один из активнейших деятелей этого Общества, были арестованы.

Одна из работ Б. Боран — «Разделение труда и социальное положение женщины» написана бесспорно с позиций исторического материализма на основе тщательного соборанного материала о деревнях вилайета Маниса. Выясняя причины социального неравенства женщины, автор убедительно показывает, что их надо искать в области экономических отношений. Даже если женщина юридически владеет собственностью, она не может фактически распоряжаться ею — этим правом обладает ее муж или отец. Отсюда вытекает и эксплуатация женщины в деревне, ее удаление от общественной жизни. Автор отвергает утверждения некоторых этнографов об «извечной» зависимости женщины от мужчины. Книга Боран содержит большой фактический материал о разделении сельскохозяйственного труда между мужчиной и женщиной. Автор показывает, что наиболее трудоемкие работы в турецкой деревне лежат на плечах женщин.

Результаты работы Н. Беркеса в деревнях Анкарского вилайета в 1940 г. описаны в его книге «Исследования о некоторых деревнях Анкарского вилайета»⁴⁸. Он описывает расположение и планировку деревень, население; анализирует экономический земельный вопрос, проблемы собственности и обмена. Отдельные главы посвящены сельскохозяйственным орудиям (здесь рассмотрены также жилища, утварь, одежда и пища), системе родства, брачным отношениям, взаимоотношениям в семье, между соседями и односельчанами.

Аналогичный характер носит работа Медихе Беркес «Социологическое исследование деревни Эльван»⁴⁹. Чтобы обстоятельно изучить положение в деревне, М. Беркес специально пошла работать сельской учительницей в деревню Эльван (Анкарский вилайет). Сперва она хотела ограничиться темой семейных отношений и связанных с ними обычаев и обрядов, но вскоре в процессе работы убедилась в том, что без изучения экономических отношений нельзя глубоко понять сельскую семейную жизнь. Поэтому большая часть работы Беркес посвящена экономике и экономическим отношениям в деревне. Автор уделяет большое внимание земельному вопросу и аграрным отношениям. В работе, между прочим, показывается, что при наличии земельного голода часть людей не обрабатывается из-за отсутствия современных сельскохозяйственных орудий. Распространена издольщина, есть и батраки. У крестьян много долгов. Богатая слойка деревни занимается ростовщичеством.

Другая часть работы посвящена семье. Здесь автор убедительно доказывает, что и те или иные обычаи обусловлены экономическими отношениями. Так, происходящий под влиянием города распад больших семей в деревне из-за экономической необходимости совместно вести хозяйство протекает медленно. Поэтому в целях сохранения

⁴⁵ M. Tuğrul, Mahmutgazi köyünde nüfus durumu ve nüfus hareketleri, AÜDTCFD, т. III, № 3, 1945, стр. 290—300.

⁴⁶ Там же, стр. 300.

⁴⁷ M. N. Alpay, Köy davamız de köyün içyüzü, Ankara, 1952.

⁴⁸ Behice S. Boran, İş bölümü ve kadının sosyal mevkii, AÜDTCFD, т. III, № 3, 1947.

⁴⁹ N. Berkes, Bazı Ankara köyleri üzerinde bir araştırma, Ankara, 1942.

⁵⁰ M. Berkes, Elvan köyünde sosyal bir araştırma, AÜDTCFD, т. II, № 1, 1941.

имущества в семье распространены браки с родственниками. Случаи многоженства редки. Умыкание невест происходит в тех случаях, когда нет средств на уплату калыма.

Научную ценность представляют также труды по исторической этнографии. Отметим работу С. Четинтюрка «Класс юрюков в Османской империи и его правовое положение»⁵¹. Автор анализирует этимологию слова «юрюк», утверждая, что так называли кочевников уже осевшие турки. На основе архивных документов Османской империи автор устанавливает время появления упоминаний о юрюках (рубеж XV—XVI вв.), указывает районы их кочевания, приводит численность отдельных племен, характеризует их военно-племенную организацию и разбирает правовое положение в период пребывания этих племен на «султанской службе в качестве вооруженных отрядов и вспомогательных частей. Автор характеризует юрюков не как этническую общность, а как особый военный «класс».

Аналогична этой и работа Э. З. Карала, посвященная первой переписи населения в Османской империи⁵², проведенной в 1831 г. Автор дает картину расселения юрюкских и туркменских племен в Анатолии, приводит их численность, а также численность сельского и городского мусульманского и немусульманского населения. Одна из работ Абдюлькадира Инана посвящена вопросу происхождения клятвы у тюрков⁵³, которое автор связывает с тотемизмом и шаманизмом. На основе фольклорного материала он подробно анализирует торжество, связанные с дачей клятвы у тюркских народов.

В целом исторической этнографии посвящено много работ, опубликованных в «Тюркологическом журнале», «Бюллетене» ТИО и в материалах турецких съездов историков. Не все эти работы равноценны, некоторые из них написаны с реакционных позиций пантюркизма и расизма. Пантюркизм, как известно, нанеший большой вред всем отраслям исторической науки в Турции, задел и турецкую этнографию. Особенно сильно сказалось его влияние в этнической антропологии и исторической этнографии. Ярким примером этому может служить книга Афет Инан «Антропологические особенности народа Турции и турецкая история»⁵⁴, в которой большой фактический материал обесценен явно антинаучными выводами. Автор пытается доказать, что турки или родственные им народы жили в Анатолии задолго до прихода туда тюркских племен, а что в нынешней Турции, по существу, нет национальных меньшинств. Инан путает антропологическую общность с этнической. Сходство антропологических черт у прежних и нынешних обитателей Анатолии она объясняет не тем, что пришельцы-тюрки, смешавшись с местным населением и тюркизируя его лишь в отношении языка и культуры, почти не повлияли на его антропологический тип, а тем, что близкородственные туркам народы обитали на территории современной Турции задолго до прихода первых тюркских кочевников. Это утверждение противоречит историческим фактам⁵⁵.

Антропологические доказательства автохтонности турок Афет Инан «подкрепляет» этнографическими (например, сходством между хеттскими геометрическими орнаментами и узорами на турецких коврах). Автор силится доказать, что курды, лазы и другие национальности, живущие в Турции, входят вместе с турками в «одно расовое единство»⁵⁶. Невольно вспоминается заявление бывшего генерального секретаря Народно-республиканской партии Реджеба Пекера о том, что в «Турции нет нетурок, а есть люди, которым внушена мысль, что они курды, черкесы, лазы и т. д.»⁵⁷. В книге также защищаются расистские теории о культурном превосходстве альпийской «расы брахикефалов», к которым автор относит и самих турок.

Ряд работ по исторической этнографии проникнут духом шовинизма. Так, Ш. Алтундаг в статье «Заметки о культуре и общественном строе турок в первый период Османской империи»⁵⁸ пытается обосновать завоевания турок их якобы высшей культурой. Расистский характер имеет и работа А. Ш. Кансу «Исследование по географическому расселению турецкой интеллигенции в Анатолии»⁵⁹, в которой автор старается объяснить развитие интеллекта не социально-историческими причинами, а биологическими-антропологическими данными (например, брахикефалией).

Общим и крупным пороком работ большинства турецких этнографов является их описательно-объективистский характер; турецкие этнографы особенно гонятся за «этногитическими» темами (отсюда сравнительно больше работ о кочевниках, чем о жителях оседлых крестьян); в своих работах они обычно обходят такую острую тему, как существующий гнет помещиков и его формы; совершенно не привлекает турецких этнографов и жизнь турецких рабочих.

⁵¹ S. Çetintürk, Указ. раб.

⁵² E. Z. Karal, Esmanlı İmparatorluğunda ilk nüfus sayımı, 1831, Ankara, 1943.

⁵³ A. Inan, Eski Türklerde ve foiklarda «Ant», AÜDTCFD, т. VI, № 4, 1948.

⁵⁴ Afet İnan, Türkiye halkının antropolojik karakterleri ve Türkiye tarihi, Ankara, 1947.

⁵⁵ Историческая часть книги Афет Инан подверглась критике и в самой Турции (см., например, H. Demircioğlu, Antropoloji ve tarih, AÜDTCFD, т. VI, № 1-2, 1948).

⁵⁶ Afet İnan, Указ. раб., стр. 182.

⁵⁷ См. Т. Алп, Kemalizm, Ankara, 1936, стр. 303—304.

⁵⁸ Ş. Altındağ, Osmanlıların ilk devirlerinde Türklerin kültür ve sosyal durumları hakkında birkaç not, AÜDTCFD, т. II, № 4, 1944.

⁵⁹ A. S. Kansu, Anadolu'da Türk müfekkirlirinin coğrafi yayılışı üzerine bir araştırma, AÜDTCFD, т. I, № 1, 1942, стр. 21—28.

Д. Д. ТУМАРКИН

НОВЫЕ АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ГАВАЙЦАХ

В июле 1819 г. из Кронштадта в кругосветное плавание вышли шлюпы «Открытие» и «Благонамеренный». Главной целью этой экспедиции, руководимой капитан-лейтенантом М. Н. Васильевым (1770—1847), было отыскание морского пути из Тихого океана в Атлантический через Северный Ледовитый океан. Эта задача осталась не выполненной. Но экспедиция Васильева все же внесла свой вклад в решение данной проблемы. Она открыла в Беринговом море остров Нунивак и, проникнув в Северный Ледовитый океан, описала большой участок арктического побережья Америки. Находясь в Тихом океане, корабли экспедиции дважды (в марте — апреле и ноябре — декабре 1821 г.) посетили Гавайские острова.

По возвращении «Открытия» и «Благонамеренного» в Кронштадт (август 1822 г.) в русских газетах и журналах появились сообщения, высоко оценивавшие как научные результаты экспедиции, так и мореходное искусство и мужество ее участников. П. Д. И. Хвостов воспеал это кругосветное плавание в поэме. Однако отчет об экспедиции Васильева не был опубликован, и долгое время считалось, что ее подробного описания не существует.

Дело в том, что Васильев по возвращении в Россию не получил длительного отпуска, необходимого для написания труда о возглавлявшейся им экспедиции, а был сразу назначен на ответственную командную должность в Кронштадт. В одном из документов, хранящихся в Центральном Государственном архиве военно-морского флота в Ленинграде (ЦГАВМФ) (ф. 205, д. 644, л. 5) ¹, прямо говорится, что «Васильев отозвался неимением времени для описания сего достопамятного путешествия». Тем за этот труд взялся А. П. Лазарев, брат известного мореплавателя, участвовавшего в экспедиции 1819—1822 гг. в качестве лейтенанта на шлюпе «Благонамеренный».

В 1830 г. Лазарев закончил описание экспедиции и представил свое сочинение в Главный морской штаб. Но председатель ученого комитета морского штаба Л. И. Голицишев-Кутур отказался одобрить полученную рукопись, сославшись на необходимость детальной проверки сообщаемых сведений и внесения в нее некоторых добавлений. В результате труд Лазарева пролежал четырнадцать лет без движения, а затем был взят обратно автором (ф. 162, д. 44, лл. 29—49).

Почти одновременно с рукописью Лазарева в ученый комитет морского штаба поступили записки о той же экспедиции от бывшего мичмана шлюпа «Благонамеренный» К. К. Гиллесема. По предложению председателя комитет уклонился от одобрения к этой рукописи, предъявив автору невыполнимые требования (ф. 205, д. 1, лл. 1—17). Лишь в 1849 г. сокращенный вариант записок Гиллесема был опубликован в журнале «Отечественные записки» (№ 10—12). Приноровленный к вкусам тогдашнего читателя, этот вариант получился довольно поверхностным, а потому научная ценность его весьма невелика ².

В 1948 г. в Смоленском государственном областном архиве была обнаружена неизвестно как попавшая туда упомянутая выше рукопись Лазарева. В 1950 г. она была издана отдельной книгой ³. В отличие от Гиллесема, рассказавшего только о части плавания на «Благонамеренном», Лазарев, опираясь на собственный дневник,

¹ В дальнейшем в тексте указываются только фонд, дело и лист.

² Полный текст сочинения Гиллесема пока обнаружить не удалось. Известно лишь, что в 1831 г. рукопись была возвращена автору, который к тому времени вышел в отставку и поселился в Риге. В деле о рассмотрении указанной рукописи в ученом комитете морского штаба сохранилось подробное оглавление ее первой части. Ознакомившись с этим документом, позволило установить, что журнал «Отечественные записки» в 1849 г. опубликовал сокращенный вариант работы Гиллесема. В нем отсутствуют главы и части глав, имевшиеся в первоначальной рукописи (ф. 162, д. 44, л. 18, ф. 1, д. 258, л. 17).

³ А. П. Лазарев, Записки о плавании военного шлюпа «Благонамеренный» в Берингов пролив и вокруг света для открытия в 1819, 1820, 1821 и 1822 годах, М., 1950, 475 стр.

и вахтенные журналы обоих шлюпов, составил систематическое описание экспедиции с самого ее начала до возвращения в Кронштадт. В работе приводится много интересных данных по географии и морскому делу, рассказывается о посещенных местах и встречах с их обитателями, но, к сожалению, содержится мало этнографических наблюдений (исключение составляет довольно подробное описание культуры и быта оленных чукчей).

В качестве приложений в упомянутой книге опубликован ряд архивных материалов, освещающих подготовку плавания и частично дополняющих «Записки» Лазарева. Но и после этой публикации в фондах ЦГАВМФ осталось множество документов экспедиции Васильева, все еще не известных исследователям, в том числе и такие, которые представляют значительный интерес для историков и этнографов. Особенно выделяются две рукописи, рассказывающие о пребывании «Открытия» и «Благонамеренного» на Гавайских островах⁴.

Один из этих документов (ф. 213, д. 104, лл. 16—70) написан самим Васильевым, другой (ф. 213, д. 113, лл. 1—15) в архивной описи отнесен к числу сочинений «неустановленных авторов». Путем анализа содержания второй рукописи и сличения ее с образцами почерков участников экспедиции мне удалось установить, что автором этой работы является спутник Васильева на шлюпе «Открытие» лейтенант Р. П. Бойль (1794—1854), впоследствии вице-адмирал.

Оба мореплавателя проявили глубокий интерес к вопросам этнографии. Стремясь возможно полнее обрисовать различные стороны жизни гавайцев, Васильев и Бойль подолгу беседовали через переводчика со многими островитянами, посещали их жилища и плантации, присматривались к местным обычаям и нравам. В результате русским морякам удалось собрать обильный этнографический материал, сохранивший научную ценность до наших дней.

Наиболее подробно описана Васильевым и Бойлем материальная культура гавайцев. В этом отношении их записки, пожалуй, превосходят даже классический труд Ю. Ф. Лисянского, посетившего Гавайские острова в 1804 г.⁵ Так, в обеих найденных рукописях рассказывается о местных способах изготовления циновок и тапы, а также плашей, накидок и шлемов из перьев. Здесь можно найти характеристику лодок гавайцев, их оружия, рыболовных принадлежностей, мужской и женской одежды и домашних утвари. Обращает на себя внимание подробное описание жилища, составленное М. Н. Васильевым (ф. 213, д. 104, лл. 23—24). Характерно, что и он, и Бойль стремились всякий раз точно определить материал, из которого сделан тот или иной предмет, причем старались привести его местное название. В записках Васильева и Бойля перечисляются гавайские продовольственные культуры и сообщается о способах их возделывания. Оба автора останавливаются также на других продовольственных ресурсах архипелага (домашние животные, рыба, съедобные водоросли и т. д.) и рассказывают о местных приемах приготовления пищи, в связи с чем описывают земляную печь (уми).

Васильев и Бойль в основном правильно охарактеризовали общественный строй гавайцев в конце XVIII — начале XIX в., сообщив о наличии на островах раннеклассового общества с уже оформившимися классами-сословиями. В их рукописях подробно описаны наблюдавшиеся в тот период земельные отношения. Верно подмечена социальная сущность системы табу, ее роль как орудия угнетения рядовых островитян. В обеих рукописях содержатся любопытные данные о гавайских свадебных и похоронных обрядах. Особенно интересно составленное Бойлем подробное перечисление обрядов, соблюдавшихся при похоронах вождя (ф. 213, д. 113, л. 8). Это описание отчасти дополняет сообщения других мореплавателей.

Ввиду кратковременности пребывания на Гавайях Васильев и Бойль не смогли сколько-нибудь полно изучить духовную культуру островитян. Но они все же собрали ряд важных сведений о гавайских верованиях. Бойль записал полученную им от коренных жителей информацию о религиозном празднике макахики, игравшем важнейшую роль в жизни островитян; во время этого праздника, отмечавшегося осенью, производился сбор податей в пользу короля и вождей (там же, л. 9).

Ванкувер и Шамиссо обнаружили на Гавайях зачатки драматических представлений. «Сии торжественные игры овагийцев (гавайцев.— Д. Т.),— писал А. Шамиссо,— приводят нам на память хоры греков и их трагедии, существовавшие прежде введения в оные разговоров»⁶. М. Н. Васильев подробно описал эти синкретические представления, во время которых хор излагал какую-нибудь легенду или вспоминал действительно происшедшее событие, а другие участники в танце изображали рассказываемое.

⁴ Этнографический материал имеется также в рукописях М. Н. Васильева, рассказывающих о посещении Камчатки, Сан-Франциско и Уналашки, а также в записке одного из участников экспедиции о природе, истории и населении Старой и Новой Калифорнии (ЦГАВМФ, ф. 213, д. 104, 107, 114, 141).

⁵ Ю. Лисянский, Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах... на корабле «Неве», ч. I, СПб., 1812 (о пребывании на Гавайях рассказано в VII—IX главах).

⁶ «Наблюдения и замечания естествоиспытателя экспедиции Адальберта Шамиссо», в кн.: О. Коцебу, Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив для отыскания северо-восточного морского прохода, предпринятое в 1815, 1816, 1817 и 1818 годах... на корабле Рюрике, ч. III, СПб., 1823, стр. 311—312.

Интересно, что Васильев, в отличие от упоминавшихся выше мореплавателей, сообщает о наличии в хоре «запевалы», т. е. солиста (ф. 213, д. 104, лл. 54—55).

Стремясь глубже изучить различные стороны жизни гавайцев, Васильев поруч сопровождавшим его офицерам составить русско-гавайский словарь. В этой рукописи также хранящейся в архиве (ф. 213, д. 44, лл. 2—17), дается перевод 767 слов. Для сравнения укажем, что аналогичный словарь Лисянского содержит 202 слова⁷.

Экспедиция М. Н. Васильева посетила Гавайские острова вскоре после смерти Камеаеа I, в разгар «сандаловой лихорадки», принесшей неисчислимые бедствия коренному населению архипелага⁸. Васильев и Бойль с возмущением рассказывали о том, что местные правители, увлеченные возможностью получать у американских торговцев всевозможные товары в обмен на сандал, посылали в горы на заготовку этого драгоценного дерева тысячи островитян, вследствие чего многие поля остались необработанными. В записках перечисляются и другие формы угнетения рядовых островитян, причем подчеркивается, что их эксплуатация правящим сословием резко возросла после того, как король и вожди начали торговлю с иностранцами. «Народ, т. е. самый нижний класс, — пишет Васильев, — в крайней бедности, беспомощно в работе и ничего не имеет» (ф. 213, д. 104, л. 23). Васильев и Бойль сообщают о губительном влиянии на гавайцев спиртных напитков и венерических болезней, занесенных колонизаторами. Они дают уничтожающую характеристику хаоле (иноземцам поселившимся на островах, указывают, что те развращали островитян, наживаясь их счет, и бессовестно их обманывали).

В ноябре 1819 г. король Лиолио (Камеаеа II) под влиянием своих советников хаоле, а также матери, стремившейся освободиться от ограничений, налагаемых женщинами гавайской религией, объявил о ниспровержении веры предков, отменил табу и приказал разрушить храмы и статуи богов. Приверженцы старой религии во главе с Кекуанаоа подняли восстание, которое было подавлено. Сообщая об этих событиях, Васильев и Бойль указывают, что Лиолио победил благодаря поддержке сторонников хаоле, которые в решающий момент снабдили его множеством ружей.

В апреле 1820 г. на Гавайи прибыли первые американские миссионеры. Впоследствии эти церковники и их руководители в Соединенных Штатах утверждали, будто гавайцы, «по воле providения разбившие своих идолов», с энтузиазмом встретили проповедь христианства и сразу стали поклоняться «истинному богу». На самом деле как видно из обеих рукописей, Лиолио и его сподвижники отказались от старой веры вовсе не потому, что желали заменить ее новой, а рядовые островитяне тем более не склонны были принимать религию чужеземцев. В письме миссионера Бингама М. Н. Васильеву от 15 апреля 1821 г., также хранящемся в архиве (ф. 213, д. 11 л. 5), прямо говорится о трудном положении миссии. Лишь через несколько лет, и при Камеаеа III, гавайская правящая верхушка по политическим соображениям вступила в союз с американскими церковниками и стала насильственно распространять христианство среди коренного населения.

Записки Васильева и Бойля позволяют уточнить некоторые даты. Так, до сих пор оставался неизвестным год рождения Камеаеа I — объединителя Гавайских островов. Одни исследователи называли 1736 г., другие — 1748 г., третьи — 1761 г. Американский проф. Кикендолл, тщательно изучив косвенные данные, высказал мнение, что Камеаеа родился «примерно в 1753 г.»⁹. Бойль, посетивший Гонолулу вскоре после смерти «Наполеона Полинезии» и беседовавший с его ближайшими соратниками, сообщает, что этот выдающийся гавайский правитель умер в мае 1819 г. в возрасте 66 лет (ф. 213, д. 113, л. 13). Таким образом, предположение, высказанное Кикендоллом, получило серьезное подтверждение.

Из сделанного нами краткого обзора видно, что обнаруженные рукописи не могут не заинтересовать специалистов, изучающих историю и этнографию Океании. К сожалению, обе рукописи остались необработанными, а потому вряд ли возможно полностью опубликовать. Записки Васильева и Бойля засняты на микрофильм, который передан в библиотеку Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР в Ленинграде.

⁷ Ю. Лисянский, Указ. раб., ч. 1, стр. 228—236.

⁸ См.: Д. Д. Тумаркин, «Сандаловый бизнес» американских колонизаторов на Гавайских островах (Из истории колониальной политики США в Океании), в кн. «Страны Юго-Восточной Азии. История и экономика», М., 1959, стр. 148—166.

⁹ R. S. Kuykendall, The Hawaiian Kingdom, 1778—1854, Honolulu, 1968, стр. 429—430.

Х Р О Н И К А

РАБОТА ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР В 1959 ГОДУ

Решения XXI внеочередного съезда КПСС, ознаменовавшие вступление нашей Родины в период развернутого строительства коммунистического общества, явились важнейшим документом, поставившим перед этнографической наукой большие задачи по изучению закономерностей перехода к коммунизму, по творческому обобщению опыта хозяйственного и культурного строительства народов нашей страны. Перед Институтом этнографии АН СССР встала первостепенной важности задача — на основе завершенных и еще проводимых частных исследований создать обобщающие теоретические труды по проблемам, касающимся преобразования быта и культуры народов СССР в связи со строительством коммунистического общества, утверждения материалистического мировоззрения и изживания религиозно-бытовых пережитков, развития национальных форм материальной культуры народов СССР, консолидации социалистических наций, а также касающимся этнических процессов, происходящих среди малых народов и этнографических групп. Разработка этих проблем имеет большое теоретическое и практическое значение.

Руководствуясь решениями XXI съезда КПСС, Институт этнографии в течение первой половины 1959 г. составил семилетний план научно-исследовательской работы (1959—1965 гг.). Разработка плана и обсуждение основных проблем этнографической науки проводились при живейшем участии общественности не только Института, но и других этнографических учреждений страны — филиалов АН СССР, научно-исследовательских институтов академий наук союзных республик, представителей высших учебных заведений, музеев и т. п. На отчетно-экспедиционной сессии, проходившей в апреле 1959 г., с докладом о задачах советской этнографической науки в текущем семилетии выступил директор Института этнографии, член-корр. АН СССР С. П. Толстов, охарактеризовавший основные намеченные к разработке проблемы, в первую очередь — этнографическое изучение современности¹. В обсуждении проекта семилетнего плана приняли участие на секционных заседаниях и на координационном совещании многочисленные представители научно-исследовательских институтов АН СССР (археологии, истории, экономики, русской литературы), филиалов АН СССР, академий наук союзных республик, Московского, Саратовского, Казанского университетов и др.

Поддерживая инициативу Института этнографии, участники совещания в резолюции особо отметили, что первоочередной задачей советских этнографов является изучение процессов изменения социально-бытового и культурного уклада народов СССР в период развернутого строительства коммунизма в нашей стране.

При планировании своей деятельности Институт этнографии учитывал необходимость координации работы специалистов различных отраслей гуманитарной науки (историков, философов, юристов, экономистов, фольклористов) как одно из важных условий успешного развертывания исследований.

Основываясь на опыте предыдущих лет и учитывая тематику проводимых ранее работ, Институт этнографии считал необходимым сконцентрировать основное внимание на следующих направлениях этнографической науки: 1) изучение процессов изменения социально-бытового и культурного укладов у народов СССР в эпоху перехода от социализма к коммунизму; 2) исследование протекающих в нашей стране этнических процессов, в первую очередь — формирования социалистических наций, а также изучение процессов формирования наций в условиях колониального режима и во вновь образовавшихся суверенных государствах; 3) разработка вопросов происхождения человека и истории первобытного общества.

5 июня 1959 г. Президиум АН СССР, заслушав отчет С. П. Толстова о работе Института этнографии, в своем постановлении одобрил основные направления

¹ См. В. Горелов и О. Корбе, Сессия, посвященная итогам и перспективам экспедиционных исследований археологов и этнографов, «Сов. этнография», 1959, № 6

исследовательской деятельности Института, важные в научном и практическом отношении. Президиум признал, что «за истекшие годы научной деятельности Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая занял руководящее положение в развитии этнографической науки в СССР, развернул сотрудничество с научно-исследовательскими учреждениями союзных и автономных республик, установил контакты с графическими учреждениями стран социалистического лагеря и связи с международными организациями». Президиум утвердил в составе Института Комплексную экспедицию по исследованию процессов изменения социально-бытового и культурных укладов у народов СССР в эпоху перехода от социализма к коммунизму. В развернутой экспедиционной работе по проблемам, связанным с изучением населения, в 1959 г. принимали участие сотрудники почти всех секторов Института.

Комплексная экспедиция работала в составе восемнадцати отрядов, из которых восемь занимались изучением русского населения в различных областях Центральной России и Сибири, пять — изучением народов Кавказа, два — изучением народов Севера, а три отряда — изучением мордовского, карельского и бурятского населения.

Следует подчеркнуть, что почти все отряды Комплексной экспедиции работали в тесном контакте с научными сотрудниками (этнографами, фольклористами, лингвистами и др.) других учреждений, в том числе местных. В экспедиции участвовали представители 12 учреждений — Ростовского, Ленинградского, Саратовского, Краснодарского, Свердловского педагогических институтов, институтов филологии и русской литературы АН СССР, Костромского, Красноярского музеев, Московского и Адыгейского научно-исследовательских институтов, Дагестанского филиала АН СССР. Костромской отряд работал совместно с экспедицией Института литературы АН СССР.

Кроме того, в работу по изучению современности включились и отряды экспедиций. Пять отрядов Северной экспедиции (Таймырский, Северо-Восточный, Эвенкийский, Туруханский, Мурманский) в истекшем году, как и ранее, сосредоточили основные усилия на разрешении практических вопросов социалистического строительства на Крайнем Севере, на изучении современного быта, хозяйства и культуры коренного населения — нганасан, энцев, юкагиров, чукчей, эвенов, эвенков, саамов, а также русских старожилов.

Пять отрядов Среднеазиатской этнографической и Хорезмской археолого-этнографической экспедиции участвовали в разработке проблем, связанных с изучением современности. Основное внимание было уделено изучению этнографических особенностей культуры и быта сложного по своему составу населения Самаркандской области (узбеков, таджиков и др.), быта рыбаков и рабочих рыбозавода (каракалпакцев, казахов) в центральной части дельты Аму-Дарьи, культуры и быта узбеков-двуязычных рабочих совхоза им. Калинина Таджикской ССР, колхозного населения Туркменской ССР.

Таким образом, экспедиционные работы Института этнографии по изучению современности в 1959 г. охватили ряд областей РСФСР и отдельные области и республики Среднеазиатских республик, Молдавии, Эстонии. В результате этих работ были выявлены новые объекты для исследования, завершен сбор материалов для отдельных монографий, охвачены изучением целые группы населения. Материалы всех экспедиций послужат основой для теоретических обобщающих монографий.

Экспедиционная работа по проблемам, связанным с этногенезом и этнической историей, осуществлялась в 1959 г. Прибалтийской, Северной, Тувинской, Среднеазиатской и Хорезмской экспедициями. Большой интерес представляет работа отрядов Прибалтийской экспедиции (совместно с этнографами Академии наук Латвийской ССР) над проблемой культурных взаимосвязей между русским и эстонскими народами. Северо-восточный отряд Северной экспедиции был влит, по просьбе Президиума Якутского филиала АН СССР, в состав Юкагирской комплексной экспедиции и успешно работал над спорными вопросами этногенеза народов северо-востока Якутии. Продолжались раскопки древнеэскимосского могильника в Уэлене на Чукотке в целях определения исторических судеб древнейшего населения северо-востока Азии.

Среднеазиатская и Хорезмская экспедиции провели большую работу по сбору материалов для Среднеазиатского историко-этнографического атласа; следует отметить работы экспедиций по выявлению новых данных, касающихся ирригационных сооружений, в частности у полуседлых степных племен античного времени и средневековья, а также исследования погребальной обрядности, в результате которых были выявлены уникальные памятники (захоронения в наземных деревянных или подземных захоронениях катакомбного типа и др.) и положено начало систематическому архитектурно-этнографическому изучению памятников среднеазиатской культуры.

Хорезмской экспедицией, наряду с успешными работами в Хорезмском оазисе, были продолжены интенсивные исследования на протоках древней дельты Сыр-Дарьи в пустыне Кызыл-Кум. В Турткульском районе дальнейшего изучения древнего поселения амирабадской культуры Якке-Парсан 2. Вскрыт ряд полуземлянок; многочисленные находки следует отметить формы для отливки бронзовых наконечников стрел. Начаты раскопки расположенной поблизости кельтеминарской стоянки Кават 7. В том же районе при работах на раннесредневековом замке Якке-П

найжены два древнехорезмийских документа, а также ряд интересных предметов. Были продолжены работы на усадьбе V в. до н. э. в урочище Денгильдже. Установлен высокий уровень культуры этого времени, предшествовавшей расцвету хорезмийской античности. В древнем Беркут-калинском оазисе исследованию подвергся замок № 28, датированный VIII в. н. э.

В Хорезмской области работы были проведены на цитадели древнего города Хазараспа. При этом получен ряд новых данных о материальной культуре, сооружениях, воздвигнутых здесь последовательно на протяжении ряда веков.

Второй этап работ экспедиции протекал в пустыне Кызыл-Кум на территории Кызыл-Ордынской области Казахской ССР.

При исследовании сухого русла Инкар-Дары, одного из древних протоков Сыр-Дарьи, открыты уникальные памятники, большая часть которых оставлена различными племенами среднеазиатских скифов. Наиболее древними сооружениями оказались курганы эпохи бронзы со следами трупосожжения. К VI—II вв. до н. э. относятся многочисленные курганные группы, поселения и могильники. Удалось выявить ряд памятников культуры сакараваков, которые наряду с апассиаками (памятники последних были открыты Хорезмской экспедицией в предшествующие годы) приняли участие в разгроме греко-бактрийского государства. Большой интерес в историко-архитектурном отношении представляет открытие купольной гробницы античного времени (IV—II вв. до н. э.), сделанное в том же районе. Наряду с погребениями племенной знати открыты могильники с захоронениями рядовых членов племени.

Средневековые поселения, обнаруженные при разведочных работах, дали интересный материал, в котором наряду с хорезмийскими формами заметно сохранение местных архаических традиций.

Одновременно с разведочными работами велись стационарные раскопки на городищах Чирик-рабат и Бабиш-мулла. Первое из них является, видимо, развалинами столицы племенного союза апассиаков. Здесь раскапывался большой курган и круглое в плане погребальное сооружение, внутри которого вскрыты четыре погребальные камеры. Обнаружены золотые украшения и многочисленные предметы из железа, в том числе остатки панциря воина-катафрактария. Заложен ряд стратиграфических раскопов и начаты раскопки древней цитадели. При исследовании комплекса развалин Бабиш-мулла, также оставленных апассиаками, проведены раскопки цитадели и погребального здания Бабиш-мулла 2. Сравнение этого монументального сооружения с рядовыми погребениями открытого в данном сезоне могильника показывает далеко зашедшую социальную дифференциацию внутри апассиакского союза племен.

В целом проведенные здесь работы свидетельствуют о довольно высоком уровне материальной культуры сакских племен, что существенно дополняет традиционные представления, основанные на сообщениях античных авторов.

В течение 1959 г. вышли из печати 23 издания Института, общим объемом — свыше 550 авторских листов; ряд изданий был подготовлен к печати.

Из обобщающих трудов, занимающих в работе Института одно из ведущих мест, необходимо отметить выход в свет двух томов серии «Народы мира»: «Народы Северной Америки» и «Народы Центральной и Южной Америки» (ред. А. В. Ефимов, С. А. Токарев). Большое место в них отведено характеристике самобытной культуры народов Америки до завоевания ее европейцами, подробно освещены этапы европейской колонизации и прослеживаются судьбы коренного и негритянского населения, показаны их вклад в развитие культуры, их борьба против национальной и расовой дискриминации. В отличие от всех существующих в мировой литературе этнографических сводных работ, большое место в томе уделено современным нациям (американцы, англо- и франко-канадцы, аргентинцы, бразильцы, мексиканцы, гватемальцы, гаитяне, кубинцы и др.), их культуре, быту, классовому составу. Уже сейчас на эти тома получены предварительные положительные отзывы от прогрессивных деятелей Америки и Канады.

По проблемам, связанным с этногенезом, этнической историей, историей культуры и быта народов СССР и зарубежных стран в течение 1959 г. Институтом был издан ряд исследований, подводящих итоги многолетних полевых работ.

Том I Трудов Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции (ред. С. А. Та-раханова и Л. Н. Терентьева) подготовлен Институтом этнографии и Институтом археологии АН СССР и соответствующими институтами академий наук Латвийской, Литовской и Эстонской ССР. Том содержит как этнографические, так и археологические исследования, касающиеся этногенеза народов Прибалтики и их взаимоотношений с соседними народами. Том II Трудов этой же экспедиции (ред. В. П. Алексеев и Н. Н. Чебоксаров) — коллективная монография М. В. Витова, К. Ю. Марк и Н. Н. Чебоксарова «Этническая антропология Восточной Прибалтики» — представляет собой исследование, основанное на новых полевых материалах. Эти материалы, относящиеся как к современному, так и к древнему населению Восточной Прибалтики, дают возможность проследить историю формирования антропологического состава литовцев, латышей и эстонцев со времен первоначального заселения края до наших дней.

Том IV Трудов Хорезмской экспедиции (ред. С. П. Толстов) посвящен одному из важных для изучения истории материальной культуры источников — керамике.

В статьях, охватывающих разные периоды истории Хорезма, обобщаются данные чення неолитической глинаной посуды, керамики эпохи бронзы, керамичес производства античного, афригидского и средневекового (IX—XVII вв.) врем Отдельные работы посвящены этнографическим наблюдениям над современным старым производством гончарных изделий.

В 1-м выпуске «Материалов Хорезмской экспедиции» освещена работа коллект экспедиции в 1954—1956 гг. Статьи охватывают большой исторический период и д представление о работе экспедиции в указанные годы. Во 2-м выпуске этой с издано исследование Т. А. Трофимовой «Древнее население Хорезма по данным па антропологии», посвященное рассмотрению палеоантропологических материалов с ритории Хорезма начиная с эпохи бронзы (II тысячелетие до н. э.) и кончая эпо позднего средневековья. Данное исследование позволяет сделать на антропологском материале ряд выводов, имеющих существенное значение для освещения во сов этногенеза народов Средней Азии.

В томах II и III Трудов Киргизской экспедиции (ред. Г. Ф. Дебев) нашли ол жение результаты работ, проводившихся в течение последних лет сотрудни центральными и местными научными учреждениями по проблеме происхождения киргиз народа.

По тематике Средней Азии опубликованы второй «Среднеазиатский этнограф ский сборник» (ред. Т. А. Жданко, Н. А. Кисляков), содержащий небольшие мо графии по отдельным народам Средней Азии, и «Материалы 2-го совещания архе гов и этнографов Средней Азии» — доклады и выступления на совещании, прож дившем в конце 1956 г. в Сталинабаде, по проблемам, связанным с обобщен археологических и этнографических материалов по Средней Азии в целом.

В серии «Труды Института этнографии» вышли в свет монографии Н. А. Кисля и Е. М. Пещеревой. Работа Н. А. Кислякова «Семья и брак у таджиков» напис в значительной степени на основе полевых материалов, собранных автором в тече ряда лет. Автор дает подробное освещение различных сторон семейно-брачных о шений у таджиков, анализируя в историческом разрезе различные явления в ой области. Исследование Е. М. Пещеревой «Гончарное производство Средней Аз также основанное на новом полевом материале, собранном автором в течение мн лет в различных районах Таджикистана и Узбекистана, посвящено истории гончар в Средней Азии и его видам. Описаны и проанализированы не только техника пр водства, виды гончарных изделий, но и экономическая сторона гончарного произ ства, особенности быта гончаров, формы цеховой ремесленной организации, стария поверья и приметы, религиозные церемонии, связанные с производством.

В серии «Очерки общей этнографии», рассчитанной на широкие круги читат в 1959 г. вышло два выпуска, посвященных народам Азии («Зарубежная Азия» «Азиатская часть СССР»). Коллективом Института подготовлены к печати еще д выпуска этой же серии, посвященные народам Европы².

Вышло в свет исследование В. В. Бунака «Череп человека и стадии его форм вания у ископаемых людей и современных рас».

Опубликован сборник статей «Исследования и материалы по вопросам перво ных религиозных верований» (ред. С. А. Токарев, В. Н. Чернецов), содержащий графические материалы и исследования, касающиеся ранних форм религиозн ваний и некоторых общих проблем истории религии (гносеологические корни рел проблемы тотемизма, магии и пр.).

Из работ по зарубежной тематике в 1959 г. издано интересное исследо Д. А. Ольдерогге «Западный Судан в XVI—XIX вв.», посвященное некоторым а сам истории и этнографии санган и хауса. Приложенные к работе хаусанские те содержащие сведения по истории феодального государства Сокото и этног Хауса, изучены и переведены впервые. Вышел в свет третий «Африканский этн фический сборник» (ред. Д. А. Ольдерогге), посвященный различным язы Африки.

В 1959 г. опубликованы этнические карты с объяснительными записками — роды Китая, МНР и Кореи» и «Народы Индокитая». Карты, отражающие селение народов этих стран, выполнены по разработанному в Институте этногр АН СССР методу совмещения показателей этнического состава и плтности : ления.

По истории первобытного общества сотрудниками Института опубликован статей в институтских и внеинститутских изданиях. Особо следует отметить спец ный номер журнала «Советская этнография» (№ 6), посвященный проблемам пе бытного общества и подготовленный в связи с 75-летием издания работы Ф. Энгл «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

² В 1959 г. в Румынии вышел в переводе С. Анастасиу под научной редак И. Влэдуциу первый выпуск «Очерков общей этнографии», посвященный наро Австралии и Океании, Америки и Африки. Перевод снабжен этнографическим, гео фическим и именным указателями (Etnografia continentelor. Studii de etnografie g cală, I. Editura Știlăfițică, București, 1959).

На сессии Института марксизма-ленинизма, созванной в связи с этой датой, сотрудник Института А. И. Першиц сделал доклад «Книга Ф. Энгельса „Происхождение семьи, частной собственности и государства“ и ее значение для советской этнографии».

Сотрудники Института принимали активное участие в работе различных конференций и совещаний, связанных с современными проблемами, выступали с докладами и статьями в различных печатных органах. Особенно значительная работа в этом отношении была проведена сектором народов Крайнего Севера. Обработанные материалы Северной экспедиции 1958 г. содержат ряд практических предложений по различным вопросам и переданы в соответствующие инстанции.

В истекшем году сотрудниками Института были завершены и подготовлены печати следующие работы.

Сдан в издательство коллективный труд «Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера» (рук. Б. О. Долгих), в значительной степени восполняющий имеющийся в литературе пробел по современной этнографии малых народов Севера. Статьи сборника содержат конкретный материал, показывающий, как используется национальными колхозами богатый традиционный опыт народов Севера, накопленный в области промыслового хозяйства. Материалы и выводы, сделанные в отдельных статьях, несомненно смогут быть использованы местными практическими работниками.

Сдана в издательство АН СССР монография Л. Н. Терентьевой «Колхозное крестьянство Латвии», посвященная социалистическим преобразованиям в хозяйстве, быту и культуре крестьян Латвийской ССР. Работа написана на основе полевых этнографических наблюдений автора и обширного архивного материала, извлеченного в том числе из архивов Латвийской ССР.

Завершается подготовка к сдаче в печать двух коллективных работ, содержащих исследования быта рабочего класса СССР и религиозных пережитков у народов СССР. В первом из этих сборников, подготовляемом при участии этнографов из разных республик нашей страны, подводятся некоторые итоги исследованиям, которые ведутся по данной тематике в СССР. Статьи сборника касаются как старых промышленных районов, где рабочий класс сложился еще задолго до Октябрьской социалистической революции, так и тех народов СССР, которые в прошлом не имели своей промышленности и где рабочий класс сформировался уже в наше время.

Сборник, посвященный исследованию религиозных пережитков у народов СССР, основан на полевом этнографическом материале. В сборнике приводятся данные, выявляющие причины сохранения религиозных пережитков, формы их бытования и намечающие пути их преодоления.

Институт сдал в производство очередной том серии «Народы мира» — «Народы Кавказа» (первый полетом — «Народы Северного Кавказа»), в котором дано описание быта и культуры этих народов в прошлом и настоящем и большое внимание уделено процессам социалистических преобразований.

Завершена работа над четвертым томом Трудов Киргизской археолого-этнографической экспедиции (рук. Г. Ф. Дебеч), первым томом Трудов Мордовской этнографической экспедиции (рук. В. Н. Белицер), первым томом Трудов Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции (рук. Л. П. Потапов). Все эти работы сданы в печать.

Большой интерес представляет сданный в производство 1-й выпуск Русского историко-этнографического атласа, посвященный технике земледелия у русского народа.

Сданы также в печать впервые издаваемые в нашей стране словари наиболее распространенных африканских языков — суахили и хауса и первый том публикации «Арабские источники по истории и этнографии Африки южнее Сахары (XII—XV вв.)» (рук. Д. А. Ольдерогге). Том содержит первые сообщения арабских путешественников и географов о странах Западного Судана и Восточной Африки и состоит из вводной статьи, арабского текста и его перевода. Каждому арабскому автору, кроме того, посвящена особая статья, включающая краткие биографические сведения и библиографию с оценкой источников. Необходимо подчеркнуть, что такое издание осуществляется впервые в истории африканистики. Намерения осуществить подобные издания высказывались в английских и французских ученых кругах, но не были претворены в жизнь.

Помимо указанных работ Институт этнографии АН СССР сдал в печать два этнографических сборника, один из которых посвящен народам Америки, а другой — народам Восточной Азии. В печати находятся также отдельные книги: С. П. Толстова «По древним руслу Окса и Яксарта» и М. Г. Левина «Очерки по истории антропологии в России». Печатаются этнические карты: «Народы мира» (на шести листах), «Народы Передней Азии», «Народы Индонезии и Филиппин», «Народы Африки».

Кратко охарактеризуем деятельность Музея антропологии и этнографии АН СССР. Одним из важнейших направлений деятельности этого Музея, как и в прошлые годы, была научно-просветительная работа. Посещаемость Музея составила за год около 120 тыс. чел. В 1959 г. было проведено свыше 1800 экскурсий по темам: культура и быт народов Индии, Китая, Индонезии, Африки, стран Передней Азии, Австралии, Америки, Северной и Южной Америки, история первобытного общества, история одежды и др. Большое значение для научно-атеистической пропаганды имело систематиче-

ское проведение экскурсий по темам: «Происхождение человека» и «Первобытные верования»; эти экскурсии пользовались большой популярностью. Значительно расширилась лекционная работа по популяризации этнографических знаний. В Музее регулярно проводились воскресные чтения по этнографическим темам; лекции читали ведущие специалисты ленинградской части Института этнографии (Д. А. Ольдеропс, Ю. В. Кнорозов, Н. А. Кисляков, В. В. Гинзбург, Т. В. Станюкович и др.).

В 1959 г. была организована выставка по культуре и быту народов Эфиопии. На выставке были представлены предметы материальной культуры этих народов, образцы уникальной эфиопской живописи, а также эфиопская литература XIX в. и нашего времени. Среди экспонатов имеются подарки деятелей культуры Эфиопии, полученные в Ленинград в 1957 г. Выставка пользуется популярностью у посетителей. Большой интерес вызвала выставка у императора Эфиопии Хайле Селассие I и сопровождавших его лиц во время посещения ее в начале июля 1959 г.

Значительно расширилась работа Музея по устройству передвижных выставок при некоторых райкомах КПСС, в домах культуры, кинотеатрах, в пригородах Ленинграда (выставки посетило свыше 300 тыс. чел.). В 1959 г. было организовано вне Музея семь передвижных выставок: «Наука и религия о происхождении человека», «Происхождение религии», «Прикладное искусство Китая, Японии, Индии, Индонезии», «Народы Индии» и др. О росте популярности научно-атеистических выставок среди населения говорит, например, тот факт, что выставку «Происхождение религии» в г. Петродворце посетило 250 тыс. чел.

В 1959 г. Музей пополнился новыми этнографическими коллекциями: много экспонатов передано Музею Китайской Народной Республикой; получены экспонаты Японии, Цейлону, по народному искусству Канады, по Гренландии, а также другие предметы из Восточного Конго, Суданской Республики, Эфиопии и др.

Продолжалось расширение и укрепление научных связей Института этнографии с европейскими странами народной демократии, в частности — по линии сотрудничества «Народы Восточной и Юго-Восточной Европы» (серии «Народы мира»); сотрудники Института выезжали в некоторые из этих стран: Л. В. Маркова — в Болгарию, О. А. Ганцкая — в Польшу, Н. Н. Грацианская — в Чехословакию, Т. Д. Филиппова — в ГДР. Для участия в обсуждении очерка «Болгары», написанного сотрудниками Института этнографии Болгарской Академии наук, в Москву приезжал директор Института проф. Х. Гандев.

В результате поездки сотрудника Института Г. А. Гловацкого в Китайскую Народную Республику были не только получены в порядке обмена коллекции, обогащенные Музей антропологии и этнографии, но и сделаны ценные наблюдения по этнографии Северного Китая. Сотрудники Института совершили также поездки в Финляндию (Н. В. Шлыгина), на Цейлон (В. И. Кочнев).

По приглашению Венгерской Академии наук на Международном симпозиуме в Будапеште, посвященном этнической антропологии, с докладами выступили В. В. Бунак («Краниологические типы неолита Западной и Восточной Европы: сравнительное освещение») и Т. А. Трофимова («Палеоантропология Средней Азии»).

В свою очередь Институт принимал иностранных ученых из Чехословакии, Голландии, Венгрии, Китайской Народной Республики, Индии, США, Австрии, Финляндии, Индонезии, в их числе руководителей научных учреждений разных стран — директоров этнографического института Словацкой Академии наук Б. Филову, директора института этнографии Болгарской Академии наук проф. Х. Гандева, директора Национального музея Австрии Э. Беккер-Доннер, которая выступила на заседании Ученого совета Института этнографии с подробным докладом о своих экспедициях к истокам бассейна р. Амазонки.

Институт активно участвовал в организации советской выставки в Нью-Йорке состоявшейся летом 1959 г.

Большая работа проведена коллективом Института этнографии в порядке подготовки к 25-му Международному конгрессу востоковедов, который должен состояться летом 1960 г. Институтом утверждены и сданы в Оргкомитет конгресса научные материалы (по Средней Азии, по алтаистике, кавказоведению и др.).

В своей разносторонней деятельности Институт этнографии в течение 1959 г. пытался ряд трудностей, которые в основном были обусловлены, по-прежнему тяжелым положением с рабочим помещением в Москве и с помещением для фондов Музея в Ленинграде. Не изжиты и трудности в работе Института, связанные с издательской деятельностью. Несмотря на некоторое уменьшение разрыва между выполнением исследовательского плана и публикацией выполненных работ, тем не менее еще значителен.

Очень серьезным остается вопрос о распространении изданий Института и связанных с этим вопрос об их тираже. Необходимо, чтобы работы Института печатались большими тиражами и более оперативно распространялись по Советскому Союзу, находя доступ к широким кругам читателей, интерес которых к научной этнографической литературе с каждым годом возрастает.

В. А. Александров

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

(По материалам фольклорной экспедиции
1959 г. в Костромскую область)

Сектор народного поэтического творчества Института русской литературы АН СССР организовал в феврале и в июне — июле 1959 г. экспедицию для стационарного изучения современного состояния фольклора в Костромской области. Экспедиция проводилась по специальной программе, в которой были определены проблемы, подлежащие изучению, и методические принципы полевой работы. В экспедиции под руководством автора настоящего сообщения приняли участие фольклористы — словесники и музыковеды Института, а также студенты Ленинградской консерватории (всего 14 человек). Ленинградским фольклористам оказали содействие работники костромского Дома народного творчества, местные краеведы и учителя. Работа экспедиции координировалась с работой Института этнографии АН СССР. Четырьмя группами были обследованы 34 населенных пункта Красносельского, Чухломского, Нерехтского, Солигаличского, Пыщугского и Макарьевского районов.

Каждый из обследованных районов имеет некоторые историко-этнографические и экономические особенности. Так, в Красносельском районе уже издавна большое развитие получил ювелирный промысел; большая часть населения обследованных пунктов объединена теперь в ювелирные артели. В жизни Чухломского района в прошлом большую роль играло отходничество, население было связано с Петербургом (Ленинградом); в настоящее время это один из сельскохозяйственных районов области. В Пыщугском районе в прошлом, наряду с льноводством, большое развитие получил лесной промысел; сейчас население объединено в льноводческие и животноводческие колхозы. В Макарьевском районе основным занятием населения был и остается лесной промысел (лесозаготовки и лесосплав); многие жители одновременно занимаются катанием валенок.

Современное состояние фольклора изучалось в связи со всей жизнью и бытом местного населения, поэтому во время работы экспедиции преобладали различные формы непосредственного наблюдения за бытованием фольклора, а записи производились, как правило, в естественных условиях исполнения фольклорных произведений — во время различных работ, на праздниках, воскресных гуляньях молодежи, при проходах мобилизованных в армию, на семейных вечеринках, на вечерах художественной самодеятельности. Кроме того, фиксировался репертуар: опросом участников свадоб, пленов агитбригад, руководителей хоровых коллективов, а также путем ознакомления с рукописными песенниками и альбомами. Объектами постоянных наблюдений избирались некоторые производственные коллективы (например, молодежная бригада, борющаяся за звание бригады коммунистического труда в ювелирной артели в с. Сидоровском Красносельского района), отдельные исполнители песен и частушек. Выясняли роль клубов, библиотек и школы в пропаганде народного творчества, отношение к нему местной интеллигенции. Члены экспедиции, работавшие в Красносельском и Чухломском районах, приняли также посильное участие в культурно-просветительной работе.

Локальные историко-культурные традиции в разных районах, а также условия современной культурной жизни местного населения определили разницу в результатах наблюдений и в содержании материалов, собранных отдельными группами экспедиции. В то же время могут быть отмечены и некоторые общие черты, характеризующие состояние народно-поэтической культуры в обследованных районах Костромской области.

Остановимся прежде всего на судьбе традиционных жанров фольклора. Установлено полное отсутствие былин, а также духовных стихов. Отмечены лишь слабые следы календарно-обрядовой поэзии (несколько святочных песен в Пыщугском районе, «выюнишные» — в Макарьевском и Чухломском районах, песенка «Семих», сопровождающая детскую игру — хоровод вокруг березки в Красносельском районе). Зарегистрированы единичные случаи рассказывания сказок (преимущественно усвоенных из детской литературы) и исполнения солдатских и исторических песен (среди нескольких бытующих сюжетов — песня о смерти Александра I, воспринимающаяся как семейно-бытовая песня).

Повсеместно, хотя и с несколько различной степенью активности в разных районах, продолжает бытовать лирическая необрядовая песня (в эту группу включаются и хороводные, плясовые и игровые песни семейно-бытового и любовного содержания, которые исполняются теперь как обычные лирические). Некоторые традиционные общерусские песни особенно распространены («Как во нашей во деревне», «На гор-то калина», «Прощай, жизнь, радость моя», «Ах ты сад, ты мой сад», «Уж ты день, ты мой денечек», «Я вечер молода во пиру была» и др.). Из волжских песен сохранилась песня о Макарьевской ярмарке и «Вниз по Волге-реке».

Отмечено бытование нескольких обрусевших песен украинского происхождения («С гор-горы едут мазуры», «Ой ну-те, хлопцы» и др.). Сохранность текста большинства лирических песен хорошая.

Весьма различна степень распространенности народных песен литературного происхождения. Их сравнительно немного в обследованных населенных пунктах Пы-

шугского и Макарьевского районов, большой удельный вес они составляют в песенном репертуаре Чухломского, Красносельского и Нерехтского районов, что объясняется давними и прочными связями населения этих районов с городскими центрами. Этим же обстоятельством, а также активным участием населения этих районов в революционном движении обусловлена хорошая сохранность некоторых песен эпохи первой русской революции, особенно среди ювелиров и сельской интеллигенции. Отмечается также интересный факт распространения этих песен в рукописных списках (например, текст антирелигиозной песни «В церкви, золотом облитой», представляющий собой наиболее полный из опубликованных вариантов).

Повсеместно бытуют старые романсы (бытовые и так называемые «жестокими» различной идейной и художественной ценности. Особенно велик их удельный вес в деревнях Нежитинского сельсовета Макарьевского района и в Пыщугском районе).

Старинные свадебные песни совершенно отсутствуют в Красносельском районе, пассивно хранятся в памяти населения Пыщугского района и хорошо известны в деревнях Чухломского и ряда сел Макарьевского района. В Пыщугском районе до сих пор бытуют причитания по умершим.

Населению известны топонимические предания о происхождении названий многих сел и деревень, связанные с борьбой против татарского ига (Витязево, Здемяково — «здесь мир» и т. п.), а также с занятиями местного населения в прошлом с его освободительной борьбой (так, Кораблики — название высоких берегов у впадения р. Шачи в Волгу — место стоянки караванов «вольных людей» или бурлаков, по разным версиям).

Сказов с более или менее устойчивым текстом и вариантами обнаружить не удалось, но рассказы о прошлом, особенно о событиях первой русской революции, явление, распространенное в семейном кругу или при встречах с новым человеком.

Наряду с некоторыми жанрами и произведениями традиционного фольклора сохранившимися до настоящего времени, экспедицией наблюдалось исполнение и изведений разных видов, тематика которых связана с советской действительностью и делались записи этих произведений.

Ведущий и весьма продуктивный жанр современного народного творчества частушка. В обследованных районах зарегистрировано не только повсеместное исполнение частушек и записано большое количество произведений этого жанра, но отмечено большое разнообразие их типов. Некоторые из них могут считаться общераспространенными (под «русского», под «елецкого», под «Семеновну», под «цыганскую»), другие носят более или менее локальный характер («ландиха», «сормач», «ветлужские» или «колхозные», под «ночку», под «месяц», «страдания», «судейские», «махоня», «скоморошины», «нескладухи»). Эти типы частушек отличаются один от другого не только напевом, но и манерой исполнения, запевом, ритмической структурой, отчасти содержанием или общим настроением. Так, «ландиха» (Красносельский район) — преимущественно мужские частушки, исполняются во время хождения по улице или из деревни в деревню, с большими паузами между отдельными частушками и меньшей паузой между двусторочием каждой из них. «Ветлужские» частушки (Пыщугский район) исполняются попеременно мужским и женским хором, причем во время исполнения мужчинами в круг выходит плясать ларень, во время исполнения женщинами — девушка.

Внутри типа наблюдается тенденция к циклизации, к повествовательности (особенно в частушках под «Семеновну», под «ночку», под «месяц») или существует отдельный «подбор» частушек, характерный только для данного типа («ветлужские», «ландиха», «махоня» и др.). Исполнение частушек может быть хоровым, сольным, диалогическим или одновременно несколькими лицами (во время уличных гуляний в кругу), но всегда сопровождается игрой на баяне (гармони), или, реже, на балалайке или на рожках (Нерехтский район). Содержание записанных частушек весьма разнообразно, преобладают лирические (о любви, дружбе, измене) и сатирические (на местные темы — критика недостатков в организации труда, отдельных нерадивых руководителей, лодырей, шеголей «стиляга» и т. п., а также на общественные темы более широкого масштаба и международные). Разнообразие содержания и форм современной частушки, ее типов и места исполнения (клубная сцена, часы отдыха в поле, вечерние и воскресные гуляния, домашние вечеринки, свадьба и т. п.), способствуют ее широкому распространению и степени популярности, — все это свидетельствует о расцвете жанра и о его весьма активном и универсальном бытовании.

Второй по степени популярности жанр — советская песня. Господствующее положение в репертуаре приобрели некоторые песни советских поэтов и композиторов в основном современные, послевоенные лет, усваиваемые преимущественно из кинофильмов, через радио, художественную самодеятельность, реже — из песенников. Эти песни активно восприняты массой населения, исполняются не только хором, но и в вечеринках, на уличных гуляниях, в праздники и на свадьбах. Поются они, как правило, без всяких изменений текста, но с вариациями напевов, распеваются на нескольких голосах. Данные экспедиции позволяют утверждать, что далеко не все «модные»

¹ Наиболее популярными являются: «Вечер поздний я сидела у ворот», «По полю летает орел молодой», «Хаз-Булат», «Ванька-ключник».

некоторое время песни прочно усваиваются и входят в репертуар. Систематическая регистрация всех песен, авторами которых являются советские поэты и композиторы, которые бытуют в определенных районах, позволила бы определить границы их распространения, степень популярности и устойчивости в репертуаре, изменчивости или сохранности текста. Пока, к сожалению, такими данными современная наука не располагает, между тем они были бы важны для характеристики эстетических вкусов народа и интересны для писателей и композиторов.

Наряду с популярными песнями советских поэтов и композиторов, в разных районах отмечен разный характер бытования песен, выражающих большую или меньшую степень творческого участия народных масс в их создании. Например, большое количество таких песен записано в Чухломском и Нерехтском районах, сравнительно меньше — в Красносельском и лишь единичные тексты зарегистрированы в обследованных пунктах Макарьевского и Пыщугского районов.

Массовые советские песни, собранные экспедицией, делятся на несколько типов: это, во-первых, переделки популярных песен («Раскинулось море широко», «Сормовская лирическая») или песни-«ответы» (на «Огонек» и «Сормовскую лирическую»); во-вторых, это анонимные песни, не имеющие определенного прототипа, вполне оригинальные, но близкие по форме к современным профессиональным; наконец, песни, создаваемые известными населению местными авторами — непрофессионалами.

Среди собранных массовых песен большой удельный вес занимают песни эпохи Великой Отечественной войны. Часть их — варианты известных песен («Дул холодный порывистый ветер», «На опушке леса старый дуб стоит», «Дорогуша», «Огонек» и пр.), другие — менее известны или совсем не известны по публикациям («Пропела гармошка прощальную песню», «Твой платочек с розовой каймою», «На фронт германский парень уезжает», «Тучи грозные мчатся с востока» и др.). Немногочисленные песни посвящены теме охраны границ Родины, теме труда, теме любви. Из произведений, созданных местными авторами и вошедших в репертуар художественной самодеятельности, могут быть названы песни бывшего садовода при ювелирной артели из Красном селе, ныне пенсионера А. Д. Фролова (хор артели «Красносельский ювелир» на протяжении последних двадцати лет с неизменным успехом исполняет его сочинения). Следует также сказать об интересном опыте создания советской величальной адебной песни коллективом молодых работников той же артели. Характерно для соemenного народного творчества сочинение молодежью стихов песенного склада, которые из них входят в местный песенный репертуар (шуточная песенка «Ванька бесткин», сочиненная в 1930-х годах жителем с. Сидоровского, до сих пор исполняют работницами здешней ювелирной артели; лирическая песня — «Любишь — любишь», недавно сочиненная комбайнером колхоза «Искра Октября» С. Н. Волковым, усвоена его товарищами по колхозу).

В художественном отношении новые песни (как, впрочем, и традиционные) весьма неравноценны; наряду с удачными среди них немало и таких, которые не удовлетворяют высоким эстетическим требованиям.

Из других форм современного массового творчества можно указать на присловья, оговорки, пословицы, правда немногочисленные, и на небольшие сценки-интермедии, исполняющиеся обычно в промежутках между отдельными номерами в концертах художественной самодеятельности. Некоторые интермедии импровизируются, другие репетируются заранее, но и те и другие имеют сатирический характер и чаще всего касаются злободневным местным темам; их персонажами являются нерадивые работники и руководители артелей или бригады, пьяницы, лодыри и т. п. Такие интермедии, в частности, записаны от участников агитбригад в Сидоровском сельсовете.

Каковы же основные современные формы бытования фольклора и каково в них отношение разных жанров? Фольклор особенно активно бытует во время народных массовых гуляний, праздников, как революционных, так и бытовых, а также в клубной художественной самодеятельности и в агитбригадах. Значительно реже исполнение фольклорных произведений сопровождает трудовую деятельность. Фольклорный репертуар весьма различен в разных условиях жизни и быта населения, а также зависит от качества культурно-просветительной работы, от возрастного состава исполнителей. Приведем в качестве иллюстрации несколько примеров. Наблюдение даже в разных формах бытования фольклора в разных местах дает несколько различную картину. Так, во время сборов колхозных бригад на сенокос в д. Щипнево Сидоровского сельсовета исполняются самые различные песни (старые лирические, шуточные, «сенокосный» романс, современные песни); в деревнях Гавриловского сельсовета Чухломского района принято исполнять строго определенные «сенокосные» или «покосные» песни с особыми напевами. В дни так называемых годовых праздников (бывших «столовых», погребавших в большинстве случаев свой религиозный характер) на сенокосе собирается и пляшет молодежь, исполняются частушки, а в домах за столами большими компаниями поют песни; наблюдения показывают, что в разных семьях исполняются разные песни в зависимости от состава собравшихся, но чаще всего — смешанный репертуар. Весьма различным оказался репертуар во время наблюдения экспедицией районных праздников молодежи в с. Подольском Красносельского района и в Чухломе (на улице и лесных полянках преобладали местные современные частушки и массовые песни, на эстраде коллективы художественной самодеятельности

исполняли песни и пляски разных народов). Различен и репертуар хоров. Так, в течение многих лет в с. Сидоровском существовали два массовых хора — один исполнял традиционные народные песни, известные местному населению, другой — преимущественно песни, созданные поэтами и композиторами. Экспедицией отмечено несколько типов свадеб с различным репертуаром. В Чухломском районе и с. Тимошино Макарьевского района свадьбу «играют» с соблюдением многих традиционных моментов и на свадьбах исполняются старые свадебные песни. В Сидоровском сельсовете свадьбы справляют «по-новому». Так, на свадьбе в д. Алеево сторонами жениха и невесты были производственные коллективы — Приволжский льнокомбинат, где работали жених, и колхоз, в котором состоит невеста; соответственно это отразилось на оформлении свадьбы («откуп» от колхоза, пожертвование на ремонт колхозного колхозника, ряжение гостей в городских «стилягах» и деревенских лодырей и др.). В Калужском селе на Волге по инициативе молодежи артели «Красносельский ювелир» была сыграна комсомольская свадьба в клубе, с поздравительными речами и ответными в стихах новобрачных, с исполнением упоминавшейся величальной песни, песен советских поэтов и композиторов и частушек на местные темы.

Очень характерной формой бытования различных жанров являются рукописные песенники-альбомы. Некоторые из альбомов, собранных или списанных экспедицией в Чухломском и Красносельском районах, дают интересный материал. По ним можно проследить изменение репертуара местного населения на протяжении 1930—1950-х годов. В альбомах 30-х годов преобладают жестокие романсы, но наряду с ними встречаются редкие и ценные тексты песен эпохи гражданской войны и 20-х годов. В альбоме, предшествовавшей Великой Отечественной войне, в альбомах появляется много новых песен советских поэтов и композиторов. В записях военных лет преобладают анонимные массовые песни; среди них — варианты известных песен и песни и стихи, не известные по публикациям, чаще всего — сочиненные солдатами на фронте и присланные своим родным и знакомым. В альбомах послевоенных лет особенно много песен из популярных кинофильмов, почти совсем нет старых мешанских романсов, но встречаются также песни 30-х годов и эпохи Великой Отечественной войны. На протяжении всех лет традиционные народные песни занесены в альбомы в единичных случаях. Наряду с песнями альбомы содержат частушки, афоризмы, посвящения в стихах, примерные зачины и концовки писем, образцы для стихотворных надписей на фотографиях и т. п. Такие альбомы есть почти у каждой девушки и у некоторых парней.

На репертуар местного населения большое влияние оказывают, конечно, радио, кино, телевидение. С одной стороны, молодежь усваивает многие профессиональные песни, а с другой — в репертуар местной художественной самодеятельности входят народные песни и частушки из репертуара народных хоров других областей и республик Советского Союза, а также песни других народов мира. Думается, обстоятельство, что кино, радио, телевидение входят в быт масс, нельзя рассматривать односторонне, как фактор, лишь способствующий затуханию фольклорных традиций.

Разумеется, богатство и разнообразие фольклора в Костромской области не исчерпываются тем, что наблюдала и зафиксировала в этом году экспедиция Института русской литературы. Предполагается продолжить исследование в других районах области.

Таким образом, материалы, собранные в некоторых районах Костромской области в 1959 г., позволяют сделать вывод о том, что вряд ли можно ограничиться общими утверждениями о «расцвете» или, наоборот, об «умирании» фольклора. Напротив, некоторые данные позволяют предположить, что картина современного состояния фольклора сложна и противоречива.

Дискуссии о судьбе фольклора, проходившие до сих пор, к сожалению, носят несколько отвлеченный характер. В руках современного исследователя слишком мало фактов, чтобы можно было сделать сейчас обобщающие выводы о закономерности развития фольклора в современных условиях. Только детальное обследование многих районов нашей страны может дать конкретное знание действительных процессов, происходящих в современном народном творчестве. Не объясняется ли столь большое количество точек зрения в спорах о современном фольклоре именно тем, что каждый из участников дискуссии опирается лишь на сравнительно ограниченное количество известных ему фактов? Между тем, только совокупность всех фактов может стать прочной основой для теоретических выводов. Поэтому, думается, действительно необходимо развертывание экспедиционной работы всеми этнографическими и фольклорными учреждениями страны по единой программе с тем, чтобы среди различных по своему типу экспедиций большее развитие получили экспедиции со специальной целью изучения современного состояния фольклора, выявления живых процессов в массовом народном творчестве, установления соотношения и взаимодействия разных элементов в духовной культуре народов социалистического общества. В этой работе фольклористы, надо надеяться, добьются успеха лишь в том случае, если будут координировать свою работу с этнографами, литературоведами, музыковедами и краеведами.

НА МЕЗЕНИ

В 1958 г., продолжая и углубляя работу по изучению фольклора Русского Севера, автор народного творчества Института русской литературы (Пушкинского Дома) СССР провел экспедицию в районы средней и нижней Мезени¹. Основные задачи экспедиции были те же, что и при работе на Печоре: собрание былин, песен и других фольклорных и этнографических материалов; наблюдение над общекультурными и фольклористическими процессами в старых мезенских деревнях, особенно — выявление тех ростков нового в местном быту и искусстве, которые с каждым годом все метнее проникают сквозь традиционную народную культуру. Особым, более узким направлением экспедиции была проверка песенных материалов, опубликованных в «Новой рии» песен П. В. Киреевского с пометкой «г. Мезень»².

Экспедиция обследовала два района: Лешуконский (русские деревни по притоку эзени р. Вашке и селения по Мезени от села Лешуконского вниз до д. Азаполье) Мезенский (от д. Азаполье вниз до поселка Каменка).

Колхозы Лешуконского района в основном занимаются животноводством. Пожни, готовка кормов, выращивание скота составляют основную заботу колхозников. Любовецких колхозов здесь нет: рыбу ловят в частном порядке для местного потребления. Зимой охотятся на ценного пушного зверя, бьют медведей и много лесной дичи. В районе ведутся большие лесные разработки, имеются артели по добыче и обработке лесохимических продуктов — смолы, серы и терпентина. Многие, особенно из среды молодежи, работают в лесном промысле. В некоторых деревнях подрабатывают щепяным промыслом — выделывают корзины, туеса, деревянную и берестяную посуду; последний промысел сейчас не развивается, так как деревья в изобилии сбрасывают посудой из города. Прочно живут лишь такие традиционные виды народного мастерства, как шитье лодок, изготовление саней, полозьев, лыж.

Жилища в Лешуконском районе обычного русского северного типа и представляют собой обширные избы с крытым двором, с большими поветями и высокими возами. Для этого района очень характерны резные деревянные головки коней (или еней) на охлупнях не только домов, но и амбаров, а порою и бань. За исключением всего села Лешуконского (районного центра), в деревнях района женщины лет от 15 и старше ходят в сарафанах, повойниках и домотканых цветных поясах; в большие праздники девушки надевают красивые повязки с жемчугом и бисером и парчовые и штофные «коротеньки» без рукавов, с пышными сборками сзади и отделкой из логотого позумента. Но на таких «повязочниц» сейчас смотрят уже как на ряженных, их становится с каждым годом все меньше.

Самый характер массовых деревенских праздников постепенно меняется: прежние традиционные праздничные дни (Иванов день, Петров день, Ильин день, Кириллов день, Кириков день, Афанасьев день и т. п.), связанные в прошлом с «престольными» безжими» праздниками, на которые собирались целыми деревнями и приглашали соседей со всей округи, давно уже утратили религиозное значение и все чаще начинают переноситься на смежные с ними праздники колхозного календаря: Ильин день нередко впадает с праздником урожая, Иванов день — с праздником песни, другие — с годовщинами создания местных колхозов и т. п., так что многие прежде обрядовые формы празднеств приобретают в наши дни характер веселых массовых развлечений.

По всему району имеются школы (в ряде случаев — с интернатами), клубы и библиотеки. В деревнях функционируют лавки с различными промышленными товарами и книгами. Книги раскупаются охотно, а предметы современного городского быта уживаются рядом со старинными прялками, берестяными туесами и деревянной ручной традиционного вида.

Имевшиеся на Севере ценные памятники древнего русского народного зодчества почти не сохранились. Местные работники, к сожалению, не проявляют должной заботы об их сохранности.

В более северном, Мезенском, районе быт в основном тот же, но имеются и специфические отличия. Мезенский район находится ближе к морю; здесь больше внимания уделяется как рыбному хозяйству, так и морскому промыслу. Отсюда промышленники уходят «на тороса», т. е. на льдины берегового припая, бить морского зверя. Некоторые деревни Мезенского района издавна славятся «золотыми руками» своих мастеров-умельцев; в д. Кильда был центр бондарного дела — тут на всю округу ездили (а частично делают и сейчас) разнообразные бочки, кадушки, лагуны, ушаты (т. п.); в д. Тимошеле издавна изготовляли лубяные корзинки и глиняную посуду; в д. Кимжа с незапамятных времен занимались медным литьем — лили колокольчики, дугам, медные «схзаты» (пряжки) для поясов и так называемые «коневальские кольца». Этот последний вид литья очень своеобразен; он был вызван тем, что в недавнее время с Мезени расходилось по Руси много коновалов. Обучившись у местных специалистов, получивший квалификацию коновал заказывал себе в Кимже «коне-

¹ Данное сообщение в известной степени продолжает информацию того же автора под названием «На Печоре», опубликованную в журн. «Сов. этнография», 1958, № 6, стр. 146—151.

² Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия, вып. 1, М., 1911, стр. 5—14.

вальского конька», т. е. медную литую табличку с прорезанными в ней силуэты людей и коней. Таблички эти были разных рисунков; они прикреплялись к сумкам с коновальскими инструментами и служили вывеской во время странствий коновалов.

В отношении словесного и музыкального фольклора средняя и нижняя Мезени имеют много общего. В обоих районах встречаются все жанры традиционного фольклора, но сегодня они живут неравноценной жизнью.

В настоящее время на Мезени имеются только остатки былинного эпоса. Старожилы сообщают, что слышали «старшины» в молодости и в свои зрелые годы, но не запомнили их, а что и восприняли — забыли. Потомки певцов, исполнявших былины в 1901 г. А. Д. Григорьеву, умерли или не подхватили эпическую традицию. Некоторые пожилые мужчины помнили тексты, но не смогли спеть их для записи на магнитофон. Другие, наборот, помнили напевы и зачины былин, но после 15—20 стихов заявляли, что дальнейших слов не припомнят.

В ряде деревень рассказывали, что по глухим притокам Мезени живут старики и старухи, которые знают и поют старины. На самой же Мезени былины почти исчезли.

Однако участникам экспедиции все же удалось записать 35 былинных текстов. Из них только 15 — законченные, записанные с голоса, с напевами. Остальные — фрагменты, или ритмичный былинный сказ без напева, или прозаические сказки и былинные сюжеты. Ни одного певца типа печорских былинников с репертуаром из пяти-шести былин экспедиция на Мезени не встретила.

Былинная традиция обнаружена экспедицией в четырнадцать мезенских деревень; в остальных сохранились только воспоминания об исполнении былин в старину. Эти четырнадцать пунктов лишь частично совпадают с теми, в которых раньше А. Д. Григорьев. В 1958 г. в Лешуконском районе былины были обнаружены в д. Сидельцево, Едома, Малые Нисогоры, Кельчем-Гора, Юрома и Тиглява; в Мезенском районе — в д. Азаполье, Мел-Гора, Черсова-Гора, Кузьмин-Городок, Дорогая Гора, Кимжы в городе Мезени и поселке Каменке. Экспедицией записано четырнадцать былинных сюжетов, из которых наиболее популярными оказались «Женитьба Алеша на жене Добрыни» (восемь записей), «Иван Горденович» (шесть записей), «Пир у князя Владимира» (пять записей). Четыре раза встретился сюжет «Илья и Сокольник», три раза — «Добрыня и змей», дважды — «Женитьба князя Владимира». Остальные сюжеты («Исцеление Ильи», «Святогор и Илья», «Добрыня и Дунай», «Женитьба Добрыни», «Сорок калик», «Василий Буслаев», «Василий пьяница») — по одному разу. Кое-где население знало духовные стихи, которые на Мезени также называются «старинами», и старинные скоморошины.

Песни календарные, исторические, игровые, величальные и лирические всех разновидностей бытуют на Мезени очень широко. Почти во всех деревнях помнят (хотя в быту и не исполняют) святочные «Виноградья» с подразделением их на «холодные» («девы») и «женатые». Из исторических наиболее популярны песни о Степане Разине, о Платове, о смерти Александра I. Кое-где знают редкую песню о 1812 г. (с зачином «Заплакала Россияшка от француза»). Прекрасные лирические протяжные и веселые песни во многих случаях представляют собой тексты исключительной ценности и сохранности. Много на Мезени и старинных шуточных плясовых, например:

Кума к кумушке ходила, так, так!
Да кума кумушку любила, так, так!
— Да ты поешь, кума, покусай, так, так!
Да про мое житье послушай, так, так!
Да еще я живу, горюша, так, так!
Да по три утра муку сею, так, так!
Да на четверто высеваю, так, так!
Да на раствор-от идет мера, так, так!
Да на замес идет три меры, так, так!
Да полтора-то пуда соли, так, так!
Да не слыхала, как катала, так, так!
Да жеребьюшку закатала, так, так!

Да стала в печку садить, так, так!
Да три лопаты изломала, так, так!
Да на четверту посадила, так, так!
Да печи устье закрывала, так, так!
Да жеребьюшечка заржала, так, так!
Да я к соседу побежала, так, так!
Да от сосуда прибежала, так, так!
Да устье печи открывала, так, так!
Да жеребьюшку выкатала, так, так!
Да все пригтело, пригорело, так, так!
Да ни хвоста нету, ни гривы, так, так!
Да ни копыт нету, ни щеток, так, так!

В деревнях, более удаленных от города, как правило, поют больше и лучше. Кто живет как в непосредственном колхозном быту, так и в специальных хорах народ песни. Такие хоровые коллективы имеются в ряде деревень. Некоторые из них существуют уже 15—20 лет, участвуют в районных и областных смотрах художественной самодеятельности. В селе Лешуконском имеются народные хоры при районном Доме культуры и при районной конторе связи; в поселке Каменке — при Доме культуры в некоторых деревнях — при клубах. Особо следует упомянуть многолетний Лешуконский хор, состоящий из жителей Мезени и руководимый А. Уткиной. В составе этих хоров вместе с пожилыми и колхозницами средних лет имеется немало молодежи. Наряду с песнями советских композиторов эти хоровые коллективы исполняют традиционные свадебные, плясовые и протяжные песни; показывают местные хо-

³ Записано Н. П. Коллаковой от А. Ф. Смородиной, 80 лет, и Л. Г. Смородиной, 80 лет, в д. Резя Лешуконского р-на Архангельской обл. 18 июля 1958 г.

воды и пляски («ходят улкой», «пляшут звездочкой», «играют прятлицу», «водят утку» и т. п.). Таким образом, старая песня в своих лучших, наиболее художественных образах незаметно переходит из семьи или менее профессионального исполнение местной художественной самодеятельности. Большую роль в сохранении традиционной песни играет семья: молодежь, слушая старших, зачастую просит поучить их старым песням и охотно поет их.

На основе использования старой традиции возникают и новые, современные мезенские песни. Экспедиции удалось познакомиться с двумя известными на Мезени авторами — Т. А. Орешкиной в поселке Каменка и Т. Н. Листовой в селе Лешуконском. Обе они сами складывают и тексты, и напевы своих песен. Произведения Т. А. Орешкиной («Льется реченька Мезень» и др.) частично уже известны в печати и в репертуаре самодеятельных народных хоров; песни Т. Н. Листовой исполняются пока только на Мезени. Образцы этого нового народного песенного творчества экспедиция зафиксировала на пленке магнитофона.

Что касается музыкального исполнения песен, собранных участниками экспедиции, то в Лешуконском районе бытует традиционное народное многоголосье; в Мезенском же районе этот тип многоголосья не развит, здесь оно возникает в хоровых коллективах на основании знакомства молодежи с многоголосьем профессиональной вокальной музыки, которое существенно отличается от народного многоголосья.

Мезенских песен в старых записях опубликовано мало. Тем интереснее было сравнить записи нашей экспедиции хотя бы с теми текстами, которые помещены в первом выпуске «Новых песен» Киреевского с указанием на город Мезень. Детальная верка текстов и репертуара и опрос населения показали, что песни Киреевского фактически отражают репертуар не города Мезени, а деревень, расположенных по верхнему течению реки; очевидно, записи в г. Мезени были сделаны для Киреевского не от местных жителей, а от мезенцев, приехавших (или происходивших) из деревень верхних районов.

Кроме былин и песен, экспедиция записала много частушек, загадок, ряд местных легенд и преданий, материал по бытованию сказок. Среди загадок нашлось несколько десятков очень своеобразных, например: «Этой бабке — сто лет, горба у ней нет, зысоконько торчит, далеконько глядит, придет смерть за старушкой — станет бабка избушкой» (сосна); «Дедушка старый, весь белый, лето придет — не глядят на него, зима настает — обнимают его» (печь); «На одном полосу хлеба на год привезу» (лодка с уловом рыбы); «Не дерево, а суковато» (оленьи рога). Интересны местные пословицы и поговорки, в ряде случаев представляющие собой варианты к общеизвестным народным афоризмам: «Кто в лес, кто по дрова, а кто и за сеном», «Не боги торшки обжигают, а тимощель» (жители деревни Тимощелье) и др. Всего экспедиция привезла в 1958 г. с Мезени около двух тысяч текстовых записок и свыше трехсот магнитофонных.

Как сказано, данная поездка — продолжение работы Сектора народного творчества на Печоре в 1955—1956 гг. Таким образом, три экспедиции на Русский Север дали большое количество материала по традиционному и частично по новому песенному фольклору; сделано много наблюдений по этнографии, экономике и художественным промыслам в районах северных рек. Вместе с тем были собраны специальные материалы для выяснения исторической жизни тех фольклорных жанров, которые в свое время записывали А. Д. Григорьев, Н. Е. Ончуков, А. М. Астахова. У нынешних экспедиций была возможность на текстах, записанных в тех же самых деревнях, проследить изменения, внесенные временем в былины и песни Мезени. Участники экспедиции убедились также в том, что именно на Севере, в заповеднике классического русского песенного и былинного фольклора, имеются все условия для развития нового народного песенного творчества. Именно здесь советская народная песня, сочетая национальные традиции с новыми художественными образами и идеями нашей современности, имеет возможность развиваться в подлинно народном характере. Благодаря тому, что фольклорные записи на Русском Севере производились в течение XIX — начала XX в., имеется возможность исследовать развитие традиционного фольклора и выяснить, какие элементы его остаются в репертуаре и в творческой лаборатории создателей новой народной песенности.

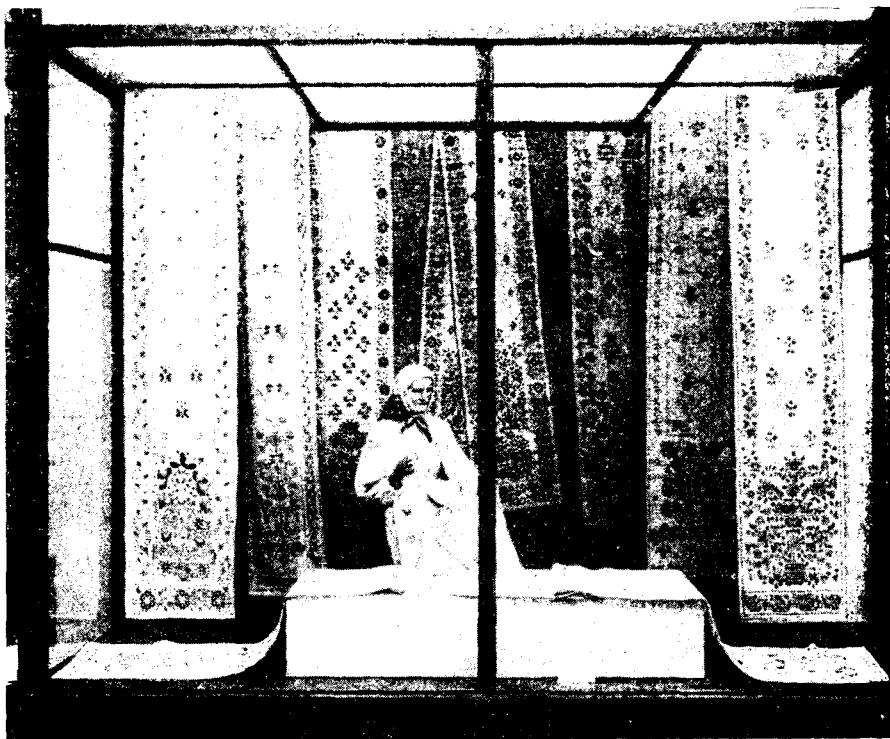
Вместе с тем не следует забывать, что ряд районов вокруг крупных северных рек (в частности, селения по их мелким притокам) еще никогда не посещался фольклористами и этнографами. Исследуя пути создания современных песен, нужно бережно разysкивать и то традиционное, что еще хранится в глубинах северных лесов и что, бесспорно, имеет не только художественное, но и большое социально-историческое значение.

Н. Колпакова

ВЫСТАВКА «СОВРЕМЕННОЕ УКРАИНСКОЕ ИСКУССТВО» В ГОСУДАРСТВЕННОМ МУЗЕЕ ЭТНОГРАФИИ (ГМЭ)

На Украине народное бытовое искусство вошло в художественную промышленность как ее неотъемлемая часть. В настоящее время там работают около 20 тысяч мастеров, организованных в 53 артели¹.

Этому была посвящена открытая больше года назад в Государственном музее этнографии народов СССР в Ленинграде выставка «Современное украинское народное искусство». Экспонатами выставки (всего 300 предметов) были заняты в центральном зале Музея 16 шкафов, 20 стендов, 4 витрины и 8 рундуков.

Шкаф с полтавскими вышитыми рушниками. Фото А. А. Гречкина

Большое место в отделе народного ткачества на выставке занимали плахт-ткани. Плахт украинки в быту давно не носят, они сохраняются только как костюмы для сцены. Поэтому традиционные узоры плахт и техника их изготовления используются в ткацких артелях (с. Дегтяри Черниговской области, Переяслав-Хмельницкий Киевской области и др.) главным образом для скатертей, покрывал, волочек на диванные подушки, портьер, настенных ковриков. Наиболее характерны коврики с мелким многокрасочным орнаментом, состоящим из звезд и розеток, замкнутых в квадратик, расположенные в шахматном порядке.

Многоцветные богуславские ткани с богатым геометрическим орнаментом, характерным для Киевской области, были представлены на выставке скатертями, покрывалами, наволочками и рушниками и близкими к ним по технике исполнения, орнаменту и расцветке тканями из с. Иванково Киевской области.

Отдел завершали знаменитые королевские рушники (Сумской области), орнаментированные узорным тканьем в сочетании с вышивкой. Орнамент на этих рушниках — животный и растительный, выполненный в красном цвете или полихромный. На одном из рушников выткан украинский герб, на другом — Спасская башня Кремля. Отражающее на себя внимание панно из Кролевецца «Гимн Украине», на котором выткан текст гимна — «Живи Україно...» — в обрамлении королевского орнамента.

Разнообразно были показаны вышивки на бытовых предметах. Оригиналы рушники, вышитые яркими букетами по эскизам В. И. Павленко — мастерицы Черниговской настенной росписи. В орнамент некоторых рушников также вплетены советские эмблемы — украинский герб, пятиконечная звезда. Четырехметровые полтавские и киевские рушники вышиты розовыми или красными нитками с традиционным орнаментом.

¹ По данным Укрхудожпромсоюза за 1959 г.

ментом в виде вазонов и букетов (см. рис., стр. 174). Отличительные особенности вышивки на рушниках из с. Клембовки Винницкой области — сложность цветовой гаммы, сочность красок и оригинальность орнамента.

Бело-серебристая тонкая гладь была представлена на полтавских мужских сорочках; близка к ней вышивка на киевских сорочках-чумачках с мягким по тону растительным орнаментом. На подольских же сорочках орнамент четкий, геометрический, а расцветка преобладает черная. Вышитые сорочки Прикарпатья, так называемые гуцулки, отличаются от остальных не только орнаментом, но и теплой, золотистой расцветкой вышивки.

В последние годы на Украине широко вошли в быт блузки из крепдешина или другого шелка с тонкой бело-серебристой, серо-голубой, желто-золотистой, черно-красной и черной вышивкой, которые также были экспонированы на выставке.

В отделе ковров особое внимание привлекал килим «Дружба», вытканый в артели имени Т. Г. Шевченко. Этот ковер — большого размера, около 13 м²; в его кайму вплетены гербы Советских Социалистических Республик, а в центре помещен герб СССР. Эти эмблемы удачно сочетаются с традиционным гуцульским орнаментом ковра.

В отделе керамики были выставлены декоративные кувшины, миски, вазы, графины, баклажки и куманцы — сосуды для вина, некоторые — в форме львов и баранов, около полусотни глиняных игрушек-свистулек, большей частью расписных петушков, уток и гусей, коников, коров, козочек и особенно баранчиков, излюбленных гончарами-игрушечниками.

Коллекция резьбы по дереву отличалась тонкостью и художественностью отделки — это декоративные шкатулки, тарелки, пудреницы, грибки для штопки, сахарницы, баклаги, графин с чарками, ваза и пр. Часть изделий украшена дополнительно инкрустацией из разных пород дерева, перламутра, бисера и металла. Споспобом инкрустации на одной баклаге выполнены фигуры спортсменов, а на восьмигранной вазе — портрет Ивана Франко, надгробный памятник Камыняру и шесть изображений, посвященных произведениям писателя, отображающим борьбу украинского народа против классовых угнетателей и за национальную независимость.

Выставку «Современное украинское искусство» в ГМЭ посетило около 200 тыс. человек.

А. С. Бежкович

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПОЗИЦИЯ В БАРАГХАНСКОМ СЕЛЬСКОМ КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ

Барагханский сельский краеведческий музей Курумканского аймака Бурятской АССР возник недавно. Его первыми экспонатами были бурятские национальные костюмы, в которых выступали на клубной сцене участники' улусной художественной самодеятельности в концерте, посвященном 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. С тех пор музей улуса Барагхан накопил интересный опыт, развернув значительную краеведческую и этнографическую экспозицию. Отрадно отметить, что сельское население улуса проявило живейший интерес к созданию музея. В результате совместных усилий музей пополнился подлинными предметами труда, убранства жилища, домашней утвари, характерными для дореволюционного и современного быта и культуры бурят. Полная экспоната музея, колхозники всячески стремятся шире отразить в нем те разительные перемены, которые произошли в жизни бурятского народа за годы социалистического строительства.

Мы вместе с председателем колхоза им. Карла Маркса Г. Э. Дамбаевым проехали по бывшим кочевьям курумканцев. Во время этой поездки нам удалось обнаружить в 35 км от Барагхана, в местности Хасхал Харамодунского сомона (сельсовета) Курумканского аймака, где раньше находилось кочевье братьев Дамбаевых, стоянку первобытного человека. В русле высохшей речки Хасхал мы нашли железные наконечники стрел и оригинально орнаментированные обломки глиняных сосудов. Можно предполагать, что в Хасхале производился обжиг гончарных изделий. Позднее аналогичные обломки были обнаружены на левобережье р. Баргузин в хунтэйских (куйтунских) степях. До этого древнее гончарное производство у бурят не было зафиксировано.

В экспозиции музея имеется старинная бурятская коса «бохир хажуур». Ею можно косить сено в обе стороны (известно, что обычной русской косой-литовкой косят в одну сторону — справа налево). Очень интересна «улаан аяга» — чашечка, изготовленная из нароста на стволе березы. Из такой чашечки буряты ели суп и молочные продукты. Рядом с ней демонстрируется деревянное корытце «хидага», или «тэбш», которое у скотоводов заменяло поднос или блюдо под мясо. Тут же мы видим «нюдуур» — деревянную ступку с деревянной же колотушкой «мунса», где дробили зеленый или черный кирпичный чай. Среди баргузинских бурят была распространена берестяная посуда для сметаны и масла — туюски (туйсы), также представленные в экспозиции.

Нельзя не упомянуть и о деревянной чашечке «аяга» с серебряным ободком, перной в музей колхозником Цыбенком Мужановым. Чашечка эта раньше была в Цаганском дацане и принадлежала ламе-габже¹ Шойрону Бидашкину. Мужанов при другой экспонат, связанный с буддийским культом, — бронзовый колокольчик «хо» которым пользовались ламы при богослужении. Он же подарил музею миниатюрный барабан «дамари» из дацанского оркестра. Сельский библиотекарь Радна Ешононполнил фонды колхозного музея шапкой «ободэ», которую носят ламы-гэлэны². За пополнением музея предметами буддийского культа проявляют не только молкохозники Барагхана, но и люди преклонного возраста. Полной неожиданностью барагханского сельского актива явился подарок 68-летнего колхозника Цырена харова, принесшего буддийскую икону «сагаан дархан», написанную масляной краской на шелковой ткани. Престарелая колхозница Надмит Пихуева передала другую икону — «ногоон дархан». Иконы сагаан (белого) и ногоон (зеленого) дарханов (кочевников) дают возможность судить о том, какие древние, добуддийские культы кузцы использовали ламы в своих позднейших канонах, чтобы обратить бурят-шаманов в свою веру.

В Барагханском музее полнее всего представлены предметы культа. По экспонатам можно восстановить кое-что из истории проникновения буддизма в Байкаль. Музей приобрел любопытную бронзовую мемориальную медаль, отлитую на монетном дворе в Петербурге по заказу настоятеля (пандита) Эгетуйского дацана. На оборотной стороне медали выгравирована надпись: «Эгетуйский дацан. 22 июня 1900 г.» Экспонат этот красноречиво свидетельствует о тесной связи буддийского духовенства с царским правительством.

Многие вещи культового происхождения, экспонируемые в музее, представляют собой интересные произведения народного прикладного искусства дореволюционных бурят. Таковы медные статуи божков из буддийского пантеона, а также дикой «боды» и быка, которые у буддистов считаются священными животными. Другие предметы культа — баран (дамари) и медные тарелки (сан) — имеют отношение к родным музыкальным инструментам бурят, в свое время заимствованными ламаизмом и другим предметам ламаистского культа можно судить о старом быте бурят Байкаля в целом и Баргузинской долины в частности. Эти вещи бытовали не только в дацанах, они имелись также в юртах и избах бурят, исповедовавших ламаизм. Так, например, жертвенный сосуд (су сэ), в котором хранили перед божницей экувшиннообразный бронзовый чайник (бумба) со «святой» ключевой водой (аршаданица (бойбор), в которой курилась благоуханная горная трава (арса). Любопытно, что бронзовый бойбор вместе с перьями (сабду) павлина сдала в музей за добностью школьница, заявившая, что набожная бабушка умерла, а родители ее держат в чайнике священную воду и не умывают божков перьями павлина.

В музее хранятся ножные кандалы, в которые были закованы лицейские друзья А. С. Пушкина — братья В. и М. Кюхельбекеры, отбывавшие ссылку в Баргузин. Этот экспонат доставлен сюда директором Курумканского промкомбината И. И. Поповым.

На первом этапе своего существования музей ограничивался только собирательской деятельностью. В последнее же время он в меру своих сил начинает вести и научно-исследовательскую работу. Музеем руководит молодой энергичный колхозник Х. У. Сангадиев — секретарь комитета ВЛКСМ колхоза им. Карла Маркса. Ему постоянно помогает упомянутый выше председатель правления этого колхоза Г. Э. Дамбаев — инициатор создания музея. Дамбаев в прошлом был преподавателем истории в средней школе. Когда коммунисты избрали его секретарем партийной организации колхоза, он ездил в южную Бурятию, чтобы изучить опыт культурно-просветительской и массово-политической работы передовой жаргалантуйской сельскохозяйственной организации им. Э. Тельмана Селенгинского аймака, находящейся в 500 км от улуса Бахан. В Жаргаланте Дамбаеву понравился колхозный краеведческий музей со значительной этнографической экспозицией. Вернувшись из Жаргаланты, он приступил к организации своего сельского музея, который и был создан к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. И по сейчас Дамбаев является консультантом по многим вопросам, связанным с музеем. Будучи занят руководством крупнейшего колхоза, он не забывает и о научной работе. Он автор двух книг по колхозному строительству и партийно-политической работе в больших сельскохозяйственных организациях³. Планирует Дамбаев и сбор материалов по топонимике Баргузинской долины. Результаты его работы обогатят Барагханский музей ценными данными по растительности бурятских и эвенкийских племен у подножья Баргузинского хребта. Материалы Дамбаева, безусловно послужат хорошим подспорьем при дальнейшем изучении этногенеза этих двух народностей, населяющих Баргузинскую долину.

Дамбаев — не единственный, кто помогает Барагханскому сельскому краеведческому музею в развертывании научной работы. Очень большую помощь оказал му-

¹ Габжа — духовная степень у буддистов-ламаистов.

² Гэлэн — буддийский монах-лама, давший 250 обетов.

³ Г. Э. Дамбаев, Колхоз им. Калинина, Улан-Удэ, 1957; Г. Э. Дамбаев, С. И. Никифоров, Партийная организация колхоза в борьбе за повышение продуктивности животноводства. Улан-Удэ, 1958.

колхозный бухгалтер Шагжи Аршанов, бесценно работающий в этой должности с первого дня организации колхоза (1929). В Барагхане нет лучшего знатока истории и экономики колхозного улуса за последнюю четверть века. В дар музею он передал ценную реликвию — медную печать первой Барагханской сельскохозяйственной коммуны «Гэгээрэл» («Просвещение»), возникшей в 1929 г.

Музей не ограничивает свою научную работу привлечением только местного актива. Он часто обращается за помощью к сотрудникам Бурятского комплексного научно-исследовательского института Сибирского отделения Академии наук СССР: тибетологу Р. Е. Пубаеву, географу-краеведу Б. Р. Буянтуеву и пишущему эти строки. Буянтуев подарил музею свою книгу «Баргузинская долина», содержащую обзор природных условий, хозяйства и перспектив развития Курумканского и Баргузинского аймаков. Тибетолог Пубаев дал научное описание ряда буддийских предметов культа. В музее экспонируется бронзовая чашечка-масленка «наһата» или «олто» (род подсвечника перед божницей). Когда фитиль в масленке зажжен, она носит название «зула». Самое зажигание фитиля называется по-бурятски «зула» (свечу), по-тибетски «бадраа» (зажечь). В Барагханском музее экспонируется маленькая наһата, вмещающая 150—200 г масла. В Монгольской Народной Республике бывали наһата, называвшиеся вечными (мунхэ наһата), которые вмещали до 5 кг масла. По сведениям же Е. Пубаева, тибетские мунхэ наһата вмещают 5 ц масла.

Создание музея способствовало культурному развитию колхозников. Люди наконец увидели, как былой полукочевой быт бурят коренным образом преобразовался на социалистических началах. Показательно, что в Барагхане консультации по материальной культуре бурят и беседы об ее этнографическом исследовании вызвали огромный интерес и послужили стимулом дальнейшего изучения этнографии Курумканского аймака местной интеллигенцией и колхозными активистами.

В музее экспонируются бурятский охотничий лук из рога и стрелы к нему. Форма лука — общенациональная, но название деталей имеет диалектные особенности. Барагханские буряты говорят на баргузинском диалекте, близком бурятам-эхиритам, проживающим в Усть-Ордынском бурятском национальном округе Иркутской области. Именно на предметах материальной культуры легче всего проследить близость и имеющиеся отличия между баргузинским и эхиритским диалектами. Так, например, на общелитературном бурятском языке, в основу которого положен хоринский говор, накопичены стрелы называется «эзбэн», а баргузинцы именуют его «гэлбэр». Утолщенная изгибовидная часть стрелы со сквозными отверстиями на литературном языке носит название «болсу», а буряты Курумканского аймака называют ее еще и по-баргузински «эн». Согласно сведениям, полученным автором от большинства жителей Барагхана, то общебаргузинский термин. В подтверждение таких сведений барагханский ветеринарный врач Лубсама Гармаева, хороший знаток бурятских народных видов спорта, привела ряд фольклорных данных.

До последнего времени в этнографической литературе было известно, что стрельба из лука по камышовым щитам (бай-харбан) имела распространение лишь в Тугнуйской долине. Материалы Барагханского музея показывают, что в долине р. Баргузин ай-харбан был широко распространен. Зато баргузинцы до революции не знали такого вида спорта, как «сур-харбан» — стрельба из лука по бабковидным связкам трубчатых растений. Такое название носит и национальный праздник, ныне распространенный во всех аймаках Бурятской АССР. На наш взгляд, было бы целесообразно распространять именно бай-харбан, как наиболее древний вид бурятского спорта, ибо ур-харбан — позднейшее наложение в национальном спорте бурят. Общественные организации и местная печать подтверждают точку зрения этнографов о желательности возрождения бай-харбана.

Материалы музея, беседы со старожилками улуса Бато Доржиевым (рожд. 1897 г.) и Санжи Зуртановым (рожд. 1888 г.) помогли мне установить, что в Баргузинской долине, кроме бай-харбана и сур-харбана, бытовала еще третья разновидность стрельбы из лука — «хур-харбан» («хур» называли бабки, которые при помощи ременной закладки подвешивали между двумя столбами; при попадании стрелы хуры раскачивались).

С. Зуртанов и Б. Доржиев помогли мне описать некоторые детали игры в бай-харбан. Общепринятым термином, которым называли число очков, является бурятское слово «оно» (попадание). Величина камышового (или соломенного) щита на бай-харбанах определялась длиной и шириной тетивы лука. Щит (бай) не подвешивался, а имел сзади опоры из колышков (гадаһан). Над щитом обычно висела шапкообразная малагай) фигура из камыша. Кто попадал в эту «шапку», тому засчитывалось сразу пять очков. Каждое попадание в щит давало очко. Черта, на которой находились спортсмены-лучники, была удалена от щита на расстояние ста тетив. Экспонируемый в музее лук колхозника Гомбо Цыренова имеет тетиву длиной в 150 см.

Музей в качестве экскурсоводов-консультантов привлекает местных жителей, которые дают приезжим посетителям объяснения о пище, одежде, обработке овчин, предметах культа бурят. Они, например, подробно объясняют порядок угощения гостей мясной пищей. У баргузинцев, как и у всех бурят, принято трубчатую кость (сэм-эн) класть нижей частью к гостю. Особо ориентированы и такие мясные угощения, как голова барана (тоолэй), позвонки (нээр), ребра, крестец: голова барана подается носовой частью к гостю, позвонки — головкой вперед, а баранье ребро кладется на

поднос или тарелку позвоночной частью к гостю. В Баргузинской долине, как всем Курумканском аймаке, расположенном в бассейне Баргузины, существуют гие правила угощения мужчины и женщины: так, голову барана «тоолэй» подают ко мужчине, а крестец «ууса» — женщине.

В южной Бурятин любимое блюдо — «сагаан махан» — вычищенная баранья говяжья толстая кишка, вывернутая наизнанку. Начинают кишку тонко нарезать брюшиной. Баргузинские буряты называют это блюдо «хошконог». Такое же н ние бытует у бурят, проживающих в Иркутской области. Эти данные по матери ной культуре — еще одно доказательство правильности родоплеменных предани эхиритском (верхоленском и западнобайкальском) происхождении баргузинцев. За Барагханского музея в том, что он собирает материалы, дающие верное пони этногенеза местного населения.

Данные музея позволяют судить о некоторых различиях в способе пригото одноименных продуктов питания у хоринских и баргузинских бурят. Например, у

гузинцев домашняя колбаса «химэ», или «эж же», в отличие от хоринского способа пригото ния, не начинается мозгами, а готовится только из мяса. Заведующий сельским кл Барагхана Д. Х. Бадмаев, помогая музею, ясность в названия некоторых видов пищи и нил порядок забоя скота. Так, буряты после ма шкуры животного сразу же отделяют от грудную кость вместе с пашинной. Музей дае материал для уточнения местных названий и молочных продуктов. Например, употребляет пищу в Селенгинской долине творожистая м «ээрмэг» в Курумкане и Баргузине называ «земер». Снятое перебродившее молоко изве у хоринских, агинских, селенгинских, джидин бурят под названием «айрак». Баргузинские иркутские (эхиритские, боханские, аларские) ряты называют айрак «хурэнга» и пригото его в виде кефира. До недавнего времени в хозных животноводческих гуртах из хурэнги п гоняли молочную водку «архи». Один из ак ных организаторов музея Дамбаев высту инициатором прекращения производства алко ных напитков. В результате этой борьбы в хозных гуртах перестали перегонять архи, что зволило значительно оздоровить семейный и щественный быт колхозников. В музее показ что хоринцы, селенгинцы и буряты Иркут области вместо архи готовят безалкого ный напиток «сагаа» (бозо).

В настоящее время музей готовит экспозиц показывающую новый быт колхозных животи дов. Для развешивания ее в распоряжении му имеется немало ценных материалов.

Музей показывает не только различия в званиях одежды, но и локальные особенности мой одежды бурят. Так, если южные бурятки но ли кистеобразное украшение на одном из б верхнего платья, именуемое «сондой» (у хорин и «боорэнхэй» (у кяхтинцев), то это же укра

Рис. 1. «ханжуурга», или «шэм-хуур» — женское нагрудное украшение, имевшее широкое распространение в долине р. Баргузин
Фото здесь и ниже С. И. Глазунова

ние, по данным музея, у северных буряток в Баргузине носит название «пинхуза». Это украшение отличается здесь в деталях и орнаменте: сондой снабжен длинной шелковой кисточкой, а пинхуза имеет три отдельные короткие кисточки; при шитье сондой и пинхузой рисунок самого материала, а пинхуза богато орнаментировалась; основной пинхузы — синий, вышивка — бордовой, красной, белой нитками, причем в узоре чудливо сочетаются бурятские и эвенкийские мотивы.

Женское украшение «шэмхуур» у баргузинских бурят называется «ханжуу» (рис. 1). Его носили с правой стороны, а с левой — небольшой нож. По матери музея нам удалось уточнить местное название женского нагрудного украшения «бу», известного в Курумкане как «сахюусан» (рис. 2). В таком украшении хра изображение буддийского божества и молитвенное закланние, которое читали в лице сахюусана перед смертью. Хоринские бурятки носили на груди ниже сахюу амулет «гуу», известный в Баргузинской долине под названием «урэл сумэ» (рис. 3). Набожные женщины приписывали сахюусану три значения: охранителя от неч силы, от болезней и для загробной жизни. Мужчины носили на груди «урэл гэр» торый в отличие от одноименного женского амулета представлял собой не металличкую (серебряную) коробочку, а кожаную сумочку величиной меньше спячной робки, носимую на шее на шелковом шнурке. Старики, исповедывавшие буддизм, д

ы были перед смертью сорвать шнурок, открыть сумочку «гуу» (урэл сумэ, урэл эр), достать из нее и проглотить семена трав, которые якобы помогут им возродиться в теле новорожденного младенца или попасть в рай.

Заведующий Барагханским сельским клубом Д. Х. Бадмаев, принимающий активное участие в работе музея, дал описание культа огня, которому поклонялись баргу-

Рис. 2. Крышка женского нагрудного украшения «нимбу», известного в Курумканском аймаке под названием сахюусан

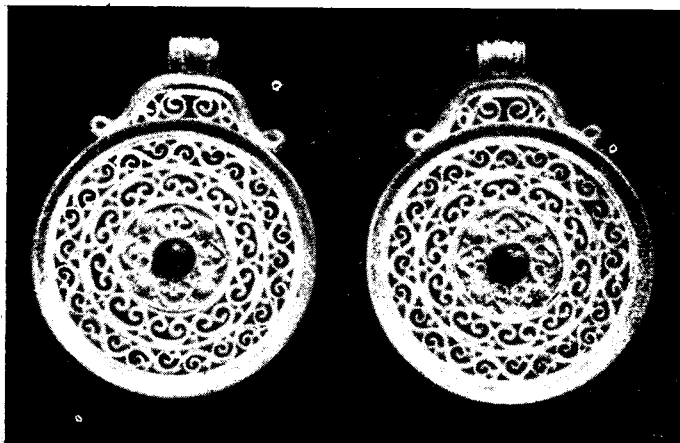

Рис. 3. Крышки амулета «урэл сумэ»

зинские буряты. Древнебурятский культ огня отражается во многих родоплеменных преданиях, легендах и лексике, в народном творчестве жителей Баргузинской долины. Особенно сильны пережитки культа огня у эхиритов — предков баргузинских бурят.

Барагханский музей стал заметным очагом культуры не только в своем улусе, его часто посещают жители других селений Курумканского и Баргузинского аймаков. Посетители из соседних аймаков приезжают в Барагхан не только в качестве экскурсантов, но дают советы и пополняют музей новыми экспонатами. Рабочий Журавлихинского лесоучастка Баргузинского леспромхоза К. Е. Толстихин после ознакомления с этнографическими материалами музея сообщил, что до последнего времени у русских крестьян Баргузинского аймака бытует бурятская молочная кухня. По его словам,

в деревне Малое Уро Баргузинского аймака, уроженцем которой он являлся, русские колхозники умеют изготавливать сухой сыр «аарсу» (называя его «арису»). После сушки в пекче или на солнце он становится рассыпчатым, мелкокомковатым, ким его и употребляют в пищу. По словам Толстихина, русский арисун по сравнению с бурятской аарсой более пресен. Любимое блюдо в русских семьях этой же деревни бурятский «саломат» — мучная каша, приготовленная на сливках или на устоявшемся сметане. До недавнего времени русское население Баргузина любило и умело готовить бурятский «зутаран сай» — зеленый чай на молоке с бараньим жиром и соевым маслом. В дореволюционной этнографической литературе зутаран сай известен как бурятский «чайный суп». Толстихин отмечал, что крестьяне из его деревни не умели готовить только один из бурятских молочных продуктов — архи, хотя в русской деревне Сах Курумканского аймака этот вид водки раньше делали бурятским способом. Фангаев, приведенные Толстихина, говорят о взаимном влиянии русского и бурятского населения. Буряты научились у русских пашенных крестьян культуре земледелия, а русские крестьяне восприняли от бурятских скотоводов способы приготовления молочных продуктов.

Барагханский музей из своего фонда охотно уступает сельскому ансамблю народных инструментов часть национальных музыкальных инструментов: лимбу, хучу, старинный хур, усовершенствованные хуры и др. Драмкружковцы часто пользуются музейными национальными костюмами.

Барагханский музей — не застывшее хранилище, отражающее лишь прежнюю жизнь. Он не только показывает отмирание пережиточных явлений, но сам активно участвует в жизни, борется за утверждение новых коммунистических начал в быту и культуре сельского населения.

И. Е. Тузгу

СОСТОЯНИЕ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ КАЗАХСТАНА

Научно-исследовательская работа сектора этнографии Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР в 1950—1954 гг. была посвящена одной из важнейших проблем советской этнографической науки — исследованию современной культуры и быта народов. В результате работы над данной темой этнографы Казахстана собрали значительный материал по современной культуре казахов и уйгуров. Эти материалы были обобщены в виде статей, составивших 3-й том «Известий Института истории, археологии и этнографии АН КазССР»¹. В этих статьях также в диссертационных работах, выполненных в эти годы, сделана попытка осветить процессы преобразования национального быта и показать произошедшую в Казахстане культурную революцию.

К сожалению, в этих публикациях и работах выявился ряд недочетов, в значительной степени обусловленных слишком односторонним подходом к изучению культуры и быта народа. Из-за недостаточно глубокого изучения авторами дореволюционной культуры описание преобладало над исследованием. Авторы не разгоспоставившей перед ними задачи конкретного показа путей формирования современной культуры и быта казахского народа. В связи с этим в последующие годы (1955—1959) перед этнографами Казахстана было поставлено в качестве одной из важнейших задач всестороннее исследование традиционной казахской культуры. Необходимо было создать базу для решения ряда исторических проблем, тесно связанных с этнографией, — таких, как этногенез, история культуры и искусства казахов и т. д. Стало ясно, что только на основе такого исследования можно было перейти к подлинно научному и глубокому изучению закономерностей преобразования быта и культуры в эпоху социализма и перехода к коммунизму.

Основная тема в области этнографии, над которой работает институт с 1953 года, участие в составлении Историко-этнографического атласа народов Средней Азии и Казахстана. Эта работа ведется в координации с Институтом этнографии Академии наук СССР. Составление Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана тесно связано с современным этапом развития этнографической науки, требующим создания научной базы для разработки обобщающих трудов. Такая база может быть создана лишь путем систематизации и введения в научный оборот всех накопленных материалов и восполнения пробелов в этнографической изученности народов.

В 1955—1959 гг. велась работа по учету и отбору этнографических материалов из различных источников: литературных, музейных, архивных и главным образом полевых экспедиционных. Для изучения обширной этнографической литературы по Казахстану было предпринято составление библиографического указателя с подробной аннотацией каждой публикации, указанием тематики, места и времени исследования, краткой характеристики содержащихся сведений. В результате создан довольно полный алфавитный каталог — 4 тыс. названий, большинство их аннотировано. На 1

¹ Алма-Ата, 1956.

алфавитного указателя начато составление тематических указателей, некоторые намечаются к публикации (в частности, по одежде и жилищи). Огромный этнографический материал по казахам имеется как в центральных музеях (Государственный музей этнографии (ГМЭ) и Музей антропологии и этнографии (МАЭ) в Ленинграде, Центральный музей Казахстана в Алма-Ате), так и в ряде областных. Значительная часть музейных коллекций обследована и взята на учет (коллекции по одежде в Карагандинском, Акмолинском, Кокчетавском, Кустанайском, Актюбинском, Джамбулском, Кызыл-Ордынском музеях).

Самой главной и трудоемкой работой для подготовки Атласа является сплошное этнографическое обследование всей территории Казахстана. Этнографические экспедиции Института истории, археологии и этнографии АН КазССР в 1955—1959 гг. прошли в 11 областях сбор полевых материалов: в 1955 г. была обследована юго-западная часть Семипалатинской области и восточная часть Карагандинской; в 1956 г. экспедиция работала в южной части Кустанайской и в двух районах Актюбинской области; в 1957 г. работы велись в Гурьевской (п-ов Мангыштак), Кокчетавской и Акмолинской областях; в 1958 г. экспедиции обследовали две соседние области — Кызыл-Ордынскую и Южно-Казахстанскую; в 1959 г. полевые материалы собирались в Восточно-Казахстанской, Джамбулской и Кызыл-Ордынской областях.

В результате экспедиционных исследований накоплен обширный материал, главным образом по современному и дореволюционному жилищи, одежде, народным художественным промыслам и ремеслам, а также данные для карты родоплеменного деления казахов. Полевые материалы в сопоставлении с литературными и музейными дают общее представление о специфических особенностях материальной и духовной культуры населения ряда областей Казахстана.

Довольно ясна картина распространения типов кочевого и оседлого жилища, строительной техники, типов усадьбы. Так, на юге Казахстана, в основном в пределах, заселенных в прошлом племенами Старшего жуза, распространена юрта с высоким, оловянно-крутым конусом и небольшим шанраком, близкая к северокиргизской юрте. Северных же и центральных районах Казахстана юрта отличается уплощенным полом вследствие более крутого изгиба жердей (уыков). Для Северного Казахстана характерна закрытая усадьба, объединяющая под одной крышей все хозяйственные жилые постройки. В Южном Казахстане, наоборот, усадьба открытая.

Очень интересный материал собран по примитивному оседлому жилищи казахов — юртообразным постройкам, местами дожившим до наших дней, так называемым юшала, тошала и др. Они бытовали во всем Северном, Восточном и Центральном Казахстане, но неизвестны в Южном и Западном. Аналогичная форма встречалась присырдарьинских казахов в виде круглой землянки с конической кровлей (жер ке) и круглой камышитовой наземной постройки с такой же крышей (догара).

Большой интерес для картографирования представляет казахская народная одежда, особенно типы головных уборов. В них больше и дольше всего сохранились племенные и локальные различия. Наиболее распространенный женский головной убор — «имешек» отличался у представительниц разных племен покроем верхушки, вырезом для лица, размерами и формой задней лопасти, видами украшений и т. д. Столь же разнообразны были и формы верхнего головного женского убора, надевавшегося на имешек, — «жаулык» (күндик, шаршы). В Южном, Северном и Центральном Казахстане он представлял собой полотнище белой ткани, различным способом складываемое и наматываемое на голову. У казахов Актюбинской и Кустанайской областей (в прошлом племена кипчак, аргын, алим) жаулык состоял из твердого цилиндрического каркаса до полуметра высотой, обернутого белой тканью.

Показательная география распространения различных видов художественных ремесел. Для определенной территории был характерен специфический их комплекс и prevalence тех или иных видов ремесла. Производство узорчатых кошм было широко распространено по всему Казахстану, однако в северной и северо-восточной его части (Кокчетавская, Семипалатинская, Восточно-Казахстанская и отчасти Карагандинская Акмолинская области) чаще встречались «сырмаки» (инкрустация по войлоку), которые в остальных областях Казахстана были значительно менее распространены и нигде не достигали такой красоты и тонкости работы. Второй вид узорчатых кошм — «текемет», с ваяльным орнаментом, был распространен, пожалуй, одинаково по всем областям, но самые красивые и лучшие по качеству текеметы изготовлялись в Южном Казахстане (Южно-Казахстанская, Кызыл-Ордынская, Джамбулская, Гурьевская области).

Узорное ткачество, также известное по всему Казахстану, наибольшего развития достигло на юге (Южно-Казахстанская, Кызыл-Ордынская, Джамбулская области), отчасти в Актюбинской области. Здесь наиболее разнообразна техника узорного ткачества (экспедиции 1958 г. удалось выявить пять типов узорных тканей), рисунки и расцветка узоров.

В этих же областях, особенно в трех первых, большого развития достигло ворсовое ковроткачество. Производство же безворсных широких ковров (тапыр клем) бытует в Кызыл-Ордынской, Актюбинской, Кустанайской, а в недавнем прошлом встречалось в Акмолинской и Карагандинской областях.

Все эти сведения могут быть отнесены на конец XIX и начало XX в. Распространение различных элементов и комплексов материальной культуры мы не можем еще

проследить по всей территории Казахстана, так как обследование не закончено. К тому же, не везде ясны границы их распространения.

Характерно, что особенности материальной культуры в настоящее время чаще связаны с локальными, а не с племенными группами, особенно внутри одного и того же жуза. Например, между кипчаками и аргынами, населяющими Кустанайскую область, никаких различий в материальной культуре не прослеживается. Для этой области существует характерный комплекс особенностей материальной культуры хозяйства (женские головные уборы, украшения, ремесло и пр.). В то же время различия в материальной культуре аргынов Кустанайской области и аргынов Семипалатинской и Карагандинской областей значительны. Такие примеры можно было бы привести и по другим жузам. Очевидно, это связано с тем, что племена казахов в XIX в. не представляли собой этнических групп, их «родственные» связи стали фикцией; не исключает возможности при дальнейшей работе связать локальные комплексы какими-то более древними племенными группами. Наряду с этим иногда удается выделить некоторые особенности в деталях, например в одежде, головных уборах, украшениях, с определенной даже очень мелкой родовой группой. Например, для р. Мангытай и Сангыл (подразделение племени конграт) характерен очень оригинальный по покрою кимешек, не встречающийся у других подразделений племени.

Определенный комплекс специфических черт хозяйства и материальной культуры как правило, связан с конкретной территорией, а не с племенной группой. В то время почти всегда эти специфические черты культуры встречаются и у соседних групп, но в других сочетаниях. Например, по одним элементам данная группа оказывается ближе к соседним южным областям, по другим — к восточным и т. д. Так комплекс, характерный для казахов Кызыл-Ордынской и Южно-Казахстанской областей. Их оседлое жилище обнаруживает большое сходство с жилищем казахов Алма-Атинской и Джамбулской областей (открытая усадьба, ориентация всех окон на восток (отчасти терминология и др.). В то же время известная прежде юртообразная постройка (на юге — «догара», на севере — «шошала») является общей для данной территории и всего Северного, Северо-Восточного и Центрального Казахстана.

В некоторых особенностях одежды казахов этих областей наблюдаются интересные явления. Например, «белдемши» (распашная поясная одежда), свойственная населению всего юга Казахстана, не обнаружена в Кызыл-Ордынской области. «Далбай» (рыболовочный мужской головной убор) распространен у казахов Кызыл-Ордынской области, во всем Центральном и Северном Казахстане, но неизвестен в Южно-Казахстанской, Джамбулской и Алма-Атинской областях.

В художественных ремеслах, их видах и технике также намечаются общие черты, по одним видам с казахами Юго-Восточного Казахстана, по другим — Северных и Западных. Деревянные предметы, украшенные резьбой и росписью, из Южно-Казахстанской области близки к изделиям джамбулских мастеров. Резьба по дереву казахов Кызыл-Ордынской области (за исключением высокой и плоско-рельефной) по узорам и технике обнаруживает сходство с резьбой Актобинской области.

Таковы пока некоторые общие сведения, касающиеся сравнения отдельных элементов материальной культуры. Сбор материалов по всем видам источников будет продолжен. С 1959 г. начата работа в архивах.

Параллельно накоплению материала для основных разделов Атласа и на основе этих материалов этнографы института работали над рядом других тем. В 1955 г. план была включена тема «Развитие современного жилища и изучение домашнего быта казахов-колхозников», завершение в 1958 г. (канд. ист. наук В. В. Востров, И. В. Захарова). Авторы попытались выяснить историю развития оседлого жилища у казахов с периода феодализма до современности, выявить характерные особенности жилища и домашнего быта, связанные с разными социально-экономическими формациями, проследив это на материале почти всего Казахстана. Важному вопросу истории развития культурных связей русских и казахов посвящена диссертационная работа Х. Аргынбаева «Историко-культурные связи русского и казахского народов и их влияние на материальную культуру казахов». Работа построена на материалах Семипалатинской и Восточно-Казахстанской областей и охватывает период с середины XIX в. до Великой Октябрьской социалистической революции. На материалах северных областей написана диссертация Э. А. Масанова «Домашние промыслы и ремесла казахского народа во второй половине XIX и начале XX в.», где дано всестороннее описание техники производства и изделий казахских ремесленников. Автор обосновал выдвинутый им тезис о перерастании на рубеже XIX—XX вв. ряда отраслей казахского ремесла в кустарно-ремесленные промыслы, причем выявил специфические особенности этого процесса обусловленные как историческим прошлым Казахстана, так и его положением в составе царской России.

Этнографы и историки института участвовали в составлении статьи «Казахи» тома «Народы Средней Азии и Казахстана» серии «Народы мира», издаваемой институтом этнографии АН СССР; статья представляет собой всесторонний обзор истории культуры и искусства казахского народа как до революции, так и в эпоху социализма. Велась работа по истории изучения этнографии Казахстана (И. В. Зорова, Г. Н. Валиханов, Э. А. Масанов).

Таким образом, за 1955—1959 гг. была создана значительная база, которая может уже служить основанием для дальнейших серьезных исследований по этнографии

казахов, а также для начала непосредственной работы над составлением Историко-этнографического атласа. Осуществлено предварительное обобщение значительной части этих материалов в виде указанных выше монографических работ. Часть экспедиционных материалов опубликована или подготовлена к публикации в виде отчетов начальников экспедиций.

С 1958 г., согласно решению Президиума Академии наук Казахской ССР, институт начал организацию археолого-этнографического кабинета-музея. Экспедициями 1958 г. были приобретены ценные экспонаты, положившие начало созданию коллекций вещевого материала по этнографии казахов. Главное место среди приобретенных экспонатов занимают предметы прикладного искусства: орнаментированные войлочные изделия, ковры, узорные ткани, вещи, украшенные резьбой и росписью, серебряные украшения.

Однако в работе этнографов Казахстана имеются известные недостатки и пробелы. Одним из них является некоторая однобокость тематики. Так, совершенно не ведется работа по духовной культуре, по рабочему быту, по исследованию семейных отношений. Не проводятся исследования этнографии других народов Казахстана. Хотя изучение современной культуры и имело место (тема по жилищу), все же наблюдалось некоторое излишнее увлечение этнографией дореволюционного периода, недостаточное внимание уделялось исследованию проблем, связанных со строительством социализма. В значительной мере эти недостатки обусловлены малочисленностью подготовленных научных кадров.

В перспективном плане сектора этнографии основное место занимают работы, связанные с созданием Историко-этнографического атласа. Помимо продолжения накопления материалов, было решено с 1959 г. начать работу над подготовкой отдельных выпусков Атласа по темам: «Жилище», «Одежда», «Земледелие», «Животноводство». На основе собранных для Атласа материалов выполняются еще две работы: монография «Народная одежда казахов XIX—XX вв.» и «Карта родоплеменного расселения казахов в конце XIX — начале XX в.».

Цель исследования казахской национальной одежды — изучение ее комплексов и отдельных частей, выявление локальных различий, древнейших и новых ее форм, а также воспринятых у соседей элементов одежды или ее покроя. Одна из задач темы — вскрытие истории изменений одежды казахов в связи с изменениями условий их жизни и хозяйства в данный период.

Детальное выяснение родоплеменного состава, генеалогии и расселения родоплеменных групп казахского народа в конце XIX — начале XX в. очень важно для изучения таких коренных вопросов истории Казахстана, как происхождение казахского народа, выявление основных компонентов сложившейся казахской нации, этнические связи казахов с другими тюркскими народами.

Перечисленные темы составляют продолжение работы, связанной с подготовкой Историко-этнографического атласа. Кроме того, намечается еще ряд тем по этнографии казахов. Начинается подготовка к изданию избранных сочинений по этнографии Казахстана А. А. Диваева, А. Е. Алекторова, Г. Н. Потанина и рукописи капитана Г. Андреева. В перспективный план включен также «Альбом казахского народного орнамента».

Исторические решения XXI съезда КПСС направляют советских историков, в том числе и этнографов, на разработку актуальных вопросов истории советского общества. Главное внимание в плане работы института уделяется истории Советского Казахстана. В связи с решениями XXI съезда этнографы института, пересмотрев тематический план, взяли на себя обязательство создать коллективный труд «Современный казахский колхозный аул», в котором будут отражены грандиозные изменения в культуре и быту казахского населения в эпоху развернутого строительства коммунизма.

И. Захарова, Р. Ходжаева

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НАРОДЫ СССР

В. П. Аникин. *Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор*. Пособие для учителя. Учпедгиз, М., 1957, 240 стр.

В серии книг, предназначенных для учителей родного языка и литературы, работа В. П. Аникина — едва ли не первая, целиком посвященная русскому народному поэтическому творчеству. Поэтому книга о так называемых малых жанрах русского фольклора вызывает особый интерес и требует внимательной оценки. Между тем хотя книга В. П. Аникина послужила поводом для полемики, разгоревшейся в 1959 между «Учительской газетой» (см. отзывы Л. Блохиной в № 8 от 17 января, К. Алевского в № 91 от 1 августа) и «Литературной газетой» (см. статью Э. Помираниевой в № 93 от 28 июля и редакционную реплику в № 98 от 8 августа), существу оценка ей еще не дана. Poleмика велась лишь по вопросу о подборе пословиц и загадок, который рецензенты «Учительской газеты» рассматривали вне связи с содержанием книги и с ее задачами, вполне отчетливо сформулированными в предисловии самим автором.

Не затрагивая чисто методических вопросов, В. П. Аникин стремится дать учителю представление об истории, содержании, идейной и художественной ценности тех разновидностей русского фольклора, которые объединяются не только предельной краткостью объема, но и прочной педагогической традицией. Бесчисленные поколения детей в семье и школе учились родному языку при помощи пословиц, поговорок, загадок, воспринимали через эти произведения «социальные симпатии и антипатии» (по выражению А. М. Горького), правила морали, трудовой опыт своего народа.

В связи с этим не совсем обычно построение книги, в которую вошли исследования В. П. Аникина по каждому из перечисленных в заглавии малых жанров фольклора: образцы самих произведений и довольно обширная библиография. Построение вполне закономерно, так как, за исключением пословиц, которым в последнее время «повезло», остальные образцы малых жанров, и в особенности детского фольклора, очень редко издавались и мало доступны учителю, да и вообще широким читательским кругам. Без образцов текстов, которые отобраны из наиболее ценных фольклорных сборников, усвоение глав историко-теоретического характера было бы для учителя затруднено. Кроме того, «хрестоматийная», по определению составителя часть книги дает учителю возможность отобрать материал для урока, для беседы с детьми или занятий школьного литературного кружка.

Очерки В. П. Аникина о пословицах, загадках, детских песенках сочетают популярность изложения с широкой осведомленностью в литературе вопроса, умением подытожить труды дореволюционных русских ученых и советских фольклористов. Хотя в предисловии автор подчеркивает, что он не считал возможным претерпевать на разрешение спорных вопросов, но освещению им истории многих произведений, их зарождения и первоначальной функции, а также проведенная в них классификация пословиц по отражению в них различных сторон народного опыта, детских песен по происхождению и связям с фольклором взрослых — самостоятельные интересы и могут рассматриваться как ценный вклад в фольклористику.

Особенно убедительны страницы, посвященные отражению в пословицах и поговорках идеологии различных классов и групп (стр. 10—11). Обращаясь к «народной мудрости», многие советские исследователи обнаруживали слишком отвлеченный подход к самому понятию «народ», далекий от марксистского принципа социальной и исторической конкретности. От пословиц древней Руси порой требовали отражения воззрений и оценок, возможных лишь на неизмеримо более высоком уровне развития народных масс, а все, что не отвечало нашему современному представлению о народности, относили за счет идеологического воздействия правящих классов. К сожалению, антиисторический подход к малым жанрам обнаружили и рецензенты «Учительской газеты», протестовавшие против всякого упоминания религиозных рядов и христианского календаря в старинных приметах, пословицах, загадках.

Ю ведь без произведений такого рода нельзя показать и элементов народной сатиры о адресу церкви, попов и обрядов, высоко оцененной еще В. Г. Белинским. Та же агадка «Воймчки поют, сухо дерево везут, заехал в ухаб, не выхает никака» (стр. 193), которую тт. Блохина и Алевский высмеяли и объявили ненужным ар-анзмом, интересна вовсе не описанием похорон, а насмешливым и непочтительным изображением попов и христианского обряда. К сатирическим образам пословиц и загадок они вообще проявили совершенно неоправданную суровость. Как можно оценить книгу о пословицах, оставаясь нечувствительным к сложным и многообразным оттенкам народного сарказма, издевки, насмешки над отрицательными явлениями?

В главе о загадках убедительно показаны их трудовая основа, связь эстетической природы этого жанра с тайной инкогнитной речью древних охотников, скотоводов, земледельцев (стр. 57—59, 74). Подбор загадок в хрестоматийной части книги иллюстрирует это положение. На примерах загадок: «Овца в корове» (чулок в башмаке), «Был я на копанье, был я на шлепанье...» (глиняный горшок) и других учитель может развернуть беседу о построении художественного образа на основе производственного опыта по принципу не внешнего сходства, а трудовых связей, внесенных природу человеком. Образы как этих, так и построенных на сходстве предметов и вещей загадок об орудиях труда, растениях, животных и т. д. могут быть использованы и для ознакомления школьников с понятиями «метонимия», «метафора».

К числу наиболее удачных мест в книге следует отнести также сопоставление детских песенок-сказалок с особыми способами пересчета, употреблявшимися в древности (стр. 112—116).

Коротко, но четко показаны В. П. Аникиным сложность состава детского фольклора и его специфика. «Детский фольклор,— пишет автор,— это произведения взрослых для детей, произведения взрослых, ставшие детскими, собственное творчество детей. Отличительная черта всех этих произведений состоит в учете возрастных особенностей детей... Детский фольклор— это сложившаяся в веках народная поэзия, нераздельно соединенная с практической педагогикой» (стр. 88). Однако, правильно определив сущность народного творчества для детей, В. П. Аникин в дальнейшем не оговорил, как он ограничивает привлекаемый материал. Название книги оказывается гораздо шире ее содержания. Следовало указать, что в ней рассматривается не весь детский фольклор, а лишь его песенные жанры (так, за пределами книги остались детские сказки). В этом ограничении области детского фольклора В. П. Аникин пошел вслед за стихийно сложившейся традицией старой науки, традицией, не подвергавшейся решительному пересмотру и в трудах крупных советских исследователей— Г. С. Виноградова и О. И. Капицы. К сожалению, им не были учтены соображения других выдающихся ученых нашего времени. А. И. Никифоров писал о «ребячьей сказке» и ее стилистической обработке (см. статью «Народная детская сказка драматического жанра» в сб. «Сказочная комиссия в 1927 году», Л., 1928). Ю. М. Соколов отметил специфику детского сказочного репертуара, особенности его исполнения и существование сказочников, полностью посвятивших свое творчество детской аудитории (см. предисловие к сб. И. В. Карнаухова «Сказки и предания Северного края», «Academia», М.— Л., 1934).

Ограничившись песенными жанрами детского фольклора, автор книги как в характеристике, так и в подборе текстов этих жанров допустил довольно существенные пробы. Так, в разделе о колыбельных песнях не раскрываются народные чаяния и ожидания, связанные с представлением о будущем ребенка. Эти чаяния и ожидания могли выливаться в наивную форму поэтической идеализации и вызывать появление образов богатства, роскоши, изобилия, заимствованных из феодального быта. Подобные черты «баек» В. П. Аникин склонен объяснять с излишней социологической прямолинейностью, относя их за счет творчества нянюшек, мамушек и санных девушек, живших в боярских и помещичьих домах (стр. 93). Однако те же народные представления о счастливом будущем ребенка часто выражались в более реалистических образах, рисовавших трудовую жизнь крестьянства, проникнутых глубоким уважением к труду, говоривших об оценке человека по степени его участия в общей дружной работе большой семьи.

Органическая связь искусства с трудовой деятельностью и навыками трудового воспитания сравнительно слабо показана также при анализе календарного и игрового детского фольклора. Об этом вскользь говорится лишь на стр. 103. Для песни, исполнявшихся детьми при сбивании масла, сборе колосьев, для считалок о сенокосе, обработке льна, хлеба не нашлось места и в разделе текстов.

Очень мало места и внимания уделено сатирическим мотивам детского фольклора. Ни в статье, ни в хрестоматийной части почти не привлечены песенки-издевки о барах и барчатах, о попах и попадях, юмористические произведения о лентяях, белоручках, неряхах— «Лизе-неумое», племяннице, просившей у дядюшки лошадь, чтобы вывезти мусор из избы, и т. д. Между тем сатира широко представлена в русском детском фольклоре, что хорошо показывает его глубокую идейную близость к народному творчеству в целом и ту демократическую направленность, которая особенно близка нам в опыте народной педагогики прошлого.

Существенные упущения есть и в других разделах книги. Так, в главе о пословицах слишком бегло сказано об использовании этих произведений В. И. Лениным и о том, как высоко ценил В. И. Ленин народную мудрость, в то же время отнюдь не идеализируя и не прикрашивая ее. Эти сведения очень пригодились бы учителю

и в его передаче безусловно заинтересовали бы учеников. В библиографии послы не указана даже имеющаяся по данному вопросу литература.

Автор знакомит читателей с историей изучения и литературного использования пословиц, загадок, детских песен. Все эти историографические обзоры написаны вполне добросовестно, богаты фактами, однако они мало отличаются от таких обзоров в учебниках и пособиях для вузов. Профиль книги, предназначенной прежде всего для учителей, обаял В. П. Аникина проследить не столько изучение того или иного жанра, сколько его проникновение в школу, в детскую книгу. Необходимо было выделить ценные для нас примеры использования малых жанров фольклора вышедшими русскими педагогами.

В главе о детском фольклоре роль В. И. Даля и К. Д. Ушинского (в особенности последнего) показана недостаточно. Совсем не освещены интересные работы В. П. Острогорского, составлявшего целые рассказы для школьников из народных пословиц и поговорок; обойдена молчанием многолетняя работа Л. Н. Толстого включением фольклорного материала в знаменитые «Книжки для чтения».

Пристальная оценка удач и неудач книги о малых жанрах до известной степени поможет облегчить, по нашему мнению, подготовку других пособий для учителей, связанных иным жанрам русского фольклора — былинам, сказкам, песням.

Большие перемены, происходящие сейчас в советской школе, требуют от учителя все большей идейной и эстетической подготовленности и делают еще более актуальным изучение искусства, созданного народом-тружеником.

Э. С. Ли

М. П. Хамаганов. *Очерки бурятской афористической поэзии*. Улан-Удэ, 1964 стр.

Выход в свет монографии по бурятскому народному афористическому творчеству с постановкой ряда теоретических проблем — заметное явление в бурятском литературоведении.

Книга М. П. Хамаганова состоит из Введения и, четырех глав («Бурятские словицы», «Бурятские поговорки», «Бурятские загадки», «Бурятские народные благословения») и Заключения. В книге исследуется большой фольклорный материал, значительная часть которого впервые вводится в научный оборот.

Развитие бурятской афористической поэзии рассматривается в рецензируемой книге по трем периодам. К первому периоду автор относит афористические произведения, возникшие в эпоху первобытно-общинного строя, в эпоху его разложения и формирования патриархально-феодалных отношений; ко второму периоду — произведения, созданные после добровольного вхождения Бурятии в состав русского государства; к третьему периоду — произведения, появившиеся в советское время.

Эта периодизация по социально-историческим эпохам — по существу первая попытка научного подхода к анализу исторического развития бурятского фольклора. За многовековую историю его развития в нем накопилось множество произведений, имеющих различное историческое происхождение. Автору удалось показать целостную картину развития бурятской афористической поэзии по отдельным периодам, выяснить, где, когда и при каких условиях возникали те или иные произведения.

Относительно происхождения афористической поэзии и ее ранних форм М. П. Хамаганов высказывает оригинальную точку зрения. Основные его положения следующие: афористическая поэзия создается еще в начальном периоде первобытно-общинного строя и достигает своего расцвета в период разложения родового строя и переходных к феодализму народов, где, в частности, пословицы и загадки стали применяться для передачи важных и серьезных мыслей при ведении тайных дипломатических переговоров. Анализируя афористические произведения периода первобытно-общинного строя, автор считает, что в основе их лежит стихийно-реалистический метод изображения окружающей действительности, в частности охоты. В доказательство этого указывает на тематику некоторых пословиц, например: «Не убив зверя, не дели шкуру»; «На месте, где убил козу, три раза [следует] побывать» (стр. 42).

М. П. Хамаганов на большом фактическом материале старается показать, что во втором периоде старые темы, связанные со звероловством, а позднее и скотоводством, отходят на задний план и на смену приходят темы, связанные с освоением бурятами земледельческой культуры русских, например: «Кто презирает хлеб [ужай], тот лишится пищи; кто пренебрегает женщинами, тот останется без потомства»; «Что посеешь, то и пожнешь; что выращивал, то и получишь» (стр. 5). Афористическая поэзия этого периода отражает очень острую социальную борьбу новых общественных форм, мысли, идеи. Таковы, например: пословица «У бедня много хозяев, у сироты много нойонов»; загадка — «Что такое три шершавых, четыре? — Язык взрослого быка груб, горный точильный камень груб, установленный на ханом власть груба».

«В основе афористических произведений, созданных во второй период, — пишет автор, — лежит творческий метод — критический реализм, благодаря которому афо-

стические произведения приобрели пафос отрицания, меткое и острое критическое жало» (стр. 9).

Афористическая поэзия советского периода М. П. Хамагановым характеризуется как высший этап ее развития, когда создаются новые произведения, которые не теряют связи с прошлой поэтической культурой, но более близки к современным литературным традициям; например пословицы: «У Байкал-моря вода глубокая, учение учителя Ленина глубокое» (стр. 83); «Воспитывая своих детей, заслужи имя — имя старика-отца, работая с вдохновением, заслужи звание ударника» (стр. 217).

Автор подчеркивает, что в советское время не только создается новый по содержанию фольклор, но и старые традиционные формы афоризма наполняются новым содержанием. Так, бурятские загадки, как показывает автор, утратили свои старые функции, применяемые в тайных переговорах, и приобрели новые, т. е. ныне загадки стали только средством поэтической передачи реальных явлений действительности.

Следует отметить, что в отдельных главах, к сожалению, материал освещен не одинаковой полнотой. Между тем М. П. Хамаганов оригинально интерпретирует отдельные пословицы, поговорки и загадки, раскрывая при помощи исторических преданий бурят и анализа художественных деталей их идейный смысл, выраженные в них народные чаяния и ожидания.

Возможно, конкретные исторические факты и древние обычаи, на которые зачастую ссылается автор в своем исследовании, отразились в бурятских пословицах, поговорках и загадках, но все же следует сказать, что эти реликты не определяют целиком идейно-социальный смысл произведений афористического творчества.

Являясь обобщением большого фактического материала по афористическому творчеству бурят, труд М. П. Хамаганова — ценный вклад в науку о фольклоре.

Отрадно то, что в книге М. П. Хамаганова дан, хотя и бегло, анализ средств художественной выразительности произведений бурятской афористической поэзии, показаны ее живые национальные краски. Издательство правильно отметило в краткой предисловии, что эта книга «представляет собою первый опыт исследования важнейших мировосприятия истории бурятской народной афористической поэзии, рассматриваемых в тесной связи с жизнью народа, с историей бурятского общества».

Наличие дискуссионных или недостаточно освещенных автором вопросов неизбежно в этом труде, являющемся по существу первой ласточкой в области исследования малых жанров фольклора бурятского народа.

У-Ж. Ш. Дондуков

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Slovenský národopis. Slovenská akademiá vied. Bratislava, ročník VI, 1958, N 1—6.

За послевоенные годы этнографы Словакии добились значительных успехов в изучении культуры и быта словацкого народа. При Словацкой Академии наук уже ряд лет существует Институт этнографии — научный центр этнографов и фольклористов Словакии. В 1958 г. создано Словацкое этнографическое общество, которое объединяет также большую группу музейных работников.

Оживление исследовательской работы словацких этнографов принесло свои плоды, особенно заметные в последнее пятилетие. В 1958 г. вышел из печати большой коллективный труд — монография о горняцком селении Жакаровцы¹, явившийся первым опытом этнографического исследования быта и культуры рабочего класса Словакии. В течение 1955—1957 гг. словацкие этнографы издали четыре крупные монографии, посвященные одежде словацкого крестьянства, и другие значительные работы².

С 1953 г. словацкие этнографы имеют свой периодический орган «Slovenský národopis»³. Журнал уже напечатал много ценных работ по различным вопросам этнографии и фольклористики.

В 1958 г. журнал уделит значительное место вопросам сельскохозяйственной культуры словацкого крестьянства. В статье Й. Нижнянского «Жатва и молотьба в с. Брежованы в древности» (№ 3) на большом историко-этнографическом материале рассматриваются: выращивание урожая зерновых культур, жатва, вывозка урожая и подготовка его к обмолову, а также очистка зерна и различные способы его хранения.

Близка по тематике к этой статье работа П. Хорвата «Жатва и молотьба зерновых западной Словакии в XVII и XVIII столетиях» (№ 1—2). В статье рассматривается малоисследованный в словацкой (да и не только словацкой!) этнографии вопрос: об-

¹ «Banická dedina Zakarovce», Bratislava, 1956. См. рецензию В. Крупянской и И. Грацианской в журн. «Сов. этнография», 1958, № 1.

² J. M a r k o v, Slovenské Volksliedung der Vergangenheit, Bratislava, 1956; K o v a č e v i č o v a, L'udový oděv v Hornom Liptove, Bratislava, 1955; V. N o s a l ó - a, L'udový oděv v Hel'pe a v Pohorelej, Bratislava, 1956; J. P a t k o v á, L'udový oděv v okolí Trnavy, Bratislava, 1957.

³ До 1953 г. издавался «Národopisný sborník» (с 1939 по 1952 г. вышло 11 выпусков).

щественная и техническая сторона жатвы и молотбы в западной Словакии. Ам убедительно показал, что земледельческие орудия, применяемые при жатве (кострицы, косы) у словаков получило распространение только в конце XVIII в. при обмолоте хлебов, приемы обработки почвы и уборки урожая зависели полностью от социально-экономических условий. Оплата труда крестьян в помещичьих хозяйствах была натуральной: так, обычно жнецам шел восьмой или десятый сноп.

Подробное описание сельскохозяйственных работ, изложение истории распространения отдельных видов зерновых культур в крестьянском хозяйстве, а также различные элементы производственного быта словацких крестьян делают эти статьи особенно ценными для сравнения с сельскохозяйственной культурой других славянских народов.

Автором статьи «К изучению народного строительного дела и жилища в районе Врбле (южная Словакия)» (№ 5) Я. Мяртаном широко использован сравнительный материал по строительной технике других славянских народов, в частности украинцев и поляков.

В южной Словакии существовали два способа постройки домов из глины. Первый способ — «кладка» (*vukladanie*) — заключается в том, что вымешенную с помолотой соломы глину набирают на вилы и кладут из нее стены в три приема, давая обсохнуть готовой части стены. Сложенные таким способом стены неровны и сглаживаются затем лопатами. Второй способ — набивание (*nabijanie*) — состоит в том, что предварительно устанавливают две стенки из досок, пространство между которыми набивают чужь влажной глиной, а затем ее утрамбовывают. Для крепости в глину кладут солому, прутья, ветки. Набивные стены ровны. Окна в них, как и в стенах, построенных способом кладки, пробивают топором после того как кладка закончена. В настоящее время оба эти способа исчезают, так как получил широкое распространение другой строительный материал (жженный кирпич и др.). Можно напомнить, что эти способы строительства глинобитных жилищ были распространены и в России, особенно у южных великоросов, украинцев⁴ и молдаван. Так как глиняные стены были не особенно прочными, кровлю в южной Словакии ставили на «сохи», на которые горизонтально клали бревно — «слеmano» (*slemano*), чтобы основная тяжесть кровли не давила на глиняные стены. Кровля таких домов была соломенной.

Дома в Словакии строили с помощью родственников и соседей. Мужской работой при постройке дома считалась кладка стен, а женской — обмазывание и побелка глиной стен и потолка.

Малоисследованному виду народных промыслов — углежжению — посвящена статья В. Латта «Углежжение в Гамрах около Снина» (№ 6). Этим промыслом занимались люди, для которых жжение угля было основной профессией; древесный уголь даже в недалеком прошлом был одним из распространенных видов топлива. Угольщики были вынуждены в поисках подходящих лесных участков переключиваться с места на место. В народной технологии углежжения выработались сложные приемы. Все работы проводили, однако, исключительно вручную при помощи примитивных орудий: деревянные лопаты, топора, граблей, кочерги, кирки, мотыги и шпелейсак (*šplejsák* — специальный крюк для выгребания угля из кучи). Угольщики Гамр пользовались до 30-х годов XX в. пилами — «гуцулками». Дрова свозили в кучу на деревянных санях, в которые зачастую впрягались люди. Работали угольщики группами в 3—5 человек, имуществом родственников. Заработок делился между членами группы в соответствии с затраченным трудом.

Автор отмечает типичные черты в быту угольщиков. Так, рабочая одежда угольщиков селения Гамры была отчасти домотканной (рубаша и штаны), отчасти фабричной, городского типа, постепенно вытеснявшей народную одежду. Жилищем угольщиков была землянка (двух типов), которую строили на поверхности земли из бревен.

Интересная статья В. Латта значительно выиграла бы, если бы автор привнес в нее больше сравнительного материала, без чего трудно представить себе общие черты особенностей приемов труда, быта и культуры угольщиков всей Словакии.

В № 1—2 журнала напечатана большая монографического характера работа Е. Ионовой «Застежки — составная часть народной одежды».

Словацкие этнографы в последнее время начали изучать словаков и за пределами Чехословацкой республики. В северо-восточную Венгрию, например, где имелась область словацких поселений, сохранивших национальные черты в быту и культуре, несколько раз ездил в научную командировку словацкий этнограф Ян Подол. Журнал поместил две его статьи: «Народные игры и увеселения словацких детей в Надьхута (Венгрия)» (№ 3) и информационную статью «Опыт исследования словацкой этнической территории в северо-восточной Венгрии в 1957 г.» (№ 4).

О словаках-анабаптистах, которые в начале XVII в. бежали из западной Словакии в Трансильванию, рассказывает Ю. Билц в статье «Габанское селение в Трансильвании» (№ 3). В трансильванских музеях до сих пор хранятся образцы словацкой материальной культуры XVII в.

Раздел дискуссий в журнале беден. В 1958 г. в этом разделе была опубликована статья известного болгарского этнографа Хр. Вакарельского «Культурные пережитки

⁴ См.: Е. Э. Бломквист, Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов, «Востоочнославянский этнографический сборник», Труды Ин-та этнографии СССР, Новая серия, т. XXXI, М., 1956, стр. 94.

В статье ставится вопрос о существовании в быту болгарского крестьянства некоторых пережитков эпохи матриархата. Хр. Вакарельский усматривает эти пережитки в ряде явлений. К ним он относит, например, сбор лесных ягод, терна, малины, а также яблок и груш; этим занимаются преимущественно женщины и дети, а мужчины ренебрегают. Собрательство, игравшее весьма существенную роль в добычании пищи о возникновения земледелия и скотоводства, составляло, как известно, наряду с охотой, один из главных источников добывания пищи и со временем стало делом преимущественно женщин. Другой пережиток матриархата автор видит в сохранившемся в юлгарии обычае, согласно которому производство подниц осуществляется исключительно женщинами. П. Н. Третьяков отмечал, что выпечка хлеба в подницах имела место и славянских племен, живших в среднем Поднепровье, на верхнем Дону и Донце и по ерховьям Оки⁵ и, следовательно, является элементом культуры славян. Думается, то гипотеза Хр. Вакарельского о производстве подниц как пережитке матриархального ерпюда справедлива, так как вообще только после введения гончарного круга изготовление глиняной посуды перешло из рук женщин в руки мужчин-специалистов⁶.

Пережитком матриархата в сфере обычаев и поверий автор считает сохранившийся о сих пор у болгар образ «судичек» (sudicček) — женщин, которые определяют судьбы оворожденных. В народных болгарских песнях имеются образы трех сестер, решающих удыбу новорожденного (ранняя или поздняя смерть, счастливая или несчастливая жизнь т. д.). Главную роль играет старшая среди сестер. Сила решений «судичек» настолько велика, что с ней считается даже бог, а иногда он даже нуждается в их санкции.

Автор отмечает, что подобных пережитков существует в жизни разных народов ного и задача этнографов — найти их и правильно осмыслить.

Журнал систематически печатает статьи по словацкому фольклору. Из опубликованных в 1958 г. представляет большой интерес статья М. Гуски «Исторические и фольклорные данные о рекрутчине и вербовке в Словакии» (№ 1). Многие прежние словацкие фольклористические исследования не уделяли должного внимания отражению в есенном творчестве народа действительных исторических событий. В ряде работ современных словацких этнографов (в первую очередь Р. Бртань и А. Мелихерчика) наекаются пути к решению этой проблемы. Я. Гуска ставит перед собой задачу исследования песен о вербовке в армию и о рекрутчине в старой Австро-Венгрии. На материале песен, собранных автором статьи и другими собирателями, вырисовывается яжелая картина, когда тысячи словацких юношей и молодых мужчин насильственно ербовками угоняли служить в венгерскую императорскую армию. В народном творчестве зафиксированы беспощадные методы вербовки (сохранявшиеся в Словакии почти о середины XIX в.) и все попытки словаков избежать этого путем бегства в горы или ерехода границы и т. д. В песнях ярко отражено, что вся тяжесть военной службы адала, в основном, на беднейшие слои крестьянства. Песни хорошо отображают протест народа против социального гнета, который в Словакии сочетался с национальным. Автор указывает, что все события, которые освещаются в рекрутских песнях, имеют налогию с историческими событиями (XVII—XVIII вв.) и с почти документальной очностью передают их. Такие исследования народного словесного творчества несомненно о плодотворны и принесут пользу делу его изучения.

К 50-летию со дня смерти известного словацкого краеведа Андрея Кметя (1841—1908) была напечатана статья Я. Подолака (№ 4). Научные интересы Кметя были исключительно разнообразны и охватывали ряд дисциплин: ботанику (кстати отметим, что (меть был дарвинистом), минералогию, археологию, этнографию, фольклористику). большой любовью и уважением к народной культуре Кметь изучал ее в разных наравлениях. В первые годы деятельности он ориентировался преимущественно на проаганду словацкого народного искусства, где больше всего привлекали его внимание ародная вышивка и плетение кружев, в которых он видел доказательство существования «многовековых особенных культурных стремлений» словацкого народа (стр. 340). (меть занимался и собиранием памятников народной материальной культуры (особенно вышивки, кружев, орудий труда) для музеев и научной обработкой собранного атериала. При активном участии Кметя был создан в 1895 г. Словацкий музейный оюз. Одна из самых больших заслуг Кметя — упорная борьба за создание академии, которой изучали бы словацкий народ; но в этом он не мог найти поддержки у словацкой буржуазии.

В 1958 г. фольклористы и этнографы Словакии отмечали 100-летие со дня издания «Словацких сказок» Августа Горислава Шкультеты и Павла Добшинского. Журнал юместил в связи с юбилеем статью А. Мелихерчика (№ 5) и архивные материалы, представленные Ц. Краусом (№ 6). Эти публикации освещают историю издания «Словацких сказок», а также показывают исключительную настойчивость составителей, которая позволила издать этот чудесный памятник народной словесности в тяжелой для фольклористики времена. Однако второй том «Словацких сказок», подготовленный к печати, так и не увидел света.

Журнал отметил также статей Р. Жатко «Знаменательный юбилей» (№ 6) седиесятилетие крупного чехословацкого слависта-филолога акад. Франка Вольмана

⁵ См.: П. Н. Третьяков, Восточнославянские черты в быту придунайской Болгарии, «Сов. этнография», 1948, № 2, стр. 182.

⁶ Б. А. Рыбаков, Ремесло древней Руси, М., 1948, стр. 165.

(профессор сравнительной истории славянских литератур университета в Брно), и шего немалые заслуги и в области народной словесности.

Из статей по музыкальному фольклору большой интерес представляет ра С. Бурласовой «Музыкальный фольклор с. Хорватский Гроб и проблема этниче рассеяния» (№ 1—2)⁷. Проблему «этнического рассеяния» автор изучает на прим хорватских сел в Словакии (около Братиславы), где еще с середины XVI в. осели ватские колонисты, которые впоследствии были ассимилированы словаками, особ в тех пущах, где хорватское население было в меньшинстве. В XIX в. в таких с хорватский язык был уже забыт. Однако там, где преобладало хорватское населе его родной язык сохранился до настоящего времени. В одном из таких пункт с. Хорватский Гроб — в 1922—1924 гг. вели этнографическую полевую работу А. лавик и И. Черник. Автор статьи, также исследовав музыкальный фольклор этого и сравнив свои записи с материалами прежних исследователей, приходит к инт ным выводам. Из восьми бытовавших в 1924 г. хорватских песен две широко изве и сейчас, две — распространены слабее, а остальные забыты. Изучение мелких ческих групп, окруженных другими этническими массивами, даст возможность исс вать проблемы культурных взаимовлияний и процессов рассеяния и ассимиляци лых этнических групп. Такое изучение будет, по мнению автора, содействовать р тию сравнительной славянской и даже европейской фольклористики.

В журнале имеется раздел «Архивные материалы», где помещаются публик по истории народной культуры и быта словаков. Особый интерес представляют п кации в 1958 г. И. Маркова «Этнографические данные об области Верхнего I XVIII и начала XIX века в.» (№ 4) и П. Хорвата «Материалы по истории народной тектуры в бывшей Братиславской жупе в конце XIX в.» (№ 5).

В специальном разделе журнала — «Этнографическое музееведение» поме статьи о конференции Союза словацких музеев, об этнографических выставках в тиславе и Кошице, а также информации об этнографических собраниях и новых п нениях словацких музеев.

Хорошо ведется раздел рецензий и библиографии, где освещаются работы ка хословацких, так и зарубежных этнографов. В 1958 г., как и в предыдущие го, журнале рецензировались работы советских этнографов и фольклористов. Выс оценку получила книга В. И. Чичерова «Зимний период русского народного кале XVI—XIX вв.». Положительно оценены также сборник «Закарпатские народные ки Андрея Калины», изданный в Ужгороде в 1957 г., и статья П. В. Линтура об сказочнике, помещенная в т. XXIV «Научных записок» Ужгородского универ Журнал прорецензировал также сборник «Русская сатирическая сказка в записях дины XIX — начала XX в.», вышедший в 1955 г.

Оценивая журнал в целом, нужно отметить в первую очередь глубокую разра различных вопросов этнографии и фольклористики. К сожалению, объективно чилось так, что журнал уделяет больше внимания прошлому, чем настоящему. сается в глаза отсутствие статей о современном быте, о процессе формирования циалистического быта и культуры словацкого народа. Несмотря на успехи слов этнографов и фольклористов в изучении рабочего класса Словакии, журнал в не поместил ничего о рабочем быте.

Растущий и крепнущий коллектив словацких этнографов несомненно может р большие задачи, которые стоят перед этнографической наукой в период социа и журнал должен стать его боевым органом.

А. Я. Пори

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Переднеазиатский этнографический сборник, 1. Редакторы О. Л. Вильчев А. И. Першиц. «Труды Ин-та этнографии АН СССР». Нов. серия, т. XI М., 1958, 336 стр.

Велика роль народов Передней Азии в развитии человеческой культуры. Е редней Азии возникли и развивались древнейшие государства, являвшиеся нап передовыми для того времени. В настоящее время страны Передней Азии прив ют к себе всеобщее внимание борьбой народов за национальную независимост тив остатков развивавшейся колониальной системы империализма. Изучение дов Передней Азии, их этнического состава, расселения, культуры и быта в лом и настоящем помогает лучше, всесторонне понять обстановку, сложившу этом важном районе земного шара, и поэтому представляет большой интерес исследователя.

Рецензируемый «Переднеазиатский этнографический сборник» — первый и ный Институтом этнографии Академии наук СССР сборник, посвященный нац стран Передней Азии. В его статьях содержится много нового интересного мате по затрагиваемым вопросам. Некоторые статьи (например, статьи И. М. Дьяк и С. И. Брука) являются вообще первыми сводными работами, дающими предст ние о состоянии изученности рассматриваемых там проблем.

⁷ Статья представляет собой реферат, прочитанный на Международной конф ции фольклористов, состоявшейся в 1957 г. в Югославии.

Открывающая сборник статья И. М. Дьяконова «Народы древней Передней Азии», как отмечает сам автор, носит справочно-обзорный характер, в основном за время с 3200 по 500 г. до н. э. В статье содержится много ценных сведений о шумедах, эламитах, хурритах, урарту и близких к ним народах, а также о семитоязычных племенах и народах. Автор располагает приводимые им сведения по следующим темам: названия народов и их расселение; историческая справка; данные об антропологическом типе, о языке и письменности; производство; материальная культура; община, род и семья; верования; народное творчество. Приводится важнейшая литература по рассматриваемым народам. Подробнее всего автор останавливается на языке и письменности народов древней Передней Азии. В вводной части статьи он отмечает, что этнические общности в древней Передней Азии «были, как правило, неустойчивы, границы распространения культурных и языковых признаков часто не вполне совпадали (или даже совсем не совпадали)», что «языковые общности, как и культурные, не совпадали с государственными и общинными границами». И. М. Дьяконов пишет, что при определении общности народов древней Передней Азии он берет за основу языковый критерий и группирует население древнего Востока по языкам. Но тут же он снова подчеркивает, что «этнические границы не совпадают с языковыми», что «языковая общность на древнем Востоке, как общее правило, не являлась сколько-нибудь существенным социально-политическим фактором» и что языковая преемственность часто не совпадала с культурной (стр. 5—7). Из сказанного можно сделать вывод, что вопрос о критериях общности народов Передней Азии до сих пор еще не выяснен в достаточной степени и требует дальнейшей разработки. По-видимому, по этой причине И. М. Дьяконов, давая в своем очерке описание отдельных народов, к сожалению, не приходит к определенным выводам, обобщениям, не выявляет закономерностей развития народов древней Передней Азии. Этот пробел не меняет нашего общего вывода о ценности очерка И. М. Дьяконова как первой, весьма полезной сводки материалов о народах древней Передней Азии.

В статье С. И. Брука «Этнический состав и размещение населения в странах Передней Азии» рассматривается население Турции, Ирана, Афганистана, Ливана, Ирака, Иордании, Израиля, Саудовской Аравии, Йемена, Маската и Омана, Догонского Омана, Катара, Бахрейнских островов, Кувейта, о-ва Кипр, Сирийского района Объединенной Арабской Республики и управляемой ОАР части Палестины (г. Газа с прилегающей к нему территорией), колонии Аден и протектората Аден. Автор дает краткую характеристику природных и хозяйственных особенностей стран и народов Передней Азии. Отмечается отсталый аграрный характер экономики этой части земного шара, слабое развитие фабрично-заводской промышленности, низкий уровень капиталистических отношений, захват важнейших природных богатств этих стран — нефтяных источников — американскими и английскими монополиями. В статье правильно указывается, что причина задержки развития производительных сил в странах Передней Азии — гнет империализма.

Характеризуя население стран Передней Азии, С. И. Брук отмечает их слабую изученность в этническом отношении. В работе дается критическая оценка статистических, картографических и литературных источников, приводятся данные об общей численности населения и его плотности по странам (табл. на стр. 81), о ежегодном приросте населения, о его религиозной принадлежности. Подчеркивая сложность этнического состава стран Передней Азии, автор отмечает, что подавляющая часть этих народов принадлежит к трем языковым семьям — индоевропейской, алтайской и семитской. Сложность этнического состава стран Передней Азии С. И. Брук объясняет в значительной мере их местоположением на перекрестке путей между Средиземноморьем, Средней Азией, Индией и Китаем (стр. 87). Далее излагаются изменения, происшедшие в этническом составе населения Передней Азии на протяжении VII—XX вв. н. э. В заключительной части статьи (стр. 93—107) дается довольно подробная характеристика расселения отдельных народов, а в конце ее — список литературы на русском и иностранных языках.

К статье приложены составленные автором карты — плотности населения и размещения народов Передней Азии, дающие наглядную и в основном правильную картину. К сожалению, на картах приводятся слишком ограниченные физические и политические географические данные, с которыми можно было бы связать показатели плотности населения и размещения народов, хотелось бы видеть здесь хотя бы центры и границы крупных провинций и областей. На картах имеются и некоторые неточности. Например, на карте народов Передней Азии дается преувеличенное представление о размерах территории, сплошь заселенной арабами в Хорасане (судя по карте, приблизительно половина этой территории населена сплошь арабами, что, конечно, не соответствует действительности). В статье этой имеются и другие неточности. Утверждается, например, что в Иране «длина железных дорог не превышает 2 тыс. км» и что автотранспортные пути получили значительное развитие лишь в Турции и на северо-западе Аравийского полуострова (стр. 77). Между тем, согласно заявлению министра путей сообщения Ирана, опубликованному в газете «Эттелаат» 14 июня 1958 г., длина железных дорог в этой стране составляет 3,5 тыс. км, а автотранспортные пути значительной протяженности имеются в Иране (около 30 тыс. км) и в Афганистане (свыше 10 тыс. км). На стр. 75 автор пишет, что «лишь в Турции, Израиле и Ираке имеется некоторое чис-

ло «крупных предприятий». Это утверждение также не соответствует действительности. Крупными предприятиями являются, например, Абаданские нефтеочистительные заводы в Иране, на которых работает несколько десятков тысяч рабочих. На стр. 95 автор с великим пиететом пишет, что «современные турки в этнографическом и антропологическом отношении отличаются от других тюркоязычных народов». Здесь уместно было бы сказать о необоснованности и лженаучности пантюркистских утверждений. Ничего не говорит автор о шовинистической политике иранского правительства в национальном вопросе. Не касается он и патанской проблемы, хотя Афганистан входит в число стран, расселение которых рассматривается в данной статье.

Статья А. И. Першица «Патриархально-феодальные отношения у кочевников Северной Аравии (XIX — первая четверть XX в.)» написана в связи с обсуждением в январе — феврале 1954 г. вопроса о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевников-скотоводов на Ташкентской объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Как справедливо отмечает А. И. Першиц в вводной части своей статьи, эта дискуссия «имеет большое значение также и для понимания социально-экономического положения той части населения Ирана, Афганистана, арабских стран Азии и Северной Африки, которая сохраняет кочевой или полукочевой быт» (стр. 110).

На основе данных главным образом западноевропейских и, в меньшей степени, русских путешественников, а также других источников и литературы (источники на арабском языке, к сожалению, автором не привлечены) А. И. Першиц исследует патриархально-феодальные отношения Северной и Центральной Аравии, т. е. областей, которые в основном входят в состав современной Саудовской Аравии. Автор дает краткую историю расселения шаммарских и аназских племен, являющихся наиболее многочисленными племенными группами Северной Аравии. Автор описывает занятия, хозяйство и быт кочевников-верблюдоводов — бедуинов, составляющих большинство кочевых скотоводов Северной Аравии, полукочевников «швайя», у которых овцеводство и козоводство были основой хозяйства, а земледелие имело второстепенное значение, и «райя», у которых земледелие преобладало над скотоводством.

А. И. Першиц считает, что преобладание кочевых скотоводов над земледельцами несмотря на тысячелетний процесс оседания кочевников, объясняется двумя причинами. Главная из них, по его мнению, — «отсутствие на территории Северной Аравии сколько-нибудь значительных водных ресурсов, вследствие чего переходившие к овцеводству, а затем и к оседлому земледелию кочевые племена должны были выискивать в прилегающие к полуострову районы Сирии и Ирака» (стр. 121). Вторая причина заключалась во встречном процессе «перехода полуседлых и оседлых арабов к кочевому верблюдоводству» (стр. 122). Определившиеся в 1920-х годах массовое переселение к оседлому земледелию автор связывает главным образом с разразившимся в этом районе сельскохозяйственным кризисом, начавшейся заменой выючного транспорта автомобильным (что привело к упадку кочевых скотоводческого хозяйства), а также с централизаторской политикой нового феодального Саудовского государства. А. И. Першиц отмечает, что возможность перейти на оседлость получили не все бедуины, многие из них вынуждены были из-за недостатка орошаемых земель оставаться кочевниками, как и прежде, кочевым верблюдоводством. Многие кочевники стали батывать помещицы земли в качестве издольщиков. Часть их уходила на промыслы Аравийско-американской нефтяной компании (АРАМКО), где попадала в тенет питалистической эксплуатации.

В статье подвергаются критике утверждения буржуазной литературы о равенстве в кочевых племенах Аравии как в XIX, так и в XX вв. На основании данных, полученных из исследований восточных путешественниками и западноевропейскими исследователями, А. И. Першиц показывает, что скот у бедуинов являлся частной собственностью, а земля и часть уже перешли в частную собственность, частью еще считались собственностью коллективной. Но и в последнем случае землями и колодцами фактически распоряжались племенные знати. Шейхи племен превращались в крупных собственников-феодалов, эксплуатировавших пастухов-издольщиков на феодальной основе. Наряду с господством феодальных отношений сохранялись некоторые пережитки родоплеменных экономических отношений, что дает основание говорить о патриархально-феодальной эксплуатации в кочевых племенах. Было широко распространено также патриархальное рабство. «Борьба развивавшегося феодального уклада с отжившим патриархальным родовым, — пишет автор, — составляла основное содержание общественно-экономической жизни племен».

Рассматривая организацию власти внутри кочевых племен, автор отмечает, что для нее характерно «переплетение отношений классового господства с пережитками патриархально-родового строя». Он показывает права и обязанности шейха племени, организацию его дружины, функции военачальника — акида и судьи — ариффа, а также совета старейшин, считавшегося высшим органом власти. В статье рассматриваются также некоторые черты идеологии бедуинов: представление о превосходстве кочевников над земледельцами и др.

В целом статья А. И. Першица содержит богатый, интересный материал. Автор рисует яркую картину патриархально-феодальных отношений у кочевников Северной Аравии в XIX — первой четверти XX в.

Статья И. М. Смилянкой посвящена рассмотрению вопроса о разложении феодальных отношений в Сирии, Ливане и Палестине в середине XIX в. Автор показывает, что в первой половине XIX в. в этих странах господствовал феодальный способ производства. Но к середине XIX в., когда Сирия, Ливан и Палестина стали объектом экспансии английского и французского капитала, феодальные производственные отношения находились в стадии разложения, возникал капиталистический уклад. Об этом свидетельствует ряд фактов: разрушение натурального хозяйства, рост специализации товарности крестьянского хозяйства, обезземеливание крестьянства и превращение значительной его части в издольщиков, появление наемного труда в сельском хозяйстве и начало складывания единого сирийско-ливанского рынка наемного труда, а также появление наемных рабочих в ремесленных мастерских и зарождение капиталистической мануфактуры. Элементы капиталистических отношений зародились в промышленности раньше, чем в сельском хозяйстве. Но конкуренция фабричных европейских товаров в первой половине XIX в. привела к быстрому подрыву ремесла и мануфактур, особенно в старинных ремесленных центрах — Халебе и Дамаске. Иностранный капитал подчинял своим интересам экономическое развитие этих стран. Результатом того было разорение промышленности и обнищание крестьян. К возросшему феодальному гнету прибавилась эксплуатация иностранного капитала. Все это тормозило развитие новых производительных сил, способствовало консервации феодальных форм эксплуатации. Процессы, происходившие в экономических отношениях в середине XIX в. в Сирии, Ливане и Палестине, аналогичны процессам, происходившим и в других странах Передней Азии, в частности в Турции и Иране.

Статья И. М. Смилянкой написана главным образом на основании сведений западноевропейских и русских путешественников и исследователей. Используются также материалы архива внешней политики России (фонд посольства в Константинополе). Но касается арабских источников, то на них имеются всего три ссылки (№ 52, 70 и 78) из общего количества 119. В статье встречаются отдельные неудачные формулировки. Например, на стр. 159 автор пишет о середине XIX в.: «Тесные торговые связи возникали между городами и прилегающими к ним сельскохозяйственными округами». На основании такого высказывания можно подумать, что эти связи стали возникать только в первой половине XIX в., в действительности же они существовали истари. На стр. 160 озвучившая национальная торговая буржуазия почему-то называется в кавычках «руководителем» начавшегося процесса сложения единого рынка в пределах Сирии, Ливана и Палестины, хотя эта буржуазия действительно играла роль руководителя. Основные же выводы статьи И. М. Смилянкой не вызывают возражений.

В сборнике напечатаны два очерка об иранских курдах. Первый из них, статья известного советского специалиста по курдскому вопросу О. Л. Вильчевского, представляет этнографический очерк о мукринских курдах. Мукринский Курдистан, как пишет автор, «принадлежит к числу малонисследованных курдских районов Ирана» (стр. 180). Между тем изучение его представляет большой интерес в связи с местоположением между Ираном и Ираком; следует также учитывать многообразные экономические, этнические, культурные и политические связи с соседними курдскими районами. Кроме того, эта часть Курдистана играет важную роль в общеиранском демократическом и курдском национально-освободительном движении. Интересно, что на данной территории сочетается кочевой, полукочевой и оседлый сельский и городской образ жизни курдов. Статья написана Вильчевским на основе личных наблюдений во время его поездок в Курдистан в 1942—1946 гг., сведений, полученных от мукринских курдов, а также литературы на русском, персидском, курдском и европейских языках.

В очерке приводятся приблизительные данные о численности населения Мукринского Курдистана (300—400 тыс. чел., в том числе 50—60 тыс. городского населения, 150—200 тыс. кочевников). Характеризуется племенной состав населения, перечисляются племена (т. е. образовавшиеся в основном из аширета — военной дружины главы племени) и райятные (мирные, не располагающие военными силами) курдские племена и люди, а также другие, некурдские племена и народности, населяющие территорию Мукринского Курдистана.

В разделе «Хозяйство и общественные отношения» описываются природные условия края, основные сельскохозяйственные культуры, система полеводства и техника земледелия, животноводство, составляющее основное занятие кочевых и полукочевых курдских племен, характерное для курдов горное кочевание, а также несельскохозяйственные занятия населения и существующие мелкие предприятия легкой промышленности. Автор рассматривает родоплеменную структуру курдских племен, подчеркивая, что она сохраняется не только у кочевников-скотоводов, но также в среде оседлых земледельцев и частично даже среди городского населения. Он указывает, что помещикам принадлежат 95% обрабатываемых земель, превратившихся в феодальную собственность. Характеризуя отношения между крестьянами и помещиками, Вильчевский перечисляет повинности крестьян в отношении помещиков (барщина, различные феодальные натуральные повинности и т. д.). Из этих данных ясно, что в области аграрного строя в Мукринском Курдистане до сих пор господствуют феодальные отношения. Между тем в очерке отношения между безземельными крестьянами и помещиками определяются только как полуфеодальные. Нам кажется, что в данном случае здесь несколько смазывается феодальный по существу характер этих отношений. На стр. 192 говорится о росте капиталистических отношений и расслоении крестьянства. Но автор не дает

ссылок на источники приводимых им данных об удельном весе батраков, бедняков, зажиточных крестьян и кулаков. Неизвестно, откуда взяты эти данные, поэтому трудно судить, насколько они достоверны. Во всяком случае ввиду отсутствия в Иране налаженной сельскохозяйственной статистики эти данные можно считать скорее ориентировочными.

В разделе о материальной культуре характеризуются жилища курдов в долине высокогорных районах, шатры курдов-кочевников, мужская и женская одежда. Очень хорошо и красочно описываются характер, жизнь и быт центра Курдистана — г. Мехабада. На стр. 204 автор приводит подобный рассказ Ж. де Гана о ежегодном весеннем празднике «ложного эмира» в Соуджбулаге (Мехабад). К сожалению, в статье не говорится, каковы истоки и смысл этого праздника. Автор приводит подробные сведения о родовом и семейном быте, о положении женщины, о гни и погребальных обрядах, о языке, литературе и фольклоре мукринских курдов.

Выводы и оценки автора основаны на большом фактическом материале. В чтении статьи возникают некоторые вопросы, ответа на которые мы в ней не найдем. Так, О. Л. Вильчевский не говорит, на какой стадии развития этнической общности находятся мукринские курды, каково их отношение к другим курдским племенам, как далеко зашел процесс консолидации курдов в единый народ или нацию. Автор эти представления большой интерес. Имеются в статье некоторые неточности и неточные формулировки. На стр. 203 читаем: «Во главе буржуазной верхушки рода стоит род наследственных мехабадских кази». Однако автор не сообщает, что определяется буржуазный характер рода мехабадских кази. В таком виде утверждение выглядит необоснованным. На стр. 205 автор пишет, что численность населения Сердашта — города в юго-западном углу Мукринского Курдистана — «2 тыс. армян и айсоров». Но разве в Сердаште нет курдов и там живут только армяне и айсоры? На той же странице сообщается, что г. Сакмы расположен на западе Бана. На самом же деле этот город находится к северо-востоку от Бана. Имеется случай неправильного написания местных названий и терминов. Например, Шахин вместо Шахиндеж (стр. 205), шаристан вместо шахристан (стр. 201). Жаль, что в статье не даются карты Мукринского Курдистана. Но все эти недочеты не снижают ценности и интереса статьи О. Л. Вильчевского.

Другая статья о курдах, напечатанная в сборнике, — «Очерк культуры и быта ирских крестьян Ирана» Т. Ф. Аристовой. В очерке даются сведения о населении территории Иранского Курдистана, об основных занятиях курдов (скотоводство, земледелие, лесной промысел и ремесло). Рассматриваются общественные отношения ирских курдов (господство феодальных производственных отношений и пережитки патриархальных отношений среди кочевых и полукочевых племен), формы земельной собственности, объединение курдов-кочевников для выпаса скота в «оба» — временную общину, переход курдов на оседлость. Подробно описывается материальная культура ирских курдов: их жилища, шатры кочевников и полукочевников, женский и мужской костюм, пища, рассматривается семейный быт курдов, разделение труда в семье, формы брака, свадебные и похоронные обряды, праздники, право наследования.

В разделе о духовной культуре в очерке отмечается, что большинство ирских курдов — мусульмане-сунниты и лишь обитающая на юге Иранского Курдистана часть курдских племен придерживается шиизма. Описываются широко распространенные в Курдистане дервишские ордена и разведения дервишей, даются сведения о верованиях сект али-аллахи и йезидов. Кратко излагаются приметы и поверья, обычаи кровной мести, приводятся данные о курдском народном творчестве, фольклоре, песнях, так употребляемых курдами музыкальных инструментах и т. д. Характеризуя в общих чертах состояние народного образования в Иранском Курдистане, Т. Ф. Аристовой сообщает, что обучение в школах ведется не на родном — курдском, а на персидском языке. Отмечается крайняя ограниченность школьной сети в Курдистане, в результате значительная часть курдского населения остается неграмотной, в школах главным образом учатся дети курдской городской верхушки. В заключении статьи приводятся краткие сведения об изданиях на курдском языке. В очерке Т. Ф. Аристовой имеется интересный материал о культуре и быте ирских курдов, но в некоторых случаях (например, в разделах о материальной культуре, семейном быте и в др.) он частично совпадает с данными аналогичных разделов статьи О. Л. Вильчевского. Название статьи «Очерк культуры и быта курдских крестьян Ирана» не вполне соответствует содержанию — в статье речь идет в большинстве случаев о курдах вообще, а специально о курдских крестьянах. В статье имеются и некоторые неудачные выражения, ошибки. На стр. 255, например, говорится, что «начавшаяся в 1880 г. битва курдского племени мангор с курдами племени мамаш длилась на протяжении многих лет». Очевидно, в течение многих лет длилась не одна битва, а не прекращающаяся вражда между этими племенами. На стр. 225 в сноске 10 говорится, что автором «Восточной географии» Ирана является М. Кейхан, в действительности же автор ее А. Размара.

В «Сборнике» напечатан сделанный Н. А. Кисляковым перевод с персидского собрания существующих в странах Передней Азии поверий, обычаев и обрядов, по готеленного известным прогрессивным иранским писателем Садеком Хедаятом, который издал их в Тегеране в 1932 г. под названием «Нейрангестан» (Страна волшебств). Это название было дано Хедаятом по имени религиозной пехлевийской книги сасани-

ского периода, включавшей молитвы и заклинания. Как отмечает Н. А. Кисляков в своем предисловии к переводу, сборник Хедаята является первой в Иране книгой по этнографии и фольклору, содержащей большой материал о поверьях, обычаях и обрядах, бытующих в Иране. С. Хедаят в своем предисловии пишет, что, по его мнению, опубликование суеверий и предрассудков является лучшим способом борьбы с ними. Он проводит различие между вредными суевериями и предрассудками, с которыми следует вести борьбу, и старинными народными обрядами, празднествами и обычаями, вроде ноуруза (новогодние празднества), мехрегана (празднование осеннего равноденствия), старинных праздников зажигания огней и др., которые, как он считает, следует поощрять, так как они «украшают жизнь». К сожалению, Н. А. Кисляков не дает перевода этого интересного во многих отношениях предисловия Хедаята к «Нейрангестану», ограничившись кратким его изложением. Н. А. Кисляков указывает, что, хотя Хедаят во многих местах цитирует и ссылается на Авесту, сасанидские зороастрийские книги («Бундехеш», «Динкерт», «Минухеред» и др.), а также на литературу периода после установления ислама в Иране («Вис ва Рамин», «Кабус наме», труды Табари и Нершахи, приписываемую Омару Хайяму «Ноурузнаме», различные словари и др.), все же трудно судить в целом о характере материала, послужившего Хедаяту источником для его сборника. Садек Хедаят, к сожалению, не указывает, где и как собирались его материалы, хотя несомненно, что значительная их часть взята действительно из народной жизни. Несмотря на некоторые недостатки, книга Хедаята представляет значительный интерес, и опубликование ее перевода следует признать вполне оправданным. В предисловии Н. А. Кислякова следовало бы указать на то, что большое число различных суеверий и предрассудков, живущих до сих пор среди народов Ирана, связано с общественно-экономической и культурной отсталостью страны, с низким уровнем просвещения, с темнотой и приниженностью широких народных масс и что консервация этих предрассудков обусловлена засильем иностранного капитала и господством феодальных пережитков в Иране.

Перевод «Нейрангестана» дан Н. А. Кисляковым с сохранением 23 разделов книги почти полностью, за исключением незначительных сокращений и пропусков некоторых цитат. Перевод в общем сделан хорошо, но в отдельных случаях имеются неточности. Например, название раздела 12 «Аххам-е оуми» переведено «общественные установления», тогда как это значит «общие установления» или «общие предписания» (стр. 290). Название раздела 13 «Дастурха ва аххам-е амали» переведено «обычаи и практические действия», точнее же было перевести «обычаи и практические предписания». В некоторых случаях дается искаженная транскрипция персидских слов (так, на стр. 314, 317 переводчик почему-то пишет: «таарих» вместо «тарих»).

Вызывает возражение перевод некоторых названий птиц и биологических терминов, на что обратил наше внимание М. Г. Асланов. На стр. 308 Н. А. Кисляков переводит «сабиль» — «дрофа», тогда как следует перевести «стриж». На той же странице «качал» кергас он переводит «лысый коршун» вместо — «черный гриф» (стервятник). В ряде случаев персидское название птиц и биологических терминов вообще не переведено, хотя сделать это можно; например, на стр. 306 и 308 не переведено «сабз каба» (сизоворонка)¹, на стр. 303 — «кустарник харзахра» (олеандр)², на стр. 309 — «птица хак» (сова, филин)³ и «хомай» (скопа)⁴. Н. А. Кисляков не всегда дает в своих примечаниях необходимые пояснения (например, на стр. 290, сн. 143, не поясняется, что значит «Фалаке Ассаада», на стр. 329 — «Суди гарнаск», на стр. 330 — «писма Саламан и Абсалья» и др.). Но отдельные недочеты не могут умалить значения и ценности проделанной Н. А. Кисляковым работы по переводу и изданию «Нейрангестана» С. Хедаята.

В целом «Переднеазиатский этнографический сборник» нужно признать значительным вкладом в изучение культуры и быта народов Передней Азии. Вслед за томом «Народы Передней Азии» из многотомной серии «Народы мира» этот сборник является второй весьма полезной коллективной работой Института этнографии АН СССР о народах Передней Азии.

М. С. Иванов

Salinity and irrigation agriculture on Antiquity. Diyala Basin archeological Project. Report on essential Results. June 1. 1957 to June 1. 1958. 105 стр.

В 1957—1958 гг. археологами Ирака (Directorate General of Antiquities of Iraq) совместно с сотрудниками Восточного института Чикагского университета были проведены в Ираке комплексные археологические и почвенно-ботанические исследования древних ирригационных систем и поселений для выявления исторических причин запустения и засоления обширных территорий бассейна р. Дияла. В исследованиях, кроме

¹ См. S. Naim. New persian-english dictionary, т. 2, Tehran, 1936, стр. 20.

² См. Б. В. Миллер, Персидско-русский словарь, 2 изд., М., 1953, стр. 191.

³ См. «Фарханг-е амугзар», Тегеран, 1333, стр. 711.

⁴ См. S. Naim, Указ. раб., стр. 869 и 1202.

технических работников и вспомогательного аппарата, участвовали шесть научных сотрудников: археологи Торкхилд Якобсен, Фуад Сафар и Роберт Адамс, архитектор Мухаммед Али Мустафа, палеоботаник Ганс Гельбек и агроном Аднан Хардан. По вым исследованиям предшествовало обстоятельное знакомство с древними письменными источниками, преимущественно с документами хозяйственной отчетности различных исторических периодов, где упоминались факты засоления полей, характеристика сельскохозяйственных культур и т. п. Изучение исторической динамики ирригационных систем, размещения поселений в различные периоды, распространения и урожайности сельскохозяйственных культур, а также топографии ареалов засоления — проводили на основе сплошного археологического обследования, картографирования (с применением аэрофотопланов) и археологических раскопок отдельных объектов.

Рецензируемый отчет об этих работах содержит две части. В первой освещены общие вопросы условий засоления в Ираке (гл. I), история появления сельскохозяйственных культур и изменения их урожайности (гл. II, III), развитие процессов засоления (гл. IV), дается очерк древнего земледелия и ирригации (гл. V); вторая часть посвящена истории поселений на р. Дияля и их запустения (гл. VI) и описанию средней оросительной системы Нараван. К отчету приложены четыре схематические карты (в масштабе 1 : 250 тыс.), где показаны контуры древних ирригационных систем поселения различных периодов, а также ряд частных схем, планов и рисунков.

На основании изучения письменных источников и археологических памятников авторы пришли к выводу, что с 2400-х годов до н. э. на территории бассейна р. Дияля начался прогрессирующий процесс засоления, опустынивания, ухудшения качества по падения урожайности, который достиг наибольшей интенсивности в конце аббасидского периода (XIII в. н. э.). Основная причина запустения плодородных территорий, по мнению авторов, заключалась в процессах засоления почв (стр. 54, 67 и др.)¹. Вряд стоит доказывать ошибочность такого рода гипотез. Достижения современной археологической науки полностью подтвердили высказанное еще К. Марксом положение о социально-экономических причинах упадка древних ирригационных культур Востока. В частности, работы Хорезмской экспедиции выявили причины упадка и возрождения ирригационных систем Хорезма и позволили создать историческую схему развития ирригационной техники².

Нельзя сказать, чтобы авторы рецензируемого отчета полностью игнорировали значение социально-экономических и политических факторов. Во второй, специальной части отчета они признают, что в истории древнего Ирака периодически повторяющиеся разительные войны и чужеземные вторжения (гутеев, касситов и др.) отрывали людей от поддержания ирригационных систем, препятствовали развитию торговли, ремесла земледелия, нарушали нормальное функционирование оросительных систем и способствовали запустению, опустыниванию и засолению земледельческих территорий. Однако авторы не сделали попытки связать динамику ирригационной сети и развитие засоления почв с конкретной историей народов Ирака. Проследив в первой главе (на основании главным образом письменных источников) условия засоленности почв в античной Вавилонии, они выделяют два основных периода наиболее интенсивного засоления: 1) 2400—2100 гг. и 2) 1200—600 гг. до н. э. Если обратиться к истории Ирака, то окажется, что первый период совпадает с завоеванием и опустошением древних шумерских и аккадских городов варварами гутеями (2200-е годы до н. э.), эламитами амореями (2024 г. до н. э.). Второй период запустения в бассейне р. Дияля начался после заката Старовавилонского царства во II тысячелетии до н. э. в результате победительских походов эламитов, захвативших в 1200 г. до н. э. территорию по р. Дияля. Вавилонское царство испытало ряд жестоких ударов и с запада — со стороны Сирии, завершившихся в 689 г. до н. э. разрушением Вавилона.

Об этих весьма важных для истории земель древнего орошения фактах авторы довольно скупо сообщают лишь при описании динамики поселений на р. Дияля в конце работы (гл. VI), где трудно было избежать исторических экскурсов. Отнесение в самом конце описания исторических событий, определявших политическую и экономическую жизнь земледельческих оазисов, несомненно связано с основной концепцией авторов естественнo-исторических причин запустения древних оазисов.

К серьезным недостаткам первой главы и отчета в целом следует отнести весьма слабое, можно сказать не профессиональное, описание развития почвенных условий

¹ По мнению других американских исследователей — Дали и Картера (Оклаймский университет), основной причиной запустения Вавилонского оазиса явились процессы нарастания культурно орошаемых земель за счет наносов и затруднения в самом орошении. См. Tom Dail, Vernon Gill Carter, Topsoil and civilization, University of Oklahoma Press, Normann (1955), стр. 47.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, М., 1957, стр. 132.

³ См. С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 48—54; его же. Работы Хорезмской экспедиции 1949—1953 гг., Труды Хорезмской экспедиции, т. II, М., 1953, стр. 100—142; Я. Г. Гулямов, История орошения Хорезма с древнейших времен наших дней, Ташкент, 1957, стр. 7—17; С. П. Толстов, Б. В. Андрианов, Новые материалы по истории развития ирригации в Хорезме, «Краткие сообщения Ин-та этнографии», XXVI, М., 1957.

язын с процессами засоления. В составе экспедиции отсутствовал специалист-почвовед⁴, поэтому приведенный в отчете обширный литературный материал из античных источников не подкреплен почвенными данными полевого исследования. Как известно, почва представляет собой естественноисторическое тело (В. В. Докучаев), и ее морфология отражает все те условия, в которых она развивалась (растительность, климат, водный режим). Почвы, прошедшие окультуривание, навсегда сохраняют следы и некоторые особенности бывшей сельскохозяйственной деятельности, отличаются иным морфологическим строением и распространением солей. Почвенные шурфы и данные о современном вертикальном распространении гумуса, фосфора и солей дают представление о последовательном историческом развитии почв и хорошо увязываются с археологическим материалом. Поэтому полное решение проблемы «засоление и орошаемое земледелие в античном Ираке» — невозможно без естественноисторического анализа почвенных условий.

Если при решении основной задачи (см. гл. I и IV) сотрудники комплексной экспедиции допустили серьезные теоретические и методические ошибки, то в разработке отдельных частных вопросов ими достигнуты значительные успехи. Большую ценность представляет раздел «Полевые культуры в античности» (гл. II), написанный палеоботаником Г. Гельбеком и агрономом А. Харданом. Они провели исследование древних культурных злаковых растений путем радиоуглеродового анализа остатков, изучения печатков зерна в горшках и кирпичах, использовали описания в древних документах. Им привлечен обширный органический материал, характеризующий археологические памятники Сирии, южного, северного и центрального Вавилона, хранящиеся в музеях Загда, Лондона, Оксфорда и Берлина.

Хронологическая колонка, охватывающая памятники начиная от Хассуна (V тысячелетие до н. э.) и кончая Нимрудом (650—250 гг. до н. э.), является солидным основанием для общей археологической стратиграфии. Из описания видно, что древнейшие земледельцы периодов Ярмо (VI тысячелетие до н. э.), Хассуна (середина V тысячелетия) и Халафа (середина IV тысячелетия) сеяли двурядный ячмень, пшеницу и эммер, отдельные виды которых произрастали и в диком состоянии. В южном Ираке, где земледельческое освоение началось в обейдский период (около 4200-х годов до н. э.), первоначально возделывали ячмень и эммер. Постепенно, с развитием орошаемого земледелия, увеличивается состав культурных растений, появляются просо, пшеница, чеснок, лен и др. Привлекая древние письменные источники, авторы рисуют дальнейшее развитие полеводства вплоть до периода селевкидов (III в. до н. э.).

Третья глава отчета менее удачна. В ней авторы, используя тенденциозно подобранные сведения об урожайности полевых культур в различные исторические периоды античного Ирака, делают вывод о систематическом понижении урожайности. Специальные таблицы (стр. 36—40), где приведены выборочные и весьма случайные факты из разных источников, должны, по их мнению, служить обоснованием для основного теоретического вывода о деградации земледелия в связи с процессами засоления. Для изучения объективных закономерностей изменения урожайности в античности следовало бы привлечь данные о средних урожаях (по большому земледельческому территориям), но авторы такими сведениями не располагали. Поэтому их выводы вызывают большие сомнения.

Большой интерес, наряду со второй главой отчета, представляет пятая глава — «Земледельческая деятельность в античности». В ней очень удачно подобраны выдержки из древних шумерских и вавилонских документов, описывающих сельскохозяйственный цикл и особенности ирригационного земледелия в древнюю эпоху. Эти сведения представляют особенно большую ценность для истории орошаемого земледелия и заслуживают более подробного, чем это сделано в отчете, историко-сравнительного анализа, сопоставления с более поздними, средневековыми и современными данными.

Большой конкретный материал по древней технике орошения и истории ирригации в южном Ираке содержится в разделе «Ирригация» гл. V. Как и в Хорезме⁵, древние земледельцы Ирака вначале следовали за природой, обваловывая, спрямляя и регулируя естественные протоки (стр. 60, 70). Оросительные системы постепенно развивались из небольших региональных систем. Весьма характерно, что главные водные артерии — каналы и естественные протоки — имели у древних шумерийцев одно и то же название айд (id, стр. 60). Из письменных источников следует, что главные принципы самоводного орошения были открыты задолго до раннединастического периода (2500-е годы до н. э.), к которому эти документы относятся. Письменные источники сообщают также о размерах оросительных сооружений. В то время как главные водные артерии (видимо, вначале — естественные протоки) достигали в ширину 100 м и более, боковые ответвления и каналы, подающие воду непосредственно на поля, не превышали ширины 1,0—1,5 м (очевидно, между береговыми отвалами). Их глубина была от 0,5 до 2 м (стр. 60). В отчете довольно подробно описываются коллекторные (дренажные)

⁴ Сотрудники экспедиции ограничились консультацией со специалистом по почвам Ирака проф. Расселем и напечатали в отчете выдержку из его работы «Saline land management practices in Iraq (1950)» (см. рецензируемый отчет, стр. 67, 68). Из этого текста видно, что и проф. Рассел считает засоление одной из наиболее важных причин запустения культурных оазисов Ирака.

⁵ С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 45; Я. Г. Гулямов, Указ. раб., стр. 60

системы, указываются размеры полей, количество зерна, затраченного при вах, и т. п.

К недостаткам раздела «Ирригация» следует отнести полное отсутствие на полевые исследования древних и античных ирригационных систем⁶, а также вильную трактовку вопроса о развитии ирригации в античности (что, вероятно истекает из «литературного» метода изучения древней ирригации). По мнению созданные еще в глубокой древности оросительные системы мало видоизменял протяжении античности⁷. Материалы по древней мелиорации Хорезма свидетельствуют, о прогрессивном развитии ирригационной техники и дают возможность следить этап за этапом последовательное развитие оросительных систем от их дения в эпоху первобытности вплоть до современности. Нет сомнения, что аналог процессы постепенного совершенствования ирригации происходили и в Месопотамии древнейшем центре орошаемого земледелия.

Во второй части отчета описывается топография поселений и главных бассейна р. Дияла в различные исторические периоды, начиная от обейдского и раннесредневековым аббасидским. Текст иллюстрируется подробными археологическими картами, которые являются результатом обширных археолого-топографических изысканий большого коллектива археологов и представляют сами по себе значительную научную ценность. Сотрудники экспедиции провели сплошное археологическое исследование бассейна р. Дияла. При датировании археологических памятников оросительных систем ими широко использовалась стратиграфическая таблица керамики опубликованная в приложении XXV (стр. 84а), разработанная Р. Адамсом и Т. Сеном.

Заканчивая нашу рецензию, необходимо отметить, что серьезные теоретические методические ошибки, допущенные авторами, заставляют относиться к их выводам области практической мелиорации в бассейне р. Дияла с очень большой осторожностью. Эти материалы требуют тщательной проверки на месте. Однако нельзя не признать, что сотрудники экспедиции проделали большую полевую археологическую и камеральную работу. Собранный ими конкретный материал представляет значительную научную ценность. Это прежде всего касается результатов археолого-топографических исследований, опубликованных в виде четырех археологических карт и текстов во второй части отчета (гл. VI).

В своем отчете авторы совершенно справедливо подчеркивают чрезвычайно важное практическое значение определения времени запустения различных участков древнего орошения. Прежняя сельскохозяйственная деятельность в значительной степени определяла направление процессов опустынивания и засоления почв и должна учитываться в современной хозяйственно-мелиоративной практике. Опыт комплексных археологических и естественных исследований Хорезмской экспедиции Академии наук СССР, а также Восточного института Чикагского университета и археологической службы Ирака показывает, что широкое мелиоративное строительство должно сопровождаться полевыми и камеральными археологическими исследованиями специалистов по археологической топографии, археологов, историков (специалистов по различным периодам древней истории) и почвоведов.

В наше время, когда широко развернулись мероприятия по восстановлению и освоению земель древнего орошения не только в Советском Союзе, но и в странах ближнего Востока, в частности в Ираке, использование археологических данных в мелиоративном строительстве может быть особенно эффективным.

Б. Андреев

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Народы Америки, I. Народы Северной Америки. Под редакцией А. В. Ефимова и С. А. Токарева (Серия «Народы мира». Под общей редакцией С. П. Толстова). М., 1959.

В 1959 г. вышли в свет два тома «Народы Америки». Первый том посвящен народам Северной Америки. Коллектив Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Академии Наук СССР проделал большую и полезную работу. Читатели найдут в нем лучший обобщающий труд по истории и этнографии народов Северной Америки, написанный на основе марксистско-ленинской методологии.

В предисловии к книге указывается, что составители ее поставили перед собой задачу осветить «...процессы колонизации Америки, формирования и дальнейшего развития наций, судьбы индейцев и эскимосов под воздействием колонизации и развития капитализма, их современное положение в капиталистической Америке. Том содержит

⁶ В конце отчета (стр. 85 и сл.) приводятся очень интересные результаты полевых исследований средневековой ирригационной системы на р. Дияла — Нараван.

⁷ Это ошибочное мнение распространено и у некоторых советских историков (см. «Всемирная история», т. I, М., 1955, стр. 194, 195).

материалы о современном этническом составе населения обеих Америк и о жизни и культуре племен, народов, наций и классов, их составляющих» (стр. 5). В томе также «показан вклад народов Америки в историю, в развитие культуры, показана их борьба за существование, достойное человека, против национальной и расовой дискриминации и за гражданское и социальное равноправие, против классового угнетения, за свободу, мир, демократию и социализм» (стр. 5—6).

Знакомство с первым томом «Народы Америки» показывает, что авторский коллектив Института этнографии неплохо справился с поставленной перед собой задачей. Читатель получает доброкачественный и интересный материал, посвященный быту и нравам народов США, Канады, Гренландии. Он может проследить, как исторически складывались некоторые из современных буржуазных наций.

Вводная часть первого тома посвящена происхождению коренного населения обеих Америк, языку и письменности живущих там народов, историко-этнографическим областям американского континента, основным этапам его истории в новое время.

Тщательное изучение всех данных современной науки о происхождении коренного населения Америки приводит автора соответствующего раздела (Г. Ф. Дебен) к следующим выводам:

1. Америка не входила в область прародины человека.
2. Америка заселялась человеком современного вида (*Homo sapiens*).
3. Уровень культуры древнейших насельников Нового Света соответствовал мезолитическим или позднепалеолитическим культурам Европы.
4. Геологически время переселения человека в Америку соответствует концу ледниковой эпохи, т. е. переселение произошло 30—20 тыс. лет тому назад...
5. Подавляющее большинство коренного населения Америки антропологически находится в наиболее близком родстве с монголоидами...
6. Путем, которым предки индейцев (включая и южноамериканских) проникли в Америку, была область Берингова моря» (стр. 23—24).

С большим интересом читаются страницы, посвященные языкам и письменности коренного населения Америки. Авторы этих страниц (С. А. Токарев, Е. Э. Бломквист, Ю. В. Кнорозов), изучив многочисленные исследования по этнографии Америки, за основу классификации языков ее коренного населения приняли схему известного ученого Сэпира. Схема сводит эти языки к следующим группам родственных языков больших семейств: эскимосско-алеутская, алгонкинско-вакашская, сну-хока, на-дене, пенути, таньо-юто-ацтекская. Каждая из этих групп делится на подгруппы. Авторы данного раздела уделяют много места классификации языков Мексики, Центральной и Южной Америки. Одновременно они подробно останавливаются на характеристике письменности древних высоко цивилизованных народов Америки — майя, сапотеков, ольмекков, кечуа и аймара, — пользовавшихся иероглифическим письмом, «которое, в отличие от пиктографического (рисунчатого) письма, передает звуковую речь» (стр. 42).

В разделе о письменности коренных народов Америки Ю. В. Кнорозов, известный исследователь письменности майя, прослеживает результаты работы в этой области ученых разных стран. Он показывает сходство между языками майя, сапотеков и ольмекков, характеризует древнеперуанское письмо — килька, пиктографию племен куна (Панама), делаваров, дакота и др.

В настоящее время в США и во многих странах Латинской Америки создана письменность для ряда индейских языков. Однако до сих пор значительная часть индейцев остается неграмотной. Что касается владеющих грамотой индейцев, то правительственные чиновники и миссионеры заинтересованы снабжением их преимущественно книгами религиозного содержания. Классики мировой литературы не переводятся на индейские языки. Принимаются все меры, чтобы ограничить возможность получения образования даже наиболее способной частью индейского населения США и латиноамериканских стран.

Раздел об историко-этнографических областях Америки, написанный С. А. Токаревым, показывает, что к началу усиленной европейской цивилизации в Северной, Центральной и Южной Америке сложились следующие основные историко-этнографические области: 1) арктических морских охотников, 2) оседлых рыболовов Северо-Западного побережья, 3) собирателей Калифорнии, 4) северных лесных охотников, 5) земледельцев восточных и юго-восточных областей Северной Америки, 6) охотничьих племен тропиков, 7) племен юго-западных штатов Северной Америки с различными типами хозяйства, 8) народов высоких культур Центральной Америки, 9) земледельческих и охотничьих племен бассейнов Ориноко и Амазонки, 10) охотничьих племен южноамериканской пампы, 11) охотничье-рыболовческих племен Огненной Земли. Автор останавливается на характеристике этих одиннадцати историко-этнографических областей, которые сложились в разные эпохи и были связаны «с определенными условиями географической среды, с господствовавшим направлением хозяйства и с историческими условиями» (стр. 62). Одновременно автор объясняет причины значительного отставания в развитии производительных сил, общественного строя и культуры коренного населения Америки от народов Старого Света к моменту вторжения европейских завоевателей в Западное полушарие.

Последняя часть введения, написанная А. В. Ефимовым, дает краткий обзор основных этапов истории Америки в новое время. Автор показывает, что в истории Америки

необходимо различать два периода: «Первый начался, когда Америку впервые открыли заселили люди, пришедшие, по всем данным, из Азии, частью, возможно, Азию,— из Океании. Новейшие данные позволяют датировать это событие двумя десятками тысяч лет до нашей эры. Начальным рубежом второго периода является вторичное открытие Америки в конце XV в. из Европы — Христофором Колумбом и его спутниками. Но если в первый раз Америка была открыта как ненаселенный континент, то вторично Америку открыли уже как населенную часть света» (стр. 6).

Глава I (авторы — Е. Э. Бломквист, И. А. Золотаревская, Б. А. Липшиц) посвящена вопросам завоевания и колонизации Северной Америки, а также Русской Аляске. Глава дает довольно полное, особенно в первой своей части, представление основных этапов колонизации, в процессе которой складывались новые этнические звонания, показывает роль индейского населения в формировании культуры европейских колоний, судьбу индейских племен.

Для советского читателя особый интерес представляют страницы 98—104, посвященные Русской Америке; она включала в свое время Аляску, Алеутские острова и колонию Росс, расположенную на берегу залива Румянцев в Калифорнии. Авторы описывают жизнь коренного населения этой области и характеризуют быт и нравы русских поселенцев, среди которых были беглые крепостные, разорившиеся ремесленники, ссыльные и другие демократические элементы. В отличие от английских, ирландских, французских и других колонизаторов, русские поселенцы устанавливали с соседскими отношения с коренным населением. К сожалению, авторы первой главы уделяли мало места характеристике быта и нравов населения этой области.

Самый большой раздел тома (главы 2—11), посвященный коренному населению Северной Америки, представляет значительный научный интерес. Здесь собран богатый материал, освещаемый с позиций марксистско-ленинской науки. В главах «История индейских эскимосов», «Алеуты», «Индейцы Северо-Западного побережья», «Индейцы Юго-Запада», «Племена Калифорнии и Большой бассейн», «Ирокезы» и др. рассматриваются и трактуются на конкретном материале такие вопросы общесоциального значения, как переход от матриархата к патриархату в обществах с высокородством, влияние охоты или морским рыболовством, влияние колонизации на общественный строй и культуру остальных народов и многие другие.

С большим интересом читаются страницы каждой главы, трактующие проблемы происхождения, языка, материальной культуры, общественного строя, религии верований и различных сторон духовной культуры индейских племен, населяющих отдельные историко-этнографические области. Освещая эти вопросы, авторы исследовали все то, что известно в настоящее время в результате исследований не только советских ученых, но и этнографов и археологов других стран. Понятно, что многие вопросы до сих пор остаются нерешенными или спорными. Так, до сих пор не решен вопрос об этногенезе алеутов. Большинство современных исследователей считает, что алеуты пришли на острова из Америки, а не из Азии. Нерешенным остается и вопрос откуда пришли предки ирокезов на северо-восток США.

Огромный интерес для советских читателей и для марксистски образованных людей других стран представляют страницы, посвященные общественному строю ирокезов (авторы — Ю. П. Аверкиев, Е. Э. Бломквист). Исследования ирландца Л. Г. Морганом, как известно, были положены в основу работы Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», являющейся величайшим в своем роде сочинением марксизма. Авторы подробно излагают историю возникновения союза ирокезских племен. Опираясь на работу Ф. Энгельса, они показывают, как развитие родового строя приводит к тому, что «из организации племен для свобод регулирования своих общественных дел он превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей...»¹. И действительно, как указывают авторы, ирокезы удались к началу XVIII в. в результате непрерывных войн покорить индейские племена на территории современных штатов Нью-Йорк, Делавэр, Мэриленд, Нью-Джерси, Пенсильвания, Огайо, Кентукки и др., а также в провинциях Онтарио и Квебек в Канаде.

Создание индейской державы не могло не привести к изменениям внутри ирокезского общества. Появилось рабство. В роде начали выделяться богатые и бедные. «Все это,— как пишут авторы,— свидетельствует о том, что в недрах ирокезского общества уже нарастали противоречия, ведущие к разложению первобытно-общинного строя» (стр. 213).

Авторы главы II (И. А. Золотаревская и Ю. П. Аверкиев) уделяли немало внимания современному положению индейцев и эскимосов Северной Америки. Читатель знакомится здесь с политикой правительства США и Канады в отношении индейцев, которые были насильственно загнаны в резервации и вынуждены владеть жалким существованием. В индейских резервациях, указывают авторы, усиливается процесс слияния родственных по культуре и языку групп. В ряде случаев, когда индейцы живут в тесном окружении американского населения, идет процесс американизации. Особенно это относится к ирокезам, быт которых в значительной степени американизирован.

Юридически все индейцы с 1924 г. считаются гражданами США. Фактически в ряде штатов (Нью-Мексико, Аризона, Калифорния и др.) власти принимают меры

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, М., 1950. стр. 170.

лишающие индейцев избирательных прав. Как и негры, мексиканцы и филиппинцы, индейцы подвергаются дискриминации во всех областях хозяйственной, общественной и культурной жизни. Ограбив земли индейцев и загнав их в специальные резервации, правящие круги США создали для них тяжелые экономические условия существования. В результате «среди индейцев широко распространены болезни, вызываемые недостаточным питанием (пеллагра, желудочные и другие заболевания). При таких тяжелых экономических условиях не удивительно ни большая смертность среди индейцев, ни обилие болезней, свирепствующих в резервациях... Смертность от туберкулеза среди индейцев в несколько раз выше, чем по всей стране. В 60 % случаев причиной смерти индейцев, эскимосов и алеутов Аляски является туберкулез. Страшным бедствием индейских резерваций до сих пор остается трахома: 30% навахов заражено этой болезнью...» (стр. 323—324).

Три большие главы (12—14) рецензируемого тома посвящены более позднему населению США — американцам, канадцам, неграм и национальным меньшинствам. Попытка авторов (И. А. Золотаревская и Е. Э. Бломквист) дать этнографическую характеристику современных буржуазных наций США представляется весьма интересной и полезной. В советской исторической и этнографической литературе до сих пор таких описаний не появлялось. Надо сказать, что и в американской литературе общие сводные работы, которые давали бы комплексное освещение образа жизни этих народов, также отсутствуют.

При этнографической характеристике развитых народов большую помощь оказывает изучение прогрессивной литературы страны, ее периодической печати, кино и проч. Эту литературу использовали авторы глав, посвященных крупным североамериканским народам, что прежде всего относится к этнографическому очерку о неграх США. Заслуживает одобрения стремление авторов этих глав связать этнографическую характеристику народов с экономической и политической жизнью страны. Экономический анализ, хотя и занимает в работе по этнографии подчиненное положение, все же показывает основу, на которой развивались те или иные явления культуры и быта народа.

При всех достоинствах этих глав нельзя не отметить и отдельные их недостатки. Так, в характеристике экономического положения США после второй мировой войны авторы не касаются быстро развивающихся тенденций государственного капитализма (уже в 1948 г. государственная собственность в США составляла 27,3%). Слабо освещены вопросы расширения военного производства, разбухания государственно-бюрократического аппарата и усиленного использования крупными монополиями государства как орудия обеспечения высоких прибылей. Если до второй мировой войны в административном аппарате США было занято 1076 тыс. чел., то в 1954 г. на государственной службе в США, включая вооруженные силы, находилось 7245 тысяч. Милитаризация экономики, рост военных расходов, разбухание военно-чиновничьего аппарата, увеличение налогов и т. д. — не могли не повлиять на быт и нравы широких народных масс.

Слабо освещены в указанных главах вопросы рабочего движения. Страницы, посвященные «индейской политике» США (стр. 369—371), более целесообразно было бы поместить в главах, трактующих проблемы коренного населения США.

Авторы хорошо справились с освещением основного вопроса — о формировании американской нации из этнически разнородных элементов. Читатель знакомится с историей отдельных национальных групп, с некоторыми чертами культуры и быта американцев, с положением жителей сельских мест, религиозными верованиями, системой образования, литературой, фольклором, музыкой, кино и т. д.

Большой раздел, посвященный неграм США, написан ярко и читается с большим интересом. Он дает богатый фактический материал по вопросам истории, быта и нравов негров, особенно их духовной жизни. Ряд страниц посвящен вкладу негров в культуру американской нации. Искусство негритянского народа автор (В. П. Мурат) справедливо характеризует как искусство, которому присущи глубокая эмоциональность, искренность и богатство красок и образов.

В борьбе против дискриминации негров большую работу проводит Коммунистическая партия США. На последних ее съездах (XVI и XVII) была выработана конкретная программа борьбы за первоочередные и насущные требования негритянского народа, прежде всего за полное равноправие с белыми во всех областях экономической, политической и культурной жизни США.

Особый раздел в томе посвящен национальным меньшинствам — мексиканцам, пуэрториканцам, филиппинцам, китайцам, японцам и другим «цветным» народам (автор — И. А. Золотаревская). Национальные меньшинства живут отдельными компактными группами, терпят двойной — классовый и национальный — гнет, ограничены в гражданских правах и часто искусственно изолированы от трудящегося белого населения. В известной мере национальные меньшинства сохраняют быт и нравы той страны, откуда они прибыли.

В главе 13 — о современном населении Канады — собран большой фактический материал, характеризующий исторический процесс формирования двух самостоятельных наций — англо-канадской и франко-канадской. Кроме этих двух основных наций, в Канаде проживают различные национальные группы — иммигранты из стран Европы и Азии и их потомки (они составляют около 20% населения). Среди них численность славян достигает 1 млн. чел., немцев — свыше 600 тыс., скандинавов — 283 тыс.

голландцев 264 тыс. и т. д. Авторы главы (Ю. П. Аверкиева и Е. Э. Бломквист) описывают особенности французской Канады, быт и нравы франко-канадцев, их культуру и влияние на общее развитие страны. Подробно описаны провинции, в которых преобладающее влияние имеют англо-канадцы; охарактеризованы их бытовые и культурные черты и т. д.

Последняя глава книги (автор — Е. П. Орлова) посвящена населению Гренландии. В ней дан исторический обзор заселения и колонизации острова, описываются занятия, быт и культурное развитие его современного населения.

Коллектив Института этнографии, как уже было сказано, проделал большую и весьма полезную работу. Авторы отдельных глав использовали не только результаты исследований советских этнографов и археологов, но и ценные данные буржуазных ученых. В то же время они подвергли критике лживые теории, и в первую очередь расистские бредни, содержащиеся в монографиях некоторых исследователей из капиталистических стран и в текущих буржуазных журналах по этнографии, археологии и социологии.

Работа «Народы Америки» безусловно является вкладом в советскую историческую науку и вызовет большой интерес не только у специалистов-историков, но и у широких кругов читателей.

Л. И. Зубо

СОДЕРЖАНИЕ

К 90-летию со дня рождения В. И. Ленина

Полнота ленинских идей	3
А. Жданко (Москва). Ленинская национальная политика на новом историческом этапе (К проблеме развития социалистических наций Средней Азии на пути к коммунизму)	7
П. Потапов (Ленинград). Задачи этнографического исследования народов Сибири в свете учения В. И. Ленина по национальному вопросу	21

Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР

Белицер и Т. Смирнова (Москва). К 30-летию Мордовской АССР	34
А. Александров (Москва). Русское жилище в Восточной Сибири в XVII — начале XVIII века	44
В. Шипунова (Ленинград). Народное искусство коми (Узорное тканье, вязанье, вышивка)	57

Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран

А. Фадеев (Москва). Проблема происхождения культуры Зимбабве	71
--	----

Вопросы этногенеза, палеоэтнографии и исторической этнографии

А. Лившиц (Ленинград). Согдийский посол в Чаче (Документ А-14 с горы Муг)	92
А. Трофимова (Москва). Основные итоги и задачи палеоантропологического изучения Средней Азии	110

Народы мира

Информационные материалы

Д. Дридзо (Ленинград). Население Кубы	111
---------------------------------------	-----

Сообщения

Б. Рождественская (Москва). К вопросу о судьбах художественных промыслов РСФСР (Подносный промысел Нижнего Тагила)	136
И. Файко (Якутск). Об усовершенствовании кочевого жилища народов Севера	144
Еремеев (Москва). Изучение этнографии в современной Турции	151
Д. Тумаркин (Ленинград). Новые архивные материалы о гавайцах	158

Хроника

А. Александров (Москва). Работа Института этнографии АН СССР в 1959 году	161
Е. Гусев (Ленинград). Опыт изучения современного состояния народного творчества	167
Н. Колпакова (Ленинград). На Мезени	171
С. Бажкович (Ленинград). Выставка «Современное украинское искусство» в Государственном музее этнографии	174
Е. Тугутов (Улан-Удэ). Этнографическая экспозиция в Барагханском сельском краеведческом музее	175
Н. Захарова, Р. Ходжаева (Алма-Ата). Состояние и задачи изучения этнографии Казахстана	180

Критика и библиография

Народы СССР

С. Литвин (Ленинград). В. П. Аникин. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор	184
Ж. Ш. Дондуков (Улан-Удэ). М. П. Хамаганов. Очерки бурятской афористической поэзии	186

Народы зарубежной Европы

Я. Порицкий (Киев). «Slovenský národopis»	187
---	-----

Народы зарубежной Азии

С. Иванов (Москва). Переднеазиатский этнографический сборник	190
А. Андрианов (Москва). Salinity and irrigation agriculture on Antiquity	195

Народы Америки

И. Зубок (Москва). Народы Америки. I. Народы Северной Америки	198
---	-----

SOMMAIRE

Pour le 90-me anniversaire de W. I. Lénine

Triomphe des idées de Lénine

T. A. Jdanko (Moscou). La politique nationale de Lénine à une nouvelle étape historique (Sur le problème de l'évolution des nations socialistes de l'Asie Centrale vers le communisme)

L. P. Potapov (Léningrad). Les problèmes des études ethnographiques sur les peuples de Sibérie à la lumière de la théorie de Lénine sur la question nationale

Matériaux et recherches sur l'ethnographie et l'anthropologie de l'U.R.S.S

V. Bélitzet et T. Smirnova (Moscou). Pour le 30-me anniversaire de l'U.R.S.S. Mordouane

V. A. Alexandrov (Moscou). Les demeures russes en Sibérie Orientale au XVIIIe — commencement du XVIIIe siècle

G. V. Chipounova (Léningrad). L'art populaire des Komis

Matériaux et recherches sur l'ethnographie et l'anthropologie des pays étrangers

L. A. Fadéev (Moscou). Le problème de l'origine de la culture Zimbabwé

Problèmes d'ethnogenèse, de paleoethnographie et d'ethnographie historique

V. A. Livchitz (Léningrad). L'ambassadeur sogdien à Tchatcha (Document A-14 du mont Moug)

T. A. Trofimova (Moscou). Les principaux résultats et les problèmes des études paleoanthropologiques de l'Asie Centrale

Peuples du Monde

Matériaux d'information

A. D. Dridzo (Léningrad). La population de Cuba

Communications

S. B. Rojdestvenskaïa (Moscou). A propos du sort des métiers artistiques en R.S.F.S.R. (L'industrie artisanale de plateaux à Nijni Taguil)

L. I. Faïko (Yakoutsk). Du perfectionnement des demeures des peuples d'Extrême Nord

D. Eréméïev (Moscou). Études ethnographiques en Turquie d'aujourd'hui

D. D. Toumarkine (Léningrad). Nouvelles données d'archives sur les Hawaï

Chronique

V. A. Alexandrov (Moscou). Travaux de l'Institut d'Ethnographie de l'Académie des Sciences de l'U.R.S.S. en 1959

V. E. Goussév (Léningrad). Essai d'études de l'état du folklore d'aujourd'hui

N. Kolpakova (Léningrad). Sur la Mézen

A. S. Béjkovitch (Léningrad). L'exposition «L'art ukrainien d'aujourd'hui» au Musée ethnographique d'État

I. E. Tougoutov (Oulan-Oudé). Exposition ethnographique du Musée villageois à Baragkhan

I. Zakharova, R. Khodjaïeva (Alma-Ata). L'état actuel et les problèmes des études ethnographiques du Kazakhstan

Critique et Bibliographie

Peuples de l'U.R.S.S.

E. S. Litvine (Léningrad). V. P. Anikine. Rousskié narodnié poslovitzi, pogovorki, zagadki i detsky folklor (Les dictons, les proverbes, les énigmes russes et le folklore enfantin)

Ou. J. Ch. Dondoukov (Oulan-Oudé). M. P. Khamaganov. Otcherki bouriatskoy aforisticheskoy poésii (Précis de poésie aphoristique bouriate)

Peuples de l'Europe étrangère

A. J. Poritzky (Kiev). «Slovenský Národopis»

Peuples de l'Asie étrangère

M. S. Ivanov (Moscou). Pérédnéasiatsky ethnographichesky sbornik (Recueil ethnographique sur l'Asie Occidentale)

B. Andrianov (Moscou). Salinity and irrigation agriculture on Antiquity

Peuples de l'Amérique

L. I. Zoubok (Moscou). Peuples de l'Amérique, I. Peuples de l'Amérique du Nord